Гр. Гринько

На очередные темы работы по пятилетке[1]

Работы по пятилетке продолжают оставаться в центре внимания плановых органов СССР и продолжают привлекать к себе все нарастающее внимание широких общественных кругов. В этом нарастании глубоко общественного интереса к ответственнейшим и труднейшим проблемам перспективного планирования нет ничего удивительного. Прежде всего, быстро движется к концу срок, назначенный для завершения работы. Но не только в этом дело. Толчок, данный директивами XV с'езда, только теперь по настоящему дошел на места и всколыхнул все организации, в той или иной мере связанные с хозяйственной работой, а следовательно, и с работой по проектированию нашего экономического будущего. С другой стороны, ряд хозяйственных затруднений текущего года и ряд вскрытых активных выступлений классовых врагов, направленных на подрыв самих основ нашего хозяйственного развития (Шахтинское дело) заставил не только партию, но и широчайшие круги беспартийной советской общественности еще ближе, еще глубже заняться проблемами пятилетнего плана.

Со времени XV с'езда партии и со времени III с'езда плановых органов, имевшего место в начале марта текущего года и наметившего основные организационно-методологические указания для работы по пятилетке, в связи с директивами XV с'езда, сделан новый значительный шаг на пути к построению пятилетки. О характере и результатах этой работы и идет речь в дальнейшем.

1. Характер и значение майских директив

III с'езд плановых органов считал невозможным ограничиться на данном этапе работы лишь организационно-методологическими указаниями, он счел необходимым, в развитие предшествовавших материалов по пятилетке и в развитие директив XV с'езда партии дать республикам и союзным организациям ряд основных экономических директив, которые обеспечивали бы максимальное единство работы над пятилеткой по всей линии планового фронта. Эта работа была возложена на Союзный Госплан следующим постановлением III планового с'езда: „Госплан СССР, в целях внесения максималь-

[1] В основу этой статьи лег доклад автора, сделанный в Президиуме Госплана СССР 12 мая с. г. от имени Центральной комиссии по перспективному плану.

ного единства в проектирование как планов республик и союзных ведомств, так и элементов плана, которые зависят от развития народного хозяйства в целом и от общей установки экономической политики (темп роста производительных сил, динамика цен и ценностные соотношения, политика заработной платы, налоговая политика и т. д.), дает между 15 апреля и 1 мая соответствующие предварительные директивы и конкретные задания госпланам союзных республик и союзным ведомствам".

Нечего говорить, какой сложной и трудной оказалась эта задача. Для Союзного Госплана было сразу же ясно, что сколько-нибудь удовлетворительное ее разрешение может быть лишь в том случае, если на этой работе будут сплочены силы всех союзных плановых организаций, больше того, если удастся вызвать их инициативную напряженную работу в этом направлении. Работа в Госплане СССР в течение апреля и первой половины мая полностью обеспечила этот организационный сдвиг, эту организационную предпосылку. Опираясь на директивы XV с'езда, союзные наркоматы (ВСНХ, НКПуть, НКТорг, НКТруд, НКФин) и ряд союзных организаций развернули живую и энергичную работу по подготовке майских директив в целях просмотра всех возможностей и путей для ускорения темпа нашего хозяйственного роста в ближайшее пятилетие и для повышения социалистического качества нашего экономического строительства. Впервые за весь период большой плановой работы плановые организации наркоматов оказались так тесно сплоченными вокруг Госплана и развернули перед ним не только конечные продукты своей работы, но и всю ее лабораторию, все ее рабочие подготовительные стадии. Этим самым Госплан СССР стал не только источником плановых директив для союзных наркоматов (а также республиканских и областных плановых органов), но и тем центром взаимной информации всех плановых органов страны, который обеспечивал здоровый взаимный обмен опытом, идеями и расчетами между всеми звеньями сложной плановой организации нашего экономического управления.

Без всякого преувеличения можно сказать, что только благодаря этому, только опираясь на этот сплоченный фронт работы, удалось в весьма короткий срок подготовить для республик и областных плановых органов обширный ряд материалов, который при всем своем предварительном и условном характере несомненно должен оплодотворить их работу и облегчить им ориентировку в труднейших проблемах перспективного плана. Каков же характер этих материалов?

Предварительный расчет и изыскания всей системы центральных плановых органов (Госплана и наркоматов) сделали возможным уже на данной стадии работ предложить на всестороннее рассмотрение всех заинтересованных организаций: а) общие программные указания в области реконструкционных работ и нового строительства в важнейших отраслях народного хозяйства; б) сопровождающие их предварительные и, разумеется, совершенно ориентировочные прикидки роста материального производства, качественных сдвигов в нем, примерного масштаба потребности в капитальных затратах и их эффективности, а также важнейшие моменты политики труда, финансов и т. п.

Нужно со всей категоричностью и решительностью подчеркнуть, что все цифровые и количественные показатели этих директив оказалось возможным дать лишь в виде иллюстрации намечаемых темпов реконструкции, нового строительства и качественных сдвигов в народнохозяйственном развертывании СССР без всякой их балансовой увязки и без надлежащей соразмерности в развитии отдельных отраслей народного хозяйства. Было бы величайшей и вреднейшей для всего дела перспективного планирования ошибкой, если бы эти предварительные указания стали бы в республиках и среди хозяйственных организаций Союза догматически усваиваться в качестве надежной и твердой основы для разрисовки плановых узоров в отдельных отраслях хозяйства. Это было бы наихудшим способом использования разработанных ныне материалов, прямо противоположным тому, для которого они предназначаются. Все эти материалы должны стать предметом самого критического и придирчивого анализа со стороны плановых органов союзных республик и областей, со стороны многочисленных хозяйственных организаций и научно-исследовательских институтов, со стороны самых широких кругов советской общественности. Заложенные в них программы реконструкции являются целевым заданием, осуществимость и реальность которого нужно всесторонне и надежно доказать.

Как известно, одним из крупных недостатков всей предшествующей работы по перспективным планам было то, что эти плановые прикидки не были выражены в районном разрезе, что они не вскрывали того разделения народнохозяйственного труда между отдельными экономическими районами, которое намечается. Со времени XV с'езда ВКП (б) особенно настойчивыми стали усилия сломать эту инерцию центрального планирования и обеспечить построение союзного плана в районнам разрезе. В частности, III с'езд плановых органов в своих организационно-методологических указаниях уделил этому вопросу большое внимание. Наконец, он специально заслушал итоги восстановительного периода народного хозяйства СССР по районам и доклады о перспективах хозяйственного развития отдельных районов, имея в виду подвести некоторую базу под дальнейшую работу по районному выявлению общесоюзных экономических перспектив. В соответствии с этим общим устремлением, публикуемые ныне Госпланом материалы впервые дают все важнейшие элементы (программа развития сельского хозяйства, перспективы промышлен-

ного развития в целом и важнейших отраслей промышленности, план транспортного строительства) в развернутом районном разрезе. Это обстоятельство имеет огромное значение для всей дальнейшей работы перспективного планирования. Именно на основе этих материалов смыкаются воедино силы Союзного Госплана не только с плановыми органами союзных наркоматов, но и с плановыми органами республик и областей, которые получают возможность активно участвовать во всем ходе разработки перспективного плана, поскольку все рабочие материалы к нему даются в районном разрезе и, следовательно, доступны для критического анализа и оценки со стороны республиканских и областных плановых организаций. Нечего говорить, что представляется задачей первостепенной важности всесторонний тщательный анализ того разделения труда между экономическими районами страны в решающих отраслях народнохозяйственного строительства, которое заложено в разработанных ныне материалах и которое должно отвечать на актуальнейшие вопросы не только хозяйственные, но и политические, военно-стратегические, национального строительства и т. д.

Теперь уже не может быть оправданий пассивности отдельных областных политических и хозяйственных организаций к работам по перспективному плану, ибо им предлагаются материалы не только в общесоюзной трактовке, не всегда доступной их анализу, но и, в основном, в районном разрезе, обеспечивающем им возможность активного участия в подготовительных работах к решению ответственнейшей задачи построения перспективного плана.

XV с'езд ВКП (б) особенно подчеркнул необходимость всестороннего и полного учета нужд обороны страны в наших перспективных ориентировках. Под этим углом зрения тщательно анализировались все разворачиваемые в майских директивах Госплана материалы. Несомненно, они намечают новый шаг вперед в проектировании значительного повышения обороноспособности нашей страны. Но этим дело не может исчерпаться. Проблемы подготовки страны к возможным вооруженным нападениям со стороны капиталистического мира еще требуют своего всестороннего и надежного анализа.

Эти предварительные замечания нужно иметь в виду при оценке майских материалов и директив к работам над перспективным планом. Нужно твердо помнить, что это не законченная система экономических показателей, не сведеный план, а лишь рабочий этап на пути к этому плану. Только в таком виде и может быть использован этот материал, но в таком виде он представляет значительный шаг вперед в нашей работе перспективного планирования.

2. О возможном росте материального производства

В соответствии с решением XV с'езда ВКП (б) все разработанные материалы и директивы исходили из задачи „продолжать неослабным темпом политику социалистической индустриализации" и одновременно из необходимости найти меры „для усиления под'ема сельского хозяйства" на пути энергичного подчинения крестьянского хозяйства государственному и коллективному началу. Произведенные за последнее время расчеты в основных отраслях народного хозяйства, правда, еще не подвергшиеся балансовой увязке, представляют возможность наметить на важнейших участках нашего хозяйственного строительства несколько более крупные темпы роста материального производства, нежели это намечалось даже по так называемому оптимальному варианту пятилетки. Вот именно к этим расчетам, к этим предпосылкам и условиям дальнейшего роста материального производства и должно быть направлено острое критическое внимание всех плановых организаций.

По изысканиям ВСНХ, доложенным Госплану и опубликованным в № 97 „Торг.-Пром. газеты", оказывается возможным предполагать прирост промышленной продукции за пять лет—1927/28—1932/33 гг.—на 135%, т.-е. задать больше чем удвоение промышленного производства в пятилетие при почти удвоении основного капитала промышленности (9,2 мрд. капитальных вложений за тот же период). Достаточно сформулировать такую задачу, чтобы понять, перед какого масштаба работой и напряжением стоим мы в ближайшее пятилетие. И здесь речь идет не только, или даже не столько, о материальном напряжении, которое связано для страны с столь крупными инвестициями в промышленности. Быть может, здесь более трудными окажутся проблемы организационно-технические, связанные с столь большим, небывалым темпом промышленного развертывания страны. Достаточно указать для примера, что только программа металлургии связана с доведением выплавки чугуна до 7,6 млн. тонн к концу пятилетия, т.-е. с получением частично уже продукции от 3 новых крупных металлургических заводов (Тельбесс, Магнитная гора, Кривой Рог), которые должны быть пущены в ход на ряду с крупной реконструкцией и переоборудованием всех существующих предприятий металлургии. Это дело связано с форсированным темпом развертывания тяжелого машиностроения, цветной металлургии и многочисленными видами специального машиностроения, в области которого мы в настоящий момент делаем лишь начальные и, понятно, весьма неуверенные шаги.

ВСНХ представил на суд плановых органов и советской общественности эту по настоящему большую программу промышленного строительства в достаточно развернутом (отраслевом и районном) виде и с конкретным планом строительства по ряду решающих отраслей. Совершенно естественно, что эта промышленная (а следовательно, и народнохозяйственная) программа должна стать предметом особенно внимательного анализа со стороны всех плановых органов страны. Нужно всесторонне и тщательно изучить возможности намечаемого ВСНХ промышленного развертывания с точки

зрения мощности основного капитала, реальности запроектированных вложений, организационно-технических условий этого беспримерно быстрого роста, сырьевой базы, импорта, комплектования квалифицированными кадрами и т. д. Здесь заложено звено, решающее наши народнохозяйственные судьбы в ближайший период. Нужно в каждом новом районе страны тщательно изучить возможность в пятилетний срок рационально и эффективно осуществить намечаемое промышленное строительство и реконструкцию.

Сельскохозяйственная секция Госплана разработала широкий план реконструкции сельского хозяйства с форсированным темпом его механизации и с большой специализацией отдельных экономических районов в области сельскохозяйственного производства. Достаточно указать на то, что в этом плане больше чем удваивается ежегодное снабжение сельского хозяйства тракторами против предшествующих расчетов, резко меняется в сторону повышения снабжение минеральными удобрениями и проч. Эта крайне интересная и совершенно конкретная программа реконструкции, с тщательно разработанными районами указаниями, дает, по мнению Сельскохозяйственной секции Союзного Госплана, возможность ожидать к концу пятилетия прироста продукции зерновых культур на 27%, товарной части зерна на 82%, продукции сырьевых культур на 53% и их товарной части на 115% и товарной части животноводства на 84%. Эти возможности по ряду показателей значительно превышают все имевшиеся до сих пор расчеты и опираются на намечающуюся, гораздо более энергичную, политику государственного руководства сельским хозяйством и на гораздо более энергичные мероприятия по его коллективизации. Капитальные вложения по обобществленному сектору сельского хозяйства, на которых базируется этот рост производства, исчисляются в настоящее время в сумме около 2,5 мрд. руб. за пятилетие, т.-е. значительно выше всех предшествующих расчетов.

Нечего напоминать, как настойчиво XV с'езд ВКП (б) подчеркнул необходимость изыскать все возможности для усиления темпа роста сельского хозяйства, для сообщения его развитию более крупного размаха. Нечего говорить, насколько к этому же обязывают, с одной стороны, более широкие планы промышленности, с другой стороны— те уроки хозяйственной кон'юнктуры, которыми особенно богат 1927/28 г. И особенно зорко нужно вглядываться в то обстоятельство, что даже этот более крупный темп роста сельскохозяйственного производства обрекает нашу промышленность на значительную зависимость от импорта сельскохозяйственного сырья. Равным образом, необходимость более надежного обеспечения страны продовольственными ресурсами и более энергичного экспорта сельскохозяйственных продуктов для подкрепления широкой импортной программы обязывает ни в каком случае не удовлетворяться на данной стадии работ предварительно намечаемыми темпами и, напротив, приложить все новые и новые усилия к тому, чтобы найти дальнейшие возможности более энергичного развертывания сельского хозяйства. Никто не может оспаривать того положения, что реконструктивные возможности, открываемые для нашего сельского хозяйства советским строем, нами изучены еще крайне слабо, и только теперь мы по настоящему подходим к надлежащему анализу этой проблемы. Сельскохозяйственное производство районно по самому своему существу. Союзный Госплан свои соображения представил с конкретнейшим порайонным анализом. Дело союзных республик и экономических областей страны подхватить этот анализ, углубить его со всем знанием специфических условий и возможностей каждого района, чтобы надежным образом подпереть центральные изыскания в области форсированного сельскохозяйственного прогресса нашей страны.

НКПС на основе намеченного выше промышленного и сельскохозяйственного роста, а также на основе намечаемой им программы рационализации грузовых потоков страны, предполагает увеличение работы транспорта, примерно, на 50% за пятилетие. ВСНХ противопоставляет этому свои расчеты примерно в 61% прироста работы транспорта. Нужно подчеркнуть, что НКПС на этот раз выступает с весьма конкретной программой реконструкции и нового строительства в области ж.-д. транспорта. Эта программа весьма интересна и во всех важнейших показателях вполне доступна районному анализу. Предварительное сопоставление запроектированного НКПСом роста транспорта и его реконструкции с соответствующими наметками по промышленности и сельскому хозяйству внушает опасения, что транспорт не будет надлежащим образом подготовлен к решению задач конца пятилетия или самого начала следующего пятилетия. Неоднократно уже подчеркивалось, что проектируемая пятилетка должна ликвидировать отставание транспорта от общего хода народнохозяйственного развития. Проектировки НКПСа не внушают уверенности, что эта задача будет разрешена. Вот почему нужно с особым вниманием отнестись к плану реконструкции и нового строительства на транспорте и притом не только в области железнодорожного, но и по всем другим видам транспорта. Нечего говорить, насколько к этому обязывают нужды обороны страны.

Таковы некоторые показатели ожидаемых темпов материального роста на основании последних расчетов союзных экономических органов. Эти расчеты крайне условны и не опираются еще на сбалансированную систему народнохозяйственного развития всей страны в перспективе ближайшего пятилетия. Но эти расчеты опираются на конкретные программы реконструкции, намечаемые для каждой из этих отраслей народного хозяйства. Именно на этих, впервые столь конкретно развернутых программах реконструкции, обосновывающих возможность указанных темпов роста, и должно быть сосредоточено пристальное внимание и тщательный анализ республиканских и областных плановых органов в ближайший период.

3. О качественных показателях в производстве

III с'езд плановых органов в соответствии со всем курсом нашей экономической политики поставил в центре внимания настоящего этапа работы над пятилеткой выявление натуральных показателей производства, об'ектов и характера реконструкции, строительства и в особенности выявление всех возможностей для значительного повышения эффективности народного труда в решающих отраслях хозяйства. Этому подчинены были все организационно-методологические указания с'езда. Несомненно, центральной задачей всей ближайшей работы является дальнейшая проверка всех намечаемых до сих пор показателей качественного роста и изыскание возможностей их значительного повышения. Не может быть сомнения в том, что все возможности дальнейшего количественного развертывания, все возможности осуществить в намечаемых размерах капитальные вложения целиком упираются в вопрос о качественных результатах, о социалистическом качестве нашего хозяйственного строительства.

ВСНХ намечает в своих новых предположениях рост производительности индустриального труда на 75% за пятилетие (1926/27 г.—1931/32 г.) и снижение себестоимости промышленной продукции за тот же период на 26%. К сожалению, ВСНХ еще не произвел расчетов на новое пятилетие к 1932/33 г. Здесь намечается некоторое повышение качественных показателей по сравнению со всеми предшествующими расчетами, в том числе и с так называемым оптимальным вариантом пятилетки. Но даже эти показатели качественного роста едва ли могут быть признаны удовлетворительными перед лицом больше чем удвоения промышленной продукции за пятилетие и удвоения ее основного капитала. Вот почему во всей дальнейшей работе над конкретными планами реконструкции отдельных отраслей промышленности, над проблемами организации промышленного производства вообще в центре и в экономических районах нужно неустанно и настойчиво искать новых возможностей для дальнейшего повышения этих качественных показателей. К этому обязывает нас вся экономическая политика внутри нашей страны, (задачи по поднятию благосостояния народных масс, необходимость форсированного накопления капитала для нужд индустриализации, обороны и т. д.). К этому же обязывает и резкое превышение себестоимости нашей промышленной продукции над себестоимостью продукции в индустрии передовых капиталистических стран. Не надо упускать из виду того обстоятельства, что даже осуществление намечаемых ВСНХ показателей будет нас держать на соотношении себестоимости нашей промышленности по отношению к английской промышленности худшем, чем это было накануне войны.

Сельскохозяйственная секция Госплана, опираясь на разработанную ею программу реконструкции и механизации сельского хозяйства, намечает рост урожайности за пятилетие по зерновым на 13%,

по льну-волокну на 22%, подсолнуху — на 15%, хлопку — на 25%, свекле — на 31%. Эти показатели значительно превышают все то, что давали нам предшествующие расчеты всех различных вариантов как союзной пятилетки, так и пятилеток республиканских. Реальны ли эти показатели? Дело, прежде всего, республиканских и областных плановых органов, их наркомземов и сельскохозяйственных организаций проанализировать этот вопрос применительно к их специфическим условия с.-х. производства. Но этим ограничиться было бы невозможно. Эти более высокие по сравнению с предшествующими расчетами показатели роста производительности труда в сельском хозяйстве не должны успокаивать и убаюкивать мысль наших плановых органов. Форсированному темпу развертывания индустриализации социалистического строительства в стране нужны более высокие темпы с.-х. прогресса. Их нужно искать, проблему их обеспечения нужно разработать в пятилетнем плане. И это дело районов по преимуществу. Вся тяжесть изысканий и ответственности должна здесь лежать на республиках и экономических областях.

Транспорт (в области железных дорог) наметил некоторое дальнейшее повышение качества их работы, которое дает возможность относительно более крупное строительство развернуть при меньших или при таких же, как это предполагалось в предшествующих вариантах пятилетки дотациях со стороны государства. Нечего доказывать, какое огромное значение имеют вопросы рационализации и улучшения эксплоатационных показателей в этом крупнейшем секторе народного хозяйства.

Выше были указаны намечающиеся перспективы роста материального производства нашей страны и лежащие в их основе вложения в основные капиталы. Совершенно же очевидно, что эти крупные проблемы, равным образом, как и ряд других решающих народнохозяйственных (а разумеется, и политических) задач, коренным образом связаны с повышением качества нашего народнохозяйственного производства и с снижением себестоимости продукции в первую очередь. Не подлежит также сомнению, что нами ни в какой мере не вскрыты и не исчерпаны все возможности, которые открываются для решения этой задачи плановым характером нашего экономического строительства и активным участием в нем многомиллионных масс трудящихся. К этой задаче, в особенности, должно быть приковано внимание всех организаций, работающих над подготовкой пятилетнего плана.

4. Об организации индустриального труда

Совершенно естественно, что одним из центральных вопросов проектировки бурного промышленного развития Советского Союза является сложная программа мероприятий, связанных с организацией индустриального труда. Правильно говорят, „что социальные особенности нашего строя делают возможным, а следовательно, и

обязательным, построение такого плана индустрии страны, при котором технические и организационные улучшения сопровождаются не падением, а значительным возрастанием численности занятой рабочей силы". Коротко говоря, при намечающихся темпах развития в проектируемом пятилетии предстоит вовлечь в индустриальное производство и воспитать около 700 тысяч новых пролетариев, поднять реальный уровень благосостояния всего индустриального пролетариата, примерно, на 40—50%, перевести основную массу индустриального пролетариата страны на 7-часовой рабочий день, добившись при этом повышения производительности не менее чем на 75%, провести радикальную реформу системы социального страхования, развернуть широкую программу по воспроизводству квалифицированных кадров и всесторонне вести борьбу с безработицей.

Достаточно назвать этот далеко не исчерпывающий список крупнейших задач, стоявших перед страной в ближайшее пятилетие в области организации индустриального труда, чтобы понять, какое внимание должно быть уделено программе по труду на очередном этапе подготовительных работ по пятилетке. Имеющийся в майских директивах Госплана специальный раздел о труде и содержит в себе эту ответственнейшую программу, разрешение которой требует максимального напряжения и координации сил плановых органов, органов промышленности, транспорта и труда, профессиональных организаций и наших специальных учреждений по вопросам научной организации социалистического труда. Мы особенно обращаем внимание на этот ответственнейший, труднейший и все еще крайне недостаточно разработанный участок нашего планирования. Здесь же нужно подчеркнуть лишь важнейшие из этих директив.

Как указано выше, ВСНХ намечает прирост номинальной заработной платы индустриальных рабочих за пятилетку к 1931/32 г. на 25% (т.-е., примерно, 4—5% в год), а реальной, примерно, на 40%. НКТруд исходит из необходимости более высокого прироста номинальной заработной платы (36%) и реальной (примерно, на 53%). Прирост производительности труда, как указано выше, предположен на 75% к 1931/32 г.[1] Госплан в своих директивах отмечает, что при указанном приросте производительности труда и значительных задачах по подтягиванию отставших по заработной плате отраслей индустрии и транспорта, при проектируемом индексе, наметка ВСНХ по приросту номинальной заработной платы вызывает некоторые сомнения с точки зрения своей реальности. Вероятно, она окажется недостаточной. Было бы преждевременно спорить сейчас о номиналах заработной платы,— не в этом суть дела.— Но со всей категоричностью можно и должно уже в настоящий момент установить необходимость твердо обеспечить в проектируемой пятилетке превышение темпа прироста производительности труда над темпом прироста реальной заработной платы. В качестве общей ориентировки следует определить прирост реальной заработной платы не свыше 70% прироста производительности труда. Само собой разумеется, что за этими средними директивами кроется все разнообразие задач по подтягиванию заработной платы отставших отраслей тяжелой индустрии, работников социально-культурного фронта и низового советского аппарата, по устранению пестроты в оплате одинаковых квалификаций и профессий и т. п.

[1] Расчет к 1932/33 г. еще не закончен.

Как уже неоднократно отмечалось, крупнейшей темой текущих работ над пятилеткой является программа полного перевода всех индустриальных рабочих на 7-часовой рабочий день. На этом построена новая программа развертывания промышленности, из этого исходят ориентировки по организации труда, по развертыванию работ в деле восстановления квалифицированной силы и по просвещению трудящихся вообще. Специальная правительственная комиссия, разрабатывающая вопрос о порядке перевода индустриальных рабочих на 7-часовой рабочий день, еще не закончила своих работ. Поэтому намеченные Госпланом директивы носят по неизбежности предварительный характер, что однако нисколько не мешает углубленному анализу всей суммы вопросов, связанных с переходом на 7-часовой рабочий день в различных отраслях промышленности и на отдельных службах транспорта, т.-е. анализу этого вопроса с точки зрения состояния основного капитала, результатов реконструкции, организации смен, жилстроительства, комплектования и подготовки рабочих кадров, организации их культурного обслуживания и т. д. Ни на минуту нельзя забывать, что здесь решается не только один из крупнейших элементов хозяйственного плана, но и ответственнейшая политическая задача, имеющая гигантское значение в соревновании советской экономической и общественной системы с системой капиталистического общества.

Далее, в директивах подробно развито указание на необходимость всесторонне и тщательно проанализировать целый цикл вопросов, связанных с реформой социального страхования, обеспечением старости, возможностью совершить некоторые дальнейшие шаги вперед в деле социализации заработной платы индустриальных рабочих, по крайней мере в крупнейших передовых центрах индустрии и т. п.

Многие формы и отношения здесь напластывались исторически в ходе восстановительного процесса в нашем народнохозяйственном строительстве и требуют радикального пересмотра под углом зрения гигантских задач предстоящего пятилетия. Нельзя проектировать плана развернутого социалистического строительства, не проведя генерального учета всего нашего опыта в деле организации индустриального труда и не проанализировав тщательно все возможности для дальнейшего усиления здесь подлинно социалистических форм и отношений.

На ряду с этим, директивы по труду, может-быть несколько нарушая стройность изложения, намечают целый ряд экономических мероприятий во всех отраслях хозяйства, которые должны вести к смягчению притока избыточной рабочей силы в города и которые должны содействовать борьбе с безработицей на ряду с основным оружием в этом направлении — развернутой индустриализацией страны (мероприятия в области сельского хозяйства, дорожного строительства, мелиорации, кустарно-ремесленной промышленности и т. д.). Нужно твердо приучать к тому, чтобы программа борьбы с безработицей была бы не внешне приставленной к основному плану народнохозяйственного строительства суммой мероприятий, а учитывалась бы органически в каждом разделе перспективного плана.

Наконец, особо следует подчеркнуть впервые намеченные в сравнительно конкретной постановке задачи в области воспроизводства квалифицированной силы, задачи, встающие во весь свой рост в связи с намечаемым огромным темпом роста промышленной продукции, переходом на 7-часовой рабочий день и труднейшими вопросами рационализации и капиталистического строительства. В майских директивах по пятилетке намечена программа работ по культурному строительству вообще. Но в общей сумме мероприятий на культурном фронте задача по воспроизводству квалифицированной силы в широком смысле слова должна быть изучена и проанализирована с наибольшой тщательностью и конкретностью.

Нужно неустанно подчеркивать исключительно важное значение намеченных в разделе труда мероприятий. Социалистическая организация индустриального труда — дело необычайно сложное и трудное. Мы с величайшими усилиями завоевываем здесь один этап за другим, преодолеваем гигантские трудности на этом пути. Чем отчетливее и глубже в перспективном плане народнохозяйственного строительства будет разработана эта тема, чем конкретнее будут указания по этим вопросам в пятилетке, тем успешнее и легче будут добыты реальные достижения на этом ответственнейшем участке нашего социалистического строительства.

5. О потребностях в капитальных вложениях

Само собой разумеется, что на настоящей стадии работ по пятилетнему народнохозяйственному плану не может быть речи о балансе накоплений и вложений, а следовательно, и о сколько-нибудь конкретной наметке распределения вложений между отдельными отраслями народного хозяйства. Приведенные в материалах к майским директивам предварительные и крайне ориентировочные требования отдельных отраслей народного хозяйства должны лишь иллюстрировать намечающийся масштаб потребностей в капитальных вложениях в решающих отраслях народного хозяйства. Эти цифры отнюдь не являются векселями Союзного Госплана отдельным отраслям народного хозяйства. Напротив, эти цифры в их сочетании с возрастающими нуждами обороны и социально-культурного строительства должны еще более отчетливо подчеркнуть необходимость искать новые возможности удешевления строительства, максимально эффективных форм капитальных вложений и т. п. Иначе мы будем стоять перед невозможностью свести баланс накопления и капитальных вложений.

Нужно со всей решительностью подчеркнуть, что основной предпосылкой возможности развернуть строительство в больших масштабах и найти при этом надежный баланс накопления и вложений является радикальное удешевление всего строительства, как одна из центральных решающих задач народнохозяйственного строительства в ближайшем пятилетии. Перелома в этом отношении страна еще не видела, но без этого не может быть успешного движения вперед. Директива исходит из той предпосылки, что в центре и на местах будут предусмотрены и разработаны все пути и способы, которые должны гарантировать снижение себестоимости строительства не меньше, чем на 30% за пятилетие 1928/29—1931/32 гг. Раздавались голоса, чтобы поставить еще более высокое задание в снижении себестоимости строительства, и, несомненно, к этому нужно стремиться, как к одному из решающих условий успешности прогрессивного роста социалистической экономики в нашей стране.

ВСНХ по предварительным расчетам и в соответствии с указанными выше предполагаемыми темпами роста промпродукции намечает вложения за пятилетие, примерно, в сумме 9.200 млн. руб., с требованием от бюджета, примерно, в 1 мрд. руб. По обобществленному сектору в сельском хозяйстве намечается программа вложений около 2,5 мрд. руб. и по транспорту, примерно, около 7 мрд. руб. (без капитальных ремонтов за счет эксплоатационной сметы) с дотацией от бюджета около 4 мрд. руб. Иными словами, растут не только предполагаемые темпы развертывания материального производства, но и потребности в капитальных вложениях. Нечего говорить, что эти цифры могут быть анализируемы (что и составляет задачу предстоящей работы) лишь в их связи со всеми прочими разделами строительства (жилстроительство, коммунальное, электростроительство и т. д.), а также в сочетании с резко возрастающими потребностями на социально-культурном фронте и на фронте обороны страны. Однако уже и в настоящее время можно без большой погрешности утверждать, что намечаемые требования составлены в их сумме с превышением тех возможностей, которые откроют нам капиталонакопления в стране, и во всяком случае без того учета снижения стоимости строительства, который является абсолютно необходимым и который был указан выше. Именно в эту точку удешевления строительства, усиления эффективности вложений, повышения организованности этого дела нужно бить на всем протяжении предстоящих работ по пятилетке.

Отличительной особенностью предложенных ныне материалов от всех предшествующих вариантов в пятилетке является то, что в них по решающим отраслям хозяйства даны конкретные об'екты строительства и реконструкции (в промышленности, на транспорте и отчасти в сельском хозяйстве), которые могут и должны быть подвергнуты тщательному и конкретному анализу не только союзными организациями, но и плановыми органами, исследовательскими учреждениями и общественными организациями союзных республик и экономических областей. В этих предположениях наверно есть много ошибочного и недостаточно мотивированного. Это не должно смущать. Лишь встречная волна смелой и обстоятельной критики, живых указаний, практического опыта из республик и областей, от плановых органов и от научно-исследовательских организаций, от профсоюзов и от всех общественных организаций страны, — способны эти реальные об'екты строительства и реконструкции, т.-е. реальную основу и душу перспективного плана, осветить с такой степенью полноты, которая исключала бы возможность грубых просчетов и фантастических проектов. Именно в этом и лежит центр тяжести предстоящей работы.

6. О ценностных сдвигах и о финансовой политике

Разработанные до настоящего времени материалы дают основание рассчитывать на 20% снижения промышленных цен на товары широкого потребления и на стабильность цен сельскохозяйственных за пятилетие к 1932/33 г. Нужно при этом иметь в виду, что эксперты в области товаропроводящей сети утверждают, что после произведенного уже за последние годы снижения розничных цен за счет товаропроводящих аппаратов, их ресурсы для дальнейшего снижения розницы крайне ограничены, если не исчерпаны. Эти эксперты утверждают, что самое большое требование, которое можно пред'явить к товаропроводящей сети на надлежащее пятилетие,— это полностью довести до потребителя то снижение цен, которое даст промышленность. Это дело должно быть тщательно проверено. Однако, независимо от этого, общий курс нашей народнохозяйственной политики на энергичное снижение уровня товарных цен и повышение покупательной способности советского рубля не позволяет удовлетвориться запроектированным снижением себестоимости, а следовательно, и возможности снижения промцен, и заставляет требовать все новых и новых изысканий в центре и на местах в направлении дальнейшего снижения себестоимости и цен. Эти показатели являются результирующими всех мероприятий по рационализации советского хозяйства. Им нужно обеспечить особенное внимание.

В области стоимости транспортных услуг директивы рекомендуют исходить из стабильности в основном существующих транспортных тарифов.

Основной задачей ближайших работ над пятилеткой в области финансовых проблем является такое направление финансовой политики и финансовой практики, которое сочетало бы необходимость усиления бюджетного перераспределения национального дохода для нужд индустриализации, обороны и культурного строительства с твердой линией на снижение себестоимости продукции и общего уровня товарных цен, с неуклонной политикой повышения реального благосостояния масс, сближения уровня благосостояния города и деревни и возможности рационального использования государственных кредитных операций. Нужно всесторонне продумать всю систему финансовой политики под углом зрения центральных народнохозяйственных задач предстоящего периода и, прежде всего, под углом зрения курса на снижение себестоимости промпродукции и промышленных цен. Вся совокупность этих необычайно сложных и трудных задач была поставлена на обсуждение в порядке подготовки майских директив и отчасти отражена в них.

Следует подчеркнуть, что в организации финансового хозяйства страны в предстоящем пятилетии нужна своя реконструкция, свой обстоятельный пересмотр сложившихся до сих пор форм, приемов, критериев и т. п. Соотношения между так называемыми налоговыми и неналоговыми доходами, между прямыми и косвенными налогами, место государственного кредита в системе финансового хозяйства и многое другое требуют общего пересмотра и не только практического подытоживания опыта, но и большей теоретической работы. Этот участок работы над перспективным планом не может считаться наиболее полно освещенным,— тут непочатый край работы для теоретического анализа и для подытоживания практического опыта.

Само собой разумеется, большой и специальной темой является вопрос о месте союзного, республиканских и местного бюджетов в общей системе финансового хозяйства, в перспективе ближайшего пятилетия. Союзная часть бюджета, на которую особенно тяжело падают расходы по финансированию народного хозяйства и по удовлетворению нужд обороны, должна быть взята под особое внимание.

7. О плане научно-исследовательских работ

В конце апреля при Союзном Госплане состоялась II всесоюзная конференция по изучению производительных сил страны, которая подытожила работы в этом отношении за пятилетие, истекшее со времени I конференции. Впервые удалось на этой конференции в отчетах НТУ ВСНХ, Главнаук важнейших республик, Наркомзема РСФСР, Коммакадемии, краеведческих организаций и т. д. получить более или менее исчерпывающую картину об организации и о характере работ многочисленных учреждений, занятых в области изучения производительных сил страны. Эти материалы показали огромный размах, который приобрели эти работы за последние годы

и вместе с тем недостаточную еще их организованность и согласованность. На II конференции по изучению производительных сил была сделана впервые попытка обсудить вопросы о согласовании научно-исследовательских работ с нуждами перспективного и генерального планов.

Если еще в области пятилетнего плана мы можем более или менее уверенно двигаться при тех знаниях производительных сил нашей страны, которыми мы располагаем (и то не во всех отраслях), то всякому понятно, что уже для правильного построения генерального плана нам нужно значительное перевооружение по части наших знаний естественных богатств и производительных сил необ'ятного СССР.

Проектируемая пятилетка не только решает свои народнохозяйственные задачи, но и должна подготовлять надежную базу для дальнейшего еще более значительного народнохозяйственного и культурного роста. Вот почему в программу дальнейших работ с полным основанием введена по постановлению II всесоюзной конференции по изучению производительных сил задача построения обстоятельного плана научно-исследовательских работ, связанных с нуждами экономического строительства и развертывания научно-исследовательских организаций.

Не только конференция по изучению производительных сил, но и I энергетический с'езд СССР, совсем недавно закончивший свои работы, настойчиво поставил этот вопрос, и что особенно важно, энергетический с'езд подчеркнул необходимость включить в программу энергетических работ также и проблему социалистической организации народного труда. Институты и учреждения, работающие в этом направлении, должны быть привлечены к активному участию в работах над перспективным планом.

8. Заключительные замечания

Как уже было указано III с'ездом плановых органов, центральной задачей настоящего этапа работы над пятилеткой, важнейшим звеном этих работ является выявление конкретных программ реконструкции, об'ектов строительства и основных показателей эффективности в важнейших отраслях народного хозяйства и по районам. Эта же идея лежит и в основе так называемых майских директив. Приведенные в них предварительные общеэкономические ориентировки и показатели должны рассматриваться лишь как вспомогательный материал для решения указанной выше основной задачи. Всякое соскальзывание с этого пути, попытка укрыться за общими расчетами были бы напрасной и вреднейшей потерей времени.

Следует подчеркнуть, что предложенные директивы отнюдь не исчерпывают всех тех экономических тем, которые стоят и должны

стоять в поле зрения работ над пятилеткой. В этом и нет необходимости. Майские директивы не разрывают с предшествующими работами Госплана по пятилетке, а целиком к ним примыкают, являются их прямым и естественным продолжением. Было бы поэтому неправильным, если бы все опубликованные до сих пор варианты пятилетки и весь развернутый в них материал были бы забыты на данной стадии работы. Неоднократно уже подчеркивалось, что преемственность работы в этом смысле должна быть полная, что необходимо заботливо использовать весь материал и весь опыт, накопленные за последние два-три года в подготовительных стадиях разработки пятилетнего плана.

Наконец, нужно указать еще на одно обстоятельство. В предварительных методологических работах по пятилетке большое внимание привлекал вопрос о неурожайном годе и о месте его расположения в проектируемом пятилетии. Нужно оговориться, что в разосланных ныне материалах и директивах к дальнейшим работам над пятилетним планом неурожайный год еще не трактовался. Тем менее, разумеется, могли в этих материалах учитыватьсм такие явления, как обнаружавшаяся в самые последние дни частичная гибель озимых на юге Украины. Основные установки перспективного плана не могут быть изменяемы в зависимости от отдельных кон'юнктурных колебаний. Но само собой разумеется, что проблема неурожайного года (а тем более неурожайного или недородного года, если бы он имел место в начале пятилетия) должна быть особенно тщательно обсуждена.

Нельзя закрывать глаза на то, что в опыте прошлых работ над пятилеткой республики и экономические области склонны были более копировать союзные расчеты и предположения, нежели их анализировать и критиковать. Это должно быть пройденной ступенью развития. Самой строгой критике, самому тщательному изучению должны быть подвергнуты направленные центральным организациям, республикам и областям материалы и директивы к дальнейшим работам над пятилеткой. Только при этом условии они сослужат свою службу и окажутся шагом вперед в той исключительно трудной и большой работе по построению перспективного плана, ответственность за которую лежит на всей системе плановых органов и научно-исследовательских организаций страны.

И. Г. Александров

Производственное районирование и его методология [1]

4. Рациональное размещение производств

Производственное районирование, задающееся целью построить систему районов, как ряд специализированных производственных комплексов, должно себе поставить первой целью выработку методов рационального размещения производств.

На первых порах здесь напрашивается учетно-исторический метод, т.-е. такой, в котором организация производств мыслится как прямое продолжение постепенно нарастающих производственных комплексов, как они складывались в стране в ее реальном развитии. Здесь предполагается, что интегральная воля хозяйствующих индивидуумов находила постепенно наилучшие формы для организации производства, а потому будущее должно быть лишь естественным продолжением сложившихся форм. Но такой метод должен быть отвергнут всяким, кто знаком с современным развитием дела и с формами развития современной техники, да и для прошлого он не совсем верен.

Наибольший интерес здесь представляет вопрос о человеке, работающем в производстве. Многие утверждают, и не без основания, что квалификация различных частей населения должна быть учтена при размещении производств.

Укажем здесь на всем известный пример развития текстильной промышленности в центральном районе прежней России. Существующее здесь население с давних времен привыкло к прядению и ткачеству шелковых, льняных и шерстяных изделий, в силу этого оно притянуло к себе в значительной степени производство хлопчатобумажных тканей.

Россия в этом отношении не представляла исключения; так развивались и все европейские страны, работающие в области текстиля на привозном сырье.

Однако для настоящего времени надо признать эту аналогию мало убедительной. Долго признававшееся положение о том, что существуют одни страны, производящие хлопковое волокно, и другие, которые это волокно перерабатывают в ткань, в последние тридцать лет расшаталось в значительной степени. Причин было две: одна — это постепенный культурный рост населения стран — производителей волокна, а другая — это рост транспорта и энергоснабжения.

Текстильная промышленность Соед. Штатов Америки развилась, прежде всего, в северо-восточных штатах, носящих название Новой Англии, куда переселилась значительная часть англичан и голландцев, знакомых с текстильным производством.

Однако постепенно это положение начало изменяться, новые текстильные фабрики начали строиться в районах разведения хлопчатника, и в настоящее время только два штата Сев. Каролина и Южн. Каролина имеют в своих пределах около 12 млн. веретен.

Такой же процесс наблюдается и в Британской империи, где сырьевое положение Индии и Египта постепенно видоизменяется, и они начинают обзаводиться большим числом прядильных и ткацких фабрик (в настоящее время в Индии имеется свыше 10 млн. веретен).

Правда, в капиталистических странах этот процесс форсируется приспособлением машин к менее квалифицированным рабочим, с одной стороны, и возможностью иметь в колониальных странах более дешевый труд, чем в метрополиях — с другой.

Если вопрос о более низкой оплате у нас сейчас и не может быть поставлен, то влияние техники и рост транспорта остаются в полной силе. Некоторые сдвиги наблюдались и у нас даже в довоенный период.

Во всяком случае, ссылка на квалификацию населения какого-либо района сейчас везде опровергается жизнью в ее современном росте; здесь скорее следовало бы говорить о связи с деревней, чем о квалификации.

К ошибкам часто приводит и пользование существующими тарифами железных дорог при анализе вопроса. Если тариф на волокно установить в 1,2 коп. с тонно-километра, а на готовую ткань в 5,0 коп., то при расстоянии от Москвы до Туркестана в среднем в 3.000 *км* разница на тонне составит 114 рублей на провозной плате. В виду этого производство всегда будет стремиться разместиться ближе к району сбыта, а не к району производств волокна и, разумеется, о рациональности в этих условиях говорить не приходится.

Другая более рационалистическая школа экономистов рекомендует пользоваться при выборе места для производства так называемым транспортным показателем. Сущность этого метода заключается в том, что при одинаковой стоимости сырья на месте добычи, себестоимость изделий того или иного рода определяется суммой издержек на перевозку всех необходимых материалов к заводу и готовых изделий к потребителю. Здесь, конечно, скрыто предполагается, что все остальные условия производства одинаковы.

[1] Окончание. См. „План. Хоз." № 4 за 1928 г.

Транспортный показатель обычно принимается в трех видах:

1. Натуральный транспортный показатель учитывает лишь количество тонно-километров, которое должен выработать транспорт на единицу веса товара, производимого заводом.

2. Тарифно-транспортный показатель учитывает не только тонно-километры, которые необходимы для производства единицы веса изделий, но и расценивает эту перевозку, принимая во внимание дальность пробега и тариф, существующий для разных сортов грузов и для разного их пробега.

3. Народнохозяйственный транспортный показатель подобен предыдущему, но здесь вместо тарифов должна быть взята себестоимость перевозок.

Если первый показатель может быть представлен формулой $A = \Sigma pl$, где p — вес каждого сорта материалов или изделий, а l — расстояние перевозки, то второй должен быть написан в виде $B = \Sigma plk$, где k — покилометровая ставка тарифа, при чем в случае диференциального тарифа k зависит от пробега l.

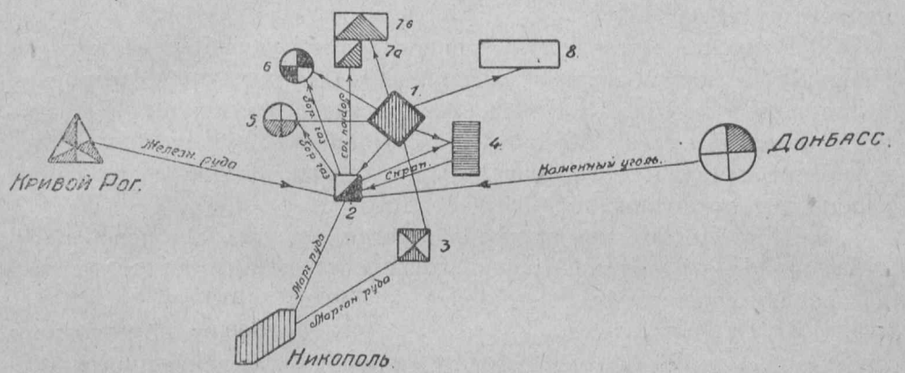
Формула третьего показателя аналогична второму: $C = \Sigma pl\alpha$, но α здесь не тарифная ставка, а покилометровая себестоимость перевозки того или иного груза, входящего в состав показателя.

Первый может быть применим лишь при самых общих изучениях вопроса, второй применяется при частноправовой организации предприятий, а третий — при учете производства с народнохозяйственной точки зрения. Во всех случаях лучшим местом для заводов будет то, которое дает наименьшее значение показателя в зависимости от изменения места.

В наших условиях, очевидно, необходимо пользоваться народнохозяйственным показателем. Однако, как уже сказано было выше, транспортный показатель действителен только тогда, если с изменением места для завода не изменяется его тип и стоимость оборудования. Здесь выступает опять вперед противоречие между частной и национализированной промышленностью. Самая постановка вопроса о том или ином заводе у частного промышленника всегда ограничена определенной целью и разрешается всегда в рамках сравнительно небольших вариаций. Гораздо сложнее обстоит дело даже в комбинированной капиталистической промышленности. Самая форма комбинации производств обычно не может сохранить свой характер при изменении места, а потому в этом случае необходим уже другой метод при разрешении проблемы размещения заводов, а не один лишь транспортный показатель.

В условиях СССР эта проблема еще более сложна по постановке, так как здесь мы имеем максимальные возможности по проведению в жизнь различных форм комбинирования производств. Кроме того, самый транспорт становится одним из элементов комбинации. То же можно сказать и о снабжении электрическим током.

Чтобы лучше пояснить вопрос, приведем, как пример, тот комбинат, над которым нам в эти годы пришлось усиленно думать,— это формы производственного комплекса в связи с Днепростроем. В этот комплекс входит днепровский ток, вновь устраиваемая сверхмагистраль Донецкий бассейн — Запорожье — Кривой Рог, организация сплошного судоходства по Днепру и группа заводов (металлургический завод, завод электростали, ферросплавов, алюминиевый завод, химические заводы, металлообрабатывающие заводы и цементные).

1. *Гидроцентраль.*
2. *Металлургический завод.*
3. *Ферромарганный завод и завод ферросилиция.*
4. *Заводы металлообрабатывающей группы.*
5. *Цементная промышленность.*
6. *Фарфоровый завод.*
7а. *Первичный алюминиевый завод.*
7б. *Электролитический алюминиевый завод.*
8. *Химические заводы.*

Фиг. 7.

Днепровская гидроэлектрическая станция отдает свой ток всем упомянутым выше заводам, но надо проследить следующие зависимости (см. фиг. 7).

а) Отдавая ток металлургическому заводу, гидроцентраль позволяет этому заводу смесь коксовых и колошниковых газов передать для нагревательных целей на первичный алюминиевый завод, где получается окись алюминия, разлагаемая затем электрическим током для получения металлического алюминия.

б) Металл с металлургического завода передается (частью) на металлообрабатывающие заводы, работающие на днепровской энергии и отдающие свой скрап (металлический лом) обратно металлургическому заводу на коротком расстоянии.

в) Избыточный газ доменного завода позволяет организовать производство цемента из шлаков того же доменного завода.

г) Тот же газ может быть использован в фарфоровом производстве на основе крупных каолиновых месторождений Запорожья.

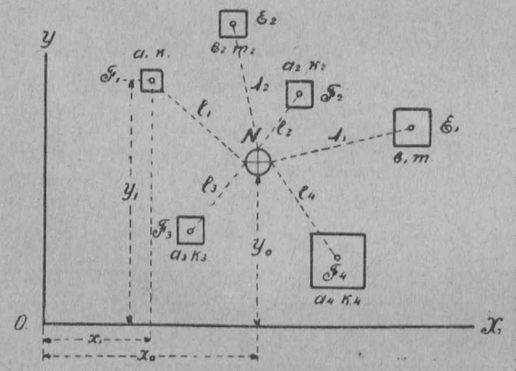
д) Ток гидроцентрали позволяет получить, кроме того, ряд химических продуктов, высокосортную сталь, ферросилиций и ферроманган.

е) Американский новый патент позволяет при спекании боксита и пирита получить чистую окись алюминия, ферросилиций и серную кислоту, которая в свою очередь может пойти для ряда химических процессов, а ферросилиций — на металлургический завод для получения силициевой стали, столь необходимой нам при мостостроении и кораблестроении.

ж) Новая дорога сверхмагистрального типа позволяет видоизменить все условия транспорта для металлургических заводов юга, не только расположенных близ Запорожья, но и в Кривом Роге и в Донецком бассейне.

з) Развитие металлургии, дешевый ток, улучшенный путь по Нижнему Днепру позволяют организовать крупное кораблестроение в Запорожьи по связи с Николаевскими заводами, при чем эта связь осуществляется таким образом, что Запорожье берет на себя речное кораблестроение и заготовку морских судов, а Николаев сборку и оснастку последних.

и) Порт Херсон при этом обращается в крупный морской порт, а Запорожье — в крупный речной, а впоследствии и в каботажный для осадки судов до 18′.

Фиг. 8

Как видим из неполного перечня, организация производств на основе транспортно-электрической программы Днепровского комбината захватывает постепенно весь Южно - Горнопромышленный район и организует его специфическую производственную физиономию, связывая все производства в комплекс взаимозависимых предприятий.

Таким образом, организующим фактором, при выявлении производственной физиономии района должны стать транспорт, энергия и природные ресурсы.

Остановимся несколько на математической стороне разыскания минимума ценностного транспортного показателя.

Предположим, что для завода, расположенного в некоторой, пока еще неопределенной точке N, сырье доставляется из точек F_1, F_2, F_3 и т. д. территорий, расстояния которых до завода будут l_1, l_2, l_3 и т. д., а товар сбывается в точках ε_1, ε_2, ε_3... и т. д., отстоящих от завода на расстоянии λ_1, λ_2, λ_3 ... и т. д.

Себестоимость перевозок для сырья пусть будет на 1 километр k_1, k_2... и т. д., а для готового товара m_1, m_2... и т. д. Тогда стоимость всех транспортных расходов, очевидно, будет равна при весах грузов соответственно, a_1, a_2..., b_1, b_2... и т. д. $\Sigma akl + \Sigma bm\lambda = A$

Здесь выражения для сырья и продукта однозначные в своих частях, а потому можно предыдущее выражение написать в виде

$$A = \sum_1^n akl,$$

но l_n в координатах можно представить как величину

$$l_n = \sqrt{(x_0 - x_n)^2 + (y_0 - y_n)^2}$$

таким образом, имеем

$$A = \sum_1^n ak \sqrt{(x_0 - x_n)^2 + (y_0 - y_n)^2}$$

Здесь текущими координатами являются x_0 и y_0, так как районы сырья и районы сбыта мы предположили твердо установленными.

Тогда минимальное значение A наступит, когда будут удовлетворены два условия:

$$\frac{\partial A}{\partial x_0} = 0$$

$$\frac{\partial A}{\partial y_0} = 0$$

но

$$\frac{\partial A}{\partial x_0} = \sum_1^n ak \frac{(x_0 - x_n)}{\sqrt{(x_0 - x_n)^2 + (y_0 - y_n)^2}} = 0$$

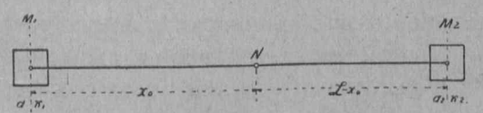
$$\frac{\partial A}{\partial y_0} = \sum_1^n ak \frac{(y_0 - y_n)}{\sqrt{(x_0 - x_n)^2 + (y_0 - y_n)^2}} = 0$$

Решая оба эти уравнения относительно x_0 и y_0, мы получим координаты x_0 и y_0, соответствующие минимуму A.

Как видно, это решение приводит к уравнениям, отличным от тех, которые соответствуют розысканию центра тяжести взвешенных величин a_n k_n.

Что метод центра тяжести здесь не применим, легко установить на следующем простом примере.

Допустим, что имеются два количества a_1 k_1 и a_2 k_2 на расстоянии L_1. Требуется розыскать место завода.

Фиг. 9

Пусть

$$a_1 = 150\,m$$
$$a_2 = 100\,m$$
$$k_1 = k_2 = \frac{1}{50}\ \frac{\text{коп.}}{км}$$
$$L = 200\,км.$$

Пусть завод находится в какой-либо точке N (очевидно, на прямой, соединяющей точки M_1 и M_2).

$$A = a_1\ k_1\ x_0 + a_2\ k_2\ (L - x_0).$$

Подставляя наши числа, получим

$$A = 150 \cdot \frac{1}{50} + 100 \cdot \frac{1}{50}(200 - x_0) = 3x_0 + 400 - 2x_0 = 400 + x_0.$$

Величина $A = 400 + x_0$, очевидно, имеет, минимум, когда $x_0 = 0$, т.-е. когда завод расположен в точке M_1. По теории центра тяжести он должен был бы быть, очевидно, размещен от M_1 на расстоянии

$$\frac{2}{5} L = \frac{2 \cdot 200}{5} = 80 \text{ км}$$

Легко видеть, что при этом для A не получится минимума, A равно при этом:

$$A = 150 \cdot \frac{1}{50} \cdot 80 + 100 \cdot \frac{1}{50} \cdot 120 = 240 + 240 = 480 \text{ коп.}$$

При размещении завода в точке M_1 $A = 100 \cdot \frac{1}{50} \cdot 200 = 400$ коп., т.-е. здесь транспортные расходы на 20% ниже, чем для точки, определенной методом центра тяжести.

Этот разбор мы привели потому, что до сих пор наши экономисты продолжают пользоваться и рекомендовать метод центра тяжести при всей ошибочности этого способа.[1]

Мы показали выше, что метод транспортных показателей в жизни вообще может редко быть применим, то там, где возможно им пользоваться, надо, конечно, его взять в правильной форме.

Посмотрим теперь еще на некоторые особенности, свойственные проблеме размещения производств. Долгое время считалось, что привязка производств тесно к территории свойствена только сырьевой промышленности — добыча хлеба, хлопка, угля, руды тесно связаны с землей, где возможно разрешить ту или иную сырьевую проблему. Обрабатывающая же промышленность должна концентрироваться в центрах распределения.

Такие тенденции наблюдались до войны и у нас, но в последнее время замечается все большая уверенность в том, что значительная часть производств по окончательной обработке товара в значительной части тяготеет к сырьевым районам и, во всяком случае, не к рынкам сбыта, за некоторыми исключениями, зависящими от транспорта.

Исторические навыки населения отходят постепенно на второй план, поскольку культура распределяется более равномерно по территории государства, а железные дороги уничтожают в населении привязанность к месту. В этом же направлении влияет и постепенный отрыв рабочих от земли. Это дает все основания полагать, что размещение производств становится постепенно функцией территории и особенностей транспорта, но не людей. Человеку становится

[1] Например, в недавно опубликованной работе А. Котова, „Проблемы размещения сельского хозяйства и промышленности". Издание Главнауки. Москва, 1927 г.

доступен весь мир, и он идет туда, где лучшие условия труда. Этот процесс далеко еще не завершен, но при построении будущего с ним необходимо считаться.

Для получения тонны алюминия необходимо около 5 тонн бокситов, 8 тонн каменного угля в 7.000 калорий и около 30.000 квтч. электрического тока, при чем уголь нужен при получении из бокситов окиси алюминия, а ток при дальнейшем электролизе окиси алюминия. В виду этого Сев. Америка имеет производство окиси алюминия около С.-Луиса и Канзаса, т.-е. вблизи залежей боксита и, главным образом, каменного угля [1] а электролиз около Ниагары, близ Монреаля, у Шавиниганской гидроэлектрической станции и на р. Carenee в Канаде близ новой гидроцентрали Isle Maligne. На всех этих гидроцентралях Америка имеет исключительно дешевый ток, а потому и концентрирует там электролиз алюминия.

Норвегия производит алюминий из французских бокситов на дешевом токе своих гидравлических электростанций.

Анализ алюминиевого производства у нас показывает, что лучшее его место и для первого и для второго процесса может быть около будущей Днепровской станции, так как здесь же имеется близко каменный уголь в своей натуральной форме или отходящие газы доменных и коксовых печей будущего металлургического завода в Запорожьи.

Эта естественно историческая тенденция в современном размещении производств сказалась на том противоречии в построении районов, которое проводилось в жизнь в ряде стран, с одной стороны, экономистами и статистиками, а с другой — производственниками, инженерами и геологами.

В заключение этой главы хотелось бы сказать несколько слов о понятии: „природное богатство". Часто задается вопрос, надолго ли на земле или в каком-либо государстве хватит той или иной руды, каменного угля, нефти и пр., часто на это даются самые пессимистические ответы, однако за всем этим кроется существенное недоразумение. Мы долго считали, что запасы Кривого Рога по железной руде очень ограничены. Однако постановка вопроса об обогащении железных кварцитов и дальнейшее изучение района изменило в корне это мнение. Получение бензина из каменного угля изменяет проблему нефти и т. д. Везде мы можем констатировать, что размеры природного богатства есть функция двух переменных: 1) природы и 2) познания.

Россия до войны производила до 100 млн. ведер винного спирта, что эквивалентно 2,5 мрд. киловаттчасов энергии. Но мы не говорим об этой энергии только потому, что цена ее высокая и равнялась бы, при довоенной заводской себестоимости в 90 коп. за ведро без учета акциза, 3,75 дов. коп. за киловаттчас только по тепловой

[1] Часть бокситов доставляется из Южной Америки.

слагающей, т.-е. без учета стоимости машин, эксплоатации и пр., а главное потому, что другие формы потребления винного спирта заслоняют это его свойство.

Однако нельзя не забывать, что для ряда районов ток из винного спирта, который мог бы быть не дороже 10,0 коп./квтч., представляет огромную ценность и что не все наши мелкие станции могут давать столь дешевый ток.

Ежегодное нарастание торфяной массы столь велико, что могло бы обеспечить огромную, постоянно действующую мощность для районов, изобилующих торфом.

Попытки Соед. Штатов, Англии и Франции использовать морской прилив в ряде проектов привели к возможности получить сотни тысяч киловатт энергии (довольно пока еще дорогой) от каждой крупной установки, но ведь этих установок можно иметь огромное количество.

Долгое время алюминиевое производство связывалось с месторождением бокситов, но некоторые новые изобретения показывают, что очень близко то время, когда для этого достаточно будет хороших сортов глины.

Из сказанного выше вытекает условность всякого производственного построения или, лучше сказать, его временность. Может настать такой период, когда, вероятно, и самая совершенная районная система, основанная на производственном принципе, потребует пересмотра, но здесь надо иметь в виду, что и нет никакой надобности это отрицать, предусматривая какой-то необозримо дальний период существования той или иной системы районов. Если эта система в дальнейшем и потребует пересмотра, то это не может произойти очень быстро, не может проявиться сразу по всем главнейшим линиям, а потому при рациональном построении районная система успеет дать все, что от нее необходимо, и даст жить новому, еще более совершенному.

Печальна была бы история человека, если бы это произошло иначе. Наоборот, все говорит за то, что скоро техника будет владеть такими методами и таким размахом возможностей, которые кажутся сейчас утопичными. Даже такие практические люди, как американцы, обсуждая на недавнем экономическом с'езде положение золота как орудия обращения, затронули вопрос о возможности в ближайшее время получить настоящее золото искусственным путем.

Чем скорее у нас придет смена районной системы, сейчас разработанной для Союза, тем более ценной окажется эта последняя, так как сама эта смена будет в значительной части результатом районирования.

5. Районы сбыта экстенсивных систем производств

Предыдущее рассмотрение районов сбыта было построено применительно к индустриальной производственной системе, когда из-

готовление товаров концентрируется в крупных производственных центрах на больших заводах, но далеко не для всех производств можно базироваться на такой системе. Производство хлебов, молочных продуктов, овощей, мяса, льна и т. п. экстенсивно по размещению. Нет центров производства, а существуют поверхности огромного протяжения, каждый гектар которых дает сравнительно незначительную массу товара, но это искупается самой величиной территории, занятой данным производством, так что общее количество товара той или иной категории может быть весьма большим. Эти системы производства теснейшим образом связаны с сельским хозяйством, в виду чего именно в среде экономистов-сельскохозяйственников приобрела столь прочное признание методология районирования по принципу тяготения, основанная на применении к этому вопросу теории Тюнена. [1]

Постановка этого метода обратна той, которая изложена нами выше для определения рынков сбыта индустриальных товаров. Там предполагалось концентрированное производство и широко раскинутый рынок, здесь же обычно берутся концентрированные рынки сбыта товара, произведенного экстенсивно на большой окружающей территории. Кроме того, экстенсивная система вносит сюда одну предпосылку, которой нет в индустрии. Если для данного района сбыта мало индустриального товара, производимого в каком-либо пункте, выгодном для размещения данного производства, то всегда можно увеличить продуктивность заводов до надлежащей степени в том же пункте страны, но эта возможность весьма ограничена для экстенсивных систем. Благодаря росту земельной ренты и здесь, в районах, близких от центров сбыта, выгодно применить повышенную систему полеводства, лучше удобрять почву и т. д., чтобы поднять урожайность, но это увеличение никогда не может быть произвольно большим. Эта ограниченность заставляет в данном случае всегда связывать вопросы производства с размером производящей территории. Кроме того, обычно каждое хозяйство здесь производит столь ограниченное количество продукта, что колебание товарной его части в таком хозяйстве может быть весьма резким. Если двор имеет надел в 12 *га*, из которых под хлебом находится 4 *га*, то при урожайности в 1 тонну с гектара он имеет всего 4 тонны хлеба за средний год. При 6 человеках в составе двора на каждого надо иметь около 1 *т* хлеба в день, что дает в год потребность в 2,2 тонны на хозяйство, не считая потребности скотоводства. Товарного хлеба при этом остается 1,8 тонны. Небольшее колебание урожая при этих условиях резко снижает товарную часть продукта. Если урожай уменьшится на 25%, то товарная часть упадет до 0,8 тонны, т.-е. более чем вдвое, если только хозяева двора не сократят свое личное потребление. Такое же влияние оказывает на ход этого про-

[1] Тюнен, „Изолированное государство."

изводства колебание рыночных цен как на самый хлеб, так и на индустриальные продукты, покупаемые сельскими жителями.

При экстенсивной системе производства весьма своеобразно стоит дело и с учетом себестоимости. По существу это производство можно сравнить с сезонным производством, при котором около $^2/_3$ года население, занятое в нем, не имеет достаточной работы. Как капиталистическое хозяйство, мелкое сельское хозяйство представляется делом просто убыточным.

Если то же хозяйство нормально крестьянского типа со всех своих товаров и рыночных и потребляемых самим двором может получать валовой доход с гектара около 60 руб. на круг (считая здесь и паровое поле), то весь доход будет равен при 12 *га* 720 руб., т.-е. 120 рублей в год на душу, или 10 руб. в месяц. Капиталистическое хозяйство при этом одной заработной платы должно было бы заплатить значительно большую сумму. Если принять, что из семьи работают 3 человека по 100 дней, то при стоимости дня в 3 руб. пришлось бы уплатить 900 руб.

Следовательно, эта система хозяйства приводит лишь к некоторой обеспеченности недостаточного заработка, притом весьма подверженного колебаниям как в зависимости от природных явлений, так и от рыночной кон'юнктуры.

Неиспользованный труд, правда, позволяет обычно крестьянам применить его в других отраслях хозяйства (кустарная промышленность, отхожий промысел и пр.), но эти способы хотя и помогают крестьянам выбираться из тяжелых условий сравнительно удовлетворительно, скорее указывают на неудовлетворительное состояние этого рода хозяйства в тех районах, где земельные наделы недостаточны. Поэтому и здесь всегда приходится обращаться вовсе не ко всей территории страны, а только к тем ее частям, которые менее замкнуты в себе и имеют достаточные и сравнительно постоянные избытки товара.

В отношении хлеба, поэтому, территория Союза делится обычно на районы с недостатком хлеба у сельскохозяйственного населения, на районы, где хлеба достаточно только для собственного потребления, и на районы с избытком хлеба. Между ними нельзя провести очень резких границ, так как от года к году границы несколько передвигаются, но в среднем они все же лежат достаточно определенно на территории страны. Поэтому и здесь мы имеем районы с производством хлеба (товарного), с производством льна, сахарной свеклы, свиней, яиц, птицы и т. д.

Подходя к районированию по производственному методу такой отрасли нашей экономики, как сельское хозяйство, полагаем, что в этой области более чем в другой ошибочно пользоваться методами грубо статистическими. Здесь более, чем где бы то ни было необходим анализ возможностей иного рода, чем те, которые мы наблюдаем теперь.

Эти новые возможности легче всего, конечно, проявить там, где природа быстро окупает усилия человека. Легко сделать высокодоходными земли Туркестана и Закавказья путем мелиоративных работ, но чем дальше на север тем эта проблема становится труднее и сложнее. Мелиоративные работы Южной Украины, Сев. Кавказа, Нижнего Поволжья не могут стоить дешевле туркестанских и закавказских, однако, доходность первых никогда не будет столь высокой, как вторых.

Но дело не в одной мелиорации. Улучшение семян, повышенная обработка почвы, стандартизация продуктов сельского хозяйства, выработка лучших типов растений и животных для каждого района, правильная первичная обработка продуктов сельского хозяйства и многое др. дают возможность в корне видоизменить физиономию нашего деревенского производства.

Сельское хозяйство должно быть выгодным, чтобы оно имело внутренние стимулы для своего роста. Тогда возможны и все те мероприятия, которые перечислены выше, тогда лишь они дадут надлежащий эффект. Деревенское производство также нуждается в накоплении капитала (основного и оборотного), чтобы оно могло подняться на более высокую ступень. Поэтому здесь необходима также разработка плана развития производства с учетом необходимых средств.

Надо подойти к селу так же, как мы подходим к индустрии, и связать эти вопросы вместе, так как противоречия в развитии индустрии и сельского хозяйства порядка не технического, а исторического.

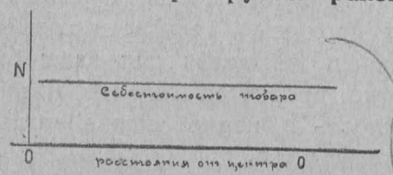
Обычно этому мешает двойственность положения крестьянина: с одной стороны — это плохо вознаграждаемый самостоятельный производитель, а с другой — торговец своей продукции, собственником которой он является, при чем обычно первое его положение затушевано хозяйским состоянием и владением землей, орудиями производства и строениями. Как мы мыслим себе пути дальнейшего развития этого отсталого и существующего в переживших себя формах производства.

Мы организовывали совхозы из прежних помещичьих имений, устраивали сельские коммуны и коллективы, но ни разу еще, кажется, не попробовали хотя бы на одном селе поставить опыт рационального ведения дела, как оно представляется теперь при современной технике. Нигде мы не знаем случая, чтобы сделана была попытка из земель крестьянского какого-либо села создать опытную земельную фабрику, правильно научно разработанную, снабженную достаточными средствами, где крестьяне этого села могли бы иметь правильный заработок, как рабочие. Если бы таким путем и не удалось создать сразу доходного предприятия, то этот опыт, проведенный внимательно, твердо и научно, мог бы дать важные результаты для всех дальнейших работ по организации сельского хозяйства.

Нам кажется, что мы еще не создали серьезных проектов организации экстенсивных производств, за исключением работ агр. Вольфа для Украины, где очень много ценных идей.

Итти путем индустриального метода и здесь необходимо на наш взгляд. Только тогда мы сумеем построить тип правильного хозяйства применительно к особенностям этого производства и сумеем установить специфичность районов и в этой области прямым плановым методом.

Тогда при крупном районировании метод тяготения потеряет свою остроту, а в части обмена он, в сущности, не отличался бы от изложенного выше определения индустриальных рынков, если бы в этот вопрос не вошла проблема соотносительности территории и размеров производства.

N — общая потребность в товаре потребляющего центра
a — урожайность товарная с гектара
l — расстояние от центра потребления
Фиг. 10

Поясню это некоторым расчетом.

Очевидно, что при одинаковых ценах на товар и одинаковой производительности почвы при одинаковых методах обработки рынок снабжающий город был бы достаточен, если бы он был равен

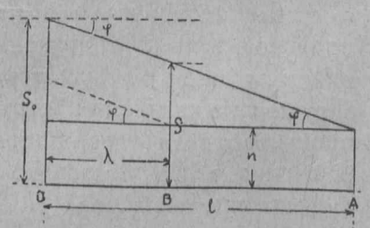
$$N = a\pi l^2, \qquad \text{откуда} \qquad l = \sqrt{\frac{N}{a\pi}}$$

Но при этом сейчас же произойдет появление ренты благодаря транспортным расходам для районов близко расположенных.

Допустим, что производитель крайней точки района имеет цену на данный товар n, а провозная плата с километра равна k.

Тогда в местах, расположенных ближе к городу, производитель получает возможность иметь избыток в цене.

Равняясь по наиболее отдаленному потребителю, цена в городе, очевидно, установится в следующем размере:

Фиг. 11

$$S_0 = n + kl$$

Но за эту же цену будет продавать городу свой товар и производитель в точке B, получая при этом избыточную прибыль против производителя в точке A, равную (см. фиг. 10)

$$t = (l - \lambda)\,tg\varphi = (l - \lambda)\,k$$

Эта избыточная прибыль заставит ближайших к городу производителей усилить свое производство, так как даже при более высоких затратах на производство товара прибыль все же будет достаточна.

Поэтому равномерность нарушится как в отношении продуктивности территории, так и в отношении себестоимости производства. При этом, очевидно, город не испытает колебаний в цене, но рынок станет с меньшим радиусом l_1, благодаря интенсификации ближайшей территории.

Фиг.12

Получается так называемый производственный рельеф района. Это обстоятельство, конечно, должно учитывать при проектировании районов, но все же не следует преувеличивать значения этого процесса, так как для многих товаров расход lk, т.-е. транспортный расход, так мал по отношению к цене товара, что он не может серьезно влиять на интенсификацию.

При ставке в 0,6 коп. с тонно-километра для пшеницы, имеющей цену 90 руб. за тонну, перевозка ее на 300 километров создаст повышение цены только в 1 руб. 80 коп., т.-е. всего на $2^0/_0$, что, конечно, недостаточно, чтобы создать повышение производства благодаря транспортной ренте.

Расстояние 300 *км*, вместе с тем, также велико, что не приходится говорить о равных условиях почвы и пр. Вообще эта теория хороша, может быть, только для таких грузов, которые недорог и в цене, но требуют больших транспортных расходов (молоко, овощи и т. п.).

Поэтому теория тяготения и здесь не может быть применена для определения рынков сбыта. И здесь остается, после производственного районирования по методу специализации производства в наивыгоднейших для них районах, тот же метод определений рынков сбыта, что и в индустрии; при этом то обстоятельство, что здесь производство связано с территорией, не будет играть большой роли, если мы разделим район на такие площади, которые достаточно малы по сравнению с территорией страны.

При этом если бы мы разделили какой-либо район на несколько подрайонов и для каждого определили рынки сбыта, то мы тем самым произвели бы и внутренний анализ района по распределению продукции каждого товара в различные части страны или на внешний рынок.

Таким образом, и в этой трудной области экстенсивных производств единство метода может быть вполне сохранено как при определении границ районов, так и их экономической соотносительности по методу рынков сбыта.

6. Районирование и транспорт

В предыдущем рассмотрении районирования сбыта было видно, какую роль в этих построениях играет транспортная слагающая при ценообразовании. Но транспорт играет видную роль не только при районировании сбыта, а и при производственном районировании.

Мы видели, что даже в простейшем случае разыскания наивыгоднейшего места для производств при помощи транспортного показателя в его народнохозяйственной форме приходится иметь дело с себестоимостями перевозок по путям сообщения.

В предыдущих расчетах мы везде предполагали, что тарифная ставка — величина постоянная и независящая от процесса перемещения товаров на путях сообщения, но это постоянство допустимо в расчетах только тогда, когда изменения в перевозках, зависящие от того или иного размещения завода, незначительны по отношению ко всей работе соответствующих транспортных линий.

Однако, легко видеть что при планировании таких крупных промышленных комбинатов, как районные производственные комплексы, транспортные параметры становятся параллельными в высокой степени.

Может быть еще одно соображение, устраняющее транспорт из расчета, — это тот случай, когда часть цены товара, зависящая от транспорта, невелика по соотношению с ценой товара.

Наш средний пробег грузов в настоящее время колеблется около 540 *км*. Если считать, что себестоимость средней перевозки равна 2 коп. с тонно-километра, то средний накладной расход от транспорта равен в наших условиях 10 руб. 80 коп. на тонну. Это уже сам по себе огромный расход, но некоторые грузы, как хлеб, уголь, железо, хлопок и др. имеют пробеги, иногда исчисляемые тысячами верст и для них транспортная доля в цене обычно очень велика. Уголь из Донецкого бассейна идет до Москвы около 1000 *км*, что при ставке в 0,6 коп. с тонно-*км*, даст 6 руб. с тонны при основной цене тонны угля в 10 руб. 40 коп. Если прибавить еще разные сборы на станциях, то весь транспортный расход приблизительно составит около 7 руб. и цена в Москве получится равной 17 р. 40 к., т.-е. увеличится на 67,3%.

Но надо иметь в виду, что в большинстве производств вес подвозимого сырья очень сильно превышает вес получаемых изделий. Так, для металлургического завода на тонну выпускаемой стали необходимо подвести пятикратный вес, в виду чего транспортный расход внутри самого производства становится очень серьезным. При среднем пробеге в 200 *км* и ставке транспорта 1,2 коп. с тонно-*км* расход на оплату перевозок на 1 тонну проката ляжет в размере

$$0{,}01 \cdot 5 \cdot 200 \cdot 1{,}2 = 12 \text{ руб.}$$

Как изменяется работа транспорта при изменении грузооборота, мы здесь не можем разбирать, так как это завлекло бы нас в огромную работу специального характера. Однако, можно установить ряд принципов, касающихся этой области.

1. Наивыгоднейшее решение для производственного районного комплекса будет то, при котором сумма себестоимостей изделий и приращений ежегодных расходов на транспорте будет наименьшей.

Таким образом, вносимые новым проектом изменения в хозяйстве района должны дать не только наиболее низкую себестоимость изделий, но не должны вызывать повышений относительных расходов на транспорте, а в лучшем случае возможно получение удешевления перевозок.

2. Так как с ростом грузооборота на одной линии падение себестоимости перевозки идет близко к гиперболическому закону, то важно выделение линий концентрированного движения, которые только и могут создать условия для наиболее дешевого транспорта.

3. Движение грузов должно быть так организовано, чтобы при этом получился возможно меньший пробег порожняка и паровозов без поездов.

Отсюда возникает задача проектирования внутрирайонного транспорта, который должен рассматриваться как элемент производственного комплекса на ряду с электрическими централями.

При проектировании центральных больших электрических станций также всегда должно быть сделано сопоставление между передачей тока по проводам и передачей энергии в виде топлива по путям сообщения. Этот же принцип важен при расчете размещения самих электростанций, за исключением гидроэлектрических так как эти последние всегда прикреплены к месту.

Кроме внутрирайонного транспорта, изучение районов сбыта и районной торговой соотносительности приведет к построению междурайонного транспорта, в котором надо выделить, прежде всего, потоки большого движения. Эти потоки должны быть сконцентрированы на минимальном числе линий типа сверхмагистралей, позволяющих получить наиболее дешевый транспорт.

Кроме этих основных путей товарообмена должны быть, конечно, спроектированы и постепенно построены все пути следующих типов:

1. Пути, питающие большие сверхмагистральные линии.
2. Пути, связанные с развитием экстенсивных производств.
3. Пути главных пассажирских передвижений.
4. Выходные пути к морским портам.
5. Выходные пути к главным пограничным пунктам, где концентрируется международный обмен по сухопутным границам государства.

Весьма важно для страны, имеющей большую внешнюю торговлю, связать с железнодорожным и основным водным транспортом правильное развитие портового дела. Здесь также надо иметь в виду несколько основных позиций, которые должны быть положены в основу планирования портового хозяйства.

1. Число первоклассных портов должно быть минимальным.

2. Каждый порт должен быть хорошо связан путями с соответственными производственными районами страны.

3. Первоклассный порт должен быть так совершенно оборудован в отношении достаточности акватории, причальных линий, погрузочных приспособлений, глубин, маячной службы и пр., чтобы работа судов в нем заканчивалась в кратчайший срок и при минимальной величине расходов.

4. Количество собственных судов лучшего типа надо иметь в таком количестве, чтобы можно было во всяком случае ими регулировать иностранные фрахты.

Таким образом, все элементы транспорта становятся элементами производственного плана и районирования как в отношении установления границ районов и выявления производственных форм их, так и в отношении установления районной хозяйственной соотносительности и междурайонного обмена. [1]

7. Заключение

Мы коснулись целого ряда вопросов, связанных с проблемой районирования. Остались неосвещенными: 1) проблема связи районирования с национальным вопросом, 2) принципы более мелкого районирования, 3) связь экономического районирования с административной реформой, 4) развитие местного хозяйства при районировании, 5) организационные вопросы при районировании и многое другое. Но в главных чертах это нами дано в предыдущих работах. Более же подробное изложение увеличило бы размер статьи во много раз, что вынудило нас ограничиться лишь узкою темой основного областного районирования с точки зрения главных методологических построений.

Те математические отвлечения и интерпретации, которые приведены выше, может быть, затруднят некоторых читателей статьи, но меня, как инженера, с одной стороны и экономиста — с другой, всегда поражало, что так подробно всегда рассчитывают в инженерном деле даже небольшую и неответственную конструкцию, а в экономике, где вопросы много крупнее и важнее, все ограничивается обычно общими рассуждениями и сопоставлениями. Правда, и у нас и за границей существуют уже течения мысли, стремящиеся охватить расчетом и экономические явления, но пока это только еще начало тех серьезных работ, которые необходимы в этой области. Очень часто правильная тенденция, установленная при наблюдении жизненных процессов в области народной экономики, при расчете числовом показывает, что при всей правильности тенденции ее количественное выражение весьма слабо, и наоборот— часто под-

[1] В виду методологического характера статьи мы не даем здесь полного обзора транспорта, по этой причине нами вовсе не рассмотрены речной транспорт, нефтепроводы, обыкновенные дороги, авиационные линии и взаимная их соотносительность с основной железнодорожной сетью.

счет явления, довольно не ярко выявленного в обычных отчетных данных, показывает его глубокое и коренное значение.

Принципы жизни не могут быть установлены математическим анализом, но раз вскрытая тенденция этим анализом может быть охарактеризована по величине, а следовательно, и по относительной значимости.

Математика не создает новых понятий, она развертывает лишь то, что заключается уже в том или ином утверждении, и таким образом дает его в раскрытой форме.

Во всяком случае, построение районов, как производственных комплексов, установление их взаимной значимости и разработка очередностей неминуемо приведут к крупной аналитической работе, идущей много дальше тех интерпретаций иллюстративного характера, которые даны нами в настоящей статье.

С. Г. Струмилин

Процессы ценообразования в СССР

I. Теоретическая установка

В условиях капиталистического хозяйства, как известно, средний уровень цен всей товарной массы, взятой в целом, определяется законом ценности, т.-е. суммой общественно-необходимых трудовых затрат, овеществленных в этой товарной массе. Но конкретные цены отдельных товарных групп и товаров отнюдь не совпадают с их трудовой ценностью. Они отклоняются вверх и вниз от своего ценностного уровня, определяемого условиями производства, под влиянием тех или иных условий распределения. В капиталистическом обществе общественное распределение благ осуществляется в порядке стихийной конкуренции между собою на рынке продавцов и покупателей. В этой всеобщей конкурентной борьбе на рынке всех против каждого и каждого против всех необходимо все же различать следующие классовые группировки.

Капиталисты во взаимной борьбе между собою за покупателя заинтересованы только в возможно высокой норме прибыли на свой капитал. Поэтому условием равновесия для них в этой борьбе является равная норма прибыли в разных производствах, независимо от уровня органического строения капитала в каждом из них. Отсюда, как неизбежное и вполне закономерное последствие, проистекает отклонение цен от ценности к верху в производствах с повышенным строением капитала и к низу — в производствах с пониженным его строением.

Капиталисты в своих претензиях на участие в распределении народного дохода опираются на свое — фактически ими монополизированное — право собственности на основные средства производства. Подобно этому землевладельцы в капиталистическом обществе на основании присвоения себе монополии распоряжения землей и недрами требуют и себе за право использования этих естественных богатств в производстве известной доли народного дохода, именуемой рентой. Это, в свою очередь, приводит к тому,что цены в тех отраслях производства и предприятиях, которые вынуждены платить особо высокую дань землевладельцам в виде ренты, должны отклоняться от ценности в сторону повышения. Конечно, это повышение цен в условиях равной нормы прибыли уравновешивается

соответствующим снижением их в отраслях производства и в предприятиях, свободных от этой дани или выплачивающих ее в размерах ниже средней нормы.

Пролетариат выступает на товарном рынке только с интересами потребителя. Его интересует, прежде всего, потребительная ценность приобретаемых им благ. Но если пропорция благ, выброшенных на рынок, не позволяет ему удовлетворить все свои потребности в пределах тех покупательных средств, которыми он располагает равномерно, то за недостаточные товары он готов будет под влиянием конкуренции заплатить и выше их ценности, возмещая эти переплаты в ценах благ, изобилующих на рынке. В этом именно и сказывается так называемый закон спроса и предложения.

Однако, в качестве потребителя на рынке выступает не только пролетариат, но и другие классы. И если диспропорция между спросом и предложением по отдельным товарам приводит, скажем, к тому, что предметы широкого потребления оказываются в недостаточном предложении и продаются выше их ценности, а предметы роскоши и комфорта имеются в относительном избытке и продаются ниже их трудовой ценности, то мы, несомненно, и за счет этой диспропорции имеем в отклонении цен от ценности определенный рычаг социального перераспределения народного дохода, ибо продукты широкого потребления достаются преимущественно одним классам населения, а предметы роскоши и комфорта — другим.

Наконец, и государство в качестве аппарата господства известных классов создает через систему акцизов, пошлин и иных промысловых сборов дополнительную шкалу отклонений цен от ценностей в целях перераспределения народного дохода. В той части, в которой он извлекается на оплату услуг госаппарата, государственная власть обычно извлекает его с таким расчетом, чтобы оплачивались эти услуги совсем не теми классами, которые ими пользуются.

Мы перечислили здесь все основные рычаги стойких отклонений цен от ценности, действующие на капиталистическом рынке. Это — монополия собственности на землю рентьеров, различная степень монополизации прочих средств производства буржуазией в разных отраслях хозяйства и монопольно классовый характер государственной власти, с одной стороны, при обездоленности основной пролетарской массы потребителей как в средствах производства, так и в политической власти — с другой стороны.

Можно было бы еще указать на общую анархию капиталистического хозяйства, обреченного уже вследствие отсутствия общего хозяйственного плана на постоянные частные и периодические общие нарушения равновесия между спросом и предложением на том или ином рынке, со всеми вытекающими отсюда конъюнктурными колебаниями цен вокруг среднего их уровня для каждой данной товарной группы. Но мы сознательно отвлекаемся пока от этих

отклонений кон'юнктурного происхождения. В течение полного кон'юнктурного цикла отклонений вверх и вниз от среднего уровня такие колебания взаимно уравновешиваются, в то время как вышеуказанные причины отклонения цен от ценности, опирающиеся на монопольные привилегии господствующих классов, действуют постоянно в одном направлении и влекут за собой соответствующее перераспределение народного дохода.

Говоря лишь о длительных и стойких отклонениях цен от ценности в сторону превышения трудовых затрат, мы, в сущности, всегда имеем дело с ценами монопольного происхождения. Что же касается одновременного отклонения других цен в обратную сторону, то оно представляет собою лишь оборотную сторону той же медали. Всякое превышение одних цен над их ценностным уровнем неизбежно должно сопровождаться соответствующим снижением других, ибо средний уровень цен всех товаров, согласно нашей теоретической предпосылке, в точности соответствует их ценности.

Яснее всего это можно проследить в отношении тех цен, которые сознательно диктуются рынку как монопольные. Какой-нибудь капиталистический трест, монополизируя в своих руках снабжение рынка тем или иным товаром, устанавливает на этот товар цену по своему произволу, так как не встречает на нем достаточно мощных конкурентов. Правда, этот „произвол" отнюдь не безграничен. Монополист не может, назначив какую угодно цену, продать сколько угодно товара. Законы рынка ограничивают его произвол в том отношении, что чем выше назначит он цену, тем меньше реализует своей продукции. Опыт показывает, однако, что в известных пределах монополист может увеличить свою общую выручку от реализации и прибыль даже при некотором сужении производства. И тогда это должно неизбежно сказаться на ценах других, не монопольных товаров. Емкость рынка не безгранична. Весь избыток этой емкости, поглощаемый повышением цен монопольной группы товаров, сказывается дефицитом емкости для остальных товаров и понижает их цены. А затем, в последнем счете, такие смещения цен влекут за собой определенные сдвиги в структуре общественного потребления и воспроизводства соответствующих благ.

В нашу задачу не входит более детальный анализ проблемы монопольных цен на капиталистическом рынке. Нам хотелось бы зафиксировать лишь следующие выводы.

Помимо кон'юнктурных колебаний цен циклического характера, капиталистический рынок являет перед нами картину целой серии стойких смещений и сдвигов цен от ценностного их уровня во всех отраслях хозяйства. Эти смещения отнюдь не случайны для капиталистического общества. Они столь же закономерны, как и определяющий их факт монопольного сосредоточения в руках господствующих классов и земли и прочих средств производства и самой государственной власти, санкционирующей характерные для этого

общества условия присвоения и распределения народного дохода Таким образом, если ценностный уровень товаров целиком определяется условиями их воспроизводства, то причины стойких отклонений рыночных цен от этого уровня нам приходится отыскивать уже только в условиях присвоения и распределения благ. И тем не менее, все же эти отклонения оказывают прямое и решающее влияние не только на размеры потребления, но и на масштабы воспроизводства различных групп товаров. Говоря иначе, в процессах ценообразования в капиталистическом обществе мы находим типичный пример такого переплетения причин и следствий, где производственный базис, определяя собою всякие юридические и политические надстройки (условия присвоения), в свою очередь, испытывает на себе их обратное воздействие.

И далее. Капиталистическое хозяйство анархично. Но если бы оно даже могло преодолеть стихию рынка и устанавливало вполне сознательно и масштабы производства всех необходимых ему благ и цены, то в этом хозяйственном плане были бы предусмотрены все те же стойкие отклонения цен от ценности разных товаров вверх и вниз, какие наблюдаются и ныне. Вся разница при этом свелась бы лишь к тому, что основная тенденция к уравнению нормы прибыли, осуществляемая ранее в результате рыночной конкуренции стихийно, стала бы центральной целевой установкой плана. Рыночные цены—гласила бы эта плановая установка—должны устанавливаться с таким расчетом, чтобы норма прибыли по всем предприятиям была одна и та же, т.-е. чтобы раздел общей прибавочной ценности в стране осуществлялся пропорционально доле участия каждого предпринимателя и землевладельца в общей сумме капитальных фондов, включая сюда и цену земли, т.-е. капитализированную ренту.

Но такой план, обеспечивающий стойкие отклонения цен от ценности, тем самым должен был бы закрепить сознательно и соответствующие им диспропорции в производстве различных благ по отношению к пред'являемой рынком сумме потребностей, ибо такие диспропорции в производстве и удовлетворении наличных потребностей страны являются неизбежным дополнением тех или иных сдвигов в ценах.

К таким выводам нас приводит свойственный капитализму разрыв между общественным характером производства и условиями частного присвоения, нашедшими себе столь яркое выражение в законе равной нормы прибыли. Капиталистическое руководство, даже будь оно плановым, не смогло бы организовать производство так, чтобы оно давало максимум того, что оно способно дать всему обществу в целом, ибо оно руководит общественным хозяйством, исходя лишь из своих собственных узко-групповых или даже чисто-индивидуальных интересов, явно противоречащих интересам всего общества в целом.

Октябрьская революция, однако, открыла перед нами новую эру общественного хозяйства. Закон равной нормы прибыли в советских условиях хозяйства является уже явным пережитком. Он для нас отнюдь не обязателен. Абсолютная земельная рента после национализации земли тоже должна потерять свое действие на процессы ценообразования. И, естественно, возникает вопрос, как же в новых советских условиях переходного периода должны складываться процессы ценообразования, как в той части, в какой они определяются законами рынка, так и в той, где они поддаются регулирующему воздействию плановых органов?

Мы уже ныне практически регулируем и рыночные цены и связанные с ними неразрывной цепью нормы накопления. Но достаточного теоретического освещения эта проблема у нас еще не получила. Рассуждая абстрактно, можно было бы заключить, что поскольку социализм должен обеспечить оптимально равномерное удовлетворение всех потребностей общества, в социалистическом плане следует проектировать такое распределение труда, которое в корне исключает какие-либо диспропорции между производством и потреблением, а стало быть, и какие-либо отклонения цен от ценности производимых благ. Но это слишком абстрактная постановка вопроса. Прежде всего потому, что при законченном построении социализма у нас уже не будет рыночного распределения общественной продукции. И потому вопрос о „ценах" вообще потеряет всякий смысл и актуальное содержание. В применении же к „переходному периоду" приближения к социализму, когда проблема цен особенно для нас важна и актуальна, мы отнюдь не можем без конкретного анализа фактических процессов ценообразования во всей их многосложности установить те или иные закономерности и целевые установки.

В самом деле. Действие закона равной нормы прибыли на цены в наших условиях теряет свое значение в обобществленном секторе. Но остается еще и частный сектор производства. Абсолютная земельная рента отпадает после революции. Но диференциальная рента остается и, стало быть, попрежнему оказывает известное действие на образование цен. Капиталистическое государство разрушено, но диктатура пролетариата существует. И наша налоговая система — пошлины и акцизы — являются отнюдь не маловажным фактором ценообразования. А главное, не следует забывать, что диктатура пролетариата получает в ценах гораздо более гибкое орудие классовой политики, чем это было возможно для буржуазии. В капиталистическом хозяйстве цены и норма прибыли определялись все же стихийными факторами. Каждый предприниматель в отдельности и даже все они в совокупности не могли регулировать цены и прибыль по своему произволу. А ныне в советском хозяйстве мы их можем изменять по своему произволу в довольно широких пределах.

Именно в порядке нашей классовой хозяйственной политики мы зачастую идем на такие резкие отклонения цен от ценности, какие вовсе были бы невозможны в условиях стихийного регулирования рыночных цен. Например, мы совершенно сознательно устанавливали в интересах под'ема крестьянского хозяйства убыточные для себя цены на сельскохозяйственные машины и удобрительные туки. Этого не допустила бы стихия рынка. В интересах индустриализации страны мы удешевляем цены топлива и средств производства за счет повышения нормы прибыли в легкой промышленности. В интересах интенсификации земледелия мы в районах льна и хлопка продаем по удешевленным ценам рожь и пшеницу и планомерно стремимся установить посредством соответствующих заготовительных цен более высокую рентабельность трудоемких технических культур по сравнению с более экстенсивными — зерновыми. В интересах классового регулирования потребления различных социальных групп населения мы назначаем цены на предметы роскоши, на шелковые ткани и тонкие сукна с гораздо большей прибылью, чем, скажем, на черный хлеб и демократические ситцы. В интересах обобществления мы устанавливаем даже на одни и те же продукты разные цены и прочие условия продажи для частного торговца и кооперации, разные тарифные ставки для перевозок в адрес частного и обобществленного сектора и т. д., и т. д.

Столь активная политика цен, несомненно, может даже углубить свойственные и капиталистическому рынку разрывы между ценой и ценностью. И все же в переходный период мы едва ли сможем, да и не захотим отказаться от столь мощного рычага перераспределения народного дохода и реконструкции всего народного хозяйства, каким в руках организованного пролетариата является регулятор плановых цен. Дело в том, что переходный период к социализму есть, прежде всего, период технической и социально-экономической реконструкции во всех областях хозяйства. Но если в пределах социалистического сектора мы располагаем достаточными рычагами реконструкции и помимо регулятора цен, то в отношении частнохозяйственного сектора этот регулятор является одним из наиболее прямых и безболезненных рычагов реконструкционного воздействия не только на распределение, но и на все производственные процессы.

Полное соответствие цен закону трудовых затрат не создает никаких специальных стимулов для изменения установившихся уже производственных пропорций. Оно равносильно отказу от всякой политики цен и может быть оправдано лишь с того момента, когда наличные производственные пропорции в стране нас вполне удовлетворяют.

Таким образом, курс на сближение плановых цен с трудовой ценностью едва ли соответствует реконструкционным задачам переходного периода к социализму. Он во всяком случае озна-

чал бы отказ от активной политики больших производственных сдвигов в частнохозяйственном секторе вообще и в сельском индивидуалистическом хозяйстве в особенности. Ибо в этой области гораздо легче вызвать революцию в производстве через революцию в ценах, чем наоборот.

Но вполне сознательное плановое маневрирование ценами требует отчетливого знания, в какую сторону и насколько именно отклоняются проектируемые нами цены от трудовой ценности данного рода продукции. Если, скажем, нам необходимо расширить посевный клин льна или подсолнуха в соответствии с ростом наших потребностей, и мы должны для этого поднять цены этих культур выше их ценности, то мы, прежде всего, должны знать, какова эта ценность в данный момент.

Располагаем ли мы такими знаниями в нашей повседневной плановой практике? Нет, еще не располагаем. Однако, все элементы для такого познания у нас накоплены уже в достаточном количестве. Издержки производства и обращения и нормы накопления, благодаря имеющейся оперативной отчетности по госсектору и бюджетным исследованиям крестьянского хозяйства, поддаются самому детальному изучению. Нужно лишь по-исследовательски овладеть этим материалом, подвергнуть его должному анализу и синтезу в свете марксистской теории и извлечь все практически ценные выводы для планового использования.

В охвате всего народного хозяйства такой анализ издержек производства и норм накопления представляет собою, однако, слишком широкую задачу для отдельного исследователя. Над этой проблемой придется поработать еще не мало целыми коллективами. Но отдельные главы такой коллективной работы могут быть выполнены и в одиночку. В частности, нам кажется, что в первую очередь следовало бы подвергнуть изучению структуру цен советской промышленности.

Попробуем же посильно разрешить эту задачу.

2. Состав продукции

Отчетность государственной промышленности в части учета издержек производства не подвергалась до сих пор официальным ведомственным сводкам. Об'ясняется это отчасти недооценкой практического значения этого рода отчетности, отчасти столь далеко идущей „рационализацией“ штатов центральной бухгалтерии, при которой она уже физически не в состоянии выполнять своего прямого назначения. Во всяком случае приходится констатировать весьма печальный факт, что поступающая с мест богатейшая отчетность об издержках производства накапливалась до сих пор в стенах ВСНХ лишь в качестве обильной пищи для „грызуще критики мышей.“

Работники Госплана, которым в связи с активно выдвигаемой у нас проблемой снижения цен эти материалы были, повидимому, нужнее даже чем самому ВСНХ, пытались неоднократно отвоевать у архивных мышей ВСНХ часть их законной добычи и сделать из нее более рациональное употребление.[1] Но нашими слабыми силами мы не могли, разумеется, охватить всего материала и подвергнуть его исчерпывающему анализу и обработке. К тому же за прошлые годы материал трестовской отчетности об издержках производства обладал целым рядом дефектов, которые мы даже при всем желании не могли бы выправить, не располагая всей суммой трестовской отчетности. К счастью, в отчетности за 1925/26 год таких дефектов гораздо меньше, и предлагаемая ниже сводка счетов производства по 73 трестам общесоюзной промышленности может быть использована гораздо полнее и продуктивнее.

Чтобы иметь представление о масштабе охвата предлагаемой нами сводки по трестам союзного значения, приведем следующую справку об их удельном весе в общем итоге цензовой промышленности[2] (см. табл. 1).

Как видим, по данным ЦСУ промышленность союзного значения, включая электростанции, обнимает по числу заведений всего 11,2% общего их числа. Но это наиболее крупные заведения и потому по продукции на ее долю падает до 48% общего итога, а по количеству рабочих и механической двигательной силы даже много больше. Валовая продукция, однако, плохой показатель, потому, что в добывающей промышленности, охваченной почти на сто процентов союзными трестами, она за отсутствием сырья низка, а в обрабатывающей, в зависимости от ценности перерабатываемого сырья, гораздо выше на единицу затраченного труда. А потому лучше исходить непосредственно из количества труда, овеществляемого в той или иной группе предприятий. В таком случае на предприятия союзного значения придется отнести около 52% всей создаваемой в крупной промышленности суммы ценностей.

ЦСУ относит, однако, к разряду промышленных заведений союзного значения несколько более широкий круг фабрик и заводов, чем тот, по которому ведется бухгалтерская отчетность в союзном ВСНХ. Круг предприятий, охваченных нашей сводкой, может быть охарактеризован следующими данными (см. табл. 2).

Эта таблица составлена, главным образом, по статистической отчетности ЦОСа ВСНХ.[3] Валовая продукция здесь учитывается

[1] См. сводки за 1923/24 и 1924/25 гг., опубликованные Ф. Л. Дрибиным в „План. Хоз.“ № 9 за 1925 г. и № 2 за 1927 г.

[2] Фабрично-заводская промышленность Союза ССР за 1925/26 г., изд. ЦСУ СССР, М., 1927 г., таблицы, стр. 2 и 112.

[3] См. „Промышленность СССР в 1925/26 опер. году,“ М. 1927 г. т. II и „Ежемесячные стат. бюллетени“ ЦОСа ВСНХ. По Сахаротресту: „Эконом. итоги работы Сахаротреста за 1925 г.“ М. 1927 г., „Материалы по статистике сахарной промышленности за 1925/26 г.“. М. 1927 г. и др. Отработанные дни рабочих по Сахаротресту взяты за полный (октябрьский) год. По ЦОСу их учтено всего 12.753 тыс., по ЦСУ 13.875 тыс.

так же, как и в ЦСУ, т.-е. по заводской оценке в отпускных ценах без акциза за исключением текстильной группы, где очищение от акциза технически затруднительно. По этому признаку наша сводка охватывает лишь около 96% валовой продукции, учтенной по общесоюзной промышленности органами ЦСУ. На ряду с данными ЦОСа мы приводим, однако, для сравненяя и бухгалтерский учет валовой продукции (себестоимость плюс прибыль) по тем же 73 трестам. Этот учет включает и акциз, но за то исключает внутритрестовский оборот. В общем итоге при этом прибавка акциза почти уравновешивает исключение внутритрестовского оборота, но по различным отраслям производства расхождение получается очень солидное.

Особой оговорки заслуживают данные по Сахаротресту. Этот трест почему-то освобожден от обязанности представлять счет производства по тем формам, какие установлены для всех остальных трестов. Кроме того, он добился права составлять свой годовой баланс на 1 января вместо общеустановленного для всей страны срока— 1 октября. Никаких разумных оснований для таких привилегий Сахаротресту указать невозможно. Производство сахара сезонное, начинается с октября, кончается к весне, и январский срок захватывает все производственные процессы в самом их разгаре. Трест вынужден поэтому фактически все производственные счета приурочивать все же к сезонному, а не к календарному году. И в результате между балансом и счетами производства получается величайший разнобой. Вместе с тем, крайне затрудняется и сводка данных по Сахаротресту с данными по всем остальным производствам. В частности, очень трудно получить сопоставимые данные о затратах труда и результатах производства по Сахаротресту. Еще прискорбнее этот разрыв производственного и отчетного периода сказывается на точности калькуляции. Практика Сахаротреста в этой области сводится к тому, что прямые затраты по производству сахара за кампанию, т.-е., скажем, за октябрь — февраль, складываются с накладными, исчисленными за календарный год, и стало быть, охватывающими две различные производственные кампании. Накладные расходы по Сахаротресту исчисляются многими десятками миллионов рублей и с каждой кампанией резко возрастают. К каким совершенно нетерпимым искажениям отчетности это должно приводить — понять не трудно. Этот дефект необходимо устранить. Отчетность Сахаротреста должна быть приурочена к октябрьским годам. А пока, волей-неволей, нам придется пользоваться той отчетностью, какая есть.

Итоги валовой продукции по данным текущей статистики ЦОСа не совпадают с данными бухгалтерской отчетности ВСНХ не только вследствие разных методов учета, но и вследствие разного охвата продукции. Бухгалтерская отчетность в отличие от статистической охватывает продукцию не только основного производства, но и вспомогательных, например, продукцию силовых станций, заводского

Таблица 1

Состав цензовой промышленности СССР по социальным секторам и формам подчиненности за 1925/26 г.
(Данные ЦСУ)

Секторы и формы подчиненности	Действовало заведений		Мощность двигателей к концу года		Рабочие в среднем за год		Отработано ими человекодней		Валовая продукция [1]		Среднее число рабочих на 1 заведение
	Абсол.	В % % к итогу	В тыс. НР	В % % к итогу	В тыс.	В % % к итогу	В млн.	В % % к итогу	В млн. черв. руб.	В % % к итогу	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Госсектор											
1. ВСНХ СССР	1.459	11,2	2.187,4	60,7	1.211,1	52,7	306,2	52,0	4.767,0	47,8	830
2. Республик. ВСНХ . .	1.047	8,1	376,2	10,4	265,8	11,6	69,1	11,7	1.198,2	12,1	253
3. ГубСНХ	2.449	18,8	442,7	12,3	449,7	19,6	116,7	19,8	1.895,9	19,0	184
Итого по 1—3 . . .	4.955	38,1	3.006,3	83,4	1.926,6	83,9	492,0	83,5	7.261,1	78,9	389
4. Проч. наркоматов . .	816	6,3	112,8	3,1	76,9	3,4	20,3	3,4	491,2	4,9	94
5. Горкомхоз	451	3,5	2 8,7	6,3	27,0	1,2	7,4	1,3	134,3	1,3	60
6. Прочие	2.327	17,9	176,6	4,9	110,9	4,8	28,8	4,9	441,7	4,5	48
Итого 4—6 . . .	3.594	27,7	518,1	14,3	214,8	9,4	56,5	9,6	1.067,2	10,7	60
Итого 1—6 . . .	8.549	65,8	3.524,4	97,7	2.141,4	93,3	548,5	93,1	8.928,3	89,6	251
II. Кооперат. сектор	2.297	17,6	63,6	1,8	96,4	4,2	25,6	4,3	639,3	6,4	42
III. Частнокапит. сектор . . .	2.166	16,6	18,4	0,5	58,0	2,5	15,1	2,6	398,3	4,0	27
Всего по I—III . . .	13.012	100	3.606,4	100	2.295,8	100	589,2	100	9.965,9	100	176

[1] Валовая продукция исчислена по заводскому методу в отпускных ценах трестов без акциза, кроме текстильной продукции, где акциз входит уже в стоимость полупродукта — пряжи.

Итоги производства по 73 трестам ВСНХ за 1925/26 г.[1]

Таблица 2

Отрасли промышленности	Число трестов	В них действ. завед. (заводов, шахт и т. п.)	Рабочий персонал в среднем за год			Отр ботано дней (в тысячах)		Продукция в млн. черв. руб.		
			Служащие	Рабочие	Младш. обслуж.	Рабочими	Младш. обслуж. персон.	Заводская оценка без акциза	Трестовск. оценка	
									Без акциза	С акцизом
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Текстильная	22	214	27.092	484.859	16.265	123.773	4.556	1.943,6	1.372,3	1.450,8
2 Металлическая	23	189	48.886	327.578	23 087	93.841	6.562	893,8	830,4	830,4
3. Сахарная	1	145	10.377	62.672	6.336	18.332	1.645	485,6	351,3	583,8
4. Нефтяная	4	41	6.618	41.893	3.509	11.971	1.052	454,8	313,7	313,9
5. Каменноугольная	5	211	11.741	141.162	6.292	37.241	2.063	218,8	265,0	265,0
6. Химическая	7	48	4.528	29.410	1.710	7.390	477	204,2	204,1	212,4
7. Пищевая	2	128	2.957	10.045	821	2.620	234	166.9	172,7	544,9
8. Электротехническая	4	33	5.232	25 218	1.597	6.529	444	132,4	138,7	138,7
9. Лесная	4	50	1.140	12.603	960	3.429	287	43,7	94,8	94,8
10. Бумажная	1	10	1.254	11.434	809	3.056	226	39,4	68,3	68,3
Итого . . .	73	1.079	119.825	1.146.874	61.386	308.182	17.546	4.583,2	3.811,3	4.503,0

[1] Данные по Сахаротресту относятся только к основному производству сахара-песка и рафинада, сельхозы, винокуренные и прочие побочные производства не вошли в учет. Расхождение данных о продукции по лесной и бумажной промышленности в гр. 9 и 10 объясняется, повидимому, тем, что в бухгалтерской отчетности (гр. 10) проведены по счету производства собственные лесозаготовки, импортная целлюлоза, бумага и тому подобные статьи.

транспорта, ремонтных мастерских и т. д. Большая часть продукции таких вспомогательных или подсобных производств проходит, конечно, по внутреннему обороту трестов и потому не имеет рыночного значения. Но в известной части она отпускается и на сторону, и в этой части подлежит учету наравне с продукцией основных производственных цехов.

В общих по всей нашей сводке итогах мы имеем такое расчленение производимой трестами к выпуску продукции (см. табл. 3).

Как видим, союзные тресты помимо товароматериальных ценностей отпускают на сторону и энергию и транспортные и ремонтные услуги. Правда, общий их итог, включая сюда и работы по капитальному ремонту собственного имущества трестов, не превышает и 7,5% от общей заводской себестоимости выпуска. Но все же это величина, которую не приходится игнорировать при общем учете промышленной продукции.

Разделение выпуска товарной продукции в приведенной таблице на материалы, полуфабрикаты и готовые изделия чрезвычайно условно, ибо то, что для одного предприятия является готовым изделием,— например, пряжа для прядильной фабрики,— для другого будет лишь полуфабрикатом — пряжа для прядильно-ткацкой фабрики, или даже только материалом — пряжа для ткацкой фабрики. Больше интереса представляет разделение этих ценностей на потребленные внутри трестов и выпускаемые на сторону. Благодаря внутренним безденежным переходам продукции из одного производственного отделения на другое и с одной фабрики на другую в пределах одного и того же треста валовой оборот нашей союзной промышленности почти вдвое превышает товарную ее продукцию, выпускаемую на сторону, т.-е. через рынок.

Конечно, масштаб внутреннего оборота продукции в промышленности целиком определяется ее организационными формами. В мелкой мастерской кустаря нет никаких внутренних переходов и потому валовой продукт целиком поступает на рынок. На крупной современной фабрике, об'единяющей под одной крышей целый ряд, последовательных ступеней производства, внутренние переходы гораздо значительнее. А когда, в послереволюционное время, мы трестировали эти фабрики и заводы в огромные производственные комбинаты с безденежным обменом продукции не только внутри отдельных фабрик, но и в пределах всего комбината, то этот внутритрестовский оборот стал еще грандиознее. Вот почему, между прочим, надо с особой осторожностью пользоваться такими показателями, как выпуск или „выработка" продукции на одного рабочего при сопоставлении довоенной и современной продукции, частной и обобществленной промышленности и т. д.

Гораздо более сравнимую картину могли бы дать такие сопоставления по валовому обороту продукции. Но, к сожалению, наша статистика не учитывает его обычно вовсе. И только в бух-

Выпуск продукции за 1925/26 г. по 73 трестам (В млн. черв. руб.)

Таблица 3

Элементы ценности выпуска	Валовой оборот		В том числе: Потреблено в собственном производстве	Реализовано и увеличено запасов	
	Абс.	%		Абс.	%
1	2	3	4	5	6
А. По заводской себестоимости					
1. Товары и материалы					
а) материалы и отходы	571,9	6,7	494,5	77,4	1,7
б) полуфабрикаты	3.003,9	35,1	2.783,0	220,9	4,9
в) готовые изделия	2.939,6	34,3	296,5	2.643,1	58,7
Итого законченной продукции	6.515,4	76,1	3.574,0	2.941,4	65,3
г) прирост неоконч. произв.	66,4	0,8	—	66,4	1,5
Итого товаро-матер. продукции	6.581,8	76,9	3.574,0	3.007,8	66,8
2. Энергия своей выработки					
а) электрическая	74,0	0 9	67,4	6,6	0,1
б) паровая и пр.	21,3	0,2	21,3	0,0	0.0
Итого энергии	95,3	1,1	88,7	6,6	0,1
3. Заводской транспорт					
а) по доставке на завод	17 0	0,2	4,5	12,5	0,3
б) внутризаводской	10,3	0,1	9,3	1,0	0,0
в) по вывозу с завода	12,0	0,1	0,1	11,9	0,3
Итого услуг транспорта	39,3	0,4	13,9	25,4	0,6
4. Услуги прочих вспом. цехов					
а) по основному производству	368,8	4,3	357,0	11,8	0,3
б) по капитальному строител.	123 2	1,4	0,6	122,6	2,7
в) на сторону	93,7	1,1	13,4	80,3	1,8
Итого услуг	585,7	6,8	371,0	214,7	4,8
5. Прочие статьи	19,2	0,2	16,2	3,0	0,1
Итого заводской себестоим.	7.321,3	85,4	4.063,8	3.257,5	72,4
Б. Услуги администр. аппарата	69,5	0,8	—	69,5	1,5
В Услуги торгового аппарата	117,0	1,4	—	117,0	2,6
Г Прочие счета, не вошед. в калькуляцию	604,2	7,1	—	604,2	13,4
Полная коммерческая себестоим.	8.112,0	94,7	4.063,8	4.048,2	89,9
Д. Чистая прибыль	454,8	5,3	—	454,8	10,1
Цена продукции	8.566,8	100	4.063,8	4.503,0	100

галтерской отчетности мы находим необходимые элементы для такого учета по госпромышленности. Но за отсутствием в нашем распоряжении бухгалтерской отчетности по частно капиталистическому сектору, мы не можем использовать валовой оборот для таких сопоставлений. Не лишне будет, однако, отметить, что если весь внутренний оборот продукции по 73 трестам определился по табл. 3 в 3.886 млн. черв. руб., то на долю внутризаводского оборота в этом числе, по данным ЦОСа ВСНХ, падает, примерно, 1.576 млн. руб.[1] или 40% и, стало быть, на долю внутритрестовского обмена следует отнести остальные 60%. При сопоставлениях с довоенной нетрестированной промышленностью это обстоятельство не следует, во всяком случае, упускать из виду. Заметим еще, что бухгалтерский учет, несомненно, заметно преуменьшает внутренний оборот, оценивая все переходы продукции по цеховой или заводской его себестоимости, т.-е. без учета целого ряда накладных затрат и чистой прибыли, тогда как в довоенное время все переходы с одной фабрики на другую совершались через рынок — по полной рыночной расценке.

Исключение внутритрестовского оборота из учета промышленной продукции, свойственное нашему времени, оказывает очень существенное влияние на общую структуру промышленных цен по сравнению с довоенным временем. При одной и той же сумме прибылей или налогов, или затраченного труда и зарплаты эти элементы цены производства возрастают в своем процентном значении в общем итоге стоимости товарной продукции в той же мере, в какой товарный выпуск этой продукции сокращается по отношению ко всей сумме валовой продукции, включая сюда и безденежные внутритрестовские обороты. Процент прибыли в действительном выпуске по нашей таблице раза в два выше, чем в выпуске валовом. Такое же соотношение получилось бы и по отношению к другим элементам прибавочной ценности и зарплаты, входящим в рыночную цену продукта.

Это очень важно иметь в виду при всех сопоставлениях структуры наших цен с довоенными. В печати уже раздавались жалобы на слишком значительное у нас возрастание зарплаты в цене продукта по сравнению с довоенными нормами. А между тем, это наблюдение отражает в себе, прежде всего, вполне естественный результат иной организации промышленности и иных методов учета. Процессы обобществления в нашем хозяйстве, между прочим, сказываются и в том, что с возрастанием роли трестов и комбинатов в нашем производстве из рыночного оборота выпадает все большая доля материалов и прочих средств производства. Масса средств производства и ныне уже обращается у нас внутри наших трестов в плановом порядке, без участия рынка. И это неизбежно должно

[1] Ср. „Промышленность СССР в 1925/26 опер. году", т. II, стр. 4.

сказаться на строении цен остальной продукции, поступающей на рынок. Тенденция возрастания доли вновь созданной ценности $(m+v)$ по отношению к ценности перенесенной (c) в цене производства продукции, поступающей на рынок, с ростом социализации оборота средств производства, представляет собою совершенно неизбежный закон переходного периода к полному осуществлению социализма и полному исчезновению рыночного оборота.

Но отдельным отраслям производства состав выпуска выражается в следующих цифрах (см. табл. 4).

Наибольшее расхождение между валовым оборотом и выпуском мы находим в текстильной промышленности. На втором месте следует металлическая, затем — лесная, нефтяная и т. д. На последнем месте стоят пищевые тресты. Но нужно отметить, что сюда вошли только два производства — чаеразвесочное и спиртоочистительное. Если бы очистка спирта и разлив были об'единены в одном тресте с его производством, то, конечно, и здесь внутренний оборот выразился бы совсем иными цифрами.

В отношении трестовских расходов нужно иметь в виду, что в них учтено не только содержание трестовского аппарата, но и акцизы, налоги и тому подобные накладные расходы, при чем в одних трестах они проходят большей частью по общезаводским, в других — по трестовским счетам, и потому без дальнейшего расчленения на элементы не дают сопоставимой картины.

В отношении веса „услуг" в общем итоге выпуска продукции на первом месте стоит нефтяная и угольная промышленность. Здесь в это понятие входят работы по бурению и т. п. разведочные и подготовительные работы за счет капитальных затрат, которые могут быть полностью амортизированы лишь в течение ряда лет, но полная ценность которых подлежит учету уже в год производства. В нефтяной промышленности на „услуги" такого рода падает до 25% общего выпуска продукции, в каменноугольной промышленности — 23%, во всех остальных этот процент не поднимается выше 6 за исключением электротехнических трестов, где за счет монтажных работ доля „услуг" в общей продукции поднимается до 14%.

3. Состав издержек производства

Разбивка издержек производства на главнейшие элементы в отчетности трестов дается по следующей схеме. [1] Элементы подсчитываются особо по каждому основному производству, т. е. изготовляющему фабрикаты или полуфабрикаты, например, в льняных трестах особо по чесальному, прядильному, ткацкому и красильно-бельно-отделочному. Затем точно также особой строкой они даются по каждому подсобному производству, например, по ремизобердному,

[1] См. форму № 19 по формулярам 1925/26 г., ныне форма № 11.

Таблица 4

Выпуск продукции 73 трестов за 1925/26 г. по отраслям производства

(В тысячах рублей)

Элементы ценности выпуска	Текстильная пром. (22 треста)	Металлическ. пром. (23 треста)	Лесная (4 треста)	Нефтяная (4 треста)	Бумажная (1 трест)	Химическая (7 трестов)	Электротехническ. (4 треста)	Угольная (5 трестов)	Сахарная (1 трест)	Пищевая (2 треста)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. Валовой оборот										
1. Товары и материалы	3.023.199	1.682.622	116.684	319.366	49.090	223.110	123.656	254.992	674.475	114.672
2. Энергия своей выработки	27.610	29.003	1.753	8.906	8 473	1.598	1.315	16.622	—	—
3. Заводской транспорт	7.242	13.327	3.193	4.400	1.296	499	—	6.885	2.502	—
4. Услуги прочих цехов	182.931	156.254	3.727	102.728	4.178	24.154	34.952	57.612	19.052	5
5. Прочие статьи	643	17.912	—	—	—	100	—	—	477	65
Итого по заводской себестоим.	3.241.625	1.899.118	125.357	435.400	63.037	249.461	159.923	326.111	696.506	114.742
II. Внутрений оборот										
а) в тысячах	2.096 520	1.155.142	64.177	203.360	29.302	98.523	60.124	112.425	226.007	18.262
б) „ % валового оборота	64,7	60,8	51,2	46,7	46,4	39,5	37,6	33,5	31,8	15,9
III. Действительный выпуск										
1. Товары и материалы	1.105.023	682.453	56.931	173.824	31.331	145.323	84.978	160 991	470.499	96.415
2. Энергия своей выработки	322	1.466	15	92	20	18	868	3.825	—	—
3. Заводской транспорт	2.440	11.372	3.051	827	332	499	—	6.883	—	—
4. Услуги проч. цехов	36.801	46.399	1.198	57.297	2.052	4.998	13.953	51.987	—	—
5. Прочие статьи	519	2 286	—	—	—	100	—	—	—	65
Итого по заводской себестоим.	1.145.105	743.976	61.195	232.040	33.735	150.938	99.799	223.686	470.499	96.480
6. Трестовские расходы	16.142	10.979	2.817	4.903	1 592	4.193	3.222	3.040	17.093	5.508
а) административные	30.744	16.220	8.830	2.532	7.892	12.619	9.522	2.729	6.059	19.883
б) торговые	49.530	26.819	26.264	18.606	6.967	15.145	5.149	22.155	48.662	384 941
в) прочие счета	96.416	54.018	37.911	26.041	16 451	31.957	17.893	27.924	71.814	410.332
Итого	209.259	32.441	— 4.242	55.814	18.068	29.456	21.040	13.401	41.438	38.115
7. Прибыль или убыток	1.450.780	830.435	94.864	313.895	68.254	212.351	138.732	265.011	583.751	544.927
Цена продукции										

рисовально-насекальному, лаборатории, краскотерке, лаковарке и т. д. Затем следуют элементы издержек по всем вспомогательным (обслуживающим) цехам, к которым относятся, прежде всего, разные ремонтные мастерские, силовые станции, водоснабжение и заводской транспорт всех видов. Кроме того, в некоторых трестах имеются еще так называемые побочные, утилизационные и т. п. особые производства, например, торфяные и лесные разработки, совхозы, мельницы и т. д. К сожалению, эта классификация производств и цехов недостаточно еще разработана ВСНХ и в разных трестах понимается по-разному. В нашей сводке мы все эти цеха и производства об'единяем в одной строке „основных затрат". Исключили мы отсюда целиком только совхозы Сахаротреста, по которым имеется особый счет производства.

Затем в отчетности трестов следуют в разбивке на элементы вторым разделом так называемые комплексно-распределительные счета: цеховые, общезаводские расходы, текущие ремонты, начисления на зарплату, накладные на рабсилу и прочие. Эти счета мы тоже вынуждены были использовать лишь в общих итогах, так как не по всем трестам имелось надлежащее их разделение.

В общей сумме итоги затрат по I и II разделам, за исключением той части их, которая составляет внутренний оборот ценностей в производстве, составляют з а в о д с к у ю себестоимость продукции. А с прибавкой административных и торговых расходов треста и некоторых других затрат, не включенных по разным причинам в заводскую себестоимость, получаем так называемую полную коммерческую себестоимость продукции треста (см. табл. 5).

Приведенная разбивка не отличается особой точностью. Несмотря на наличность довольно подробно разработанных инструкций ВСНХ, далеко не все тресты справились удовлетворительно с предложенной им задачей. Заполнение некоторых граф в соответствующей форме зачастую явно неудовлетворительно, с недопустимыми пробелами и балансовыми неувязками. Но в общих итогах по всем трестам эти мелкие дефекты и пробелы едва ли могут существенно сказаться.

Основная особенность нашей советской отчетности об издержках производства заключается в том, что издержки на оплату труда выделяются и учитываются в ней по всем счетам с особенной тщательностью и почти исчерпывающей полнотой. В отчетности довоенной капиталистическая бухгалтерия отнюдь не ставила себе такой задачи. Интересуясь в своих калькуляциях в гораздо большей мере технико-экономическими, чем социальными моментами, старый калькулятор выделял особо зарплату лишь производственных цехов, отнюдь не разлагая на элементы такие комплексные счета, как счет текущего ремонта и целый ряд других. А в нашей сводке мы могли совсем обойтись, скажем, без статьи „текущий ремонт", поскольку он целиком разложен на свои составные элементы — зар-

Таблица 5

Издержки производства за 1925/26 г. по 73 трестам ВСНХ

(В млн. черв. руб.)

Элементы затрат	Заводская себестоимость					Администрат. расходы	Торговые расходы	Прочие	Всего (гр. 6, 7, 8, 9)	
	Основные затраты	Цеховые общезавод., ремонт и пр.	Итого						В млн. руб.	В % % к итогу
			Валовые затраты	Внутренний оборот	Действ. затраты					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Материалы										
а) основные	1.105,5	36,4	1.141,9	322,9	819,0	—	—	—	819,0	20,3
б) вспомогательные	247,1	51,7	298,8	71,1	227,7	—	—	—	227,7	5,6
в) прочие	136,7	27,1	163,8	43,5	120,3	4,1	3,0	0,2	127,6	3,1
г) полуфабрикаты и пр.	3.152,3	12,5	3.164,8	3.046,0	118,8	—	—	—	118,8	2,9
д) сокращ. неоконч. произв.	0,4	—	0,4	—	0,4	—	—	—	0,4	0,0
Итого	4.642 0	127,7	4.769,7	3.483,5	1.286,2	4,1	3,0	0,2	1.293,5	31,9
2. Топливо	259,9	19,3	279,2	106,0	173.2	0,2	0,4	—	173,8	4,3
3. Энергия	53 6	45,8	99,4	89,1	10.3	0,3	0,7	—	11,3	0,3
4. Транспорт	23 6	6,2	29,8	10,7	19,1	5,5	16,5	82,2	123,3	3,1
5. Услуги друг. производств.	229,4	205,6	435,0	372,1	62,9	1,9	7,7	4,0	76,5	1,9
6. Амортизация	117,8	71,0	188.8	—	188,8	0,9	0,8	49,1	239,6	5,9
7. Страхование	4,1	5,7	9,8	—	9,8	0,1	0,1	0,0	10,0	0,2
8. Зарплата	604,5	225,4	829,9	—	829,9	24,5	22.2	13.0	889.6	22.0
9. Начисления на зарплату.	—	133,6	133 6	—	133,6	5.1	4.2	5,0	147,9	3,6
10. Накладные на рабсилу	—	54,5	54,5	—	54,5	2,0	1,3	5.5	63,3	1,6
11. Акцизы	—	288,7	288,7	—	288,7	0,2	21,2	382.0	692,1	17.1
12. Налоги и сборы	—	35,7	35,7	—	35,7	14.6	26,0	4,6	80,9	2,0
13. Рента и пр.	20,9	27,6	48,5	—	48,5	2,6	6,4	10,8	68,3	1,7
14. Проценты	—	—	—	—	—	—	—	42,2	42.2	1,1
15. Прочие денежные расходы	81,4	37,3	118,7	2,4	116,3	7,5	6,5	5,6	135,9	3,3
Итого	6.037,2	1.284,1	7.321,3	4.063,8	3.257,5	69,5	117,0	604,2	4.048,2	100

плату, материалы, топливо и т. д. Правда, в этой сводке остаются все же такие статьи, как энергия и транспорт, которые при наличии собственной продукции энергии и транспортных услуг в свою очередь разлагаются на зарплату, материалы и прочие элементы. Но в нашей сводке под этими статьями — в графе действительный расход — значатся лишь неразлагаемые на элементы остатки соответствующих счетов, т.-е. прежде всего денежная оплата покупной энергии, чужого транспорта и т. д.

Такие же остатки показаны у нас и по счетам начислений на зарплату и накладных расходов на рабсилу. Дело в том, что по счету начислений проходят не только взносы на соцстрах, но и стоимость содержания культурно-просветительных учреждений при заводе и, прежде всего, школ фабрично-заводского ученичества, амбулаторий, завкомов и т. п. Таким образом, эти „начисления" сами распадаются в значительной части на зарплату, материалы и прочие элементы. Подобно этому в накладные затраты на рабсилу помимо других статей входит содержание, отопление и освещение рабочих жилищ, оплата труда практикантов, не участвующих в производстве, оплата простойных дней и т. п. затраты, в свою очередь разлагающиеся на материалы, зарплату и прочие элементы. Вполне естественно поэтому, что то соотношение между зарплатой и начислениями, какое у нас получается в таблице в результате разложения всех счетов на составные элементы, совсем не похоже на то, какое вытекает непосредственно из установленных норм начислений.

По статье „услуги других производств" в нашей сводке учитывается, прежде всего, оплата всякого рода подрядных работ по ремонту, монтажные работы, осуществляемые чужим персоналом, и т. п. затраты. Такого рода „услугами" обмениваются между собой, конечно, и отдельные цеха собственных заводов каждого треста. Но в этой части они составляют внутренний оборот предприятия и не проводятся по графе действительных затрат.

Во всяком случае „услуги других производств", точно так же, как энергия и транспорт, в издержках производства даются в значительно более низких цифрах, чем они показаны в итогах выпуска, так как здесь они уже очищены от таких элементов, как зарплата, материалы и пр., поскольку мы имеем дело с внутренним производством услуг одних цехов данного предприятия другим. Нужно заметить, что термин „услуги" охватывает по инструкции ВСНХ все элементы выпуска продукции и перемещения ее из одного производства в другое за исключением переброски реальных товарно-материальных ценностей — готовых изделий, полуфабрикатов и т. д.[1] Иными словами, под услугами здесь понимаются такие результаты трудовых затрат, которые, представляя собою

[1] „Формы бухгалтерской годовой отчетности для трестов, синдикатов" и т. д., М., 1927 г., стр. 166 и след.

несомненную производственную и меновую ценность, не приобретают все же такой товарно-материальной оболочки, в которой они могли бы длительно сохраняться на складе, перевозиться с места на место, быть самостоятельным об'ектом купли-продажи и т. д. Конечно, все эти услуги материализуются, в конце концов, в том или ином виде. Например, ремонтные услуги и монтажные работы увеличивают собою ценность заводского оборудования или погашают его изнашивание. Транспортные услуги включаются в цену готового продукта и т. д. Но, кристаллизуясь при этом с точки зрения производителей таких услуг всегда в чужом продукте, они реализуются или проводятся по книгам при внутризаводских расчетах как лишенные всякой материально-товарной оболочки трудовые затраты.

Кстати сказать, с точки зрения инструкции ВСНХ, к числу „услуг" относится и электрическая энергия. Это едва ли правильно. Конечно, энергию нельзя сохранять и накоплять на товарных складах обычного типа. Но теоретически это вполне осуществимо при наличии специальных аккумуляторов энергии. Во всяком случае затраты механической энергии в издержках производства играют совершенно иную функцию, чем трудовые затраты. Первые только переносят свою ценность на изготовляемый продукт, а вторые — создают новую ценность. Впрочем эта ошибка терминологии в инструкции не имеет для нас особого значения, так как энергия учитывается в издержках производства как совершенно самостоятельный элемент.

Центральную трудность при составлении этой сводки составляет выделение внутреннего оборота по каждому элементу издержек в отдельности. При определении действительного выпуска выделить внутреннее потребление отдельных видов продукции из валового их оборота гораздо проще. Но там бухгалтерия дает нам лишь общую оценку потребленного в производстве полуфабриката, энергии или услуг без расчленения их на элементы. Поясним это примером. Допустим, что мы имеем дело с прядильно-ткацкой фабрикой. Пусть нам дано, что на 73,8 млн. руб. пряжи по себестоимости пошло в переработку на той же фабрике и на 26,2 млн. руб. выпущено на рынок. В суммарном счете производства по всей фабрике будет тогда в графе материалов стоять и весь хлопок, приобретенный со стороны, и пряжа собственного производства на 73,8 млн. руб. Эта пряжа составляет внутренний оборот. Но ее необходимо разложить на элементы. И это делается, согласно инструкции ВСНХ, исходя из допущения, что „если сумма элементов участвует в производстве в размере 73,8%, то и каждое слагаемое (элемент) в отдельности участвует в производстве в том же размере.[1]

[1] „Формы бухгалтерской годовой отчетности", стр. 173.

Такое гипотетическое допущение, конечно, далеко от достоверности. Если, скажем, я перерабатываю у себя на фабрике низкие номера пряжи, а продаю высокие, то в первых у меня будет преобладать элемент „материалов", а во вторых — „зарплата". И, стало быть, по счету пряжи на производство тканей следовало бы снести материалов больше 73,8%, а зарплаты меньше этой нормы. Такого же рода погрешности неизбежны и при отнесении на производство тех или иных элементов через посредство счета текущих ремонтов, цеховых, общезаводских и тому подобных „собирательно-распределительных" счетов. Весьма сложная шахматная корреспонденция этих счетов позволяет в общих итогах определить сумму внутреннего оборота затрат, но в отношении разбивки их на элементы дает, по признанию самих составителей инструкции, только „приближенный ответ".[1]

При разбивке на элементы административных и торговых расходов применительно к данной таблице мы условно относили возобновление мелкого инвентаря и канцелярские расходы на „материалы", отопление—на „топливо", освещение—на „энергию," водоснабжение и канализацию, типографские расходы, текущий ремонт, уборку и охрану помещений, хранение товаров — на „услуги", содержание транспорта, провоз и доставку, раз'езды и командировки — на „транспорт".

Некоторые элементы расходов, например, амортизацию, акцизы и налоги и в особенности рентные статьи (попенщина, плата за недра, арендная плата и пр.), мы имели возможность проверить и исправить по специальным счетам трестовской отчетности.

В отношении расходов по оплате чужого транспорта приведенные в таблице итоги заведомо не полны, так как по многим трестам издержки по доставке материалов включаются в стоимость последних и не показываются особыми статьями.

В статье „проценты" нами учтено сальдо результатов по кредитным операциям трестов, считая в приходе проценты, полученные за кредит, а также проценты и дивиденды от имеющихся в портфеле треста ценных бумаг, а в расходе — проценты, уплаченные, и потери по безнадежным долгам.

Если к очищенным от повторного счета издержкам производства прибавить чистую прибыль трестов, то получим полную рыночную цену соответствующей продукции (см. табл. 6).

Предложенная таблица представляет собою результат огромного труда учетно-бухгалтерского персонала нашей промышленности. Но, в общем, все же это еще в достаточной степени сырая работа, нуждающаяся в углубленном экономическом анализе и в целом ряде расшифровок. Нам предстоит еще рассмотреть, как распадаются перечисленные элементы цен продукции на $c + v + m$, какими

[1] Там же, стр. 174.

Таблица 6

Структура промцен за 1925/26 г. по главнейшим отраслям общесоюзной промышленности
(73 треста в тыс. черв. руб.)

Элементы затрат \ Отрасли	Текстильная	Металлическая	Лесная	Нефтяная	Бумажная	Химическая	Электротехническая	Угольная	Сахарная	Пищевая	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. Материалы:	398.680	158.640	4.324	1.744	4.458	45.312	39.150	2.225	134.167	30.283	818.983
а) основные	71.992	51.634	1.864	17.999	4.392	26.307	28	28.297	19.057	6.115	227.685
б) вспомогательные	46.068	25.506	1.496	15.820	2.989	11.994	4.272	4.504	11.999	2.945	127.593
в) прочие	47.903	17.571	62	2.556	172	5.387	2.800	70	—	42.278	118.799
г) полуфабрикаты и пр.	—	—	—	—	—	214	—	—	—	226	440
д) сокращение остатка неоконч. произв.	564.643	253.351	7.746	38.119	12.011	89.214	46.250	35.096	165.223	81.847	1.293.500
Итого материалов	24.238	94.324	933	18.349	934	4.835	1.784	9.139	17.959	1.299	173.794
2. Топливо	5.024	2.661	55	23	25	1.609	1.127	387	49	318	11.278
3. Энергия	8.239	7.764	16.758	12.489	11.723	5.662	1.870	13.865	31.215	13.665	123.250
4. Транспорт	12.971	8.393	874	9.186	380	9.224	1.029	24.707	7.338	2.335	76.437
5. Услуги других производств	70.371	45.035	2.142	73.966	2.726	6.580	5.158	16.142	14.707	2.796	239.623
6. Амортизация	3.533	3.121	325	101	167	553	363	280	1.410	156	10.009
7. Страхование	306.951	273.192	26.087	46.542	12.493	34.650	39.678	97.803	35.550	16.689	889.635
8. Зарплата	63.531	30.703	6.436	11.750	2.602	6.822	3.448	13.115	6.131	3.364	147.902
9. Начисления на зарплату	22.215	14.335	727	7.066	355	2.590	1.632	10.995	2.408	1.526	63.349
10. Накладные на рабсилу	78.584	12	7	245	—	8.334	—	—	232.471	372.486	692.139
11. Акцизы	28.253	10.117	3.126	7.238	2.597	5.101	3.136	3.004	12.446	5.898	80.916
12. Налоги	4.481	5.460	24.142	21.372	1.625	1.526	794	6.067	999	1.821	68.287
13. Рента и пр.	4.698	10.889	5.503	782	90	— 69	2.991	6.264	11.276	— 228	42.196
14. Проценты	43.789	38.636	4.745	10.853	2.458	6.264	8.432	14.746	3.131	2.840	135.894
15. Прочие денежные расходы	1.241.521	797.994	99.106	258.081	50.186	182.895	117.692	251.610	542.313	506.812	4.048.210
Итого затрат	209.259	32.441	— 4.242	55.814	18.068	29.456	21.040	13.401	41.438	38.115	454.790
16. Прибыль или убыток	1.450.780	830.435	94.864	313.895	68.254	212.351	138.732	265.011	583.751	544.927	4.503.000
Цена продукции											

величинами может быть выражена для разных производств и всей промышленности в целом норма прибавочной ценности и норма прибыли, каково соотношение между трудовыми затратами и ценой производства в разных отраслях промышленности, за счет каких именно элементов и в какой мере создаются у нас наличные отклонения цен от ценностей и целый ряд других, относящихся к данной сфере экономических проблем. Однако, и в сыром виде приведенный материал представляет на наш взгляд огромный интерес.

Заметим лишь, что при расчленении отдельных элементов мы не всегда в точности следовали за показаниями первичных материалов. Так, например, в отдельных трестах в графу „налогов и сборов" включались и подоходный налог, и отчисления в ОДК, и соцстрах, и плата за недра, и многие другие весьма разнородные вещи. Везде, где это было возможно, мы проверяли такие сборные статьи и расчленяли их согласно требованиям более рациональной классификации. В частности, особое внимание уделялось нами статьям рентного характера, которые представляют специфический интерес в наших условиях и которые тем не менее были потоплены частью в налоговых сборах, частью в „прочих денежных расходах", а частью, например, в отношении попенной платы, т.-е. лесной ренты,— даже в стоимости „материалов". Тщательной чистке подвергалась нами и категория чистой прибыли, под которой мы понимаем здесь сальдо прибылей и убытков по разным трестам до всяких отчислений из прибылей в подоходный налог, в разные резервные фонды, в фонд улучшения быта рабочих и т. п. Наименее надежны наши данные, даже после поправок, по Сахаротресту, поскольку он освобожден от представления сводного счета производства и дает лишь отдельные элементы для составления такой сводки.

А. Сегаль

Определение амортизации в калькуляциях цены и себестоимости

1. Постановка вопроса

В статье С. Г. Струмилина „Промышленность СССР в 1923—26 гг.“ (№ 9 „План. Хоз.“, 1927 г.), дающей между прочим анализ состояния дела учета капиталов промышленности и постановку коренных вопросов правильной системы учета, мы хотим отметить одну мысль, имеющую существенный теоретический интерес. Мы имеем в виду указание на то, что реальный процесс обесценения и износа основного капитала предприятия в целом протекает в действительной практике промышленного производства, в значительном отличии от обычных упрощенных, хотя бы теоретизированных представлений о данном процессе. Эта мысль не выражена явно, но она ясна и из примененной С. Г. Струмилиным методики исчисления „потребности от погашении“ (как суммы капитального ремонта и замены выбывающего имущества) и из различных замечаний автора. Таково, напр., указание на слабую роль физического износа и на решающее значение конструктивного устарения в качестве фактора, заставляющего имущество выбывать из эксплоатации; еще определеннее звучит замечание (быть может, слишком категоричное, но в основном верное) о том, что „в целом для всей промышленности, существующей уже много десятков лет, накопления амортизационных фондов не должно бы происходить“. Оставляя в стороне скрытую в этом замечании постановку вопроса о системе перераспределения амортизационных фондов как таковых, отметим еще раз, что неопределенная длительность существования предприятия действительно не может, с точки зрения правильного учета и правильных калькуляций, удовлетвориться той системой амортизации, какая исходит из представлений о, якобы, установленных заграничной или нашей практикой нормах погашения того или иного рода имущества, в действительности устанавливавшихся в процессе борьбы между фиском, заинтересованным в увеличении исчисления прибыли, и промышленниками, заинтересованными в маскировке таковой; в лучшем случае дело сводится к так сказать „авторитарному“ установлению норм, исходящему из представлений о возможном сроке полезной жизни имущества, при чем указания различных компетентных экс-

пертов в этом вопросе дают прямо чудовищные расхождения между собою. Что же касается реальной действительности, то она вообще почти нигде не обнаруживает подобных сроков жизни, но зато приносит необходимость хронического процесса воспроизводства основного капитала и фактическую невозможность высвобождения амортизационных сумм, разве только в первые годы существования предприятия, когда имущество не требует еще обновления, и в последние годы, если взят сознательно курс на максимальную доработку основного капитала перед ликвидацией предприятия.

Принятое в нашей современной бухгалтерской практике списание капитальных ремонтов из амортизационного фонда, предполагающее и соответственную систему и высоту амортизационных норм, представляет собою известный компромисс между элементарным представлением о равномерном износе в „средний срок жизни" и отражением действительной картины затяжного существования предприятия до срока экономического, а не физического крушения его технической организации.

2. Исходные формулы, связанные с определением амортизации

Реальные условия эксплоатации предприятия сами по себе, разумеется, нисколько не противоречат теоретическому представлению об амортизации, как о постепенном потреблении основного капитала в процессе производства и переходе ценности из основного капитала в продукцию. Хотя темп этого процесса не поддается точному учету, но, во всяком случае, пока все элементы основного капитала выполняют в полной солидарности свою совместную функцию, обеспечивая тем нормальный ход производства, мы в праве для каждого такого отдельного элемента рассматривать координату времени, т.-е. само по себе течение времени, как фактор естественного изнашивания и обесценения. Все затруднение в том, что отдельные элементы основного капитала могут иметь свои „естественные" сроки существования (хотя и в средних нормах), но для организованной совокупности таковых этот срок становится крайне неопределенным и расплывчатым.[1]

С указанной оговоркой мы можем и даже должны принять, что при таком элементарном износе в течение „естественного" или, лучше сказать — нормативного срока службы сумма ежегодных погашений по данному элементу имущества должна равняться ценности первоначальных затрат. Если первоначальная стоимость данного элемента основного капитала $= A$ рублей, срок жизни $= n$ лет,

[1] Сказанное в настоящей статье и выводы только частично могут быть отнесены к горнодобывающей промышленности, где тесная связь между запасами ископаемого и условиями его залегания, с одной стороны, и судьбой основного капитала — с другой, создает несколько иные закономерности.

то, при предположении равномерности износа во времени, ежегодное погашение $a = \frac{A}{n}$; можно предположить этот процесс неравномерным во времени, тогда погашение первого года $= a_1$, второго года $= a_2$ и т. д., но сумма их $\sum_1^n a = A$.

Вопреки некоторым из применяемых приемов расчета, никакие условия процентирования капитала, в его вещественной или денежной форме, не могут повлиять на это последнее равенство, так как получение прибыли во времени не есть свойство самой вещи, самой ценности, а лишь продукт общественных отношений; амортизация же, как переход ценности из основного капитала в продукцию, не может сама по себе ни породить новую, ни истребить существующую ценность. Мы увидим ниже пример ошибочного, с этой точки зрения, расчета амортизации. Тем не менее, процентирование основного капитала есть совершенно реальная и „законная" вещь, даже в условиях советских, где накопление неизбежно и ради расширенного воспроизводства и в силу необходимости содержания государственного аппарата, удовлетворения культурных нужд страны и пр. Допустим, например, что мы проектируем в отпускной цене получение 6% прибыли на капитал, при чем предполагаем постоянство эксплоатационных условий и стабильность цены в течение указанного срока службы n лет. Тогда задача погашения и процентирования основных затрат в A рублей решается совместно по „формуле срочных уплат": в калькуляцию надо внести величину x

$$x = \frac{A \,.\, 0{,}06 \,.\, 1{,}06^n}{1{,}06^n - 1} \quad \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \quad (1)$$

Напр., при $n = 20$ лет и $A = 100$ тыс. руб.

$$x = \frac{100 \,.\, 0{,}06 \,.\, 1{,}06^{20}}{1{,}06^{20} - 1} \text{ тыс. руб.} = 8{,}7 \text{ тыс. руб.}$$

Эта сумма — постоянна; в ней заключается, напр., для первого года 6 тыс. руб. прибыли на задолженный капитал и 2,7 тыс. руб. отчислений в амортизацию; по мере высвобождения таким путем основного капитала из производства падает сумма прибыли на уменьшающийся задолженный капитал (прибл. до 0,5 тыс. руб. для последнего года в нашем примере) и растет амортизационная сумма (прибл. до 8,2 тыс. руб. в примере), при чем сумма этих амортизационных отчислений равна первоначальной затрате в 100 тыс. руб. Однако, ничто не препятствует нам, ради сохранения постоянства калькуляции себестоимости (и именно такой порядок мы и хотим рекомендовать), ввести в расчет амортизацию, полученную в предположении равномерности износа, т.-е. в нашем примере $\frac{100 \text{ тыс.}}{20} = 5$ тыс. руб., так же, как мы включили в калькуляцию цены постоянную величину $x = 8{,}7$ тыс. руб. В этом случае, если все расчетные условия оправдаются на деле, сумма прибыли будет

постоянной — 3,7 тыс. руб. ежегодно, но процент прибыли на фактически задолженный капитал окажется переменным; напр., если в нашем примере принять остаточную оценку имущества через 20 лет в 10 тыс. руб., начальную стоимость — в 110 тыс. руб. (следовательно, погашаемая часть и будет равна 100 тыс. руб.), оборотный капитал в производстве (в отвлеченной части, падающей на анализируемый элемент капитального имущества) принять постоянным и равным 40 тыс. руб., то 6% на эти добавочные 10 и 40 тыс. руб. составят еще 3 тыс. руб. прибыли, вся сумма прибыли будет $3{,}7+3=6{,}7$ тыс. руб., но в первый год это составит $\frac{6{,}7}{150}$ = около 4,5% (по отношению к капиталу, задолженному на начало года), а в последний год $\frac{6{,}7}{55}$ = около 12,2%. В сумме, разумеется, это составит расчетные 6% на задолженный в производстве капитал, при чем амортизационные суммы предполагаются свободными, уходящими из производства.

У некоторых авторов, чуждых марксистскому представлению об амортизации как переносе ценности из основного капитала в продукцию, мы находим и иное определение амортизации и, соответственно, иной расчет амортизационных отчислений. Напр., O. B. Goldman [1] считает амортизацией накопление первоначальных капитальных вложений ко времени конца службы имущества; он утверждает, что амортизационные отчисления должны быть так рассчитаны, чтобы вместе с нарастающими на них сложными процентами и остаточной оценкой имущества дать сумму первоначальных затрат. Он обещает показать, что, напр., обычное исчисление амортизации в 2% при пятидесятилетнем сроке службы не только неправильно, но преувеличено иногда приблизительно в шесть раз! В самом деле, при таком понимании ежегодное отчисление „амортизационной“ суммы в x рублей даст в n лет накопление, считая из 6% сложных.

$$x \cdot 1{,}06^{n-1} + x \cdot 1{,}06^{n-2} + \cdots + x \cdot 1{,}06 + x$$

или в сумме

$$\frac{x(1{,}06^n - 1)}{0{,}06} = A,$$

откуда

$$x = \frac{A \cdot 0{,}06}{1{,}06^n - 1} \quad \ldots\ldots\ldots\ldots (2)$$

что, напр., при 50-летнем сроке ($n = 50$) дает $x = 0{,}0034 \cdot A$, т.-е. только, 0,34% капитальной суммы, а не 2%, как это вытекает из наших представлений и расчетов, если игнорировать использование амортизацинных фондов для поддержания основного капитала.

Но при таком представлении об амортизации прибыль на капитал приходится проектировать так, как если бы в предприятии был

[1] Financial engineering, New-York, 1923.

непрерывно задолжен весь первоначальный капитал (напомним, что мы разбираем элементарный случай, исключающий вопрос о капитальных ремонтах, и Goldman также игнорирует их). Тогда в калькуляцию вносится постоянная величина, именно 6% на капитал, или 0,06. A, а прибыль вместе с „амортизацией“ x составит (см. формулу 2) $0{,}06 \cdot A + \frac{A \cdot 0{,}06}{1{,}06^n - 1}$, что равно $\frac{A \cdot 0{,}06 \cdot 1{,}06^n}{1{,}06^n - 1}$, и, следовательно, вполне совпадает с формулой 1, построенной выше в условиях совсем иного представления об амортизации. Итак, определение амортизации, даваемое Goldman'ом, с нашей точки зрения, ошибочно; расчет ее преуменьшен; расчет прибыли преувеличен, поскольку он ведется, кроме первого года, на преувеличенный капитал; но эти ошибки взаимно нейтрализуют друг друга, и калькуляция цены точна.

Этот вывод важен для последующих наших расчетов: он указывает, что совместная калькуляция прибыли и амортизации может строиться и независимо от представления о реальном процессе износа и обесценения, если это представление заменить задачей возвращения основной суммы в общих условиях заданной прибыльности вещественных и денежных капиталов (6% в нашем примере). Мы увидим также, в какой связи стоит этот вывод с примененной С. Г. Струмилиным методикой расчета амортизации.

Заметим кстати, что принятая у нас система составления балансов соответствует правильному марксистскому представлению о существе амортизационного процесса. При том же понимании, какое находим у Goldman'а, необходимо было бы ежегодно отчислять в амортизационный фонд, в пассиве баланса, значительно меньшие суммы, чем ныне; но, кроме того, надо было бы, для правильности счета, сносить в этот фонд ежегодно часть прибыли, равную 6% (или другому расчетному проценту) на весь амортизационный фонд, как он бы ни сложился к началу отчетного года. В первые годы такой порядок означал бы преувеличение прибыли, постепенно переходящее затем в обратную ошибку; и, напр., во взаимных расчетах казны и треста это означало бы, при неизменности отчуждаемой доли, перебор в первые и недобор в последующие годы, при чем a priori ясно, что в сумме недоборы точно покрывали бы переборы плюс наросшие на них 6% (или другой %) сложных.

3. Калькуляции в реальных условиях длительной эксплоатации

При чрезвычайно различных темпах и сроках изнашиваемости различных отдельных элементов капитального имущества нормальная эксплоатация предприятия поддерживается в течение неопределенно-длительного срока за счет капитальных затрат восстановительного характера; термин „капитальных“ затрат мы употребляем здесь

в расширительном смысле: сюда могут быть отнесены и так называемые „текущие“ ремонты капитального имущества, что повысило бы амортизацию, рассчитанную по нижеприводимым формулам, но обязало бы соответственно исключить из калькуляции „текущие ремонты“ в качестве самостоятельной статьи.

Восстановительные затраты состоят из ремонтных работ, в узком смысле слова, из смены отдельных частей работающих механизмов и функционирующих сооружений, а равно из полной замены отдельных двигателей, орудий, печей, связей между ними, иногда из смены целых комплектов таковых. Такое обновление капитального имущества не всегда требует точного соблюдения имеющихся конструктивных типов и общей технической организации предприятия. В известных рамках обновление основного капитала всегда сопровождается его реконструкцией и улучшением технической организации, благодаря чему эксплоатация его становится длительно-возможной не только технически, но и экономически, пока, наконец, изменившиеся экономические условия и появление новых технических методов не приведут к необходимости ликвидации данного предприятия и к переходу производства на другую, резко отличную, техническую базу и в формах более высокого (вообще) строения капитала,

Допустим, для примера, что действительное существование предприятия составит 100 лет (в общей форме — t лет); что первоначальные капитальные затраты — A рублей; что после пяти лет (в общей форме — m лет) эксплоатации появляется необходимость восстановительных затрат, составляющих, например, в шестом году — v руб., в седьмом — $2v$, в восьмом — $3v$ и т. д., т.-е. растущих постепенно в течение 20 лет (n лет) до высоты $20v$ (в общей форме — nv или V руб.). Таким образом, в двадцать пятом году восстановительные вложения приблизительно стабилизируются на уровне $20v$ ($nv = V$), напр., вплоть до восемьдесят шестого года, т.-е. за 15 лет (k лет) до ликвидации предприятия, после чего, в виду задуманной ликвидации, ремонт и возобновление ограничиваются неизбежным минимумом, и восстановительный расход вновь снижается постепенно до $\frac{nv}{15}\left(\text{или } \frac{nv}{k}\right)$ рублей, в последнем, сотом году эксплоатации.

При этом различные элементы капитального имущества имеют и различный темп износа и обесценения. Однако, изложенный выше вывод о тождестве калькуляционных расчетов при двух разных представлениях о существе амортизации открывает нам возможность простого математического выражения и для данного сложного случая. Именно: правильный расчет включения прибыли и амортизации в отпускную цену может быть получен и в отрыве от того или иного представления о действительных процессах износа и обесценения, если заменить таковые задачей получения 6% (в общей

форме — $p\%$) прибыли на инвестированный капитал и возвращения последнего в ликвидную форму к концу эксплоатации предприятия; при этом отпадает и необходимость оперировать отдельными элементами основного капитала и можно вести расчет на всю его массу.

Тогда в нашем примере решение задачи сводится к нахождению суммы $S = x + y$, где x — ежегодная сумма прибыли и амортизации по первоначальным затратам в A рублей, погашаемым в отвлеченном расчете (но не в натуре) в 100 лет (t лет); y — ежегодная сумма прибыли и амортизации, покрывающая в таком же порядке все восстановительные вложения к концу существования предприятия.

Согласно формуле 1,

$$x = \frac{A \cdot 0{,}06 \cdot 1{,}06^{100}}{1{,}06^{100} - 1}$$

или в общем виде

$$x = \frac{A \cdot \frac{p}{100} R^t}{R^t - 1} \quad \text{где} \quad R = 1 + \frac{p}{100}$$

y можно определить из условия, что сумма годичных отчислений этого рода вместе с процентами на них должна равняться сумме восстановительных расходов с процентами на них, считая ко времени ликвидации предприятия; следовательно

$$y \cdot 1{,}06^{99} + y \cdot 1{,}06^{98} + \cdots y = [v \cdot 1{,}06^{94} + 2v \cdot 1{,}06^{93} + \cdots + 20v \cdot 1{,}06^{75}] + 20v[1{,}06^{74} + 1{,}06^{73} + \cdots + 1{,}06^{15}] + \frac{20v}{15}[15 \cdot 1{,}06^{14} + 14 \cdot 1{,}06^{13} + \cdots + 2 \cdot 1{,}06 + 1]$$

Решение данного уравнения приводит к формуле[1]

$$y = \frac{v}{1{,}06^{100} - 1}\left[\frac{1{,}06^{96} - 1{,}06^{76} - \frac{20}{15} \cdot 1{,}06^{15} + \frac{20}{15}}{0{,}06} + 20(1{,}06^{75} - 1)\right] \quad \ldots (3)$$

или в общем виде

[1] При решении получаем:

$$\frac{y(1{,}06^{100} - 1)}{0{,}06} = v \cdot 1{,}06^{75}(1{,}06^{19} + 2 \cdot 1{,}06^{18} + \cdots 20) + \frac{20v \cdot 1{,}06^{15}(1{,}06^{60} - 1)}{0{,}06} + \frac{20v}{15}(15 \cdot 1{,}06^{14} + 14 \cdot 1{,}06^{13} + \cdots + 1)$$

Для суммирования ряда, стоящего в скобках первого члена правой части, представим его в виде суммы следующих рядов:

$$1{,}06^{19} + 1{,}06^{18} + 1{,}06^{17} + \cdots + 1{,}06 + 1$$
$$1{,}06^{18} + 1{,}06^{17} + \cdots + 1{,}06 + 1$$
$$1{,}06^{17} + \cdots + 1{,}06 + 1 \text{ и т. д.,}$$

$$y = \frac{V}{R^t - 1}\left(\frac{\dfrac{R^{t-m+1} - R^{t-m-n+1}}{n} - \dfrac{R^k - 1}{k}}{\dfrac{p}{100}} + R^{t-m-n} - 1\right) \quad . \quad . \quad . \quad (4)$$

Элементы прибыли и амортизации заключаются как в x, так и в y; в калькуляцию отпускной цены должно включаться $S = x + y$; складывая определенные выше x и y, находим S

$$S = \frac{1}{R^t - 1}\left[A \cdot \frac{p \cdot R^t}{100} + \frac{100 \cdot V}{p}\left(\frac{R^{t-m+1} - R^{t-m-n+1}}{n} - \frac{R^k - 1}{k} + \right.\right.$$
$$\left.\left. + \frac{p}{100}(R^{t-m-n} - 1)\right)\right] \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (5)$$

Эту формулу (5) мы и рекомендуем для калькуляции отпускных цен или общей реализационной стоимости продукции. В нашем примере, после подстановки в формулу (5) указанных выше числовых величин, находим такую зависимость между S и величинами A и V: $S = 0{,}0602 \cdot A + 0{,}682 \cdot V$, т.-е. в калькуляцию вносятся примерно заданные 6% на первоначально инвестированный капитал и около $\frac{2}{3}$ того хронического годового (или приблизительно среднегодового) восстановительного расхода, каковой становится характерным для зрелого возраста предприятия. Если, например, этот расход равен $2\% - 3\% - 4\%$ от первоначальных затрат A, то в нашем случае соответственно прибыль плюс амортизация $S = 7{,}38\% - 8{,}06\% - 8{,}74\%$ от A.

Другой пример: $t = 80$ лет (срок существования предприятия), m по прежнему 5 лет, $n = 10$ лет и $k = 10$ лет (периоды возрастания и снижения годичных восстановительных расходов), p по прежнему 6% (прибыль на капитал). Тогда $S = 0{,}0606 \cdot A + 0{,}99 \cdot V$. При „установившемся" прибл. годичном восстановительном расходе V, равном, например, $2\% - 3\% - 4\%$ от первоначальных затрат A, соответственно в калькуляцию надо внести $S = 8{,}04\% - 9{,}03\% - 10{,}02\%$ от A.

Эти расчеты, повторяем, включают в себе 6% на реально задолженный в производстве основной капитал и какую-то подлинную амортизацию его (хотя истинное представление о характере износа и обесценения различных частей исключено из расчета), и имеют при этом в виду постоянство расчетной отпускной цены. Отсюда, однако, вовсе не вытекает какое-либо требование реального сохранения расчетной цены в течение всего срока жизни. Коррективы в стороны ее снижения могут возникать впоследствии, без ущерба для правильности нашего расчета, по трем основаниям: во-первых, вследствие общего последующего снижения нормы прибыли, составляющего, как известно, закон капиталистического развития народного хозяйства и в конце концов неизбежного и для нас, как в силу прогресса в структуре производства, так и в силу сознательной тенденции повышения доли рабочего в „чистой продукции"; во-вторых, вследствие относительного удешевления восстановительных вложений в их денежном выражении; в-третьих, вследствие возможного удешевления чисто-эксплоатационных расходов производства под влиянием постепенной реконструкции его в рамках действующего предприятия.

Перейдем теперь от вопроса калькуляции цены к вопросу калькуляции себестоимости, т.-е. к выделению самой амортизации из комбинированного начисления S. Выше, на элементарном примере, мы показали, что замаскированная в постоянной расчетной величине S неопределенность действительных темпов износа и обесценения не мешает, в свою очередь, исчислять и амортизацию в виде постоянной ежегодной величины, лишь бы было удовлетворено требование накопления амортизационного фонда, равного первоначальным затратам (точнее: минус остаточная ценность имущества), в предположении, что амортизационный фонд отнюдь не процентируется, так как противное ведет к искажению представления о существе амортизации и величине себестоимости.

Принимая амортизацию постоянной (при условии сохранения нормальной нагрузки предприятия), имеем равенство

$$a \cdot t = A + \Sigma V_x$$

где a — амортизация, отчисленная за год, V_x — переменная величина годового восстановительного расхода. Для нашего случая это будет

всего 20 рядов, и в последнем из них стоит 1, каковая может быть изображена как $\frac{1{,}06 - 1}{0{,}06}$; суммируя каждый ряд отдельно, находим затем и их общую сумму.

$$\frac{1{,}06^{20} - 1}{0{,}06} + \frac{1{,}06^{19} - 1}{0{,}06} + \ldots\ldots + \frac{1{,}06 - 1}{0{,}06} = \frac{1{,}06\,(1{,}06^{20} - 1)}{0{,}06^2} - \frac{20}{0{,}06}$$

Подобным образом ряд в скобках последнего члена может быть представлен в виде суммы рядов

$$1{,}06^{14} + 1{,}06^{13} + \ldots\ldots + 1{,}06^2 + 1{,}06 + 1$$
$$1{,}06^{14} + 1{,}06^{13} + \ldots\ldots + 1{,}06^2 + 1{,}06$$
$$1{,}06^{14} + 1{,}06^{13} + \ldots\ldots + 1{,}06 \text{ и т. д.,}$$

всего 15 рядов, из коих последний $1{,}06^{14}$ может быть представлен как $\frac{1{,}06^{15} - 1{,}06^{14}}{0{,}06}$, и тогда, суммируя эти ряды порознь и друг с другом, находим

$$\frac{1{,}06^{15} - 1}{0{,}06} + \frac{1{,}06^{15} - 1{,}06}{0{,}06} + \frac{1{,}06^{15} - 1{,}06^2}{0{,}06} \ldots\ldots + \frac{1{,}06^{15} - 1{,}06^{14}}{0{,}06}, \text{ что равно}$$
$$= \frac{15 \cdot 1{,}06^{15}}{0{,}06} - \frac{1{,}06^{15} - 1}{0{,}06^2}.$$

Тогда имеем

$$\frac{y\,(1{,}06^{100} - 1)}{0{,}06} = v \cdot 1{,}06^{75}\left[\frac{1{,}06\,(1{,}06^{20} - 1)}{0{,}06^2} - \frac{20}{0{,}06}\right] + \frac{20v \cdot 1{,}06^{15}\,(1{,}06^{60} - 1)}{0{,}06} +$$
$$+ \frac{20v}{15}\left(\frac{15 \cdot 1{,}06^{15}}{00{,}6} - \frac{1{,}06^{15} - 1}{0{,}06^2}\right),$$

что после обычных упрощений приводится к указанной в тексте формуле (3). Подобным образом находим и уравнение в общей форме (4).

в общей форме, если учесть прогрессивное нарастание восстановительного расхода в течение n лет, затем его стабильность в течение $(t-m-n-k)$ лет и постепенное снижение в течение последних k лет,— после суммирования и упрощений

$$at = A + V\left(t - m - \frac{n+k}{2} + 1\right)$$

откуда

$$a = \frac{A}{t} + V\left(1 - \frac{2m+n+k-2}{2t}\right) \quad \ldots\ldots\ldots \quad (6)$$

Для указанных выше двух числовых примеров мы нашли бы: в первом примере (срок эксплоатации предприятия — 100 лет)

$$a = 0{,}01 \cdot A + 0{,}785 \cdot V;$$

во втором ($t = 80$ лет)

$$a = 0{,}0125 \cdot A + 0{,}825 \cdot V$$

Если, например, годовой восстановительный расход V составляет $2\% - 3\% - 4\% - 5\%$ от первоначальных затрат A, то соответственно

в первом примере a равно $1{,}285\,V$; $1{,}118\,V$; $1{,}035\,V$; $0{,}985\,V$
во втором „ „ „ $1{,}45\,V$; $1{,}242\,V$; $1{,}137\,V$; $1{,}075\,V$

Если принять $t = 125$ лет, сохраняя остальные условия первого примера, то соответственно получили бы

$$a = 1{,}228\,V;\ 1{,}095\,V;\ 1{,}028\,V;\ 0{,}988\,V.$$

На этих примерах (число коих легко можно умножить) мы видим, что только при сравнительно коротких сроках возможного существования предприятия и незначительной (по отношению к основному капиталу) высоте восстановительных расходов правильное исчисление годовой амортизации заметно превышает (на $23\% - 45\%$ в наших примерах) размер „установившегося“ годичного восстановительного расхода. При более длительных сроках жизни и большем относительно восстановительном расходе амортизация оказывается едва на несколько процентов выше, а иногда и ниже такого восстановительного расхода V.

4. Выводы

Итак, анализируя действительные условия длительной эксплоатации предприятия, мы приходим к следующим выводам.

1) Калькуляцию отпускной цены или общей реализационной стоимости продукции надо проектировать, при заданном проценте рентабельности, путем совместного расчета прибыли и амортизации, согласно формуле 5.

2) В калькуляцию себестоимости удобнее всего включать постоянную величину годовой амортизации (исключение составляют горнодобывающие предприятия, где систему амортизации правильнее строить равномерно по отношению к продукции, а не ко

времени, [1] при чем амортизационный фонд, как пассивная статья баланса, не процентируется, хотя соответствующие ему активные ценности, участвуя в производстве, „приносят доход“, если употреблять этот неточный термин — продукт старых буржуазных представлений о „свойстве“ капитала приносить проценты.

3) Такая годичная сумма амортизации, определяемая по формуле 6, вообще очень близка к среднему годовому восстановительному расходу, характерному для большей части существования предприятия, а именно за исключением юного периода и предликвидационных лет.

4) Примененная С. Г. Струмилиным методика определения правильной амортизации по „потребности в погашении“ есть не только один из возможных практических приемов, но имеет за собой и более серьезные обоснования: эта методика отвечает реальной картине длительного существования предприятий, отвечает марксистскому представлению о существе амортизационного процесса и может быть обоснована математически.

5) Вывод С. Г. Струмилина о преувеличенности действующих в промышленности амортизационных норм представляется, таким образом, правильным.

Любопытно, что в то время как С. Г. Струмилин находит, на основе своих расчетов, фактические амортизационные отчисления в промышленности преувеличенными, примерно на 40%, ВСНХ вошел в Госплан с проектом новых норм, обещающим, в случае его применения, еще большее повышение амортизации, а в результате — и повышение расчетной себестоимости, примерно, на $4-5\%$ против существующего порядка и еще значительнее (примерно, на $6-7\%$) против действительной себестоимости промышленной продукции. Этот проект норм явно ошибочен и с точки зрения правильного учета капиталов промышленности, и с точки зрения экономической политики, преследующей снижение промышленных цен и сжатие „ножниц“.[2]

---

[1] См. нашу статью в № 6 „План. Хоз.“, 1925 г.

[2] После того как статья была набрана, ВСНХ внес в Госплан вновь измененный проект норм амортизации, пониженных против упомянутого, но все-таки обещающих небольшое, на $1-1{,}5\%$, повышение калькуляции в среднем.

И. Г. Туровский

Рынок промышленных товаров в 1927/28 году и методы его регулирования [1]

I. Контрольные цифры и действительность

Итоги I полугодия в области товароснабжения обнаруживают серьезные отклонения от проектировок, данных в контрольных цифрах.

Между плановым замыслом и действительностью оказался разрыв, в значительной мере обусловленный стихийными силами народного хозяйства. Преодоление этой стихии стало возможным лишь благодаря особенностям структуры советского хозяйства и тому огромному напряжению, с каким обобществленный сектор ликвидировал ошибки предыдущего периода.

Каковы основные причины отклонений действительности от плановых проектировок в сфере товароснабжения?

Первая причина заключалась в том, что контрольные цифры в своей директивной части охватывали только $^3/_4$ года. Последняя четверть хозяйственного года (первая четверть следующего сельскохозяйственного года) развертывалась уже под влиянием новых факторов, связанных с урожаем. Эти новые факторы требовали нового плана хозяйственных мероприятий, которые обеспечивали бы выполнение поставленных хозяйственных задач.

Этого плана на IV квартал мы не имели; кроме того, своевременно не была осуществлена необходимая подготовка к IV кварталу, несмотря на благоприятную для этого кон'юнктуру II и значительной части III квартала 1926/27 г.

Указанная неподготовленность осложнилась и рядом известных внеэкономических факторов.

Таким образом, I квартал явился в этой части наследником стихийно-развернувшегося IV квартала, обусловившего в первую очередь значительную дезорганизацию рынка

Факт дезорганизации рынка был учтен (к сожалению, его можно было именно только учесть) при составлении контрольных цифр на 1927/28 г., и потому основной директивой контрольных цифр в области товароснабжения явилось: предложение о всемерном развертывании производства средств производства в сельском хозяйстве и продукции, для которой сырье не являлось лимитом, в целях максимального увеличения предложения промтоваров; другим категорическим требованием было переключение до конца I квартала значительной части товарных масс в деревню посредством системы гендоговоров.

[1] В порядке обсуждения. Ред.

Обе директивы и о расширении производства и о переключении товарной массы своевременно не были выполнены. К переброске товаров в деревню было приступлено лишь в самом конце I квартала под огромным напором рыночной стихии; выполнялся этот маневр весьма спешно и потому обусловил ряд отрицательных моментов, неизбежных вследствие отсутствия предварительной подготовки. Кроме того, I квартал дал пониженную продукцию по сравнению с плановыми наметками.

Директива о развертывании средств производства для сельского хозяйства, и в первую очередь строительных материалов, не нашла отражения не только в контрольных цифрах ВСНХ, но и в промфинплане. Намеченное производство стройматериалов оказалось недостаточным для покрытия даже только городского спроса. При прохождении промфинплана в высших инстанциях была вновь дана директива о срочном расширении производства стройматериалов.

Все эти факторы обусловили известные перебои в товарообороте между городом и деревней, главным образом, в области хлебозаготовок, ликвидировать которые удалось лишь к концу февраля благодаря срочным мероприятиям.

Уроки 1927/28 г. обязывают нас, не ожидая контрольных цифр на следующий год, своевременно наметить план организованной подготовки к началу заготовительной кампании 1928 г.

Опыт 1927/28 г. показал также, что проектировка необходимых мероприятий в годовом разрезе недостаточна и что необходимо наметить календарный план мероприятий на протяжении всего года. И, наконец, итоги выполнения директив, предусмотренные контрольными цифрами, обязывают нас к тщательной ревизии существующих приводов между плановой проектировкой и действительностью. В соответствии с указанным в настоящей статье, мы попытаемся, на основе анализа имеющихся итогов и перспектив товароснабжения (промышленной продукцией) в 1927/28 г. наметить необходимые мероприятия по подготовке к заготовительной кампании. В связи с анализом плановой базы на рынке промтоваров и методов ее использования, мы дадим оценку действующих приводов между планом и действительностью. Начнем с характеристики рынка важнейших промышленных товаров.

2. Характеристика рынка важнейших промышленных товаров

Торговая практика делит промтовары широкого потребления на две группы — достаточную и дефицитную. К первой относят то-

вары, производство которых не лимитировано недостатком внутреннего сырья и спрос на которые удовлетворяется полностью. К этим товарам относятся соль, сахар, керосин, спички, табак, махорка, фарфоро-фаянсовые изделия и т. д. Ко второй „дефицитной" группе относятся товары, спрос на которые полностью не покрывается и развертывание производства коих затруднено по причинам производственно-технического порядка или вследствие недостаточности внутреннего или импортируемого сырья. К последней группе относятся хлопчатобумажные ткани, шерстяные, кожевенные товары, черные металлы.

Некоторые экономисты вводят в указанную классификацию еще и третью группу товаров, „стоящих на грани дефицитности". Ниже, при анализе состояния рынка отдельных товаров мы убедимся в том, насколько условно указанное выше деление, получившее, однако, „право гражданства" не только в торговой практике, но и в экономической литературе.

Мы увидим, что „достаточные" товары в отдельных районах в разные периоды переходят в группу недостаточных и, наоборот, в ряде районов наблюдается затоваривание „дефицитными" товарами. Темп развертывания производства по ряду „дефицитных" товаров превосходит темп развертывания производства „достаточных" товаров и в то же время замедленное развертывание по некоторым достаточным товарам может обусловить к концу года их дефицитность.

Таким образом, приведенная классификация „достаточных" и „дефицитных" товаров не есть нечто „иманентное" той или иной группе товаров и является весьма условной, а самый состав этих групп — текучим.

Тем не менее, в дальнейшем, мы с указанными оговорками принимаем эту классификацию. Затоваривание продукцией, производство которой в целом недостаточно, говорит о крупных дефектах в системе распределения товаров, точно так же, как дефицит „достаточных" товаров свидетельствует в большей мере об организационных упущениях в производстве и торговле, чем о неустранимых об'ективных препятствиях.

Так, например, факты перебоев в снабжении населения солью, керосином, спичками в I квартале текущего года свидетельствуют не столько о недостаточности этих товаров, сколько об организационных недочетах в производственном и торговом аппарате и, наоборот, затоваривание кожобувью и отчасти хлопчаткой в хлебозаготовительных районах свидетельствует больше об ошибках регулирующих торговых органов, чем об избыточности этих товаров.

Дальнейший анализ покажет также, что чем лучше организован сбыт „достаточных" товаров, тем в большей мере эти товары могут компенсировать дефицитность другой группы товаров. Поэтому особенно важно выяснение причин перебоев в снабжении достаточными товарами.

А. Группа „достаточных" товаров.

Соль. Добыча соли по плану на 1927/28 г. увеличивается по сравнению с 1926/27 г. на 6% (в натуральном выражении), а план вывоза на 8%. В ценностном выражении вывоз и сбыт соли понизится вследствие снижения средне-годовой розничной цены соли на 7% в 1927/28 г. За 4 месяца (октябрь — январь) текущего хозяйственного года сбыт соли превысил прошлогодний на 48% (в натуральном выражении). Несмотря на перевыполнение плановых наметок, в ряде районов наблюдались перебои в снабжении солью, при чем хроническое недоснабжение испытывали Урал, Сибирь и Дальний Восток. Об'ясняется это недостаточностью продукции местных трестов (Пермсоли, Иркутсоли, Павлодарсоли) вследствие пониженной добывной мощности производственного аппарата. Так динамика добычи и сбыта соли на Урале, в Сибири и Дальнем Востоке обнаруживает значительное отставание добычи от сбыта.

	Рост в %% к предыд. году	
	Добыча	Сбыт
1925/26 г.	100	100
1926/27 г.	102,9	166,1
1927/28 г.	107,3	114,5

В то же время добыча южных трестов, в частности Бахсоли, полностью покрывает потребность обслуживаемых районов, и часть этой соли перебрасывается в северные и восточные районы, где нехватает продукции местного производства. Финансовое состояние южных трестов позволяет переключить часть средств для переоборудования сибирских предприятий и тем самым избегнуть излишних и крайне дорогих перевозок южной соли на север и восток и, одновременно, удовлетворительно решить проблему достаточного снабжения восточных районов наиболее дешевой, местной солью. Однако, организационная разобщенность соляных предприятий препятствует плановому переключению средств и целесообразной проектировке производственных программ. Необходимо, поэтому, срочное разрешение вопроса об организационных формах солепроизводства.

Другим фактором, осложняющим нормальное снабжение населения солью, является недостаточность запасов ее в товаропроводящей сети. До снятия акциза промышленность кредитовала торговлю в достаточной мере за счет акцизных поступлений. Таким образом, ежегодно удавалось до наступления периода усиленных хлебных перевозок и осенней распутицы завозить 3 — 4 месячные запасы, то же делалось и в зимний период до наступления снежных заносов.

После снятия акцизов, торговля лишилась добавочных (сверх промышленных) источников финансирования. В настоящее время кооперации предоставляется кредит по соли в размере 75 дней (кооперация проводит около 95% всей соли, идущей на широкий

рынок), стоимость же транспорта оплачивается наличными, а между тем, стоимость транспортировки составляет в среднем 200% отпускной цены соли. Необходимо поэтому в срочном порядке наладить кредитование перевозок соли, обязав кооперацию к накоплению двухмесячных переходящих запасов.

Кроме того, следует отметить недоучет в планах действительных размеров сбыта соли. Необходимо уже в настоящее время принять меры к повышению добычи соли, в противном случае возможны перебои, вследствие не только указанных выше организационных причин, но и вследствие угрозы абсолютного недопроизводства соли.

Спички. В прошлом хозяйственном году, примерно в июне — июле, промышленность жаловалась на значительное затоваривание. При годовом производстве 4.100 тыс. ящиков для внутреннего рынка, летние запасы спичек достигали размеров двухмесячного производства. В III квартале под давлением указанных запасов производство снизилось на 20%. Но уже на 1/X запасы упали с 688 тыс. ящиков, бывших на 1/VI, до 161 тыс. Запасы спичек в кооперации (реализует до 75% всех спичек) к началу текущего хозяйственного года также значительно уменьшились.

В I квартале текущего года наблюдались перебои в снабжении рынка. Об'ясняются эти перебои недовыработкой 100 тыс. ящиков по сравнению с планом в I квартале при интенсивном развертывании их экспорта. Реализация I квартала 1927/28 г. превысила сбыт того же периода в 1926/27 г. на 18% при годовом плане увеличения сбыта на 3—5% (4200—4300 тыс. ящиков).

Таким образом, и по спичкам необходимо не только компенсировать недовыработку I квартала, но и расширить производство по сравнению с проектировкой промфинплана.

Керосин за последние годы являлся абсолютно достаточным товаром. Мощная сеть синдикатских нефтескладов обеспечивает правильное распределение керосина по стране и бесперебойное питание районов, обслуживаемых нефтескладами.

Все же и на керосиновом рынке в I квартале наблюдались правда, довольно редкие перебои.

Запасы керосина, как видно из приводимой таблицы, были достаточны и превышали прошлогодние.

Запасы (в отношении к обороту)

	X	XI	XII	I	II
1926/27 г.	4,09	3,44	2,85	2,61	2,56
1927/28 г.	4,23	3,63	3,20	2,86	2,89

Реализация за 4 месяца 1927/28 г. превысила прошлогоднюю за тот же период на 15% (501,8 тыс. тонн против 445,4 тыс. тонн) при годовом плане увеличения завоза и реализации керосина на 13%.

Таким образом, причину перебоев следует искать не в недостаточности керосинового завоза или дефектах оптового распределения, а в неналаженности розничной торговли керосином.

Частник, выбиваемый из торговли дефицитными товарами, сокращает и торговлю керосином. Так, реализация через частника, достигавшая 27,5% в (X—I) 1927 году, падает в 1928 году до 20,6%. В то же время роль кооперации повышается с 53,3% до 63,3%. Таким образом, число мелких и мельчайших распределителей керосина сокращается при недостаточности розничной кооперативной сети для столь значительного обслуживания потребностей населения; возникает необходимость в организации развозной торговли и мелких нефтяных баз. Это требует известных капитальных вложений, которые не под силу одной кооперации. Необходимо посильное участие местного бюджета в финансировании затрат на оборудование керосиновой торговли. Кроме того, в городском строительстве в связи с жесткими правилами противопожарной охраны необходимо предусмотреть достаточное и надлежащее строительство нефтелавок.

Если керосин охарактеризован нами, как товар безусловно достаточный, то махорка является продукцией одновременно и избыточной и дефицитной.

Украинская махорка — дефицитна. РСФСРовская — за исключением Саратовской — избыточна. Об'ясняется это значительным превосходством качества украинской махорки по сравнению с РСФСРовской. РСФСРовская махорка не только худшего качества, но и стандарт этой махорки непостоянен. Даже временные улучшения качества этой махорки не расширяют рынков сбыта, так как потребитель не верит в постоянство, длительность этого улучшения. В РСФСР есть предприятия, у которых запасы превышают размеры полугодового производства, эти же предприятия обычно дезорганизуют махорочный рынок.

Таким образом, надлежащая организация махорочного рынка зависит от коренной реорганизации махорочной промышленности РСФСР. Существующий синдикат реализует в 1927/28 году до 70% продукции всей синдицированной промышленности, а синдицированная промышленность производит 60—65% всей рыночной махорки.

Несмотря на столь значительную роль синдиката на рынке (до 45%) вследствие организационных невязок внутри государственной промышленности, а также ненормальных взаимоотношений между государственной и организованной кустарной промышленностью (поставляющей до 20% всей махорки), синдикат не является еще тем организующим началом, каким он призван быть и для рынка и для промышленности. Этим и об'ясняется относительно значительные остатки РСФСРовской махорки и стабилизация размеров производства в 1927/28 г. (4200 тыс. ящиков) на уровне 1926/27 г. Необходимо срочное разрешение вопроса либо путем усиления руководящего влияния синдиката, либо путем организации махорочного треста РСФСР.

Роль кооперации в реализации махорки оценивается в 70—75%, а удельный вес гендоговоров в кооперативном сбыте махорки составит, примерно, 40%.

По табаку отметим лишь, что сбыт I квартала 1927/28 г. превысил прошлогодний на 26,0% при плановой наметке увеличения реализации за год на 9%. Столь успешный сбыт в I квартале обусловил интенсивное сверхплановое развертывание производства. Понижение сбыта в феврале, недостаточность средств в табачной промышленности, задолженность табачных трестов НКФину и взаимная конкуренция могли бы вызвать в последующем срыв производства, несмотря на блестящие результаты I квартала. Мы полагаем, однако, что организованному, постановлением СТО, синдикату удастся преодолеть возникающие (из-за бывшей разобщенности хозяйственной работы трестов) опасности срыва производства, а следовательно, и плановой организации снабжения рынка.

Сахар был остро-дефицитным товаром в конце 1926/27г. Производство сахара в 1926/27 г., вследствие пониженного урожая, снизилось, примерно, на 10% по сравнению с 1925/26 г., несмотря на рост площадей под сахарную свеклу. Значительный экспорт обусловил дефицит на внутреннем рынке в период сезонного оживления в IV квартале. В текущем году увеличивается производство сахара на 46%; если же учесть значительные переходящие запасы сахара у треста и в товаропроводящей сети к началу 1926/27 г. и почти полное их иссякание к началу 1927/28 г., то рост предложения в 1927/28 г. обеспечивает расширение потребления лишь на 10—12%.

За истекшие 4 месяца (октябрь — январь) на рынке реализовано сахара на 50% больше, чем за тот же период 1926/27 г. Если сделать поправку, уменьшающую поступление сахара потребителю, в связи с накоплением его в торговых каналах до нормального уровня, то и в этом случае рост потребления за 4 месяца текущего хозяйственного года определяется не менее, чем в 20%. Это обстоятельство следует учесть при проектировке мероприятий в области товароснабжения, чтобы избегнуть возможных перебоев в IV квартале.

Сбыт через кооперацию составит, примерно, 70—75% всего сбыта сахара. 80% кооперативного оборота сахаром охвачены гендоговорами. Роль частника резко снизилась с 11,5% в 1926/27 г. до 4,8% в 1927/28 г. Таким образом, организация сбыта обеспечивает обобществленному сектору руководящее значение на этом рынке. Однако, и в самой организации кооперативного сбыта кроются дефекты, могущие в дальнейшем повлечь перебои в снабжении районов, наиболее отдаленных или обслуживаемых одной кооперацией.

В связи с известной эмиссионной инфляцией в I квартале текущего года были пересмотрены условия расчета между промышленностью и торговлей в целях максимального сжатия сроков кредитования в соответствии с конъюнктурой рынка.

По сахару, — отпускавшемуся на условиях льготного кредита, в виду нерентабельности применяющихся в торговле накидок, — сроки кредита были сокращены с 60 до 40 дней. Указанный срок, возможно и достаточный в среднем для всей кооперативной системы, оказался явно недостаточным для отдаленных районов и для районов, удаленных от баз Сахаротреста. Необходимо было на основе указанного среднего срока диференцировать условия расчета по районам так, чтобы в пунктах, где отсутствуют базы Сахаротреста, стимулировать накопление месячных запасов сахара в оптовых звеньях. Однако, до настоящего времени Центросоюз отпускает сахар на одинаковых условиях МСПО и Севкрайсоюзу, Украине и Уралу, городской и сельской кооперации. Такая тактика сильно понижает маневренную способность нашей важнейшей товаропроводящей системы, несмотря на значительный вес ее в реализации сахара, и интенсивный рост гендоговоров.

По фарфоро-фаянсовым изделиям в 1927/28 г. синдикатом намечены конкретные мероприятия по реализации неликвидных запасов и значительных переходящих остатков (путем переоценки их), достигавших размеров полугодового производства.

Итоги за 4 месяца текущего хозяйственного года показывают выполнение плановых предположений, запасы понизились до $4^1/_2$ месяцев. Если оборот октября принять за 100, то ноябрь дает 118%, декабрь 169%, а январь 157%. Кроме того, ассортимент фарфоро-фаянсовых изделий под давлением кооперации и синдиката значительно улучшается. Увеличивается выработка дефицитных фаянсовых изделий и несколько уменьшается выработка избыточных фарфоровых изделий. Так, из закупленных синдикатом в 1926/27 г. фарфоро-фаянсовых изделий на 31 млн. руб. — на 20,5 млн. руб. было фарфора и лишь на 10,5 млн. руб. фаянса. В 1927/28 г. из 33 млн. руб. предположено получить на 18 млн. руб. фарфора и на 15 млн. руб. фаянса.

Продасиликат, за исключением трестовского сбыта на местном рынке, охватил почти полностью реализацию синдицированных трестов. Кооперация становится основным товаропроводником силикатных изделий (75% всей реализации), при чем 75% всего кооперативного сбыта покрывается гендоговорами. Следующей организационной задачей силикатного рынка является построение крупных ассортировочных баз. Сложноассортиментность и хрупкость фарфоро-фаянсовых изделий ставит задачу повышения качества услуг оптового звена, что можно разрешить путем организации крупных районных баз.

Наконец, последними из круга рассматриваемых нами „достаточных“ товаров являются галоши. Выработка галош в 1927/28 г. для внутреннего рынка (по промфинплану) повышается на 21% (в натуральном выражении) и достигнет 34.624 тыс. пар. В последнее время выяснилась возможность дополнительного увеличения производства галош (сверх промфинплана) на 1—2 млн. пар. Есть основания рассчитывать, что рынок галош, как и в первом квартале,

можно будет причислить к нормально снабжаемым, хотя и следует иметь в виду некоторые сюрпризы, так как спрос на галоши особенно интенсивно развивается со стороны села (ранее почти не потреблявшего галош), вследствие относительно низких цен на галоши и высоких цен на обувь, а также вследствие недостаточности кожтоваров.

Роль кооперации в сбыте галош достигла в 1927/28 г., примерно, 80%. Роль гендоговоров также возрастает и следует ожидать (перезаключение гендоговоров производится в апреле), что к концу 1927/28 г. ими будет охвачено до 90% всего кооперативного сбыта.

Приведенный анализ показал, что и группу „достаточных" товаров нельзя считать вполне достаточными товарами для 1927/28 г. Необходим ряд дополнительных своевременных, подчас довольно сложных мероприятий для того, чтобы обеспечить нормальное снабжение рынка на протяжении оставшегося периода 1927/28 г.

Из группы „дефицитных" товаров остановимся на характеристике рынка кожевенных, металлических и текстильных товаров.

Б. Группа дефицитных товаров.

Кожтовары и обувь. Промфинплан ВСНХ проектирует увеличение по планируемой промышленности товарной кожпродукции на 22,9%, в то время как все поступление кожсырья для обувного производства (импортного и внутреннего) ожидается в размере, не превышающем 6—6,5%. Столь значительный прирост товарной продукции по промфинплану об'ясняется более интенсивным ростом производства планируемой промышленности за счет непланируемой, а также двойным учетом части кожтоваров, идущих на пошивку обуви.

Мы считаем более правильным определять прирост всего товарного предложения по сырью или основному кожполуфабрикату.

По исчислениям ВКС общая масса кожевенных товаров в стране увеличивается на 6% (в натуральном выражении), в том числе по планируемой промышленности на 14%. В виду увеличивающегося (на 75% против прошлого года) потребления кожевенных товаров промышленностью и прочими коллективными заказчиками, предложение на широкий рынок в отпускных ценах стабилизуется. В розничных ценах, в связи со снижением торговой накидки, предложение уменьшится по сравнению с прошлым годом на 2,5%. По плану госпромышленности производство по кварталам распределится следующим образом (в %%):

I	II	III	IV	За год
25	26,3	26,5	22,2	100

Таким образом, годовой недостаток кожевенной продукции угрожает наибольшими осложнениями в IV квартале, т.-е. в периоде максимального развертывания заготовительной кампании.

Для преодоления возможных перебоев в IV квартале необходимо произвести не позднее III квартала накопление целевых резервов для использования их, сверх текущего производства в IV-квартале, и направления в заготовительные районы.

Другим фактором, осложняющим организацию кожевенного рынка в условиях недостатка этих товаров, является диспропорция в предложении товаров обувного низа (подошва, полувал) и верха (хром, мостовье). Последние наиболее дефицитны.

В то время как реализация жестких товаров („низа") сосредоточена почти полностью (90%) в синдикате, до 40% мягких товаров („верх") производятся и реализуются мелкими государственными предприятиями и частной промышленностью по ценам, значительно превышающим синдикатские. Кроме того, почти весь мягкий товар, поступающий в синдикат, используется для пошивки обуви гострестами и организованным кустарем. Для широкого рынка остается крайне незначительное количество этих товаров.

Потребители наиболее дефицитных кожевенных полуфабрикатов (по преимуществу крестьянское хозяйство) снабжаются мелкой государственной и частной промышленностью.

Таким образом, на стыке с сельским хозяйством вклинивается неорганизованный поставщик наиболее дефицитного вида промышленных товаров, срывающий тем самым плановые мероприятия на сырьевом рынке.

Третьим фактором, ослабляющим регулирующее влияние обобществленного сектора, является неупорядоченность взаимоотношений между организованным кустарем, с одной стороны, и синдикатами и потребкооперацией — с другой.

Синдикаты поставляют по нормированным ценам дефицитные кожполуфабрикаты кустарю, пошивающему до 10—12 млн. пар обуви (все предложение для 1927/28 г. исчисляется в размере 53 млн. пар). Почти вся обувь реализуется кустарными организациями, вне учета общехозяйственных задач, по „вольным" ценам.

В этом случае не только остаются неиспользованными значительные ресурсы, необходимые для организации рынка, но и самая нормировка цен на поставляемый кожполуфабрикат, при указанных взаимоотношениях, обращается против интересов обобществленного сектора. 10—12 млн. пар кустарной обуви, пошитых из относительно дешевого кожполуфабриката, не стимулируют надлежащего развития плановых заготовок сырья, более того, значительные накопления в индивидуальном хозяйстве, возможные благодаря разрыву цен на кожтовары и обувь, могут лишь усилить дезорганизующую роль частного заготовителя на сырьевом рынке.

Необходима быстрая концентрация сбыта всей государственной кожпродукции в синдикате, особенно дефицитных, мягких товаров. Дальнейшее плановое снабжение кустаря мы считаем возможным

только на условиях передачи обобществленному сектору всей производимой кустарем обуви, по нормированным ценам, на основе длительных заказов синдикатов и потребительской кооперации.

Дефицит черных металлов в 1927/28 г. исчисляется в размере 17,5%, несмотря на общий рост предложения на 15% по сравнению с прошлым годом. По разным группам потребителей намечается различный процент покрытия спроса. В то время как потребность промышленности, транспорта удовлетворяется на 90%, потребности кустарной промышленности покрываются лишь на 70% комхозов и городского строительства на 63% и индивидуального потребления города и деревни на 59%. Годовой план реализации черных металлов, намеченный ВМС в размере 522 млн. руб., покрыт запродажами к 1/I на 453 млн. руб., т.-е. на 87%. Столь острый дефицит черных металлов обусловил концентрацию их сбыта в синдикате (до 90% всего производства) и интенсивный рост гендоговоров. Почти вся масса черных металлов, передаваемых потребительской и с.-х. кооперации реализуется последней на сельском рынке.

По металлическим изделиям в марте прошлого года наблюдалось заметное затоваривание. По отдельным видам изделий товарные запасы достигали размеров четырехмесячного производства.

ВСНХ обратился в СТО со специальной докладной запиской, в которой испрашивалось дополнительное финансирование запасов, и предлагалось сокращение производства на 10%. Но еще до рассмотрения этого вопроса в СТО, в виду недостаточности финансирования, промышленность приступила к сокращению производства.

Производство и сбыт металлических изделий в 1926/27 г., при значительно ухудшенном их качестве, превысили довоенный уровень. В IV квартале 1926/27 г. запасы металлических изделий начали рассасываться, а в I квартале текущего года ощущался острый недостаток тульских скобяных изделий, инструментальной группы и изделий из цветных металлов. Во II квартале, несмотря на несезонное время, в разряд недостаточных товаров попали также и проволочные гвозди. Крайне распыленное производство метизов при недостаточном их синдицировании (60%) осложняет задачу надлежащей организации этого рынка.

Предложение хлопчатобумажных и шерстяных тканей значительно превосходит проектировки контрольных цифр. Однако, в связи с улучшением качества тканей и снижением отпускных и розничных цен рост предложения в ценностном выражении (розничных ценах) по хлопчатобумажным тканям определяется в 7.6% (в натуральном выражении 11,5% при увеличении расхода хлопка на 18,4%), а по шерстяным тканям в 3,9%.

Указанное увеличение, конечно, недостаточно, но если принять во внимание более интенсивный рост натурального предложения, то можно рассчитывать на некоторое ослабление напряженности спроса, в первую очередь, на хлопчатобумажные ткани.

Предусмотренное планом распределение производства по кварталам переносит основную тяжесть дефицита на IV квартал. Так, выпуск хлопчатобумажных тканей распределится по кварталам следующим образом (в %%):

I	II	III	IV	За год
24,4	26,4	25,4	23,8	100

Преодоление указанной диспропорции возможно путем накопления целевых (к заготовительной кампании) резервов в III квартале и возможного перевода остановок производства, в связи с отпусками и ремонтом, на III квартал.

При анализе текстильного рынка за истекшую треть года особое внимание привлекают регулирующие мероприятия по переключению товарных масс в деревню, наиболее полно проявившиеся именно на текстильном рынке. Проводимая ниже таблица завоза в хлебозаготовительные и нехлебозаготовительные районы показывает, насколько резки были сдвиги в динамике районного товарооборота, обусловленные произведенным маневром на протяжении двух месяцев, маневром вынужденым, вследствие ошибок I квартала в распределении товаров между районами и между городом и деревней.

Завоз текстильных товаров в хлебозаготовительные и прочие районы в 1927/28 г.

Наименование товаров	Средне-месячн. завоз за I квартал			Январь			Февраль		
	Хлебозагот.	Нехлеб. загот.	Всего	Хлебозагот.	Нехлебозагот.	Всего	Хлебозагот.	Нехлебозагот.	Всего
Хл. - бум.	807	1.027	1.834	2.172 в.	543 в.	2.715 в.	1.088	1.179	2.267
Суконно-шерстян.	2.837	4.603	7.440	12.327 т. р.	—	12.327 т. р.	8.966	3.842	12.808
Льняные	700	1.400	2.100	1.400 т. р.	600 т. р.	3.000 т. р.	1.360	1.560	2.920

По отдельным организациям завоз в январе и феврале превысил в 10—12 раз средне-месячные закупки предыдущего периода и это вызвало затоваривание остро-дефицитными тканями Немповолгсоюза, Тамбовского райсоюза, Бугульминского, Борисоглебского, Балашовского, Саратовского райсоюзов, уральских райсоюзов и т. д.

Указанным маневром оказалась временно сорванной и система предварительных заказов. Ближайшей задачей является значительное увеличение завоза в города и нехлебозаготовительные районы и восстановление условий, обеспечивающих осуществление системы предварительных заказов.

Нам остается еще дать краткую оценку состояния рынка подсолнечного масла. Прогноз контрольных цифр о значительном насыщении рынка не оправдался. Подсолнечное масло в потребля-

ющих районах остается попрежнему остро-дефицитной продукцией, несмотря на увеличение переработки маслосемян на 63%. Об'ясняется это, во-первых, значительным ростом потребления жиропарфюмерной промышленности и экспорта. Но главной причиной недоснабжения является недостаточная организованность сбыта маслобойной промышленности. В то время как реализация в районах производящих увеличилась на 70—80%, рост снабжения потребляющих районов крупнейших промышленных центров исчисляется в 5% против крайне низкой нормы 1926/27 г. Необходимы конкретные мероприятия, реально обеспечивающие, хотя бы для будущего года, более равномерное распределение дефицитной продукции.

Итак, несмотря на весьма благоприятные темпы увеличения производства дефицитных товаров, основные затруднения на рынке дефицитных товаров остаются неизжитыми и в 1927/28 г. Все же по ряду важнейших товаров следует ожидать некоторого смягчения диспропорций между спросом и предложением при условии своевременного проведения ряда указанных выше организационных мероприятий.

3. Общая оценка итогов и перспектив товароснабжения в 1927/28 г.

Итоги первой трети (1927/28 г. октябрь—январь включительно) показывают, что в связи с недостаточным предложением дефицитных товаров значительно усилился сбыт достаточных товаров. Сбыт сахара, соли, махорки, табака, фарфоро-фаянсовых изделий и прочих достаточных товаров на 20—30% превысил плановые предположения и от 20—50% (по различным товарам) превысил сбыт прошлого года. Табачные тресты развернули производство сверх размера, предусмотренного промфинпланом; товарные остатки Продасиликата, достигавшие к началу года размеров полугодового производства, снизились до $4^1/_2$ месяцев.

Однако, к концу I полугодия (предварительные данные за февраль) кривая сбыта достаточных товаров заметно потухает, и уже по ряду достаточных товаров темп сбыта входит в плановые берега. Усиленный общий выпуск продукции в январе, еще высокий, хотя и понижающийся уровень февральского производства частично компенсируют недовыработку I квартала. Резко повышенный завоз дефицитных товаров в хлебозаготовительные районы в январе и феврале, превосходящий в 2—$4^1/_2$ раза (а по отдельным организациям в 10—12 раз) средне-месячный завоз I квартала, обусловил в течение 2 месяцев, после почти полугодового острейшего дефицита, значительное насыщение хлебозаготовительных районов. Десяток райсоюзов сообщает о затоваривании, по синдикатским отделениям ВКС происходит усиленное накопление товарных остатков (у Кожсиндиката за февраль складские запасы увеличены на 50%). В течение 15 дней марта продолжается февральская тенденция.

Весь завоз в хлебозаготовительные районы был произведен не только за счет потребляющих районов, но и за счет городов хлебозаготовительных районов. В I квартале завоз хл.-бум. тканей в селе исчислялся (условно) в 50—55%, а в январе достиг 85% возросшей массы хлопчатки. Завоз шерстяных тканей в селе, не превышавший 35—40% в I квартале, в январе достиг 100%. Во II квартале предположено, по планам завоза НКТорга, реализовать в городе 25% хлопчатобумажных тканей и лишь 20% шерстяных. Несмотря на столь сильное оголение крупнейших потребительских центров, городской спрос реагирует на товарный дефицит далеко не столь резко, как это имело место в IV квартале прошлого хозяйственного года.

Текущая кон'юнктура, план завоза на II квартал (отражающийся на низовом рынке до середины III квартала), сезонное снижение сельского спроса в III квартале позволяют рассчитывать, что спрос хлебозаготовительных районов до наступления новой хлебозаготовительной кампании будет развертываться в условиях заметно упорядочившихся рыночных отношений.

Предварительный анализ возможных соотношений спроса и предложения (в целом) в 1927/28 г. говорит о некотором смягчении диспропорций по сравнению с 1926/27 г.

По ориентировочным подсчетам, учитывающим последние мероприятия по регулированию спроса, рост платежеспособного спроса на промышленные товары в 1927/28 г. по сравнению с предыдущим годом определяется в 8,9%. По данным промфинплана, товарная продукция планируемой легкой индустрии увеличивается на 21,8%. Однако, эту цифру нельзя считать характерной для оценки роста предложения на широкий рынок. Приведенная цифра прироста как в целом по легкой индустрии, так и по отдельным отраслям, является несомненно преувеличенной. Об'ясняется это: 1) значительно опережающим ростом планируемой промышленности по сравнению с непланируемой; 2) понижением в ценностном выражении выпускаемой продукции, вследствие а) более интенсивного роста более дешевой продукции планируемой промышленности, б) автоматического снижения уровня отпускных и розничных цен (притом наиболее значительного по текстильной группе) в 1927/28 г. по сравнению с 1926/27 г. даже при условии их стабилизации на уровне октября 1927 г.; 3) более интенсивным ростом потребления продукции широкого рынка организованным сектором хозяйства.

Кроме того, в подсчете роста всей товарной продукции легкой индустрии в промфинплане допущены методологические неточности и неясности (так, напр., двойной счет кожевенных и текстильных товаров, идущих на пошивку обуви и готового платья), обусловливающие некоторое преувеличение темпов прироста.

По подсчетам ВСНХ рост поступления промышленной продукции на широкий рынок (по розничным ценам) исчисляется ВСНХ

СССР в размере 11%, по нашим подсчетам — 9,5%. И те и другие подсчеты дают хотя и незначительное, но все же превышение темпов прироста предложения над спросом.

Уточненные ныне планы реализации промтоваров дают более благоприятные темпы роста предложения, чем это было предусмотрено в контрольных цифрах Госплана СССР (в розничных ценах по хл.-бум. 107,6 вместо 97,3, по шерстяным 103,9 вместо 90,0, по кожтоварам 97,9 вместо 95, по галошам 117,6 вместо 103,7, по стеклу 109,7 вместо 107 и т. д.). Увеличение это обусловливается рядом специальных мероприятий правительства (дополнительный импорт сырья), большим использованием переходящих сырьевых запасов более полным учетом технических, материальных и финансовых возможностей производства (стекло, галоши, табак), добавочным улучшением урожая (хлопок, сахсвекла) и относительным уменьшением переходящих товарных запасов.

Приведенный выше анализ показывает, что при условии выполнения проектировки промфинплана (а также с учетом проведенных мероприятий по регулированию спроса) следует ожидать в целом для 1927/28 г. более благоприятного соотношения спроса и предложения, чем в предыдущем году, однако, еще достаточно напряженного и потому требующего непрестанного бдительного внимания. Основной угрозой ближайших кварталов является сезонная диспропорция между спросом и предложением.

Итоги первой трети года показали, что на участках, грозивших наибольшим срывом нормального развития обмена между городом и деревней, в сравнительно короткий срок, правда, ударным, наименее рациональным путем, достигнуто относительное равновесие.

Опыт первой трети текущего хозяйственного года подтверждает правильность прогноза и директивы Госплана, ставившей решение вопроса в зависимость от качества и своевременности выполнения и подготовки планово-намечаемых маневров.

К чему, в основном, должен сводиться маневр? В III квартале по плану следует ожидать более высокого уровня производства, чем в IV. В то же время в III квартал мы вступаем с некоторыми товарными резервами в хлебозаготовительных районах и с относительно ограниченной задачей — насыщения городов и потребляющих районов.

Указанная конфигурация в наибольшей мере (относительно, конечно) благоприятствует некоторому накоплению товарных запасов в III квартале, которое должно компенсировать сезонное снижение производства в IV квартале. Одновременно необходимо перенести сезонную остановку производства с IV на III квартал, но вряд ли можно будет в 1928 г. провести в достаточной мере этот маневр.

Имеющиеся подсчеты показывают, что только по центральным организациям возможно (и необходимо) дополнительное накопление целевых резервов по хлопчатобумажным тканям, шерстяным, кожевенным и металлам на сумму до 75 млн. руб.

Кроме того, необходимо накопление товарных запасов в местной промышленности к IV кварталу в размерах, не вызывающих обострения текущей кон'юнктуры.

Предложенные выше размеры целевых товарных резервов являются минимальными. Сверх указанных целевых резервов Наркомторгом могут быть использованы обычные резервы III квартала для реализации в IV квартале, если это не вызовет обострения кон'юнктуры III квартала. В отличие от резервов предыдущих кварталов, авансом реализовавшихся торгующими организациями, сохранение резерва III квартала должно быть реально обеспечено. Целевые товарные резервы должны быть предусмотрены и обеспечены кредитным планом на III квартал. Хранение этих резервов должно производиться у синдикатов и промышленности, так как это обеспечит большую сохранность этих резервов и позволит маневрировать ими в соответствии с географией урожая.

Следующим мероприятием является добавочное развертывание производства, сверх предусмотренного промфинпланом, в отраслях, где это расширение произвести возможно (галоши, спички, соль, метизы). Итоги первой трети года показали, что недостаток одних дефицитных товаров может быть отчасти замещен другими достаточными товарами. Кроме того, необходимо изыскать ресурсы в пределах экспортно-импортного плана.

Третьим циклом мероприятий является, как уже указывалось, сезонное переключение части товарных масс из городских каналов в сельские. Следует обратить внимание на то, что в условиях значительного сезонного разрыва между спросом и предложением, наш спрос характеризуется особенностью, благоприятной для маневрирования на рынке. IV и I кварталы дают значительное повышение сельского спроса, во II и III кварталах повышается спрос города и понижается спрос села.

Указанные мероприятия могут быть эффективными лишь при условии надлежащей организации плановой базы на рынке и таких форм ее использования, которые в наибольшей мере способствовали бы укреплению этой базы на основе решения народнохозяйственных заданий.

(Продолжение следует)

С. М. Киселев

Пути советской кон'юнктуры

Пройденные этапы развития советского кон'юнктурного анализа, неоднократно оказывавшего весьма ценные услуги делу хозяйственного укрепления Союза и развертыванию нашего социалистического строительства, позволяют нам сейчас вступить открыто на путь самой суровой самокритики. Это необходимо не столько для лиц, непосредственно участвующих в кон'юнктурной работе, хотя для многих из нас критика также может быть весьма ценным средством дальнейшего прогресса, сколько для всех тех, кого мы обслуживаем и кто должен знать о трудностях, которые приходится преодолевать в деле кон'юнктурного анализа, а также для тех, кто может и должен облегчить с своей стороны возможное повышение качества и расширение об'ема советской кон'юнктуры.

Задача научного анализа экономических явлений состоит в том, чтобы определить статику и динамику наблюдаемого процесса и дать ему оценку, как одному из элементов данной хозяйственной системы. Другими словами, мы должны установить направление и характер движения исследуемого процесса (что иногда дает возможность построения и прогноза дальнейшего его развития на ближайшее время), найти соответствующее цифровое выражение для определения об'ема этого процесса и, наконец, дать ему качественную характеристику.

Если рассматривать с этой точки зрения структуру кон'юнктурных наблюдений, существующих в буржуазных, капиталистических странах, то они не отличаются должной полнотой анализа и ставят перед собой более узкие и односторонние задачи: они ограничиваются преимущественно определением только направления движения экономических процессов. По кругу же анализируемых явлений изучение кон'юнктуры сосредоточивается здесь, главным образом, в пределах явлений обмена, при чем в тех случаях, когда в сферу наблюдения привлекаются процессы производства (производство тяжелой металлургии) и т. д., то и они анализируются также почти исключительно под углом зрения рыночной кон'юнктуры. Такое построение кон'юнктурных наблюдений в капиталистических странах тесно связано с особенностями самого их хозяйственного строя и вполне отвечает практическим интересам правящего класса: капиталисту важно знать только тенденцию движения рыночной кон'-

юнктуры, оценку же последней он делает сам с точки зрения своих личных интересов. Для этого, помимо кон'юнктурных данных, он использует имеющиеся в его распоряжении сведения о реальной производительности принадлежащих ему или конкурирующих предприятий, или о наличном об'еме их товарных запасов, или же об об'еме свободных оборотных капиталов и т. д. Вполне понятно, повторяем, что в этих условиях кон'юнктурный анализ сводится почти исключительно к своевременному уловлению признаков перелома стихийной рыночной кон'юнктуры и, по возможности, к предсказанию направления дальнейшего ее развития.

Организованные осенью 1923 года, в период рыночной депрессии, наблюдения за кон'юнктурой народного хозяйства СССР построены у нас до сих пор в значительной степени по типу кон'юнктурных наблюдений, свойственных частно-капиталистическим хозяйственным системам. Главное внимание уделено и у нас изучению процессов обмена (индексы цен, заготовки, торговые обороты, грузооборот, кредит и т. д.), при чем имеющиеся в системе советской кон'юнктуры показатели динамики промышленного производства до сих пор рассматривались также преимущественно под углом зрения кон'юнктуры рынка. В дальнейшем изложении мы ставим перед собой задачу ответить на следующие чрезвычайной, по нашему мнению, важности вопросы: 1) соответствует ли существующий об'ем кон'юнктурного анализа потребностям советской хозяйственной системы; 2) достаточны ли применяемые теперь в кон'юнктурном анализе методы для удовлетворения этих потребностей и 3) какие в связи с этим новые задачи должны быть поставлены и разрешены советским кон'юнктурным анализом в отношении построения выводов и оценки перспектив хозяйственных процессов.

Для ответа на первый вопрос достаточно учесть такие первостепенной важности особенности советского народного хозяйства, отличающие его резко от частно-капиталистического буржуазного строя, как обобществление всей крупной промышленности, превалирующее значение на рынке государственной и кооперативной торговли, развитие мощной сети государственных заготовительных организаций, обобществление внешней торговли, железнодорожного транспорта, кредита и т. д.; вместе с тем, область рыночной стихии у нас все больше и больше сжимается в результате мощного развития планово-организованных хозяйственных процессов. Поэтому, для того чтобы наши кон'юнктурные наблюдения имели большую практическую жизненную ценность, они не могут ограничиваться у нас указанием одних только рыночных тенденций. В самом деле, если частный капиталист для определения, на основе кон'юнктурных данных, дальнейшего направления и об'ема своей деятельности нуждается в знании своих реальных ресурсов, то тем более это

необходимо для советских государственных плановых органов, которые должны строить свои выводы из кон'юнктуры лишь на основе полного знания реального состояния ресурсов обобществленного сектора во всей их совокупности. Отсюда ясно также, что в наших советских кон'юнктурных наблюдениях изучение состояния материальных процессов производства, как основной базы планового регулирования народнохозяйственной жизни, должно занять не подчиненное, а первое место в системе кон'юнктурных показателей. Государство должно, в первую очередь, иметь в кон'юнктурном порядке точные сведения о наличной производственной мощности промышленного оборудования, степени его загруженности, наличии сырья, топлива, готовой продукции, равно как и качественную сторону производства (интенсификация производства, себестоимость и т. д.). Только получая в срочном кон'юнктурном порядке все эти необходимые элементы хозяйственного планирования, мы можем вполне сознательно и своевременно определить свое отношение также и к тенденциям рыночной кон'юнктуры, делая более уверенно и все необходимые практические выводы.

Чтобы пояснить на конкретном примере всю важность затронутого нами вопроса, воспользуемся следующими фактами. В обзоре майской кон'юнктуры 1926/27 г. при констатации „увеличения продукции во всех основных отраслях промышленности" говорится: „Мы отмечаем больший рост средств производства, увеличившихся, примерно, на 6%, тогда как предметы широкого потребления дали коэфициент около +2%; меньший темп роста последних в данном месяце является следствием сезонного сжатия части отраслей пищевой промышленности, а также и недостаточности сырьевого снабжения в отдельных отраслях". [1] При существующей системе кон'юнктурных наблюдений обозреватель, конечно, большего ничего не мог и сказать, так как отсутствие сколько-нибудь точных данных о сырьевых запасах и состоянии оборудования не позволяло предвидеть того снижения в июне — августе промышленной продукции, которое отразилось, как известно, крайне неблагоприятно на всей хозяйственной кон'юнктуре второй половины 1926/27 г. Поэтому и конечный вывод майской оценки о „замедленном росте промышленной продукции, в связи с завершением восстановительного процесса промышленности" не давал, конечно, никаких практически ценных указаний для реальных экономико-политических выводов в этой области и не мог с достаточной убедительностью сигнализировать о шедшей нам навстречу опасности. Последнее возможно будет лишь в том случае, если кон'юнктурный анализ будет выведен за пределы узкого круга процессов обмена и пойдет по пути более широкого охвата и изучения в первую очередь материальных процессов производства.

[1] „Экон. Жизнь", № 142 от 26 июня 1927 г.

Но даже и в области обмена постановка кон'юнктурных наблюдений в наших советских условиях страдает у нас весьма существенной неполнотой. Для нас важно не только своевременно знать о наступлении переломных моментов рыночной кон'юнктуры, не только учитывать тенденции рынка, но иметь представление об об'еме рыночных процессов. То, что достаточно для рыночной ориентации частного капиталиста, для определения тактики текущего дня, которая, в свою очередь, диктуется одним стремлением использовать момент для того, чтобы сорвать в данной операции максимум прибыли или ограничить свои убытки возможным минимумом, то для советской государственной политики, чуждой этих эгоистических интересов и преследующей более широкие народнохозяйственные интересы, не может быть признано удовлетворяющим. Необходимо более глубокое зондирование рыночной обстановки. Последнее возможно лишь в результате знания полного об'ема явлений, т. е., в частности, изменения абсолютной величины оборотов и наличия товарных остатков в торговой сети, их состава по главнейшим группам и территориального распределения, а также степени обеспеченности ими текущего об'ема продажных оборотов. Без этих конкретных данных нынешние кон'юнктурные наблюдения в области товарооборота заведомо недостаточны и не могут служить сколько-нибудь полным и убедительным материалом для выводов практической политики. Достаточно указать, что наши исследователи в силу отсутствия именно этих знаний и пользования суррогатами очень часто вынуждены были впадать в ошибки при общих оценках рыночной кон'юнктуры и резко менять их иногда на протяжении одного — двух месяцев, переходя от выводов о депрессии и кризисе сбыта к товарному голоду и т. д. Причина этих ошибок всегда лежала за пределами личной воли и желания исследователей и коренилась в том, что часто правильно угаданные тенденции рыночных явлений были, по существу, очень кратковременными и поверхностными или имели частный, местный характер, распространительное же толкование их приводило к ненадлежащим выводам. Удача такого толкования зависит в этих случаях от личного чутья исследователя и тонкости его внутренней интуиции; поставить же оценку кон'юнктуры рынка на более прочную базу может, конечно, только знание об'ема рыночных процессов. Таким образом, здесь качество и об'ем самого наблюдения отражаются непосредственно и на качестве конечных выводов; на этом мы остановимся еще несколько подробнее ниже, когда мы будем говорить непосредственно о методах кон'юнктурного наблюдения.

Наконец, мы стоим перед необходимостью очень тщательного наблюдения за движением в стране грузовых потоков. Отсюда необходимо поставить серьезный вопрос о дальнейшем расширении товарно-транспортной статистики, а также об организации оперативной отчетности по районному завозу товаров через кооператив-

ную и синдикатскую систему. Между тем, по этому важнейшему элементу планового регулирования рынка мы или совсем не имеем никаких точных данных (по линии Наркомторга) или же располагаем недостаточными и неполными сведениями об общем движении грузов (железнодорожная и товарно-транспортная статистика).

Если мы перейдем к вопросам денежно-кредитных отношений, то и здесь должно констатировать недостаточность теперь для нас одних только показателей общего состояния денежного рынка (учетный процент, курс процентных бумаг, динамика вкладов и учетно-ссудных операций и т. д.). Кредитоспособность каждого клиента определяется в капиталистических странах отдельными банками в порядке их индивидуального соглашения; ошибки и просчеты их приводят в дальнейшем к крахам, неплатежам, банкротству, а иногда и более общим хозяйственным кризисам, — этой ценой отдельные ошибки кредитной системы в конечном счете исправляются и рынок вновь возвращается в состояние относительного равновесия. Поэтому наблюдение за общим состоянием денежного рынка служит важнейшим орудием регулирования деятельности буржуазной банковской системы, сигнализирующим о переломных моментах рыночной стихии, благоприятных для расширения или же требующих сжатия операций, что тем самым несколько уменьшает степень банковского риска. В советских условиях функции кредита несравненно шире и глубже: у нас перед кредитной системой стоит задача способствовать наилучшему выполнению общехозяйственных планов отдельными звеньями производственно-торгового оборота, а поэтому одними общими показателями кон'юнктуры денежно-кредитного рынка мы также, естественно, не можем ограничиться. Для наших выводов о задачах, вытекающих из кон'юнктуры кредита, необходимо точное знание финансового состояния отдельных звеньев производственно-торговой цепи, включая сюда и потребительский сектор, как в городе, так и в деревне. Между тем, именно в этой области мы имеем в кон'юнктурном порядке до сих пор только неполные, отрывочные сведения. Даже по таким организованным звеньям, как государственная промышленность и кооперативная торговля, наши сведения не отличаются должной полнотой и своевременностью. Мы приводим ниже (см. стр. 97) две аналитических таблицы финансового состояния кооперации, более или менее полно ее освещающие; однако, необходимые для их составления сведения приходят у нас с опозданием на полгода и более. Между тем, за отсутствием этих сведений о непосредственном финансовом состоянии промышленности и торговли приходится судить о нем преимущественно на основании общих показателей или строить выводы на разрозненных отрывочных данных, а также на качественных более или менее достоверных личных оценках отдельных исследователей.

„Накопление товарных остатков в среднем звене, повидимому, вызвано напряжением оборотных средств низовой торговли“;

Показатели финансового состояния райсоюзов

Таблица 1

Балансовые данные на конец кварт., торговый оборот за квартал в млн. черв. руб.	Денежная наличность к обороту	Товары к обороту	Векселя полученные (неучтен.) к обороту	Займы к обороту	Векселя, выданные, к обороту	Векселя полученные + дебиторы к обороту	Все оборотн. средства к обороту	В %% к общему итогу оборотных средств, принятому за 100	
								Денежн. наличн.	Товары
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1925/26 I	3,2	41,2	24,4	25,2	42,2	56,1	105,7	3,0	38,9
1925/26 II	2,4	37,5	21,6	25,2	33,4	50,4	94,6	2,5	39,6
1925/26 III	2,3	40,3	22,3	24,0	38,0	50,3	97,8	2,4	41,2
1925/26 IV	3,1	47,4	23,2	24,9	42,7	47,3	100,1	3,1	47,4
1926/27 I	2,4	34,8	22,3	21,2	33,3	43,1	83,7	2,8	46,6
1926/27 II	3,0	34,7	25,4	23,2	36,2	49,4	91,4	3,3	38,0
1926/27 III	4,0	34,6	26,0	23,1	38,6	51,2	93,5	4,3	37,0
1926/27 IV	2,5	33,9	23,2	19,2	40,1	49,7	88,5	2,9	38,3

Показатели финансового состояния сельской потребительской кооперации

Таблица 2

Балансовые данные на конец квартала, торговый оборот за квартал в млн. черв. руб.	Денежная наличность к обороту	Товары к обороту	Займы к обороту	Векселя, выданные, к обороту	Все оборотные средства к обороту	В %% к общему итогу оборотных средств, принятому за 100	
						Денежная наличность	Товары
1	2	3	4	5	6	7	8
1925/26 I	4,9	31,7	1,5	13,2	52,7	9,2	60,3
1925/26 II	3,9	31,3	1,4	10,6	47,9	8,1	65,4
1925/26 III	4,2	32,5	1,7	11,0	50,2	8 4	64,8
1925/26 IV	4,2	33,5	2,1	12,2	50,9	8,2	65,8
1926/27 I	4,0	32,6	1,6	11,1	48,8	8,2	66,8
1926/27 II	4,3	34,7	1,7	12,7	51,7	8,4	67,2
1926/27 III	4,7	32,9	1,7	12,6	50,1	9,5	65,6
1926/27 IV	4,4	28,3	1,7	11,4	44,3	9,9	63,8

„по данным о кассовой наличности торгующих организаций нельзя еще сказать об общем усилении напряжения оборотных средств"; „увеличение банковского кредитования, а также усиление сбора кооперацией паевых взносов... очевидно, не смогло сколько-нибудь заметно ослабить финансовое напряжение торговли" и т. д. [1] Подобные соображения, обильно сдабриваемые кон'юнктуристами смягчающими оговорками, сами по себе свидетельствуют об отсутствии в существующей системе кон'юнктурных наблюдений достаточных реальных данных для четких и более ценных выводов, лишенных внутренних противоречий и дающих ясную для всякого картину реальной действительности.

Итак, особенности советской хозяйственной системы определенно требуют расширения об'ема кон'юнктурных наблюдений по сравнению с теми задачами, которые пред'являются к ним капиталистическим хозяйственным строем. Для советской экономической политики необходимо теперь не только определение направления в развитии рыночных процессов, но и реальное знание состояния процесса производства; кроме того, без точной картины финансового состояния промышленности и торговли, учета грузового движения, а также учета всех вообще материальных ресурсов обобществленного сектора невозможно осуществление и бесперебойного планового регулирования процессов обмена. Во всех этих случаях перед нашим кон'юнктурным анализом стоит задача определения не только тенденций, но и установления об'ема [2] рассматриваемых процессов, поскольку это необходимо для той же цели планового регулирования хозяйственных процессов в советском народном хозяйстве. [3]

Посмотрим теперь, какими методами наблюдения пользуется современный кон'юнктурный анализ и насколько применимы они для поставленных уже нами выше целей. Наиболее полным и достоверным источником познания являются, конечно, данные оперативного учета, характеризующие не только направление, но и об'ем процессов, совершающихся в отдельных отраслях народного хозяйства. Если даже эти данные не охватывают целиком всей исследуемой отрасли, но отражают состояние большей ее части, то опыт показывает, что и тогда результаты оперативного учета являются достаточно достоверным и полным материалом для построения необходимых практических выводов. Надо, однако, заметить, что сведения оперативного учета поступают пока в кон'юнктурном (т.-е. срочном) порядке только по некоторым отраслям народного хозяйства: по хлебным и сырьевым государственным заготовкам, по внешней торговле, железнодорожной погрузке, денежному обращению, кредиту и бюджету; но уже по промышленности имеющиеся данные отличаются меньше полнотой, равно как и по операциям обобществленной торговли.

[1] Февральский кон'юнктурный обзор. „Экон. Жизнь" от 30 марта 1928 года, № 76 и др.

[2] Отсюда — наблюдаемые за последнее время попытки об'яснения кон'юнктуры при помощи балансовых прикидок, являющихся, по существу, суб'ективной экстраполяцией отдельными исследователями тех же недостаточных и неполных кон'юнктурных данных.

[3] В области сельскохозяйственного производства, поскольку последнее является результатом деятельности многочисленных разрозненных хозяйственных ячеек, перспективы развертывания кон'юнктурного анализа в силу необходимости остаются пока ограниченными, но и здесь, по мере усиления процесса коллективизации, представится в дальнейшем возможность соответствующего их качественного улучшения.

За отсутствием точных оперативных данных при кон'юнктурных работах приходится пользоваться сведениями по сравнительно ограниченному кругу наблюдений, охватывающих часто лишь очень небольшую часть анализируемого явления, при чем здесь возможно или пытаться экстраполировать по полученным данным вероятный об'ем всего процесса в целом, или же применить индексный метод, т.-е. ограничиться определением одной динамики разбираемого процесса, распространяя, конечно, и здесь выводы по ограниченному кругу наблюдений условно на все явление. Конечно, и в том и в другом случае должна быть уверенность в том, что здесь более или менее точно улавливается направление, в котором происходит реальное развитие экономических процессов, однако, наши данные, т.-е. и экстраполированные абсолютные величины и индексы (динамику абсолютных величин) могут отразить об'ем их с гораздо меньшими шансами на точность.

В качестве примера приведем следующие данные о движении в 1926/27 г. продажных оборотов сельской кооперативной розницы (в %% к предыдущему сроку):

	Кварталы			
	I	II	III	IV
По индексу	+ 9,8	— 1,9	— 2,9	+ 9,7
По отчетным данным Центросоюза . .	+ 23,3	— 3,1	+ 1,7	+ 17,8

Таким образом, мы видим, что индексный метод в общем отмечал здесь приблизительно правильно направление движения розничных оборотов сельской кооперативной сети, но, конечно, реальная динамика была совершенно иной.

Однако, в некоторых случаях в наших кон'юнктурных наблюдениях отсутствуют даже и такие ограниченные (по об'ему) данные, относящиеся к сопоставимому комплексу об'ектов наблюдения. Тогда за отсутствием достаточных цифровых данных, а иногда в помощь к ним приходится пользоваться отдельными качественными характеристиками (состояние сельского хозяйства, рыночная кон'юнктура, капитальное промышленное строительство и т. д.). Особенно распространено у нас пользование корреспондентскими данными для характеристики рыночной кон'юнктуры, при чем побуждает к этому естественная потребность и необходимость для советской экономики делать более широкие выводы, чем это позволяет тот ограничен-

ный цифровой материал, который имеется сейчас в распоряжении органов кон'юнктурного наблюдения. Однако, от практикуемого нередко широкого использования местных корреспонденций для кон'юнктурного анализа, а тем более для выводов по текущей кон'юнктуре приходится самым решительным образом предостеречь. Даже больше того, надо думать, что именно пользование этими сообщениями очень часто вводило в заблуждение отдельных исследователей и заставляло их иногда резко и часто изменять свои оценки текущей рыночной кон'юнктуры. Это и не удивительно, так как разрозненные поверхностные наблюдения отдельных лиц, излагаемые в виде качественных характеристик, отличаются всеми недостатками суб'ективных впечатлений, а потому часто не только не могут дать хотя бы приблизительного впечатления об об'еме исследуемого процесса, но иногда даже и о действительном направлении его развития.

В самом деле, попробуем продемонстрировать это на нескольких примерах. Возьмем выдержки из характеристик мануфактурного рынка на конец февраля за три последних года, отличавшиеся друг от друга тем, что в 1925/26 г. в это время имело место значительное оживление весеннего сезонного низового спроса, в 1926/27 г. рынок находился в состоянии более или менее ярко выраженной депрессии, а в текущем году он скорее был близок к состоянию относительного равновесия. Итак, за третью декаду февраля мы имели по Центрально-Черноземному району следующие характеристики мануфактурного рынка. В феврале 1925/26 г. (к концу месяца) из Пензы сообщалось об усилении спроса на сукно при почти полном отсутствии предложения; то же явление имело место в Воронеже и Козлове; кроме того, в Козлове были в недостатке и бельевые ткани. В то же время в Тамбове, по местным корреспонденциям, спрос на мануфактуру покрывался с избытком „и даже заметен застой не только в городе, но и в деревне при небольшом затоваривании"; хлопчатобумажные ткани в Пензе также имелись в избытке.

В феврале 1926/27 г. отмечается недостаток мануфактуры в Пензе; „в Курске спрос крестьян на мануфактуру не удовлетворяется по прежнему"; наоборот, в Воронеже и Рязани имело место улучшение со снабжением мануфактурой.

Наконец, в феврале 1927/28 г. сообщается о недостатке суконного товара из Тулы, Пензы, Курска, Орла и др. городов, а местами и бельевого товара; хлопчатобумажных тканей имелось в достаточном количестве, при чем в Пензе реализация их на рынке происходила даже с затруднениями. В сельских местностях положение мануфактурного рынка отличалось большим предложением суконного товара, которого местами было вполне достаточное количество.

Если мы возьмем аналогичные сообщения по Украине, то в феврале 1925/26 г. здесь наблюдалось на мануфактурном рынке известное затишье (рост остатков ВТС и т. д.), хотя в то же время ряд отдельных пунктов указывал на недостаток сукон (Харьков,

Киев, Полтава, Николаев, Житомир и др.), в других было мало камвольных тканей (Полтава, Житомир), в третьих бельевых (Киев, Чернигов, Николаев), а Чернигов, кроме того, сообщал и о недостатке всех вообще легких тканей. В феврале 1926/27 г. из Украины пишут об оживлении спроса (кроме Чернигова и Днепропетровска), при недостатке товара в Житомире (острое безтоварье), Харькове и др. Наконец, в февральских обзорах за 1927/28 г. ряд пунктов отмечает также оживление спроса, при ослаблении его в других местностях, констатируется недостаток суконно-шерстяных и бельевых товаров, а также поступающие из некоторых пунктов общие жалобы на несоответствие ассортимента (Запорожье).

На основании этих данных очень трудно уловить, что здесь надо отнести к последствиям более глубоких, общих рыночных процессов и что представляется результатом организационных дефектов торгового аппарата или случайным, временным несовпадением местного рыночного спроса и предложения, т.-е. обычным явлением при всякой торговой практике. Чтобы разобраться в причинах и характере изображаемых корреспондентами явлений, приходится очень часто руководствоваться оттенками их изложения, что, конечно, представляет собой довольно неустойчивый материал для более или менее твердых выводов.

Во втором квартале текущего года после продолжительной констатации в предшествующие месяцы ненасыщенности рынка промышленной продукцией широкого потребления ряд кон'юнктурных исследователей перешел на другую крайность и стал утверждать о наличии признаков значительного затоваривания в торговой сети. Материалом для этих выводов послужили опять-таки, главным образом, корреспондентские сообщения с мест. Мы позволим себе процитировать два следовавших друг за другом сообщения с мест в феврале месяце по одному и тому же пункту. В кон'юнктурном обзоре кременчугского рынка (Украина) за вторую декаду февраля мы читаем дословно следующую характеристику местного рынка промышленных товаров: „Надо отметить затоваривание низовой кооперации по целому ряду товаров; низовая кооперация покупает теперь товар лишь по наиболее ходкому на селе и наиболее сезонному ассортименту, отказываясь при этом от целого ряда менее ходких товаров; торгующим организациям приходится пропагандировать, изыскивая пути продвижения товаров на село". В обзоре по тому же кременчугскому рынку за третью декаду того же февраля тот же корреспондент сообщает: „Отмеченные в течение предыдущей декады некоторые признаки затоваривания по мелкой низовой кооперации сейчас не наблюдаются; все возрастающий спрос покрывается кооперацией на 60%". Иначе говоря, с поразительной легкостью местный обозреватель в течение 10 дней переходит от описания чуть ли не кризиса сбыта к повествованию на недавние темы о недостатке рыночного предложения; об'ясняется же эта легкость уз-

костью кругозора местных корреспондентов, а иногда и недостаточной подготовленностью их для исполняемых ими заданий. И это не единичный, конечно, случай, из которого следует раз навсегда сделать вывод, что качественные оценки с мест (при всей полезности их, как метода рекогносцировочного уловления рыночных колебаний) могут быть использованы лишь в качестве подсобного, дополнительного материала, но отнюдь не могут быть положены в основу каких-либо более или менее ответственных кон'юнктурных выводов, а если это иногда и приходилось делать, то исключительно в силу отсутствия другого более надежного материала.

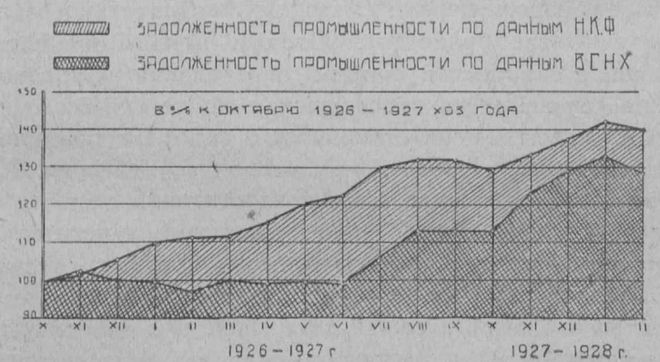
Все сказанное относительно характеристики рыночной кон'юнктуры mutatis mutandis приложимо и к качественным описаниям финансового положения промышленности и особенно торговли. Между тем, мы имеем для суждения, например, о финансовом положении торговли только разрозненные неполные данные о движении текущих счетов кооперации и ее кассовых резервах вообще. Так как последние составляют по сельской низовой сети только 8—10% всех оборотных ее средств, а по райсоюзам около 3%, то вполне очевидно, что на основании одной только динамики этих показателей судить о финансовом положении кооперации представляется весьма рискованным; также, конечно, не надежны здесь и качественные характеристики. Отсюда и оценка финансового положения торговли может быть только самая туманная, снабженная многократным введением в формулировки таких показателей шаткости кон'юнктурных данных, как „повидимому", „вероятно", „надо думать" и т. д. Между тем, если бы была поднята на должную высоту срочная оперативная финансовая отчетность кооперативной сети, мы могли бы иметь точное и ясное представление о финансовом ее состоянии, как это можно усмотреть из следующих аналитических таблиц, составленных в апреле текущего года, на основании последних отчетных данных Центросоюза о состоянии районных союзов и сельепо. [1]

Вывод из всего сказанного может быть только один: для поднятия качества кон'юнктурных наблюдений необходимо добиться значительного улучшения в деле постановки текущей оперативной отчетности. В частности, данные о состоянии оборудования промышленных предприятий, сырьевых запасах, о количестве готовой продукции, об оборотах, общем об'еме и составе товарных остатков в торговой цепи и основные статьи финансовой отчетности промышленных и торговых предприятий должны войти в качестве обязательного материала, если не для ежемесячных, то для квартальных кон'юнктурных обзоров. В остальных случаях недостающие звенья в цепи кон'юнктурных наблюдений могут быть пополнены

[1] Таблицы составлены научным сотрудником Кон'юнктурной секции Госплана О. В. Гохман.

по более узкому кругу об'ектов при помощи индексного метода (движение себестоимости и т. д.), который должен вытеснить в кон'юнктурном анализе на последнее место качественные характеристики, как материал для оценки кон'юнктурных явлений и выводов.

Если мы возьмем кон'юнктурные показатели финансового состояния промышленности, то более полные данные мы имеем здесь пока только о банковской задолженности. Между тем, последняя составляет около 24% общей суммы ее дебиторских счетов (по данным ВСНХ по 71 тресту). Если же взять более подробные данные о дебиторских счетах промышленности по финансовой статистике ВСНХ, то здесь мы наталкиваемся на сравнительно ограниченный круг наблюдений: так, учитываемая здесь банковская задолженность промышленных предприятий составляет только около 26% суммы задолженности промышленности по данным НКФ, при чем сравнение месячной банковской задолженности по статистике ВСНХ и с более полной НКФ показывает, что первая часто [не только не отражает об'ема, но и направления общей динамики.

Если, таким образом, для оживления кон'юнктурных наблюдений и приближения их к реальным нуждам советской хозяйственной системы необходимо расширение самого об'ема этих наблюдений и соответствующего усовершенствования методов наблюдения в сторону большей их полноты и точности, то не менее важным является и последний из тех основных вопросов, ответ на которые мы включили в программу настоящей статьи. Здесь, прежде всего, приходится указать, что наш подход к решению первых двух вопросов вытекал непосредственно из понимания особенностей советской хозяйственной системы; отсюда ясно, что выводы и оценка перспектив должны также учитывать все эти особенности нашего народного хозяйства, отличающие его от структуры частно-капиталистического общества. Различие хозяйственных процессов этих двух систем заключается не в одном только изменении внешней их формы, но и проникает все их существо. Мы уже останавливались более подробно на ана-

лизе этих реконструктивных процессов в области советской экономики, [1] которые требуют соответствующего изменения привычного содержания установленных буржуазной наукой понятий и т. д. Между тем, мы иногда наблюдаем, что явления текущей кон'юнктуры расцениваются все еще скорее под привычным углом зрения значимости их для условий капиталистического хозяйственного строя.

Возьмем для примера хотя бы процессы обмена, характеризующиеся в частно-капиталистическом строе стихийной борьбой рыночных интересов, преследующих исключительно извлечение максимальной прибыли на капитал, и свободным ценообразованием. Цена и прибыль на капитал — альфа и омега буржуазной экономической премудрости; какую роль они сейчас имеют в советском хозяйстве? Они, прежде всего, потеряли у нас свое значение основных двигателей процессов производства и обмена: после того как государственная промышленность и государственно-кооперативная торговля заняли господствующее положение в области производства и обмена, а деятельность частного капитала постепенно понизилась здесь до минимума, стихия рыночной борьбы должна была неизбежно смениться более совершенными методами сознательного планового регулирования этих процессов. Отсюда цена и прибыль теряют у нас значение самоцели и приемы определения их уровня в СССР совершенно другие: здесь преследуются общие для всего народного хозяйства интересы — цена становится у нах фактором организованного распределения, плановым регулятором потребления. К сожалению, все эти особенности советской хозяйственной системы зачастую получают совершенно неправильное освещение, и некоторые экономисты склонны относить их к категории „средств внеэкономического воздействия". [2] При этом здесь не находит себе применения даже простая аналогия: в самом деле, почему монопольные рыночные цены какого-либо заграничного синдиката признаются буржуазными экономистами за явления экономического порядка, а определение таких цен еще более мощным и организованным обобществленным сектором Советского Союза должно трактоваться, как прием искусственного внеэкономического воздействия на рынок. И это спор не о форме, а о сущности явления, определяющей часто и направление тех или других практических выводов. Возьмем еще такой пример. В ноябре—декабре 1927 г. все указывали на необходимость увеличить снабжение деревни промышленными товарами, во втором квартале 1927/28 г. этот сложный рыночный маневр был нами выполнен и дал ряд положительных результатов. Однако, на ряду с одобрением, он неожиданно встретил и резкую критику вместе с требованием восстановления „нормального" товарооборота, „коммерческого" товарооборота и т. д. Что это должно означать — возврат к рыночной стихии и отказ от планового регулирования рынка, или же примат прибыльности торговых операций, как руководящей цели для кооперативной торговли, или еще что-нибудь другое? Трудно понять, но одно ясно, что такие выводы отнюдь не свидетельствуют о полном понимании изменившейся природы советского хозяйственного строя, характерной особенностью которого является плановое регулирование товарооборота. [1]

Эта недостаточная четкость понимания самой природы советского народного хозяйства является причиной не только нежизненной оценки отдельных экономических явлений, но и предвзятости общих выводов по хозяйственной кон'юнктуре Союза, как это мы видим на примере цитированного выше „Экономического Бюллетеня" Кон'юнктурного Института НКФ.

Между тем, сложность и ответственность оценки советской кон'юнктуры заключается еще и в том, что здесь дается не только констатация явлений самостоятельной рыночной стихии, но и подводятся итоги выполнения заранее намеченных плановых предположений, дается оценка маневрам сознательного регулирования хозяйственных процессов по преодолению действия привходящих стихийных факторов и т. д. При этом основной интерес анализа, вполне естественно, перемещается у нас в эту вторую часть оценки.

Нам кажется, что и этот последний наш вывод вполне гармонирует и подкрепляет ту общую установку, которую мы даем перспективам и ближайшим основным задачам советского кон'юнктурного анализа. Скорейшее разрешение их тем более важно, что без этого будет, естественно, тормозиться и общее улучшение в деле постановки планового регулирования народного хозяйства. В самом деле, оценка выполнения плановых директив, уяснение обстановки и причин отклонения от них действительности, понимание текущего состояния основных процессов народного хозяйства и выводы о возможных перспективах дальнейшего его развития требуют безусловно большей полноты и четкости наших кон'юнктурных наблюдений. Мы, повторяем, этим самым отнюдь, конечно, не склонны отрицать всех сделанных уже в этой области за последние годы успехов, однако, по целому ряду иногда привходящих причин темп реальной жизни сейчас несколько опередил ход развития кон'юнктурного анализа. Для того чтобы стать еще более действительным и ценным фактором советского социалистического строительства, кон'юнктурные наблюдения должны быть более гибкими и более чутко прислушиваться к запросам реальной действительности; но, конечно, для поднятия качества кон'юнктурного анализа необходимо, чтобы и весь советский хозяйственный аппарат сочувственно и дружно, поддер-

[1] См. „План. Хоз.", № 1 за 1928 г. „Значение кредита в кон'юнктуре советского народного хозяйства", а также „Хозяйство Украины" за 1928 г. № 1 „Особенности советского народного хозяйства".

[2] См. № 11—12 1927 г. „Эконом. Бюллетень" Кон'юнктурного Института.

[1] Независимо от конкретной формы этого планирования (плановый завоз, генеральные договоры, назначение кредитных лимитов торгующим организациям и т. д.).

жал и облегчил усилия кон'юнктурных органов к скорейшему выполнению стоящих сейчес перед ними задач.

Мы должны сделать здесь и еще одну оговорку во избежение возможных недоразумений. Настаивая на улучшении качества кон'юнктурных данных за счет усовершенствования общей постановки срочного оперативного учета и отчетности, мы тем самым отнюдь не предполагаем свести кон'юнктурный анализ целиком к некоторой системе статистико-математических выкладок. Задачи кон'юнктурного анализа далеко выходят за эти рамки и требуют применения и более тонкого аппарата экономического мышления для об'яснения сущности и значения наблюдаемых процессов в общей системе хозяйственной кон'юнктуры Союза. Мы думаем, вместе с тем, что опыт и индивидуальные способности отдельных исследователей дадут тем большие результаты, чем точнее и полнее будет поступать в их распоряжение цифровой материал, удовлетворяющий всем высказанным в настоящей статье требованиям.

В. Ф. Бугославский

К проблеме земледелия

„Деревня (т.-е. крестьянство нашего Союза) живет на пороге физиологических норм существования и не может служить сколько-нибудь заметным источником для социалистического накопления“,— пишет Струмилин. [1]

По странному, на первый взгляд, совпадению на другом полушарии—Форд, в своей последней книге, [2] на мысль Струмилина, но с точки зрения частно-капиталистического накопления, отвечает вопросом: „А разве было когда-нибудь время, когда земледелец наживал капитал?“

„Если это и было, — продолжает он, — то американский фермер достигал этого только тем, что сберегал каждый грош, отрывая его от заработка семьи“.

После чего излагает мысль Струмилина почти его же словами:

„Американский фермер еще очень недавно совершенно не ждал дохода от земли. Он редко видел деньги. Над всеми его запросами доминировал один: получить достаточное количество пищи и иметь место для ночлега. Традиции фермы сводились к простому поддержанию жизни“.

И только тогда, когда его ферма, под влиянием водоворота в промышленном и торговом мире, перестала жить изолированной жизнью, а сам фермер, неожиданно для себя, из своего маленького самодовлеющего мира переселился в широкий мир промышленности,— он почувствовал себя неудовлетворенным.

„Теперь все фермеры жалуются, что им приходится работать без устали целый день, а между тем эта работа даже и при образцовом севообороте дает очень мало, а часто почти ничего“.

Те же жалобы слышатся и у нас. Они указывают на то, что земледелец и у нас и в Америке ощущает одну и ту же болезнь— нерентабельность земледельческого труда.

Конечно, масштаб удовлетворения своих потребностей у американского и нашего земледельца неодинаков, но от этого существо основной мысли обоих авторов, антиподов как по своей идеологии, так и по странам, не изменяется.

---

[1] С. Струмилин, „Перспективная ориентировка Госплана на 1926/27 и 1930/31 гг.“ „Экон. Жизнь“, № 66 и 67, 1927 г.

[2] Г. Форд, „Сегодня и завтра“. Проблема земледелия.

Форд эту мысль формулирует так: „Суть в том, что в то время, когда промышленный мир двигается вперед, фермер стоит на месте".

Струмилин подтверждает ее цифрами. В то время как общий уровень производительности сельского труда в нашем Союзе за пять лет (с 1925 по 1930 гг.), считая на одного работника, подымется только на 4,4%, производительность городского труда подымется за это время на 43,6%. [1]

Правильность этой мысли подтверждают и балансовые данные народного хозяйства за 1923 г. обеих стран.

По данным баланса ЦСУ, „на 100 часов человеческого труда валовая продукция в фабрично-заводской промышленности нашего Союза в 1923 г. достигла 1.826 руб., а чистая — 837 руб., в то время как в сельском хозяйстве валовая продукция за тот же год дала 190 р., а чистая—119 руб. [2]

А в Америке?

„Физический об'ем производства в Соед. Штатах в сельском хозяйстве в 1923 г. по сравнению со средним за 1909 и 1914 гг. возрос почти в три раза меньше, чем в промышленности, а перед войной (1908/09 г.) он отставал от промышленности в два раза". [3]

И так, при оценке сельского труда непреложным пока остается одно положение, что эта работа — трудная. Однако, за пот современный мир денег не платит; платит за результаты.

Какие же дефекты в американском земледелии мешают этим результатам?

Пока на цифровых данных мы останавливаться не будем. Остановимся только на выводах некоторых американских и европейских экономистов.

„Современное земледелие в Америке похоже скорее всего на расхищение богатств, чем на сельское хозяйство. Оно сводится к хищническому расточению естественных ресурсов". [4]

„Не будем осуждать, — пишет Ст. Чез, — тех людей, которые, добывая лес, вырубали для этого самые большие деревья. Истребляли животных и птиц. То были „пионеры" Америки. Их время прошло. И мы не можем без конца со снисходительностью относиться к разрушительной деятельности современного земледельца, хищнически растрачивающего ресурсы страны. Хаос должен смениться порядком". [5]

Но как сменить этот хаос, когда „старое, крепкое землевладение Европы для Америки является почти неизвестным понятием". [6]

[1] С. Г. Струмилин, цит. статья.

[2] В. Громан, „Баланс народного хозяйства", „План. Хоз.", № 11 за 1926 г.

[3] И. Гершман, „Новейшие успехи в области изучения сельскохозяйственных кон'юнктур", „План. Хоз.", № 1, 1927 г.

[4] Г. Форд, „Сегодня и завтра", Проблемы земледелия.

[5] Ст. Чез, „Трагедия расточительности".

[6] Ю. Гирш, „Успехи организации американского хозяйства".

Ведь только в последнее десятилетие прошлого века в Америке закончилось первое заселение страны.

Земля оказалась занятой, и цена на нее стала сильно расти. [1]

До этого недавнего прошлого каждый пионер в поисках счастья мог уйти на новую территорию, взять здесь кусок земли и сделать из нее ферму, т.-е. „из ничего создать нечто". [2]

Этот дух пионерства жив и до сих пор. Когда в другом месте оказывается более выгод или по условиям почвы, или по близости рынка, или по оплате труда, фермер без долгих размышлений покидает свой дом. Вот почему „американский дом" как в городе, так и в деревне, „не имеет воспоминаний и традиций прошлого". [3]

Наличность свободных пространств и „пионерный" дух естественно придавали земледелию экстенсивный характер, а недостаточность рабочих рук привела фермера к машинной обработке земли.

„В сущности, в Соед. Штатах сельскохозяйственные работы в значительной мере являются не работами над почвой, а работой у машин",—пишет Гирш. [4] Искусственные удобрения, в частности, азот почти не применяется при возделывании злаков, корнеплодов и употребляется в тех отраслях хозяйства, которые в Европе мало распространены или совершенно отсутствуют, а именно в производстве хлопка, сахарного тростника и табака.

„Если бы вы прибегали к искусственным удобрениям, вы бы снимали двойной и даже тройной урожай против нынешнего",— пробовал Гирш убедить фермера плодородного Запада.

„Если мы хотим больше производить, — ответил фермер, — мы просто расширяем распашку — с хозяйственной точки зрения — это обходится дешевле".

Ответ фермера характерен для американского земледелия с его машинным способом обработки.

Но и лошади в сельском хозяйстве Америки далеко не так исчезли, как это можно предположить на основании сведений о распространении машин, в особенности тракторов, на фермах.

„Одна голова рабочего скота в среднем приходится на пять десятин культурной земли, а один трактор на 370 десятин". [5]

В итоге, по вычислениям американского министерства земледелия, распространяющимся на Германию, Францию, Бельгию и Англию,

[1] Один акр земли (0,4 дес.), уже бывшей под плугом, стоил (средняя для всей страны): 1900 г.—19 долл., 1910 г.—35 долл., 1920 г.—69 долл. С тех пор по официальным данным, имеющимся под конец 1924 г., стоимость акра упала до 50 долл. (Гирш). У Файлера стоимость акра культурной земли в 1920 г. показана в 107 долл., а в 1924 г.—78 долл.

[2] Файлер, „Америка и Европа". Отдел „Сельское Хозяйство".

[3] Файлер, там же.

[4] Гирш, „Успехи организации американского хозяйства" (тот же отдел сельского хозяйства).

[5] Проф. Белянчиков, „Трактор в сельском хозяйстве", „Вестник с.-х. кооперации", № 17—21, 1926 г.

выяснено, что урожай с гектара земли в Средней и Западной Европе на 41% выше, чем в Америке, но при одинаковой затрате труда в Америке, вследствие естественного плодородия, получается в 2,6 раза больше сельскохозяйственной продукции, чем в Европе.

Это дары природы, о расхищении которых так сетуют Чез и Форд. Легко себе представить, какие результаты получились бы при интенсивной обработке земли в Америке. Тогда земли хватило бы не только на 300 млн. человек, как вычисляет Ежегодник министерства земледелия Соед. Штатов на 1923 г., а гораздо больше.

Но, кроме интенсификации, Форд выдвигает и другую проблему.

Она сводится к следующему. В то время как промышленность основана на непрерывной работе, земледелие носит все характерные черты сезонной работы.

„Если приглядеться ближе к американскому земледелию, то нас более всего поразит огромное количество ненужного труда".

Фермер каждый год тратит не более месяца на то, чтобы подготовить почву к произрастанию и затем убрать урожай.

Все же остальное время он ухаживает за скотом или выполняет мелкие работы, которые отымают у него массу времени, но заработка не дают. Если с фермера будет снята забота о скоте, ему потребуется не более полумесяца на чисто земледельческую работу.

Но земледелие не составляет исключения из того общего правила, которое гласит, что месяц работы не может обеспечить 12 месяцев жизни.

Центральная проблема земледелия у Форда сводится к тому, чтобы фермер нашел какой-нибудь иной побочный заработок, кроме сельского хозяйства.

Он указывает, что централизм продовольственной промышленности, т.-е. механической обработки органически готового сельскохозяйственного продукта, в настоящее время связан с огромными транспортными и организационными издержками и потому слишком убыточен для того, чтобы продолжаться и дальше при высокоразвитой общественной жизни.

„Почему бык, выращенный в Техасе, перевозится на бойню в Чикаго и подается на столе в Бостоне? Этот вопрос, — пишет Форд, — остается неразрешенным до тех пор, пока еще существует возможность всех потребных для Бостона быков производить вблизи Бостона".

„Быть может, мы увидим, как воскреснут маленькие двигатели", ибо „день, когда перестали существовать деревенские мельницы, был дурным днем в американской жизни". Быть может, „кооперативное сельское хозяйство сделает такие успехи, что мы увидим фермерские общества с собственными бойнями, в которых доморощенные свиньи будут превращаться в ветчину и сало, а на собственных

мельницах возделанное фермером зерно будет превращаться в рыночный товар".

Однако, рост американской кооперации наблюдается только в области сбыта с.-х. продукции. По данным Департамента земледелия Соед. Штатов [1] число кооперативных организаций за десять лет (1915–1925 гг.) в сельском хозяйстве возросло с 5.424 до 10.800, т.-е. в два раза, а их обороты с 636 млн. долл. до 2.400, т.-е. почти в четыре раза.

Причины быстрого развития кооперации по сбыту с.-х. продукции, главным образом, заключаются в том, что „из каждого доллара, затрачиваемого потребителем, — как пишет Гирш, —[2] земледелец и тот, кто производит дальнейшую переработку продукта, едва ли получают больше 40—50%, транспортные издержки поглощают 10—20%, а торговля (во всех ее звеньях) по меньшей мере 40%.

По производственному в Соед. Штатах обследованию оказалось, что из каждого доллара, уплачиваемого потребителем за картофель, в 1923 г. получали центов: производитель и фрахты—49, торговля—51 (картофель из штата Мена франко Бостон).

Издержки по изготовлению овсянки выражались в 30,52%, по распределению — 69,48%. За калифорнийский апельсин производитель получал 40%, а остальное — перевозка, упаковка и торговля (последняя 36%).

Но американское сельское хозяйство в настоящее время начинает перестраивать не только свою торговую стадию, но и самое производство злаков.

С одной стороны, как и прежде, еще идут поиски новых пространств, погоня за более плодородными землями, и в то же время — отказ от расширенной площади в пользу более интенсивного ее использования.

Движущие силы этого второго процесса для американского земледельца не вполне ясны, да и самый процесс только начинается.

Дело в том, что сельскохозяйственная площадь Соед. Штатов с 1900 г. по 1910 г. возросла, приблизительно, на 25%. [3] С 1910 г., вследствие чрезвычайного усиления спроса во время войны, она еще увеличилась, однако, не больше, чем на 5%. [4] Загадкой для фермера является то обстоятельство, что после того как голодная блокада Центральной Европы снята, когда прежний его конкурент—Россия—

[1] Цифровые данные взяты из статьи Ушкалова, „С.-х. кооперация Соед. Штатов". „Вестник с.-х. кооперации", №№ 19—24, 1926 г.

[2] Ю. Гирш, „Успехи организации", а также „Экономика торговли".

[3] Н. Осинский в „Очерках мирового рынка" исчисляет увеличение площади на 15%, Гирш и Файлер — на 25%.

[4] По обследованию Департамента земледелия в 1919 г. вся земельная площадь Соед. Штатов равнялась 1.903 млн. акрам, из коих под фермами: возделанных земель — 365 млн. акр. и невозделанных — 115 млн. акр., всего под фермами, таким образом, 480 млн. акр.; под лесами 483 млн. акр., лугами 131 млн. акр., степями—587 млн. акр., под городами (сюда входят и негодные земли) 122 млн. акр.

не доставляет уже той массы хлеба и кормов, которую доставляла раньше, — американский фермер годами не может найти рынка сбыта для избытка своих сельскохозяйственных продуктов.

Этот кризис длится с 1921 г. и признается всеми американскими авторитетами.

Краткий период улучшения имел место до и после президентских выборов 1924 г. Затем снова последовали прорывы в повышенном уровне цен.

И это происходит в то время, когда мировое сельское хозяйство, несмотря на то, что перешагнуло довоенный уровень, все-таки отстает от прироста народонаселения.

Одни из экономистов относят это явление насчет понижения покупательной способности Европы и смотрят, как на временное явление, находящееся в зависимости от увеличения населения и усиления потребления продуктов питания.

Другие видят в нем начало перелома, начало того мирового периода, когда тысячелетний земельный голод стал обращаться в пресыщение землей, местами — в отказ от нее, правда, при соответствующей интенсификации обработки лучших земель.

Так, по мнению Гирша, [1] время, когда люди вели кровопролитные войны из-за пространств, доставляющих средства существования, прошло.

„Уже можно формулировать положение, что со временем пространство, на котором живет человек, будет достаточно для его прокормления."

Сущность его разрешения можно почти всецело свести к чисто математической проблеме, а именно: сколько угля или электрической энергии нужно превратить в средства удобрения, чтобы на меньшем пространстве производить большее количество продуктов. А затем нужно определить, где находятся наиболее пригодные для этого пространства земли.

В 1925 г. немецкое сельское хозяйство потребило почти вдвое большее количество азота, чем в 1913 г.

Потребление продуктов питания в Германии, все еще отстающее от довоенного, непрерывно улучшается, тогда как ввоз сравнительно увеличивался в меньшей степени, а иногда даже понижался. Так, в 1924 г., когда урожай был безусловно неблагоприятным, ввоз хлебных и кормовых злаков в Германию едва равнялся половине довоенного привоза.

Германия заменила и потерянные после войны земли и ввоз иностранных сельскохозяйственных продуктов азотом, добываемым из воздуха и бурого угля.

„Быть может, со времени возникновения сельского хозяйства, ведущегося на основании не только традиции и личного опыта, но

[1] Гирш, „Успехи организации".

и научных данных, это самый разительный пример неприменимости „закона об убывающем плодородии почвы".

Этот новый, только намечающийся процесс в земледелии предвещает и новые задания.

Быть может, он уже стал влиять и на американского земледельца и заставляет его ближе присмотреться к своему небольшому участку с целью его большей интенсификации, чем искать новые пространства или расширять свою площадь.

Сильные колебания цен на сельскохозяйственные продукты в то же время заставляют американского фермера не без опасений относится к земельным улучшениям широкого размаха, каковыми, прежде всего, являются оросительные сооружения.

Несоответствие между издержками производства и рыночной ценой на сельскохозяйственные продукты здесь дает себя чувствовать.

С другой стороны, как правильно указывает Н. Осинский в работах об американском сельском хозяйстве, фермеру приходится бороться и с расхождением сельскохозяйственных и промышленных цен.

Интересное об'яснение этому явлению мы находим в статьях Гершмана. [1] Оно сводится к географическим фокусам ценообразования.

Перед войной географический фокус сельскохозяйственного ценообразования имел свою локализацию в России, точнее в сфере экстенсивно-отсталого сельского хозяйства, без товарных излишков которой мировой рынок не мог обойтись, но извлекать эти излишки мировому рынку приходилось только с помощью все более повышающейся расценки продуктов. Поэтому Россия служила подпоркой высокой трудоценности Америки. Иными словами—высокая оценка единицы продукта в России давала возможность американскому фермеру получать более крупный чистый доход.

После войны, благодаря огромной экспансии в сельском хозяйстве Нового Света, мировой рынок освободился от зависимости, от излишков экстенсивно-заотсталой сферы сельского хозяйства, но вместе с тем произошло географическое перемещение мирового фокуса ценообразования из России в Новый Свет. В результате рост технической производительности труда перестал быть диференциальным, но только в американском сельском хозяйстве, а не в промышленности.

Ставши не диференциальным, а абсолютным в сфере сельского хозяйства, он уже не создавал новой доходности, а только снижал рыночный уровень цен.

[1] И. Гершман, „Сельское хозяйство и промышленность". Журнал „Земля", №№ 3, 4, 1926 г. и „Новейшие успехи в области изучения сельскохозяйственных кон'юнктур", „План. Хоз.", № 1 за 1927 г.

Так как „средним общественно-необходимым трудом", определяющим ценность, в промышленности, и после войны остался европейский труд, а не американский, то отсюда и произошло то, что народнохозяйственная доходность сельского труда повысилась после войны (до 1923 г.) только на 7%, а в промышленности на 39%.

Мы не будем входить в критику всех перечисленных теорий, об'ясняющих затяжной кризис в американском сельском хозяйстве.

Для нас важно констатировать, что все они, в конечном счете, упираются в рынок и его цены.

Длительное изменение в соотношении цен, идет ли оно со стороны спроса (об'яснение кризиса в американском сельском хозяйстве Осинского, Денике и др.), или со стороны предложения через изменение производственной техники (об'яснение кризиса Гиршем), неуклонно сопровождается перестройкой сельскохозяйственного производства.

Умеет или не умеет хозяин-практик об'яснить ценообразование, но он должен приспособить к ценам свое производство, иначе оно не будет жизнеспособным.

„Каждому соотношению цен, — пишет проф. Лаур в своем курсе с.-х. экономии, — соответствует свой оптимальный уровень интенсивности с.-х. производства, переходить за который значит — понижать рентабельность хозяйства".

При этом необходимо помнить, что усиленное приложение к земле труда еще совсем не означает интенсивной системы хозяйства, как и, наоборот, тщательная экономия труда может уживаться с высоким уровнем интенсивности.

В Соед. Штатах на акр кукурузы в 1850 г., до введения в дело машин, требовалось 39 рабочих часов, в 1917 г. (с введением машин) — 19 рабочих часов, в 1923 г. — минимум затраты труда — 6,5 рабочих часов.

Таким образом, современный предельный минимум труда составляет только 1/6 того, что было 70 лет тому назад. [1]

Успехи механики и в этой области сняли с плеч человека 5/6 его физического труда и взвалили его на сталь и железо.

На молотьбу десятины пшеницы в Харьковской губ. тратится, обычно, 15,9 раб. дней, а в Канаде 2,5 раб. дня. [2]

Иными словами, невооруженность труда заставляет нашего крестьянина вкладывать в шесть раз больше усилий, чем в Канаде. Но подойдем к тому же вопросу со стороны усовершенствования механики.

Американская средняя стоимость уборки и обмолота 17 бушелей с акра урожая обыкновенным машинным способом стоит 22,6 центов на бушель (или 29 коп. за пуд.). С помощью комбинированной

[1] Пример взят из книги Осинского, „По сельскохозяйственным штатам Сев. Америки".

[2] Гершман, „Сельское хозяйство и промышленность". „Земля", № 3 за 1926 г.

жатки-молотилки — 3,4 цента на бушель. Иначе говоря, при работе комбинированной машины экономия расходов составляет около 26 коп. на пуд зерна. [1]

Этих примеров достаточно для выяснения постоянной смены состава затрат в зависимости от эпох, стран и типов хозяйств, но не интенсивности, как таковой.

Для выяснения последней нужно подойти со стороны баланса данного хозяйства, т.-е. учета всех его приходо-расходных статей.

Воспользуемся материалом, проработанным Г. Студенским, по его обследованию 50 губерний Европейской части России в период 1909 — 1916 гг. [2]

Валовой доход этих губерний, т.-е. весь годовой результат земледельческого и животноводческого производства, выражался в сумме 8.560 млн. руб. Из этой суммы земледелие давало 6.129 млн. руб., а продуктивное животноводство — 2.431 млн. руб.

На душу сельского населения и на десятину площади этих губерний приходилось:

	На душу	На десятину
От земледелия	57,6 руб.	33,5 руб.
„ животноводства	22,9 „	13,3 „
Всего . . .	80,5 руб.	46,8 руб.

Уже из этих цифр выявляется: во-первых, подавляющий уклон с.-х. производства 50 губерний в сторону земледелия и, во-вторых, цифры валового дохода с десятины указывают на слабую интенсивность производства. [3]

Валовой с.-х. доход с десятины в Швейцарии приблизительно в это время (1910 г.) выражался в сумме 273 руб., т.-е. почти в 6 раз был больше нашего.

Для того чтобы выявить величину чистого дохода, нужно из валового вычесть израсходованный капитал, т.-е., во-первых, амортизационную долю основного капитала или амортизацию хозяйствен-

[1] И. Гершман, „Новейшие успехи в области изучения с.-х. кон'юнктур". „План. Хоз." № 1 за 1927 г.

[2] Цифровой материал взят из разных отделов книги Г. Студенского, „Очерки сельскохозяйственной экономики".

[3] Состав валового дохода в %% выражался так:

От земледелия		От животноводства	
Зерновые	68,7	Молочные продукты . . .	31,7
Сено	13,0	Крупный рогатый скот . .	21,8
Корнеплоды	9,5	Свиноводство	19,7
Технические	6,2	Овцеводство	14,5
Овощи и фрукты	2,2	Лошади	5,3
Табак, виноград и т. д. .	0,4	Птицеводство	6,4
	100	Пчеловодство	0,6
			100

ных построек, мертвого инвентаря и текущий ремонт, и, во-вторых, весь оборотный, иными словами — все восстановление вещного оборотного капитала или издержки с.-х. производства — в узком значении этого слова (семена, корма, ремонт стада).

Все издержки по восстановлению капитала для тех же 50 губерний выражались в сумме 3.211 млн. руб., или 37% валового дохода, таким образом, чистый доход равнялся 5.349 млн. руб., или 63% валового дохода.

Чистый же избыток, сверх личного потребления с.-х. продуктов своего производства или, другими словами—вся покупательная и платежная сила сельского хозяйства 50 губерний (кроме, конечно, внеземледельческих крестьянских заработков) равнялась 1.025 млн. руб.

На основании этих данных общий баланс с.-х. производства 50 губерний выразится следующим образом:

Доход	Млн. руб.	%%
Капитал по восстановлению с.-х. затрат	3.211	37,5
Земельная рента (5% стоимость с.-х. площ.)	1.414	16,5
Процент на капитал (5% стоимости всего с.-х. капитала)	622	7,3
Оплаченный с.-х. труд	3.313	38,7
Баланс	8.560	100

Расход	Млн. руб.	%%
Издержки по восстан. с.-х. капитала (семена, корма, ремонт скота)	2.921	34,1
Расход на амортизацию	290	3,4
Сельское личное потребление своей продукции	4.324	50,6
Чистый избыток	1.025	11,9
Баланс	8.560	100

Если мы вычтем из баланса в доходной его части капитал по восстановлению с.-х. затрат (3.211 тыс. руб.), а в расходной — соответствующую сумму издержек по восстановлению основного и оборотного капитала (2921 + 290), то баланс чистого дохода сельского хозяйства тех же 50 губерний выразится так:

Доход	Млн. руб.	%%
От земельной ренты	1.414	26,4
„ %% на капитал	622	11,6
Плата за с.-х. труд	3.313	62,0
Баланс	5.349	100

Расход	Млн. руб.	%%
С.-х. потребление своих продуктов	4.324	80,9
Чистый избыток	1.025	19,1
Баланс	5.349	100

Цифры этого баланса говорят следующее:

1) Сельскохозяйственное личное потребление произведенных продуктов составляет 81% всего продукта земли и животноводства.

2) Весь фонд на покупку чужой продукции (фабрикатов и пр.), на расширение с.-х. капитала (накопление) и на уплату налогов, или, как мы уже сказали, вся покупательная и платежная сила сельского хозяйства 50 губерний, составлял только 19% всего производства.

Переводя это на душу с.-х. населения этих губерний, получим, что земледелец из своего производства сам потреблял на 40 р. 80 к. (сюда входит и оплата наемного труда), а отчуждал на все вышеперечисленные нужды только на 12 р. 60 к. Если валовой доход сельского хозяина Швейцарии, как мы указали выше, в 6 раз превосходил наш, то это значит, что в то время как наш земледелец получал от земледелия прибыли 12 руб., швейцарец—72 руб.

3) Львиную долю доходной части баланса составляет плата за труд — 3.313 млн. руб., или 62% всего дохода.

Однако, посмотрим, сколько наш земледелец отдавал труда.

Довоенные бюджетные исследования по разным губерниям дают весьма устойчивую цифру с.-х. трудовых затрат, которая в переводе на душу с.-х. населения колеблется в тесных пределах от 30 до 40 дней в год.[1]

Рыночная заработная плата по 50 губерниям за 1911—15 гг. (в средних весенних и летних с.-х. ценах), по вычислениям Г. Студенского, в среднем равнялась 92 коп.

Теперь, если поделить стоящую на балансе сумму оплаты труда 3.313 млн. руб. на среднее число затраченных в сельском хозяйстве в течение года трудовых дней, то мы получим, что оплата одного дня с.-х. работы на душу сельского населения 50 губерний колебалась от 80 коп. до 1 руб. 10 коп.

Эта оплата совпадает с рыночной зарплатой с.-х. труда в указанный период.

Выводы из рассмотренного нами баланса нашего недавнего прошлого безотрадны. В нем ясно обнаруживаются и низкая доходность сельского хозяйства на душу земледельческого населения и слабое использование сельского труда, и низкая заработная плата на с.-х. рынке, и бедность сельского хозяйства капиталами и полунатуральный его характер.

Хозяйственная жизнь страны не давала нашему крестьянину высокой оплаты труда и держала его под гнетом печальной необходимости терять, по крайней мере, 2/3 своего рабочего времени, не имея возможности с выгодой вложить в сельское хозяйство больше чем 1/3 года (мы имеем в виду работу только взрослого работника).

В этом последнем — в недостаточности трудоемкости сельского хозяйства — кроется основная болезнь и не только нашего, но даже и американского сельского хозяйства.

---

[1] В расчете на взрослого работника с.-х. затраты труда выражаются в пределах 70—80 дней в год.

По данным Челинцева затраты с.-х. труда в земледелии в переводе на душу по 9 губерниям Европейской России колебались от 17 дней (Таврич. и Москов. губ.), до 25 дней (Саратовская губ.)

В животноводстве в %% от земледельческих трудовых затрат они колебались от 49,8% до 82,4%.

Правда, при рассмотрении развития сельского хозяйства в общем его масштабе за недавний период обнаруживается на первый взгляд странный вывод, а именно то, что интенсивную форму с.-х. производства побеждало, хотя и временно, экстенсивное производство.

Самый наглядный пример этому дает Америка за период с 1880 по 1890 гг. В 80-х годах прошлого столетия в восточных штатах Америки наблюдался такой же кризис, что и в 1921/22 г., но только в гораздо большем масштабе.

Заброшенные, оставленные фермы тогда являлись самым характерным признаком с.-х. жизни этих штатов. Возникали целые округа, в которых вообще не оставалось населения ферм. Цены на землю быстро падали. Владельцы этих ферм, занимавшиеся исключительно хлебопашеством на интенсивно обработанных землях, переселились либо на запад Америки, либо в центры промышленности.

Причиной этого явления был колоссально быстрый расцвет западных штатов Америки.

В 1850 г. доля северо-атлантических штатов в урожае пшеницы всей страны составляла 31%, а в 1900 г. она упала до 5%.

Несмотря на все бедствия от конкуренции дешевых с.-х. продуктов западных штатов, восточные не только не погибли, а окрепли, приспособившись к новому изменению обстановки. Уже с 1900 г. началось это оздоровление. Заброшенные фермы нашли своих новых хозяев, более трудолюбивых, чем прежние, в большинстве из эмигрантов Европы (ирландцы, шведы, немцы и т. д.).

Эти новые хозяева не только восстановили фермы, но и стали прикупать новые участки.

Правда, и внешний вид фермы и структура самого хозяйства совершенно изменились.

Новые фермеры перешли к производству таких продуктов, недостаток которых ощущался на рынках близлежащих больших городов.

Этот пример характерен для об'яснения сельскохозяйственных сдвигов и в нашей стране.

Расширение посевных площадей в наших южных степях, при экстенсивной обработке плодородных и нетронутых степных пространств, безусловно ускорило и выявило процесс оскудения нашего сельскохозяйственного центра.

Недостаток сельскохозяйственных знаний, плохая ориентировка в быстром понимании причин кризиса и неподвижность в изменении типа хозяйства, — не дали возможности нашему земледельцу центральной полосы размежеваться с югом, как это сделали фермеры восточных штатов Америки. От этого произошло то, что Кубань и Новороссия не только должны были выполнять роль экспортеров их хлебных массивов, но и подкармливать несумевший приспособиться к дешевому производству и постепенно оскудевший центр.

Конечно, юг кормил наш центр не на началах благотворительности, и потому цена на озимую пшеницу за пятилетие (1904—1909 гг.), например, в Ельце поднялась на 37%.

От оскудения центра в конечном счете выигрывал наш юг, а больше всего американский фермер, при чем этот выигрыш получался не в силу человеческих дурных качеств, а в силу законов экономики.

На рынке, по закону безразличия, устанавливается однообразная цена на все однообразные сельскохозяйственные продукты, независимо от их индивидуальной стоимости производства.

Мировой рынок даже в последние годы перед войной еще не был достаточно снабжен сельскохозяйственной продукцией Нового Света и потому нуждался и в нашей сельскохозяйственной продукции.

За период с 1900 по 1909 гг. он извлек из России в первое пятилетие 3,8 млн. тонн пшеницы, а во второе — 3,8 млн. тонн.[1]

Но для того чтобы весь спрос на продукт был покрыт, необходимо, чтобы цена покрыла издержки производства и самого дорогого продукта, еще требующегося на рынке, т.-е. наивысшие издержки.

Такими издержками и были издержки оскудевавшего, но все же еще продававшего свою с.-х. продукцию центра.

Анализ этих издержек нами дан при рассмотрении сельскохозяйственного баланса. Физический, к тому же недостаточно интенсивный и мало вооруженный орудиями производства труд нашего крестьянина центральной полосы, при убывающем плодородии почвы, и был тем барьером, за которым наш юг, а главным образом, американский фермер считали свои „барыши“ от обильного плодородия своих новых девственных степей и прерий.

Но эти „барыши“ были недолговечны, как недолговечно оказалось и плодородие почвы. Золото прибылей привлекло в эту отрасль сперва взгляды людей, а затем и их труд и капитал и манило их до тех пор, пока не понизило рентабельность этой отрасли хозяйства.

Что же касается плодородия почвы, то и наш крестьянин и американский фермер еще и до сих пор недостаточно усвоили в своем деле той аксиомы, которая промышленностью уже усвоена давно, а именно — что только учет амортизации гарантирует производство от краха.

Земледельцы обычно начинали дело на девственой почве и, продавая свой урожай, в сущности, продавали плодородие почвы, т.-е. свой основной капитал.

В нашей действительности эту распродажу своего основного капитала, незаметно для себя, сперва сделал наш оскудевший центр, затем Украина, а затем начинает ее оканчивать и наш юг.

Но в этом деле мы оказались не одинокими.

---

[1] Цифры взяты из статьи И. Гершмана, „Новейшие успехи в области изучения сельскохозяйственных кон'юнктур“. „План. Хоз.“ № 1 за 1927 г.

Жалобы Чэза на расточительность, сетование Форда и других американских экономистов указывают, что американский фермер занимается и ныне не производством с.-х. продуктов, а добыванием „плодородных“ руд из земли, хищнически расточая ее естественные богатства.

Однако, рука Немизиды в образе неверно до сих пор трактуемого закона об убывающем плодородии почвы заставляет земледельца более действительными мерами, чем проповеди экономистов, учиться основным правилам экономики.

Так, постепенно, на примере убывающей рентабельности, он пришел к мысли о необходимости гораздо более реальных амортизационных отчислений из своих убывающих прибылей.

Так, в настоящее время он уже начал сомневаться в необходимости расширения своих посевных площадей и присматриваться более вдумчиво к своему небольшому хозяйству с целью извлечь из него максимальный и более постоянный доход.

Земледелец начал уже понимать, что рост продукции возможен без возрастания издержек не только путем захвата пустопорожних плодородных земель, к тому же уже почти повсеместно занятых, но и другими путями.

Он стал сокращать издержки производства и на единицу продукта и на единицу площади по всему пути прохода этого продукта, от зерна, брошенного в землю, до покупателя отдаленных территорий.

Сокращение издержек на единицу продукта он начал со сбыта, так как те прибыли продавцов, о которых мы уже говорили, слишком резко бросались ему в глаза.

Этот путь и привел американского фермера к кооперативной организации сбыта своей продукции, к элеваторам и той структуре взаимоотношений элеваторов и сельскохозяйственных банков, которая позволяет фермеру сохранную расписку элеватора на свой продукт считать почти вексельным обязательством, учитывая ее в банках путем „жиро“.

Та же потребность — сокращение издержек — привела фермера к мысли о совершенствовании транспортной техники; не говоря уже о целой сети холодильников по линиям железных дорог, о прекрасных шоссейных дорогах, она создала возможность, например, доставки в Нью-Йорк в вагонах-холодильниках свежего молока из таких отдаленных штатов как Нью-Джерсей и Пенсильвания, а скота на чикагские бойни из самых отдаленных мест Америки. Недаром железнодорожный тариф явился на последних выборах президента Соед. Штатов боевым лозунгом, сплотившим фермеров.

Так, постепенно, на основе сокращения издержек, в Америке создаются новые формы торговли, транспорта и кредита.

Рост кооперации в нашем Союзе указывает, что и у нас в области сбыта начался перелом, что и мы уже стали отходить от рутины сбыта с.-х. продукции.

Но, ведь, до сбыта продукт должен быть произведен, и какого бы уменья ни достиг земледелец в сбытовых операциях, он тем самым не станет хорошим земледельцем.

Если земля дает 0,8 тонны с десятины, то никакие способы сбыта не поставят земледельца в равные условия с тем, у которого десятина дает 6 тонн.

„Центральная проблема сельского хозяйства связана не со сбытом, а с обработкой земли под хлеб, фрукты и овощи или с добыванием молочных продуктов“. [1]

Но и здесь также начались сдвиги. Сокращение издержек на единицу продукта началось в области технической переработки сельскохозяйственных продуктов и, главным образом, молока.

Кооперативная форма организации в этом деле завоевывает позиции как у нас, так и в Америке. Однако, работа в направлении технической переработки сельскохозяйственного сырья на месте производства только начинается.

Прогресс индустриализации народного хозяйства вырвал из-под рук земледельца, увлекшегося в это время пространством, все прибыли от переработки земледельческого продукта, оставив ему одну механическую работу — по производству растительных и животных веществ.

Так как важнейшая работа в сельском хозяйстве совершается живой клеткой, консервирующей солнечный луч в органическое вещество, то земледелец, приготовив землю для клеточной жизнедеятельности, стал исполнять роль „наседки“, забывая, что время человека стоит дороже и что ферма, у которой отняли переработку продукта, уже не в состоянии его прокормить целый год.

Тогда земледелец принялся за механизацию по подготовке почвы и для уборки урожая.

Механизация, как мы уже видели, быстро сократила издержки, но уже совершенно оголила ту истину, что работа земледельца — сезонная работа.

„На нашей Дирборнской ферме во время запашки,— пишет Форд, — мы пускаем вход сразу 50—60 тракторов. Все главные с.-х. операции на ферме производятся также механическим способом. Благодаря этому работа на ферме происходит в течение лишь 15 дней в году, при чем производительность земли поддерживается на высоком уровне“.

Итак, когда земледелец свалил свой физический труд на плечи машины, работа на ферме заняла 15 дней. Из этого он сделал еще один вывод в практическом его применении.

Он начал увеличивать продукцию на единицу площади.

Оказалось, что земля, которую раньше завоевывали кровью убитых, может быть создана трудом, при чем еще неизвестно, какие

[1] Г. Форд, „Сегодня и завтра“.

пространства человек может создать путем своего гения, не увеличивая, конечно, физической поверхности земли.

Изложенное раньше сообщение Гирша о больших массивах земли из воздуха, путем комбинированного азотного удобрения, очень симптоматично для переживаемого сдвига в области сельского хозяйства.

Если к этому прибавить новые усовершенствования в области техники обработки земли (например, работы Тимирязевской с.-х. академии), селекционные достижения, культуру светоемких растений и, наконец, разведение более продуктивных видов в области животноводства, то мы и придем к выводу, что земная поверхность может быть замещена трудом и капиталом на основе более производительных, но не более дорогих методов с.-х. производства.

А с другой стороны, мы подойдем к пересмотру „закона" об убывающем плодородии земли или — что то же — падающей производительности с.-х. затрат, на основах которого построены целые отделы буржуазной экономики, с их мрачными для человечества предсказаниями.

К сдвигам сельского хозяйства в сторону увеличения продукции на единицу площади особенно необходимо присмотреться нашему крестьянину в связи с перенасыщенностью деревни населением и сравнительно малым оттоком его в города.

Сдвиг в этом направлении характерен тем, что он не выбрасывает физический труд, как ненужный, при механической обработке земли, а наоборот, присасывает человека к земле, требуя от него вдумчивой и производительной работы и давая ему за это крупную прибыль.

Все перечисленные условия, создающие возможность роста с.-х. продукции и рентабельности с.-х. производства, без возрастания издержек, нами взяты не как стадии исторического развития с.-х. хозяйства, а как процессы сегодняшнего дня в различных типах хозяйства.

Конечно, для наших южных степных пространств при их малонаселенности тракторизация является насущной потребностью, в то же время для нашего центра с его перенасыщенностью физическим трудом та же тракторизация будет механическим, а не органическим вливанием уже ненужного труда и т. д. в зависимости от экономической и физической структуры данного типа хозяйств.

На примерах живой действительности мы пересмотрели тезисы Касселя, [1] в которых он указывает способы преодоления удорожания с.-х. продукции при расширении этой продукции, а с другой стороны — указали на повышение рентабельности сельского хозяйства путем возврата прибылей, ушедших из сельского хозяйства в другие руки.

[1] Г. Кассель, „Теория экономики", стр. 253.

Но если промышленность ежечасно вкладывает дополнительные капиталы в свое производство, то по этому пути должно итти и сельское хозяйство.

Разницы между ними нет.

Сельское хозяйство хочет или не хочет, а должно превратиться из сельского ремесла в предприятие для производства продовольствия.

И там и здесь должна быть выработка массового продукта стандартизованного типа. И там и здесь для жизнеспособности предприятия должен быть такой подбор затрат, чтобы себестоимость единицы продукта была минимальной, а чистая выручка на единицу затрат максимальной.

Это — принцип наименьших издержек, которому подчиняется все развитие техники как в индустрии, так и в сельском хозяйстве.

И только тогда, когда земледелец вложит в свой продукт столько же производительного труда, сколько рабочий вкладывает в свое производство, только тогда цены на с.-х. продукт достигнут нормальной высоты и раствор „ножниц" доходности их труда прекратится.

Старое земледелие умерло, но не только в Америке, — оно умирает и у нас.

Главнейшие причины его гибели:

1) распродажа по частям основного капитала земледелия — естественных богатств почвы;

2) расширение площадей запашки за счет их интенсивной обработки;

3) недостаточное вложение в сельское хозяйство в сравнении с остальной промышленностью продуктивного годового труда.

Для нового земледелия нужны и новые люди.

Та крестьянская молодежь нашего Союза, которая, по выражению Форда, смотрела на тракторы при посещении его заводов „с романтическим восторгом", уже перенесла эти „романтические" взоры и на наши пашни и на свой творческий труд.

И. А. Трахтенберг

Капиталистический и советский банк

(Опыт теоретического анализа)

I

Настоящая статья не ставит своей задачей описание деятельности капиталистических и советских банков, а имеет целью определить их природу. Речь идет, стало быть, не о том, как и каким способом банки выполняют свои функции, а о том, каковы функции банков в капиталистических условиях и каковы эти функции в условиях переходного хозяйства вообще, в условиях советского хозяйства, в частности.

Для разрешения этого вопроса, для определения роли и значения банка, установления его характерных черт можно исходить из опыта и практики банковской деятельности, как эти опыт и практика сложились. Выяснение природы банка в этом случае свелось бы к обобщению проявившейся уже деятельности банка, к определению путем статистического и экономического анализа закономерностей развития его.

Такая постановка вопроса и такой метод его разрешения вполне закономерны и, пожалуй, единственно правильны, когда речь идет о капиталистических банках, т.-е. о банках, функционирующих в условиях стихийного хозяйства, при которых роль и значение банков выявляются только в об'ективных результатах, складывающихся в результате стихийных закономерностей народного хозяйства. Банки при всех условиях являются орудием экономической политики, это правильно и в отношении капиталистических банков. Но в условиях буржуазного хозяйства политика банков обусловливается или корыстными интересами отдельных капиталистических групп или же равнодействующей интересов этих различных групп. До какой бы степени концентрации не достигала кредитная система, момент конкуренции между хотя бы немногочисленными, но все же самостоятельными банками, сохраняет значение и служит определяющим фактором как политики, так и методов деятельности банков. Наконец, содержание банковской деятельности и конечная цель экономической политики, орудием проведения которых являются банки, сводятся, в сущности, к одной всепроникающей и верховной идее — получению прибыли. Этой идее

подчинена банковская деятельность, и если об'ективным результатом этой деятельности является разрешение народнохозяйственных задач, развитие производительных сил, то все же критерием деятельности банка с точки зрения буржуазного общества является прибыль.

Об'ективная роль и значение банков обнаруживается только в результатах их деятельности, следовательно, только путем изучения результатов деятельности банка может быть осознана роль капиталистических банков и их природа. Для опознания природы капиталистических банков другого пути нет; хотя банки и являются орудием экономической политики, но этой экономической политике чуждо народнохозяйственное содержание: капиталистический банк есть, прежде всего, частнохозяйственный институт, преследующий частнохозяйственные цели и имеющий частнохозяйственные интересы. Народнохозяйственное значение банка поэтому обнаруживается только в складывающихся, помимо преследуемых самим банком частнохозяйственных целей, результатах.

К этому еще необходимо добавить, что капиталистические банки имеют уже многолетнюю историю и вековой опыт. Время функционирования капиталистических банков более чем достаточно для установления закономерностей их деятельности и развития.

Но едва ли такой подход возможен по отношению к советским банкам. Едва ли возможно определить природу советского банка посредством изучения уже пройденного пути и накопленного опыта. Этим ни в какой мере не отрицается важность, притом чрезвычайно большая важность, изучения опыта советских банков. Но изучение этого опыта советского банка не может иметь того значения, которое оно имеет для банка капиталистического. Во всяком случае, обобщение опыта советских банков, опыта, как он есть, обобщение системы организации кредита, организации, как она сложилась к настоящему времени, обобщение методов деятельности советских банков, какие применялись и применяются сейчас, не могут быть такого рода обобщениями, которые дали бы теорию советских банков.

В самом деле. Предположим, было бы доказано, что планирование кредита, составление кредитных планов до сих пор было неудачно. Предположим, было бы доказано, что результаты деятельности банков очень далеки от плановых предположений, что осуществление кредитных планов дает весьма большие отклонения от намеченных целей. Можно ли было бы на основании этого заключить, что планирование кредита противоречит сущности, природе советских банков?

Такое заключение было бы, по меньшей мере, опрометчиво. Все попытки обвинить, как и оправдать плановый метод кредитного хозяйствования путем указания на „эмпирику", на уже проделанный опыт, заранее обречены на неуспех. И вовсе не надо, как это иногда делают, оправдывать планирование кредита путем искусственных

статистических манипуляций, долженствующих доказать успешность планирования.

Планирование кредита вытекает из природы советской кредитной системы, и если до сих пор это планирование не удавалось или не совсем удавалось, то отсюда можно только заключить о правильности или неправильности способов планирования, но не самой идеи планирования.

Планирование кредита, как одна их характерных черт советского кредита, определяющая его природу, вытекает не из эмпирического опыта, а из общей характеристики советского банка.

Вопрос о планировании кредита приводится в данном случае только как пример. Но этот пример характерен для иллюстрации непригодности эмпирического метода для определения природы советского банка.

И в условиях советского хозяйства, в особенности в условиях советского хозяйства, банк является орудием экономической политики, орудием проведения определенных целей. Но цель эта не частно, а народнохозяйственная. Банки в советских условиях являются орудием преобразования современного хозяйства, орудием построения социалистического общества. Этой цели подчинен банк, вся деятельность банка находит единственный критерий в этой общей все проникающей и все определяющей цели. Об'ективное значение капиталистического банка обнаруживается только в результатах деятельности его, советский же банк имеет об'ективное, заранее установленное задание.

Пример. Об'ективным результатом деятельности капиталистических банков является концентрация промышленности, банки содействуют этой концентрации. Но едва ли можно сказать, что это заранее установленная цель капиталистического банка. Советские банки также содействуют концентрации хозяйства, но это содействие есть не только об'ективный результат деятельности банков, но и заранее установленное задание. И не только просто концентрация, а концентрация в определенных формах, в формах крупного обобществленного хозяйства — таково одно из устремлений всей хозяйственной системы в целом и таково задание банков, как орудия осуществления стремлений рабочего класса.

Необходимо подчеркнуть, что больше чем какой-либо другой институт нашей системы, советский банк является „делом рук человеческих".

Этим отнюдь не отрицается значение стихийных закономерностей, имеющихся в нашем хозяйстве и предопределяющих деятельность советских банков. Это фактор огромного значения, и его ни в коем случае и ни в какой мере не следует недооценивать. Это необходимо подчеркнуть со всей решительностью.

Но в то же время было бы абсолютно неправильным и переоценивать роль стихийных факторов. Эти стихийные факторы, о которых речь будет впереди, могут влиять и в действительности влияют на результаты деятельности банков, но не являются определяющими для природы и сущности советских банков.

Банки, конечно, не могут, подобно поэту, „брать кусок жизни и творить из него легенду", но деятельность банка даже в капиталистических условиях больше, чем какая-либо другая область хозяйственной деятельности, может быть подчинена рациональной воле. Особенно это свойственно советскому банку.

Для характеристики советского банка, таким образом, невозможно пользоваться только эмпирическим материалом. Изучение опыта советского банка имеет огромное значение, и в частности для нашей проблемы должен дать большой материал для суждений, но сводить теорию советского банка только к обобщению опыта было бы большой ошибкой. Не опыт советского банка определяет его природу, а его природа должна служить критерием для критического изучения опыта банка.

К этому следует добавить еще следующее. Советский банк существует всего шесть с половиной лет. Этот срок, даже если принять во внимание быстрый темп развития народного хозяйства, все же еще недостаточен; на основании такого сравнительно недолговременного функционирования советского банка делать какие-нибудь окончательные обобщения было бы преждевременно. Эти первые годы советского банка были скорее временем нащупывания, поисков наиболее рациональной, наиболее соответствующей целям и задачам переходной эпохи системы организации кредита. Не случайно, что за такой небольшой промежуток времени организация кредита и методы работы наших кредитных организаций подвергались неоднократному изменению. И кто возьмет на себя смелость утверждать, что наша кредитная организация в настоящее время окончательно уже оформилась? Для того чтобы в этом быть уверенным, надо предварительно доказать, что организационная структура и методы деятельности наших кредитных учреждений как-раз соответствуют как общей системе нашего хозяйства, так и тем об'ективным историческим задачам, разрешить которые выпадает на долю наших банков.

Для выяснения существа и природы советского банка необходимо, конечно, использовать уже пройденный опыт, необходимо критически использовать все данные о деятельности наших банков. Но для определения природы нашего банка всего этого будет недостаточно, а иногда слишком поспешное обобщение кратковременной практики наших кредитных учреждений может повести к ложным теоретическим построениям.

Таким образом, прежде всего необходимо установить, что для правильной постановки рассматриваемой нами проблемы нужно исходить не столько из того, каковы наши банки суть в настоящее время, сколько из того, каковы они должны быть. Функции наших

банков должны быть определены не посредством простого описания различных сторон текущей деятельности банков, а путем анализа той роли и значения, которые свойственны банкам в условиях переходной к социализму эпохи.

А отсюда совершенно очевидно, что общую характеристику банка нельзя дать чрез характеристику отдельных его черт. Нельзя исходить из характеристики отдельных, скажем, статей пассива и актива банков. Наоборот, отдельные формы деятельности банков определяются общей их характеристикой, отдельные статьи пассивов и активов наших банков находят об'яснение в общей характеристике банков.

Это положение правильно, в сущности, и в отношении капиталистических банков. Описание и анализ отдельных операций, отдельных форм деятельности банков можно дать только после установления общей их характеристики. Тем более это правильно в отношении советского банка, где отдельные формы его деятельности к тому же далеко не достигли своей законченности и определенности.

Следующее методологическое замечание таково. Существо, природу советских банков следует выяснять чрез противопоставление и сопоставление с капиталистическими банками.

Банки — это учреждения капиталистического хозяйства. Только в условиях капиталистического хозяйства они достигают своей завершенности. Только в условиях этого хозяйства полностью обнаруживается природа банка. Капиталистические банки — это чистый, развернутый, обнаруживающий все черты банк.

Сопоставление с капиталистическим банком диктуется все же не только тем, что при этом мы противопоставляем советское кредитное учреждение типическому банку. Необходимость такого сопоставления определяется еще тем, что само существование банка у нас обусловливается как-раз наличием сходных если не по содержанию, то по форме отношений с условиями капиталистического хозяйства.

В банке мы имеем дело с явлением особого порядка, осуществляющим и олицетворяющим особый тип социальных связей, таких связей, которые полностью и без остатка исчезают в условиях социалистического хозяйства. В течение переходного периода банки не трансформируются, а уничтожаются. Та система общественного счетоводства и общественного учета производства и распределения продуктов, которую мы мыслим функционирующей в условиях развернутого социализма, очень мало похожа на современный банк. Капиталистический банк является прототипом будущего общественного учета, но только прообразом. И будущую организацию общественной бухгалтерии назвать банком, в настоящем смысле этого слова, никак нельзя. В советских же условиях мы имеем банк, пусть не совсем сходный с капиталистическим, но все же банк.

При характеристике советского банка в целом, так и отдельных его черт, нельзя исходить из того, каков этот банк будет в условиях социалистического хозяйства. При социализме банкам места нет. Функции банка в условиях переходного хозяйства ни в малейшей степени не могут определяться тем, каковыми они должны быть в условиях развернутого социализма. Советский банк существует, как банк лишь в той мере, в какой и в наших условиях сохраняются сходные хотя бы по форме с капиталистическими условиями отношения. И в той мере, в какой эти отношения изменяются, в такой банки не изменяются, а просто уничтожаются. В условиях переходного хозяйства мы наблюдаем не трансформацию отдельных сторон банка, а их атрофию, вымирание, поэтому изучать природу нашего банка необходимо чрез сопоставление с банком капиталистическим.

Само собою разумеется, что в дальнейшем речь будет итти не об отдельных банках, а всей кредитной системе в целом.

II

Развитие кредита обусловливается товарно-денежными отношениями и соответствующей им своеобразной формой движения товаров и капитала. Как известно, движение товаров совершается в виде непрерывного метаморфоза товаров и денег, движение капитала — в виде непрерывного метармофоза различных форм капитала, денежного, товарного и производительного. Без ясного и отчетливого осознания этой своеобразной формы движения капитала нельзя понять явления кредита, всякая попытка построения теории кредита без того, чтобы положить в основу ее указанную характеристику движения капитала, обречена на бесплодие. Понимание этого момента чуждо господствующим теориям кредита, и именно это обстоятельство составляет основную их ошибку и обнаруживает неспособность об'яснить сущность, а не только форму кредита.

В своем движении капитал постоянно трансформируется, одна форма капитала превращается в другую; в то же время один и тот же капитал в отдельных своих частях пребывает в различных своих функциональных формах.

То, что движение капитала представляется как метаморфоз различных форм капитала, создает возможность кредита. То, что пребывание отдельных индивидуальных капиталов в той или другой своей функциональной форме не совпадает во времени, возможность кредита превращает в необходимость.

Кредит возникает разнообразными путями, точно так же как его развитие обусловливается не только использованием денежной формы одного индивидуального капитала в кругообороте другого. В условиях развитого капиталистического хозяйства и развитой банковской системы источники кредита весьма разнообразны и в общем кредите масса денежного капитала, как результат высвобождения из кругооборота капитала, составляет только часть, притом часть не столь большую. Дело не столько в высвобождении денеж-

ной формы капитала, сколько в самом процессе превращения одной формы капитала в другую.

Существование кредита обусловливается наличием товарно-денежных отношений и своеобразных форм движения капитала. Больше того. Наличие товарно-денежных отношений и своеобразие форм движения капитала создает неизбежность развития кредита и кредитных отношений.

Существуют ли эти предпосылки, обусловливающие неизбежность развития кредита, в условиях советского хозяйства?

На этот вопрос необходимо ответить утвердительно. И в наших условиях имеются налицо товарно-денежные формы отношений. Правда, эти отношения принимают, соответственно всей структуре советского хозяйства, своеобразное содержание. Содержание общественных отношений изменяется, но сохраняются формы их. Формы социальных отношений оказываются более консервативными.

То же необходимо сказать о капитале. Говорить о капитале в условиях советского хозяйства приходится в весьма и весьма условном смысле слова. Внешние формы тех отношений, которые характеризуются экономической категорией капитала, у нас сохраняются. Останавливаться подробно на этом вопросе мы не имеем возможности, так как это отвлекло бы нас от поставленной проблемы. Здесь только ограничиваемся замечанием, что в дальнейшем, при использовании термина „капитал", имеется в виду вся условность этого термина применительно к советскому хозяйству.

Поскольку нас сохраняется товарно-денежная форма отношений, у нас сохраняется и своеобразие движения капитала, как непрерывного метаморфоза различных функциональных форм капитала. И в условиях советского хозяйства движение капитала представляется как превращение одной функциональной формы капитала в другую, и здесь капитал проходит чрез три стадии: денежного, производительного и торгового капитала, и здесь кругооборот капитала начинается авансированием денег, вернее, денежной формой капитала и этой его формой завершается.

Таким образом, и в условиях советского хозяйства мы имеем налицо предпосылки возникновения и развития кредита. И в условиях советского хозяйства кредит не только возможен, но и неизбежен.

Для последней стадии развития капитализма характерно то, что кредит осуществляет движение ссудного капитала, как особой категории, находящей свое определение (характеристику) в противопоставлении капиталу, промышленному и торговому.

Это не значит, конечно, что в условиях промышленного капитализма нет ссудного капитала. Сказанное нужно понимать в том смысле, что в последней стадии капитализма ссудный капитал начинает занимать господствующее положение. И в условиях промышленного капитализма характерно существование ссудного капитала, но в условиях современного капитализма существование ссудного капитала, как самостоятельной категории, дает характеристику кредиту.

В процессе развития капиталистического хозяйства функциональная форма промышленного капитала, денежный капитал, обособляется в особый вид капитала, и именно этот особый вид капитала, ссудный капитал, дает определяющее значение кредиту. Ссудный капитал уже не просто высвобождающийся из процесса кругооборота капитала временно праздный, незанятый денежный капитал. Ссудный капитал составляет особый вид капитала, и источниками этого ссудного капитала является не столько временно праздная денежная часть функционального капитала, сколько разного рода другие формы денежного накопления.

Функциональный капитал (промышленный и торговый) уже не столько ссужает сколько занимает. В распоряжении промышленных и торговых капиталистов всегда находится сумма, большая нежели совокупный их капитал. Чужие капиталы обращающиеся в промышленности и торговле, составляют очень большую часть и, что самое главное, во всех стадиях процесса кругооборота капитала участвует чужой капитал. Это же возможно только потому, что на ряду с промышленным (и торговым) капиталом функционирует денежный капитал, единственное предназначение которого—удовлетворять нужду функционального капитала в деньгах. Движение ссудного капитала обусловливается не столько тем, что в процессе кругооборота капитала происходит постоянное временное высвобождение свободного денежного капитала, сколько тем, что стадия пребывания капитала в денежной форме осуществляется посредством привлечения денег с рынка ссудных капиталов.

Каковы характерные отличия ссудного капитала и чем он отличается от капитала?

Прежде всего, совершенно ясно, что ссудный капитал — это категория, производная от капитала, в основании того и другого лежат одни и те же производственные отношения. Но если капитал непосредственно характеризует отношение собственника орудий производства и рабочего, то ссудный капитал характеризует отношения между капиталистами. Капитал находит свою характеристику в производстве и присвоении прибавочной стоимости, ссудный капитал характеризуется распределением прибавочной стоимости.

Таково различие капитала и ссудного капитала по содержанию тех общественных отношений, выразителями которых они являются. Но, кроме того, между ними есть и формальная разница, имеющая для нашей темы, пожалуй, более важное значение.

Формальные характеристики, но в то же время отражающие своеобразный тип социальной связи ссудного капитала, сводятся вкратце к следующему:

Первое. Ссудный капитал это, прежде всего, денежный капитал, он всегда представляет денежную форму капитала. Поэтому движение ссудного капитала не представляет метаморфоз различных форм капитала, а есть просто движение денег. Движение ссудного капитала опирается на движение капитала, без последнего движение первого невозможно, но ссудный капитал сам по себе во всех стадиях своего движения остается капиталом денежным.

Второе. Формой отчуждения ссудного капитала является ссуда. Он не знает другой формы отчуждения кроме ссуды. Возврат ссуженной суммы не случаен, а вытекает из природы ссудного капитала.

Третье. Ссудный капитал, как и всякий капитал, в своем движении возрастает. Но возрастание ссудного капитала принимает форму процента. Процент — это часть прибыли, и он противопоставляется препринимательскому доходу.

Четвертое. Движение ссудного капитала тесно связано с движением капитала реального, но отнюдь ему не параллельно.

Пятое. Ссудный капитал — это сумма покупательных и платежных средств, но и в противоположность последним он, кроме того, является капиталом, приносящим проценты. Ссудный капитал — это капитал, т.-е. самовозрастающая в своем движении стоимость, но в противоположность реальному капиталу ссудный капитал, кроме того, представляет собою сумму покупательных и платежных средств.

На основе этих характеристик вырастает особая форма ссудного капитала, так называемый фиктивный капитал, но на этом мы останавливаться не будем, так как поставленная нами проблема может быть и без этого разрешена.

Ссудный капитал требует для осуществления и организации своего движения создания особых учреждений. Такие учреждения и развиваются в лице банков. Исторически банки возникли многообразными путями. Но на последней стадии капитализма необходимость банков вызывается развитием и ростом значения ссудного капитала. Банк есть не что иное, как капиталистическое предприятие, организующее и осуществляющее движение ссудного капитала.

Обращаясь к советской системе хозяйства, надо и здесь констатировать наличие ссудного капитала. Само собою разумеется, и эта категория,как и категория капитала, имеет весьма своеобразное содержание. Говорить о ссудном капитале, как и о капитале вообще, применительно к стране, переживающей переходный от капитализма к социализму период, приходится с очень и очень большой оговоркой. Тех общественных отношений, выразителями которых является категория капитала, по крайней мере в обобществленном секторе народного хозяйства, нет. Но по своим формальным признакам то, что мы и в условиях советского хозяйства называем ссудным капиталом, походит на ссудный капитал буржуазного общества.

Значение этих формальных признаков тем более усиливается. что ссудный капитал образуется на стыке обобществленного сектора нашего хозяйства и необобществленного его окружения, на стыке коллективистического способа производства и индивидуалистического метода домохозяйства. В сущности говоря, только потому, что в Советском Союзе мы наблюдаем сожительство разнообразных хозяйственных систем, только потому, что у нас домохозяйство (потребление) еще далеко от обобществления,—у нас во всем народном хозяйстве сохраняются товарно-денежные отношения, производственный процесс представляется как движение (метаморфоз различных форм) капитала, в сфере обращения функционирует ссудный капитал.

Иногда делаются попытки дать характеристику советского банка, исходя только из закономерностей обобществленного сектора народного хозяйства, абстрагируясь от необобществленного окружения. Такой способ выяснить природу нашего кредита и наших кредитных учреждений заранее обречен на неуспех. Если бы не было необобществленного окружения, хозяйственные связи не принимали бы форму товарно-денежных отношений, нельзя было бы говорить, даже чисто формально, о капитале, тем более о ссудном капитале.

Советский банк лишь в той мере можно назвать банком, в какой он связывает обобществленный сектор хозяйства с необобществленными секторами и индивидуальным домохозяйством. Советский банк, как система общественного счетоводства и контроля, обращен к обобществленному хозяйству; советский банк, как банк, обращен к необобществленному окружению.

Существование хотя и своеобразной категории ссудного капитала — это факт, а наличность банков с ресурсами в несколько миллиардов рублей свидетельствует о наличии этого факта. Что же представляют собою ресурсы наших банков, как не ссудный капитал? И формой приложения какого капитала, как не ссудного, являются облигации наших государственных займов? Как же назвать доход, получаемый банками по его ссудам и уплачиваемый банками по вкладам, как не процентом? Точно также, как же иначе, как не процентом можно назвать доходы, получаемые от вложения денежных средств в государственные займы?

Вновь необходимо подчеркнуть, что в наших условиях ссудный капитал выражает не те общественные отношения, отображениями которых является ссудный капитал буржуазного общества. Сходство только в форме отношений, но не в их содержании. В этом скрывается, конечно, внутреннее противоречие, но это противоречие не данной только категории, а всей хозяйственной системы в целом.

Таким образом, и в условиях советского хозяйства мы констатируем наличие ссудного капитала, вырастающего на почве товарно-денежных отношений и своеобразных форм движения капитала. Это обстоятельство вызывает неизбежность возникновения кредит-

ных учреждений. Данное нами выше общее определение банка с некоторыми поправками применимо и к советскому банку. Наши банки являются учреждениями, организующими и осуществляющими движение ссудного капитала.

Данной до сих пор характеристикой подчеркнуты черты, сближающие советский банк с капиталистическим банком. Только сходство и об'ясняет возникновение и развитие советского банка, как банков. Но советский банк имеет черты и отличающие его от банка капиталистического. Эти отличные черты так же, если не более, важны, как и черты сходства. Если бы не было черт сходства, у нас не было бы банка; если бы не было черт отличия, наш банк не был бы банком советским.

В условиях капиталистического хозяйства движение ссудного капитала, его возникновение, изменение, а главное направление определяются стихийной закономерностью. Деятельность капиталистического банка только отображает эту закономерность. Действие рациональной воли банков весьма и весьма ограничено. Поскольку эта рациональная воля определяется частнохозяйственным стимулом, стремлением к получению максимальной прибыли, она в сфере действия народнохозяйственной стихии не может быть полностью осуществлена. Нет сомнения, что воля банка проявляется сильнее, нежели воля каких-либо других хозяйствующих суб'ектов, но поскольку эта воля осуществляется через посредство конкуренции, направление деятельности капиталистического банка определяется, в конечном счете, стихийными закономерностями.

В условиях советского хозяйства направление ссудных капиталов определяется регулирующей и планирующей волей. Место стихии, конкуренции заступает указание, постановление, декрет. Правда, не всегда эта воля полностью осуществляется, может быть иногда и вовсе не осуществляется. Всем известно, как краткосрочное кредитование легкой индустрии превращалось за пределами непосредственного влияния плана в долгосрочное кредитование тяжелой индустрии. Отчасти это об'яснялось организационными неувязками, но и, помимо этого, самая возможность такой „трансформации" намерений плана не исключается. Разве кредитование, предположим, текстильной промышленности, предписанное планом и выполненное банком, не может, в действительности, оказаться кредитованием кооперации? Отношения, складывающиеся между отдельными даже государственными хозяйственными единицами, могут оказаться вне поля зрения и воздействия планового кредитования и, таким образом, кредитная стихия может внести большие коррективы в сознательное регулирование кредита. Стихия может видоизменить планы, но это происходит не обязательно.

Собственно говоря, и капиталистический банк действует по заранее выработанному плану. Но в то время как в условиях капиталистического хозяйства полное осуществление плана является совершенной случайностью, в условиях советского хозяйства, по крайней мере в тенденции, случайностью является отклонение результатов от плана.

Если до сих пор зачастую выполнение плана было случайностью, то все же мы утверждаем, что действительное планирование кредита и возможно и необходимо. Не совсем удачный опыт планирования об'ясняется отчасти недостаточной выработкой рациональных методов планирования, а с другой стороны — тем, что планирование всего народного хозяйства еще далеко от совершенства. Охват планом всего народного хозяйства дело будущего. Ясно, конечно, что в области кредита планирование наталкивается на бо́льшие затруднения, оно гораздо более сложно и требует новых навыков.

Порукой возможности действительного планирования кредита является, во-первых, рост планового начала во всем народном хозяйстве и, во-вторых, то, что наши банки ставят себе непосредственной задачей достижение народнохозяйственных результатов. Здесь мы подходим к следующей особенности советского банка.

Стимулом деятельности капиталистического банка, как и всякого капиталистического предприятия, является стремление к получению максимальной прибыли. Народнохозяйственные результаты в условиях капиталистической системы достигаются чрез посредство стремления каждого отдельного банка и получения частных выгод. Такой стимул у советского банка совершенно отсутствует. Его деятельность непосредственно определяется общими народнохозяйственными интересами. Не прибыль, а задачи социалистического строительства — таков об'ективный смысл функционирования советского банка. Поэтому проблема чисто банковского накопления не может у нас иметь того значения, какое оно имеет в капиталистическом хозяйстве. Рентабельность банка — таков конечный критерий капиталистического банка. Эта рентабельность может совпадать, может и не совпадать с интересами развития производительных сил. Критерием для оценки деятельности советского банка непосредственно является народнохозяйственный эффект.

Это же обстоятельство, повторяем, имеет большое значение с точки зрения возможности реального планирования. План капиталистического банка вырабатывается с точки зрения получения максимальных для данного банка выгод. План, имеющий такое задание, как общее правило, должен входить в конфликт с народнохозяйственной эффективностью кредитования. План советского банка определяется непосредственно народнохозяйственными выгодами, поэтому входить в конфликт с народнохозяйственными результатами кредитования он может только в виде исключения.

Дело сводится к тому, чтобы заранее правильно определить возможные результаты кредита; задача чрезвычайно трудная, но она не неразрешима в условиях такого хозяйства, которое, по крайней мере в тенденции, должно быть охвачено общим планом.

Не надо недооценивать действия стихийных факторов нашего хозяйства, но не надо их и переоценивать. То, что в области кредита стихийные факторы имеют неизмеримо большее значение, нежели в других областях, нет никакого сомнения; то, что реального планирования в области кредита мы добьемся позже, нежели в других областях, также несомненно. Но также несомненно и то, что без планирования кредита мы не добьемся и общего хозяйственного планирования.

Кредитный план, конечно, не бюджет. Но, в сущности, всякие другие (промышленные, торговые) планы не представляют собою жестких норм хозяйствования. Существо всякого хозяйственного плана заключается в общей постановке, в общих, а не в детальных конкретных заданиях, и оставляет достаточный простор самодеятельности тем предприятиям, которые планы осуществляют.

Надо заметить, сама идея планирования, в сущности, никем не оспаривалась. В тех настроениях против плана, которые иногда проявляются, скрыто не отрицательное отношение к плану, а больше к методам и суб'ектам планирования. Кто должен планировать кредит, сами ли банки, или какие-либо другие учреждения — вопрос практически чрезвычайно важный, но для характеристики советского банка вопрос довольно-таки второстепенный. Важно только установить, что самый принцип плана не только не противоречит идее советского банка, но иманентно ему присущ, вытекает из самой природы и существа советского банка.

Но, вместе с тем, вновь необходимо подчеркнуть, что действие стихийных факторов в области кредита очень велико. Особенно сильно это действие сказывается в определении массы могущих быть в распоряжении банков ресурсов, массы приводимых банками в движение ссудных капиталов. На этом мы остановимся в следующей главе, когда дадим характеристику отдельных функций банков.

Из сказанного об отличительных особенностях советского банка вытекает и своеобразное строение процента.

В условиях капиталистического хозяйства процент в конечном счете определяется спросом и предложением ссудных капиталов. Сознательное, преднамеренное урегулирование процента, проводимая банками политика учетного процента имеет целью оказывать воздействие на спрос и предложение капитала. Там, где ссудный капитал в значительной своей части является фиктивным, политика учетного процента может иметь значение. Но не надо преувеличивать этого значения. Вместе с ростом и развитием депозитных банков и соответственно умалением роли центральных эмиссионных банков значение политики учетного процента значительно понижается. И во всяком случае эта политика не уничтожает ни действия конкуренции, ни действия стихийных законов спроса и предложения ссудных капиталов.

В условиях советского хозяйства процент все более и более приближается к указной цене. Это вытекает из природы советского банка. Но, вместе с тем, значение процента и в наших условиях чрезвычайно велико. Весьма распространено убеждение, что процент в наших условиях не может оказать влияния ни на спрос, ни на предложение ссудных капиталов. Такое убеждение основано на практике. Но дело в том, что советские банки далеко еще не развернули всех своих потенций. Даже больше того. Нам сдается, что до сих пор деятельность наших банков шла по линии наименьшего сопротивления; главнейших и наиболее существенных своих функций советский банк не только еще не выполнил, но еще и не развернул. При разворачивании же всех своих функций процент будет играть очень большую роль.

Наконец, последняя отличительная черта советского банка, которую необходимо подчеркнуть и которая имеет особенно важное значение, заключается в следующем.

Капиталистический банк питает капиталистическую систему хозяйства и ее утверждает. Об'ективная задача капиталистических банков — расширять действие капиталистической системы, постоянно ее на расширенной основе воспроизводить. Капиталистические банки возникают на базе товарно-денежных отношений и всей своей деятельностью воспроизводят эти отношения.

Советский банк также возникает и развивается на основе товарно-денежных отношений. Но об'ективной задачей и целью советского банка является уничтожение товарно-денежных отношений, т.-е. почвы, которым обусловливается его существование.

Капиталистический банк, таким образом, своей деятельностью воспроизводит и утверждает самого себя. Советский банк своей деятельностью, в конечном счете, уничтожает самого себя. Капиталистический банк, организуя и осуществляя движение ссудного капитала, воспроизводит ссудный капитал. Советский банк, организуя и осуществляя движение ссудного капитала, имеет об'ективной своей задачей уничтожение денежно-ссудного капитала.

Советский банк это делает таким образом, что, с одной стороны, он вовлекает в сферу действия ссудного капитала отсталые секторы народного хозяйства — в этом проявляется утверждение и укрепление банка, как банка; с другой стороны, он подчиняет движение ссудного капитала интересам социалистического строительства — в этом проявляется отрицание банка, как банка.

Как та, так и другая задачи одинаково важны. Отказаться от первой задачи — значит переоценить социалистические элементы нашего хозяйства и преждевременно ликвидировать советский банк, как банк, прежде чем будет использована организующая роль советского банка, именно как банка.

Отказаться от второй задачи — значит недооценивать значения банка, как орудия социалистического преобразования общества, и,

стало быть, не усматривать его отличий от капиталистического банка.

Нам представляется одинаково неправильным как отрицать сходство черт, а значит и методов работы советского и капиталистического банка, так и не видеть огромных принципиальных черт различия, а значит и методов работы того и другого.

В свете развитых соображений рассмотрим отдельные функции капиталистического и советского банка.

III

На вопросе о функциях капиталистических банков нам следует остановиться подробнее по следующим причинам.

До сих пор марксистская теория кредита и банков чрезвычайно мало, чтобы не сказать больше, разработана. Если другие части учения Маркса нашли достаточно много интерпретаторов, породили большую литературу, то как-раз учению Маркса о кредите и банках уделялось очень мало внимания. Маркс не оставил строго разработанной и законченной теории банков, но, вместе с тем, все элементы этой теории мы у него находим. Систематизировать учение Маркса о банках—задача благодарная и крайне нужная.

Кроме того, остановиться подробнее на функциях банков необходимо потому, что эта сторона учения Маркса подверглась величайшему искажению. Широкое распространение получила идея о том, что по Марксу банки являются чисто посреднической организацией, что банки не выполняют никакой творческой работы, что их роль в движении капиталов пассивна. Никакого различия между вульгарной и марксовой экономией в этом отношении не делается. Этот взгляд, как мы покажем в дальнейшем, совершенно ошибочен.

Мы определили банк, как капиталистическое предприятие, организующее ссудный капитал и осуществляющее его движение.

Средством достижения этого является выполнение банками следующих функций.

Во-первых, банки выступают посредниками в передаче ссудных капиталов: средства денежных капиталистов они передают промышленным и торговым, т.-е. функционирующим, капиталистам.

Во-вторых, банки превращают денежную (функциональную) форму промышленного и торгового капитала в ссудный капитал.

В-третьих, банки превращают доходы в ссудный капитал.

В-четвертых, банки, в силу закономерностей денежного обращения и в меру, полагаемую этими закономерностями, непосредственно создают покупательные и платежные средства и превращают эти последние в ссудный капитал.

Аккумуляция и создание ссудных капиталов означает осуществление их движения, стало быть, направление их в различные отрасли народного хозяйства, предоставление их отдельным хозяйствующим единицам.

Все указанные функции тесно между собою связаны, взаимно обусловлены, одна вытекает из другой; использование их во всей их совокупности ведет к перераспределению реальных капиталов, к расширению процесса реального капиталонакопления, к интенсификации процесса воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала.

На каждой из этих функций необходимо остановиться в отдельности, попутно выясняя их значение для советского банка.

Первая функция банков состоит в посредничестве между денежными капиталистами и капиталистами промышленными и торговыми. Ссудный капитал, т.-е. капитал, приносящий проценты, единственной формой отчуждения которого является ссуда, может существовать и действительно существует и вне банков, в руках денежных капиталистов. Историческим предшественником этого денежного капитала является ростовщический капитал. Денежный капиталист может непосредственно ссужать деньгами капиталиста функционирующего, но в современном хозяйстве такой непосредственной связи между денежным и функционирующим капиталистом нет. Эта связь осуществляется чрез банки. Капитал, как ссудный капитал, в этом случае возникает и существует и вне банков и до его появления в банках. Но прежде чем он попадает в руки функционирующего капиталиста, он проходит через банк. Вместо одной сделки ссуды, при котором денежный капиталист выступает как кредитор, а функционирующий капиталист как должник, происходят две сделки. Единый акт сделки разрывается на два самостоятельных акта. Первый, при котором денежный капиталист выступает как кредитор, банк как должник; второй, при котором банк выступает как кредитор, функционирующий же капиталист как должник. Роли денежного и функционирующего капиталиста не изменились, но зато выступил банк, который одновременно является и заимодавцем (по отношению к функционирующему капиталисту) и заемщиком (по отношению к денежному капиталисту). Социальные отношения вследствие посредничества банка осложнились, но не изменились. Никакого изменения не произошло потому, что и до вмешательства банка в наличности уже был ссудный капитал. Банк получил ссудный капитал от денежного капиталиста и передал его капиталисту функционирующему. В этом случае функция банка была чисто посредническая.

Совершение этих сделок чрез посредство банков имеет только одно значение. Частные отношения между капиталистами приобретают общественное содержание. Банки собирают все средства денежных капиталистов и снабжают ими капиталистов функционирующих. Таким образом, они, оборачиваясь в сторону функционирующих капиталистов, выступают от всего коллектива денежных капиталистов, а оборачиваясь в сторону денежных капиталистов, они представляют весь коллектив капиталистов функционирующих.

Именно эту функцию и только эту функцию разумел Маркс, когда писал:

„В связи с этой торговлей деньгами развивается другая сторона кредитного дела — управление приносящим проценты капиталом или денежным капиталом, как особая функция торговцев деньгами. Заем и ссуда становятся их особым делом. Они выступают как посредники между действительными заимодавцами и заемщиками денежного капитала. Говоря вообще, банкирское дело с этой стороны (an dieser Seite) состоит в том, чтобы концентрировать в своих руках большими массами ссуженный денежный капитал, так что вместо отдельного заимодавца промышленным и коммерческим капиталистам противостоят банкиры, как представители всех заимодавцев, они становятся общими управителями денежного капитала. С другой стороны, по отношению ко всем заимодавцам они концентрируют заемщиков, так как они занимают для всего торгового мира. С одной стороны, банк представляет централизацию денежного капитала, заимодавцев, с другой — централизацию заемщиков". [1]

В этой функции банк выступает посредником. То, что он получает от денежных капиталистов, он передает промышленным и торговым капиталистам. Он получает ссудный капитал и его же предоставляет.

Наиболее распространенной формой приложения этого капитала являются ценные бумаги. Капитал денежных капиталистов не отлагается обыкновенно в банках в виде вкладов. Об'ясняется это следующим.

Ссудный капитал по своей природе вообще двойствен. С одной стороны, ссудный капитал является суммой покупательных и платежных средств, а с другой — эта сумма покупательных и платежных средств выступает как капитал, приносящий проценты. Обе эти характеристики тесно между собою связаны. Но в каждом отдельном конкретном случае может иметь основное значение то одна, то другая характеристика ссудного капитала. Это обстоятельство особенно важно иметь в виду, когда необходимо различать случаи, при которых путем кредита предоставляются просто средства обращения, от случаев, когда кредитом предоставляется дополнительный капитал.

Хотя обе характеристики ссудного капитала тесно между собою связаны, но в каждом отдельном конкретном случае может иметь главное значение для заимодавца или для заемщика одна или другая сторона ссудного капитала.

[1] K. Marx, Das Kapital, III, стр. 388, рус. пер. стр. 379. Здесь, как и в других местах, цитируется немецкое издание 1922 года, русское—перевод Базарова и Степанова, изд. 1907 г. Заметим кстати. В книге проф. З. Каценеленбаума „Учение о деньгах и кредите" часть II, стр. 230 (второе издание) подчеркнутые нами слова „с этой стороны" пропущены и, таким образом, дано не совсем правильное, вернее, совсем неправильное толкование точки зрения Маркса на банки.

Совершенно очевидно, что капитал денежных капиталистов имеет для них значение не столько, как масса покупательных и платежных средств, сколько как капитал, приносящий проценты, хотя для того чтобы их капитал приносил проценты, он и должен иметь форму денег. Дело, конечно, в ударении. Обе характеристики сохраняют свое значение, но в данном случае, с точки зрения денежных капиталистов, главнейшим является именно то, что денежный капитал приносит его владельцу доход в форме процента.

С другой стороны, застывание этого капитала в форме денег является не временным, не случайным его пребыванием в известной фазе метаморфоз товаров и денег или форм капитала. Этот капитал всегда остается в форме денег и в своем движении не испытывает никаких метаморфоз. Это не функциональная форма промышленного и торгового капитала, следовательно, не временно высвобожденная из кругооборота капитала денежная его форма, а ссудный капитал в чистом его виде.

Оба указанных обстоятельства: первое, что капитал денежных капиталистов выступает не столько, как деньги, как сумма покупательных и платежных средств, сколько как капитал, приносящий проценты, и второе, что этот капитал не случайно и не временно пребывает в денежной форме, ведет к тому, что наиболее излюбленной формой приложения этого ссудного капитала являются различного рода ценные бумаги: облигации, акции и т. д.

Теоретически возможно вложение этого ссудного капитала в ценные бумаги без посредничества банков. Но в действительности это совершается чрез посредство банков. Банки в этом случае выступают, как организаторы предложения ценных бумаг (спроса на ссудный капитал) и спроса на ценные бумаги (предложения ссудного капитала).

Даже государственные займы, не говоря уже о частных, совершаются не путем прямого и непосредственного обращения к рынку ссудных капиталов, а посредством банковского посредничества. Совершенно невозможно представить себе обращение к рынку ссудных капиталов, например, Англии или Соед. Штатов, без и помимо участия банков.

В то же время банки организуют и спрос на ссудный капитал. Совершается это различными путями, на которых здесь нет возможности останавливаться. Но все они сводятся к тому, что банки финансируют покупку ценных бумаг. Постоянное финансирование покупок создает возможность для держателей их постоянно превращать их в деньги, а это обстоятельство ведет к тому, что в ценные бумаги могут вкладываться и временно находящиеся в денежной форме капиталы.

Без участия банков и без постоянного их финансирования невозможно создание рынка ценных бумаг и невозможна эмиссия бумажных ценностей, точно также государственные займы не могут

получить сколько-нибудь большого развития без активного участия банков.

Такова первая, чисто посредническая функция банков. Какое значение эта функция может иметь в советских условиях?

Совершенно очевидно, что большого развития эта функция в наших условиях достичь не может. Существование такого особого денежного капитала и денежных капиталистов противоречит существу советской системы. В лице такого капитала мы имеем до конца обнаруживаемый паразитический капитал. Такого рода капитал у нас обречен на положение нелегального контрагента черной биржи. С другой стороны, невозможно и совершенное его искоренение. И советскому государству приходится платить дань товарно-денежным отношениям допущением этого паразитического нароста. Но во всяком случае сколько-нибудь большего значения этот капитал у нас иметь не может. Использование этого весьма незначительного капитала возможно, главным образом, чрез систему государственных займов, но как-раз именно потому, что этот капитал незначителен, это использование может быть очень небольшим. Незначительность этого капитала ведет к тому, что рыночный процент на ссудный капитал на так называемом вольном рынке стоит на высоком уровне; очевидно, этот высокий уровень процента имманентно присущ природе советского „вольного" рынка ссудных капиталов. Это же обстоятельство препятствует тому, чтобы привлечь его к делу размещения наших займов. Во всяком случае, перспективы здесь не велики.

Несколько большее значение могут иметь иностранные денежные капиталы, но во всяком случае, очевидно, не в течение ближайшего времени.

Таким образом, надо прийти к заключению, что рассматриваемая здесь чисто посредническая функция банков в наших условиях большого развития принять не может, хотя в то же время игнорировать эту функцию все же не следует.

IV

Следующая функция банков заключается в превращении промышленного и торгового капитала в ссудный капитал.

Развитие этой функции как раз вытекает из тех обстоятельств, из своеобразных форм движения капитала, которые возможность кредита превращают в необходимость, именно из того, что движение капитала представляется как метаморфоз различных форм капитала, денежного, производительного и товарного.

Эта тема достаточно подробно разработана Марксом, популяризирована Гильфердингом. Она предполагается читателю знакомой. Сущность вопроса заключается в том, что в процессе кругооборота капитала, в процессе его накопления постоянно образуется незанятый в кругообороте праздный денежный капитал, который может быть превращен, и это превращение осуществляется банками, в капитал ссудный.

Вне банков мы имеем здесь дело с функциональной формой промышленного и торгового капитала. Для того чтобы функциональная (денежная) форма промышленного и торгового капитала превратилась в ссудный капитал, необходимо, чтобы данная денежная сумма отдана была бы в ссуду, а это последнее совершается чрез посредство банков.

Теоретически мыслимо и в конкретной действительности бывает, что этот денежный капитал дается в ссуду непосредственно одним промышленным (или торговым) капиталистом другому. Но, как общее правило, это делается через банки. Само возникновение банков, как предприятий торгующих ссудным капиталом, обусловливается фактической невозможностью для промышленного (и торгового) капиталиста самостоятельно использовать временно высвобожденный праздный денежный капитал, как ссудный капитал.

Деньги, как высвободившаяся из кругооборота функциональная форма капитала, передаются банку, и так как это делают все капиталисты, то банк, таким образом, выполняет обязанности кассира, хранителя и управителя денежных сумм всего класса капиталистов. Частная собственность на капитал отдельных капиталистов обобществляется и выступает как общая собственность всего класса капиталистов. Банки выражают одновременно как общее предложение свободных денежных капиталов, превратившихся уже теперь в ссудный капитал, так и общий спрос на ссудный капитал со стороны всего класса капиталистов.

В рассматриваемой нами функции банки не являются просто посредниками между капиталистами. Считать эту функцию только посреднической нельзя.

Вне банка капитал, о котором здесь идет речь, является только функциональной формой промышленного (и торгового) капитала. Ссудный капитал это — денежный капитал, но не всегда денежный капитал является капиталом ссудным. Денежный капитал, как функциональная форма промышленного капитала, именно банком *превращается* в ссудный капитал.

„Ссудный капитал, которым располагают банки, притекает к нам многообразными путями. Прежде всего, так как они являются кассирами промышленных капиталистов, в их руках концентрируется денежный капитал, который хранит каждый производитель и купец в качестве резервного фонда или который притекает к нему по платежам. Эти фонды *превращаются*, таким образом, в ссудный денежный капитал" („Diese Fonds verwandeln sich so in verleihbares Geldkapital"). [1]

[1] Das Kapital, III, стр. 388, рус. пер. стр. 379.

С точки зрения оборота всего общественного капитала эта функция имеет огромное значение. Концентрация резервов всех капиталистов создает возможность для каждого отдельного предприятия иметь меньшие резервы. А с другой стороны, поскольку этой функцией банки превращают бездействующие резервы в ссудный капитал, они интенсифицируют использование капитала всего общества, значительно уменьшают, доводят до минимального предела неиспользованный капитал всего общества.

Но вместе с тем, необходимо отметить, что значение ее не так велико, как обычно думают. Весьма распространено убеждение, что ссудный капитал имеет источником своего происхождения, главным образом, денежную форму функционирующего капитала. Такой взгляд соответствует условиям промышленного капитализма, но не современного с его огромным развитием кредита и кредитных учреждений и колоссальным ростом их значения.

Дело заключается, как я это кратко формулировал в другом месте, в следующем.

„Масса денежного капитала, необходимая для осуществления кругооборота промышленного и торгового капитала, в разные моменты этого кругооборота бывает различна. С точки зрения отдельного капиталиста возможность полного кругооборота его капитала обеспечивается только в том случае, если капиталист обладает такой массой денежного капитала, которая необходима в моменты наибольшей в нем нужды, т.-е. когда бóльшая часть промышленного капитала находится в товарной форме. В те же моменты, когда капитал в денежной форме высвобождается, т.-е., когда денежная форма капитала относительно преобладает в сравнении с капиталом в товарной форме, часть промышленного капитала находится в праздном состоянии, и этот праздный капитал может найти свое применение в другом предприятии. Но возможно и другое. Отдельный индивидуальный капиталист обладает м и н и м а л ь н ы м денежным капиталом, т.-е. такой массой, которая нужна в моменты наименьшей потребности в деньгах. В этом случае беспрерывность кругооборота осуществляется только в том случае, если есть возможность привлечь в данное предприятие чужие капиталы. С точки зрения отдельного капиталиста возникает проблема не только или вернее не столько использования своих высвободившихся капиталов в чужом предприятии, сколько возможность привлечь чужие капиталы в свое предприятие. То же можно сказать обо всем общественном капитале во всей его совокупности. Промышленный капитал н е с т о л ь к о с с у ж а е т, с к о л ь к о з а н и м а е т, хотя может он занимать отчасти потому, что он ссужает. Возможность привлечения чужих капиталов не может зависеть от случайно совпавшего высвобождения капитала в другом предприятии, эта возможность должна быть постоянной. Такая возможность осуществляется, если вне оборота промышленного и торгового капитала существует капитал, единственное предназначение которого заключается в удовлетворении потребности промышленного и торгового капитала в чужом капитале,— словом, если возникает ссудный капитал, как таковой".[1]

Такая возможность осуществляется наличием ссудного капитала, образуемого из других источников.

В самом деле. Фактически в развитых капиталистических странах промышленные и торговые предприятия больше кредитуются нежели сами кредитуют. В массе средств этих предприятий заемный капитал всегда существует, притом в довольно большом размере, примерно от 15% до 50—60%.

Таким образом, не отрицая значения рассматриваемых здесь функций банков, все же не надо ее преувеличивать.

Своеобразие движения капитала, как постоянного метаморфоза различных форм капитала, имеют значение не столько с точки зрения образования ссудного капитала, сколько с точки зрения его использования.

Функция банков по превращению промышленного и торгового капитала в ссудный капитал и в советских условиях сохраняет свое значение. В то же время с точки зрения количественной эта функция не занимает столь большого места. Наши промышленные и торговые предприятия, как общее правило, обладают слишком ничтожными капиталами, чтобы хотя временно высвобождать денежный капитал.

Но за то эта функция имеет огромное, так сказать, качественное значение. Этой функцией советский банк об'единяет круг предприятий, составляющий обобществленный сектор нашего хозяйства. Развивая эту функцию банк как раз идет по пути организации „общественного счетоводства и учета". В этом огромное принципиальное значение этой функции, и это значение надо особенно подчеркнуть.

В условиях капиталистического хозяйства развитие этой функции, вызывающей перераспределение реальных капиталов, способствует концентрации производства и централизации капиталов; интенсифицируя процесс использования капитала, банк этой функцией — превращением промышленного и торгового капитала в ссудный капитал,— утверждает господство ссудного капитала и усиливает капиталистический способ эксплоатации. В условиях советского хозяйства банк, выполняя эту функцию, перераспределяет реальные капиталы, связывает предприятия между собою, сокращает непроизводительные издержки обращения, рационализирует методы связи и создает обобществленную систему хозяйства.

[1] См. мою статью „Теория современного кредита", „Соц. хоз.", кн. V—VI, 1927 г., стр. 80.

Надо заметить, что, в сущности, до сих пор наши банки, главным образом, развивали эту функцию и достигли здесь безусловно огромных результатов.

Этой функцией советский банк, выполнив свою задачу организации государственного сектора хозяйства, тем самым укрепил ее, утвердив ее позиции. Но поскольку наш банк имеет своей задачей не только организацию обобществленного сектора хозяйства, но и вовлечение необобществленного окружения в сферу влияния государственного хозяйства и поскольку он это может делать только путем вовлечения этого необобществленного окружения в сферу движения ссудного капитала, постольку на очереди дня стоит развитие других функций банков, к которым нам надлежит и перейти.

(Продолжение следует)

Л. Шанин

Проблемы производительности народного хозяйства [1]

VI. Методы регулирования потребления

В предыдущем мы говорили об „общезначимой" программе потребления. Но что это значит? Как вообще понимать „общезначимость" такой программы? Предположим, что соответствующий регулирующий орган наметил желательный (с точки зрения под'ема уровня жизни масс) и посильный (с точки зрения возможностей народного хозяйства) об'ем и состав потребления; предположим, что он решил сделать их „общезначимыми". Но как можно эту „общезначимость" реализовать на деле? Каков путь от утверждения такой программы к реальному осуществлению ее в том смысле, что население действительно будет строить свое потребление в соответствии с ней, что программа эта будет реально воздействовать на фактическое потребление населения, а не останется литературным только документом.

Означает ли, прежде всего, „общезначимость" программы, что потребление населения будет шаблонизировано и что программа эта будет навязана населению или даже декретирована в общеобязательном порядке. Надо ли говорить, что у нас нет речи о такой аракчеевской утопии.

Программа потребления должна будет строиться, прежде всего, на основе прогноза спонтанного развития потребления. Регулирующее воздействие она сможет предусматривать только в какой-то правильной пропорции к этому спонтанному развитию. Это воздействие сможет модифицировать естественно складывающиеся тенденции потребления лишь в ограниченных размерах. Практика, и только практика установит допустимые пределы такого модифицирующего воздействия. Может ли оно быть столь интенсивным, чтобы на каких-нибудь 20% определить собой потребление масс или сможет охватить только каких-нибудь 10% естественно складывающегося состава потребления; все это сможет быть решено только на практике.

---

[1] Окончание, см. „План. Хоз.", № 3 за 1928 г.

Сказанное относится, однако, только к вопросу об интенсивности этого видоизменяющего воздействия, но оно ничего еще не говорит о методах, какими это воздействие будет (хотя бы в таких ограниченных размерах) осуществляться.

На что, кроме убеждения, сможет здесь опереться регулирующий орган? Предположим, что соответствующий орган наметил корректив к естественно складывающемуся потреблению населения в размерах каких-либо 10—15%. Ясно, как такой корректив может быть намечен; но менее ясно, как он может быть реально проведен в потреблении миллионов, если не говорить о ликвидации индивидуального потребления и переходе к коллективно организованным формам его. Осуществимо ли вообще такое регулирующее воздействие (помимо методов убеждения) в условиях товарно-денежного хозяйства и индивидуально организованного потребления? В известных пределах, безусловно, осуществимо; при чем проводником его становится одна из, казалось бы, наименее социалистических экономических категорий,— цена. Если регулирующий орган хочет выдвинуть вперед и повысить удельный вес какого-нибудь одного элемента потребления масс, то он может достигнуть этого (в известных, конечно, пределах) соответственным снижением цены на данный товар. Если он, наоборот, хочет ограничить потребление данного вида товаров, то он (в известной мере) может достигнуть этого соответствующим повышением цен. Вековая практика с бесспорностью выявляет, что состав потребления подвержен заметным колебаниям в зависимости от цен относящихся сюда товаров. Если некоторые основные элементарные потребности мало эластичны, то потребление по линии потребностей второго и третьего порядка достаточно интенсивно реагирует на изменение цен. Вот почему политика цен может сыграть роль эффективного орудия регулирования среднего состава потребления. Подчеркиваю: конечно, если эту задачу ставить достаточно реалистически.

Таким образом, именно та экономическая категория, которая в досоциалистическом товарном хозяйстве сильнее всего выявляет частный характер этого хозяйства, может в наших условиях стать основным проводником социалистического воздействия. Экономическая функция цены в наших условиях резко меняется.

Как и во многом другом, мы имеем здесь сохранение старой (товарной) формы для принципиально нового содержания.

Возможности такого регулирующего действия, как сказано, не безграничны. Они наталкиваются на двоякого рода границы: 1) субъективно-психологическую, в смысле приемлемости или неприемлемости для населения (с его привычками, уровнем, культурой и т. д.) пропагандируемого изменения состава потребления и 2) объективно-экономическую в смысле возможности или невозможности необходимого снижения цен на протежируемые элементы потребления с точки зрения требований расширенного воспроизводства.

Совершенно очевидно, что снижение цен по той или другой группе товаров не может итти так далеко, чтобы в итоге не обеспечить для всей массы товаров (даже в среднем) восстановительной цены. Очевидно, что для поддержания соответственного расширенного воспроизводства цена на одни товары может быть снижена против ценности только в той мере, в какой на другие товары цены будут подняты выше их ценности с тем, чтобы в массе сумма цен соответствовала сумме реализуемых ценностей. По отдельным товарам цена потому только может быть оторвана от ценности, что в отношении всего товарного мира (на основе других, обратных и компенсирующих отклонений) это отношение будет сохранено. В сущности, любое частное предприятие, имеющее в своем производстве или в своем торговом обороте разнообразную номенклатуру товаров, варьирует цено-ценностное соотношение по отдельным товарам. Совершенно обычна практика, когда та или иная группа товаров продается заведомо в убыток и предприятие компенсирует себя соответственной добавочной прибылью по другим группам.

Товарно-социалистическое народное хозяйство может себе позволить применение этого принципа в значительно более широком масштабе, чем частное хозяйство. По мере того как оно реально овладевает всем народным хозяйством, преодолевает разорванность отдельных отраслей и охватывает народное хозяйство, как целое, оно расширяет поле таких частичных отклонений цены от ценности товара на основе сохранения этого соответствия между суммой цен и суммой ценностей для всего народного хозяйства в целом. В пределах сохранения такого соответствия для всей товарной массы, социалистическое хозяйство может допустить по отдельным товарам довольно далеко идущие вариации.

На деле мы их и осуществляем в течение всех лет нашего хозяйственного строительства. Разве не было периода, когда угольная промышленность работала в убыток только для того, чтобы обеспечить остальным отраслям дешевое топливо? Или, чтобы взять пример, значительно более близкий к личному потреблению,— разве мы по линии издательской работы не проводим такой политики дифференциации цен и значительного удешевления учебников и политической литературы, и разве на этой основе нам не удалось увеличить в бюджете населения элементы культурного потребления?

Таким образом, в указанных границах на основе комбинирования убеждения и политики цен реальное регулирование состава потребления, несомненно, возможно. А это значит, что „общезначимая" программа потребления из литературного документа и голого волеизъявления регулирующего органа может стать фактором, реально преобразующим потребление масс даже в условиях индивидуально организованного потребления.

VII. Сводная программа

Предположим, что мы формулировали определенную программу в области условий жизни и труда населения. Гуманистическая сторона народного хозяйства получила бы здесь, таким образом, свое выражение. Но одной этой стороной не исчерпывается вся совокупность задач, стоящих перед нашим хозяйством. Мы видели, что в наших условиях задача эта не может быть рассматриваема, как единственная. На ряду с ней народное хозяйство должно обслужить еще и другие задачи, в частности, задачу усиления социалистических моментов в экономике, в самой организации производства и обмена, взятых и независимо от социалистического преобразования потребления ближайших лет.

Та стадия строительства, в которой мы сейчас находимся может быть в известном отношении охарактеризована следующим образом. В области промышленности, железнодорожного и водного транспорта, банковской системы, товаропроводящих организаций мы уже достигли выдающихся успехов в смысле усиления социалистических позиций. В отношении этих областей задача усиления социалистических моментов, как самостоятельная задача, в сущности, уже начинает стушевываться. В этих областях задача наша в общем начинает исчерпываться задачей поднятия технической культуры, которая на этой стадии уже сама собой будет обеспечивать и укрепление социалистических моментов. В указанных областях это последнее, в сущности, уже почти не требует больше специальных мероприятий, помимо мер, направленных на повышение деловой их организации. На базе тех социальных достижений, которые мы в этих сферах уже имеем, задача укрепления социалистических моментов сводится теперь почти что к индустриализации, деловой рационализации и большей связи с массами.

Иначе дело обстоит в других (двух по меньшей мере) сферах: в известной части заготовительного аппарата (именно сельскохозяйственных заготовок, заготовок кожи, яиц, фруктов и т. д.), где позиции обобществленного сектора еще слабы, а также в области сельскохозяйственного производства, где нам предстоят еще колоссальные задачи и значительные усилия и жертвы по обеспечению социалистических моментов. Если в области промышленности, транспорта, банковской системы и т. д. задача форсирования социалистических тенденций в основном совпадает сейчас с задачей под'ема технической культуры в этих областях, задачей деловой рационализации, то в области части сельскохозяйственных заготовок и социалистической организации сельскохозяйственного производства мы этого совпадения еще не имеем. Здесь не исключена возможность, что нам на первых порах придется форсировать рост социалистических моментов ценой больших или меньших технико-деловых и финансовых жертв, даже замедления темпа роста товарности и т. д. В этих сферах усиление социалистических тенденций должно быть выдвинуто пока еще, как самостоятельная задача, если это неизбежно, проводимая временно хотя бы в разрез с односторонними чисто производственными интересами.

Если на длительные сроки расхождение между социалистическими тенденциями и развитием производительных сил невозможно, то на отдельных этапах конфликты временных интересов того и другого несомненно возможны. Был период, когда мы в отношении промышленности и транспорта имели картину конфликта между моментами социально-политическими, с одной стороны, и производственно-деловыми, с другой. В этот период задача укрепления социалистических моментов выступала, как самостоятельная задача, которой производственно-технический момент должен был быть частично и временно подчинен. Был период, когда наше кооперативное строительство (в сфере товарооборота) характеризовалось теми же чертами, малой рациональностью, значительной дороговизной, большой расточительностью ресурсов, крупными финансовыми жертвами. Но на все это надо было итти во имя обеспечения социалистических моментов, хотя бы в разрез с ближайшими деловыми интересами. Сейчас этот период уже позади, сейчас и в области товаропроводящей кооперативной системы этот конфликт между техническими функциями и социальными тенденциями в основном преодолен, и социальная задача ныне и здесь разрешается, прежде всего, силой технически-деловых достижений, составляющих основной стержень, вокруг которого нанизывается общественная работа и связь кооперации с массами. Но если для указанных сфер конфликт между социальными и деловыми моментами уже позади, то в области указанных отраслей сельскохозяйственных заготовок, а главным образом, в сфере самого сельскохозяйственного производства он еще не пройденная ступень. Поэтому здесь специальный протекционизм в отношении социалистических моментов совершенно необходим.

В области сельского хозяйства мы сейчас вступили в полосу, когда задача социалистического переустройства становится перед нами как одна из основных задач, которая наложит печать на все ближайшее десятилетие. И совершенно бесспорно, что мы будем на первых порах эту задачу решать с некоторыми излишними жертвами по линии финансовой или товарности сельского хозяйства, жертвами, которые на протяжении нескольких лет будут неизбежны, но вскоре же окупят себя. Для длительного периода мы будем иметь совпадение интересов социалистического строительства в сельском хозяйстве с интересами развития производительных сил. Но для нынешней стадии развитие социалистических тенденций в сельском хозяйстве и в части сельскохозяйственных заготовок возможно будет протекать в некотором временном и частичном конфликте с интересами максимального (сегодняшнего) развития товарности и максимальной экономии ресур-

сов. И это более чем естественно. Мы через это прошли в транспорте, в банковской системе, в промышленности, в торговле. Сейчас на известное непродолжительное время нам предстоит это в области сельского хозяйства. Поэтому в этой частной сфере такого рода протекционизм в отношении социалистических моментов, хотя бы ценой известных жертв совершенно необходим.

В этих областях технические достижения или обеспечение гуманистических целей хозяйства еще не разрешают автоматически тех задач социально-организационного характера, которые здесь стоят перед нами. Они должны быть выдвинуты, как самостоятельные задачи. Мы должны сформулировать конкретную программу достижений, которую мы на ближайшее пятилетие здесь ставим перед собой. Задача эта должна быть выдвинута перед народным хозяйством на ряду с гуманистической задачей, ибо для ближайшего пятилетия она не совпадает с последней и не исчерпывается ею.

Но на ряду с этим перед нашим народным хозяйством стоит еще и задача обеспечения экономической независимости и обороноспособности страны (роль здесь индустриализации!).

Если в сфере внутреннего нашего социалистического строительства вопрос об обеспеченности дальнейшего поступательного развития обобществленного сектора (даже в сельском хозяйстве) можно считать в основном решенным (в последнем, конечно, еще не практически, а принципиально), если здесь, несмотря на огромные трудности в области сельского хозяйства, при правильной политике возможность их преодоления нам в полной мере гарантирована, то в области обеспечения обороноспособности страны положение значительно более серьезно. Здесь труднее считать, что нам уже сейчас гарантировано окончательное торжество. Здесь за этот успех необходимо еще напряженнейшим образом бороться, здесь только очень упорные и сосредоточенные усилия могут дать нам известную гарантию, которой мы пока еще не имеем. Поэтому с точки зрения борьбы за торжество социалистического строительства вопросы обороноспособности (в широком смысле этого слова) стоят быть может острее, чем другие. Но именно поэтому здесь нельзя отделываться общими шаблонными утверждениями, а нужен совершенно конкретный, деловой, тщательный анализ тех требований, которые интересы обороны страны пред'являют к народному хозяйству.

Легко может случиться, что конкретный анализ этих требований даст результаты, несколько отличные от той неотчетливой рабочей гипотезы, с которой мы сейчас работаем, когда „вообще" ориентируемся на интересы обороны. Легко может случиться, что конкретная и деловая разработка вопроса выдвинет вперед требования к одним отраслям промышленности (металл, некоторые виды машиностроения) вместо других (турбиностроение и т. д.) и усилит требования к некоторым отраслям сельского хозяйства (хлопок, шерсть, кожа), без которых промышленность не сможет обслужить оборону. Во всяком случае, совершенно необходимо, чтобы требования обороны к народному хозяйству были установлены не в форме расплывчатых общих мест, а в конкретной и деловой постановке. И уже во всяком случае ясно, что эти уточненные конкретизированные требования внесут весьма существенные коррективы в программу хозяйственного развития, намечаемую под углом зрения гуманистических задач народного хозяйства.

Мы говорили выше о трех самостоятельных задачах. Конечно, и задача социалистического строительства в сельском хозяйстве и задача обороны Союза подчинены торжеству социализма, а это означает торжество гуманистических задач нашего и мирового хозяйства. В конечном итоге и растущая обороноспособность страны и социализация хозяйственного аппарата создадут широкую базу для гуманизации хозяйства. В этом смысле и эти две задачи подчинены гуманистической. Теоретически связь между ними и именно связь такого характера, конечно, существует. Но связь эта отдаленная. Для ближайших же пяти лет такая непосредственная и прямая связь между ними не может быть полностью прослежена. Попытки установить такую прямую, по коротким линиям, связь между этими тремя задачами в пределах пятилетия были бы схоластическими. Реально, практически для ближайшего отрезка времени они представляют собой скорее три параллельных, самостоятельных задачи, нежели единую организованную систему задач, с приматом гуманистической задачи.

Подчинение двух последних задач первой существует, но связь эта уходит в сравнительно далекое будущее, а в пределах ближайших пяти лет они между собой либо не смыкаются, либо группируются в обратном отношении.

Теоретически для периода, скажем, генерального плана последние две задачи могли бы быть субординированы первой, но в пределах пятилетки они практически являются задачами самостоятельными и независимыми от нее. Поэтому пятилетняя программа может быть только согласованной программой требований, выработанных на основе анализа каждой из этих трех сфер. В той же мере, в какой известная субординация целей здесь возможна и необходима, она для ближайшего пятилетия должна строиться в соотношении, обратном тому, которое должно быть положено в основу генерального плана. Если в последнем примат, повидимому, будет принадлежать уже гуманистической задаче, то для ближайшего пятилетия он должен принадлежать интересам обороноспособности (в широком охвате этого термина, а не только в военно-техническом смысле) и протекционизму в отношении организационно-социалистических моментов хозяйства.

VIII. О „телеологии“ и „генетике“

Предположим, что мы сформулировали в соответствии с указанными целями сводную программу народнохозяйственного развития. Что представляла бы собой проделанная работа? В какой мере она могла бы претендовать на научность?

Если поверить буржуазным экономистам, то всякая задача, выходящая за пределы описательной и аналитической разработки сущего переводит предмет в область нормативного, а нормативное не может составлять предмета об'ективной науки, принадлежа целиком к области суб'ективных оценок. Поэтому никакое выдвижение народнохозяйственных задач не может быть научным, а следовательно, не может составить предмета и экономической науки, хотя бы такая задача и выдвигалась перед народным хозяйством.

В самом деле, совместим ли, вообще такой „телеологический“ подход с требованиями научности? Нет ли между ними внутреннего противоречия? Ведь наука имеет дело только с необходимой обусловленностью. Последняя имеет место в области причинных зависимостей. Но имеется ли такая необходимость и обусловленность в области целевой и „телеологической“?

Такой вопрос может возникнуть только из предположения, что целевой подход есть подход свободы (в противоположность необходимости и причинной обусловленности), а потому исключающий возможность научной трактовки. Но такое предположение в корне неверно. Как ни отлична целевая деятельность людей от других жизненных процессов, но она в такой же мере необходимо обусловлена, как и другие природные и стихийно-общественные явления.

В человеческой жизни необходимость получает двоякое выявление. В одной сфере эта необходимость осуществляется прямо и непосредственно, помимо каких бы то ни было целей, а в другой она проявляется через полагаемые цели. Целевая и внецелевая форма жизненных явлений есть только две различные формы проявления все той же необходимой обусловленности жизненных процессов. То, что эта необходимость один раз проявляется непосредственно, а другой раз — в форме полагаемых целей,— ничего не меняет в существе самого процесса, как процесса необходимо обусловленного. Только форма проявления его второй раз иная.

Марксизм утверждает причинную обусловленность целей; тем самым он утверждает и возможность научного анализа самих целей. Определяя соотношение между свободой и необходимостью, Энгельс писал: „Свобода есть понимание необходимости“. Он повторял при этом слова Гегеля: „Слепа необходимость лишь поскольку она непонята“. Задержимся несколько на этом.

Всякая ли познанная необходимость обеспечивает свободу? Если эта необходимость только внешней природы или необходимость стихийно развивающегося общества, и эта необходимость находится

во враждебном конфликте с нашей внутренней психофизической необходимостью, как она исторически сложилась, то, очевидно, познанная необходимость внешнего—физического или общественного—мира не обеспечить еще свободы. Энгельс говорит: „Свобода (состоит)... в познании... законов и созданной этим возможности планомерно пользоваться ими для определенных целей“. Следовательно, свобода предполагает два условия: 1) познание закономерной необходимости и 2) возможность планомерного использования этой необходимости для наших целей. То обстоятельство, что цели эти необходимо обусловлены нашей психофизической природой (являющейся продуктом как физического нашего развития, так и развития общества, составной частью которого мы являемся), ничего не меняет в том факте, что действительная свобода имеется каждый раз, когда познанная необходимость может быть использована для столь же необходимо обусловленных наших целей. Ибо свобода есть не что иное, как совпадение обеих этих необходимостей.

Совпадение это иногда создается спонтанно, но в подавляющем большинстве случаев оно создается лишь в результате больших преобразовательных усилий, притом, усилий в двух направлениях. Я говорю в двух направлениях, поскольку во взаимоотношениях между человеком и его природным и общественным окружением идут два процесса. Один — направленный на преобразование внешней природы и — революционное или эволюционное — преобразование общественных условий; а на ряду с этим идет обратный процесс — переделки, воспитания, приспособления и преобразования человеческого материала для приведения его в соответствие с требованиями развивающихся природы и общества.[1] Здесь идет процесс двойной взаимной переделки, в результате которого через ряд конфликтов и кризисных расхождений прокладывает себе дорогу бесконечный процесс взаимного приспособления.

Цели, которые мы себе ставим, не в меньшей мере, чем все остальное определяются закономерными необходимостями. И так как наша собственная природа составляет часть развивающихся внешней природы и общественного целого, то здесь имеют место только временные и частичные разрывы, а не конститутивные и органические конфликты. Для отдельных людей и для отдельных классов конфликты внутренней необходимости (получающей свое выражение в исторически обусловленных целях) с внешней необходимостью природного и общественного развития, могут достигать значительной остроты. Для класса, корни которого в прошлом, для

[1] „Действуя на внешнюю природу и изменяя ее (человек), в то же время изменяет и свою собственную природу“ („Капитал“, т. I). „Вся история есть не более как постоянное изменение человеческой природы“ („Нищета философии“).

класса, пережившего себя, острота этого конфликта может быть исключительно напряженной. Для класса, представляющего ближайшее будущее, этот конфликт никогда не может достигнуть такой остроты. А чем ближе момент торжества класса — носителя будущего, тем полнее и всестороннее его свобода.

Марксистский детерминизм не отрицает целевой установки,[1] он только вскрывает закономерную необходимость самих целей. В этом марксистском детерминизме есть два аспекта. Один — аспект последующего об'яснения. Аспект этот не является единственным. Ибо революционный марксизм не только в последующем порядке об'ясняет исторические задачи, выдвинутые тем или иным классом, но и пытается активно воздействовать на самое определение целей класса, носителя будущего. Формулирование, выдвижение, активное установление целей, а не только об'яснение их в порядке последующего исторического анализа, не в меньшей мере составляет существо марксизма.

Как осуществляет марксизм эту активную свою задачу? Научным методом. Чтобы выдвинутые цели не были случайными, произвольными и утопическими, они должны отвечать исторически данной природе человека (а в классовом обществе — прогрессивного класса) в его живом взаимодействии с развивающейся природой и обществом. Но цели эти могут быть раскрыты и установлены только в результате научного анализа развивающихся природы, общества, класса. Научное установление целей (с одной стороны, установление целей, с другой,— научное установление их) — вот что характеризует одновременно и научную и революционную идеологию марксизма. Разве не в этом отличительная черта научного социализма в отличие от утопического? Разве не в том заключается величие исторического творения Маркса и Энгельса, что они поставили перед рабочим классом научно-сформулированные задачи, задачи выражающие и внутреннюю необходимость рабочего класса, так как он сложился в эпоху развитого капитализма, и внешнюю необходимость

[1] „Паук проделывает операции, сходные с действием ткача, а пчела может пристыдить постройкой своих восковых ячеек любого архитектора. Но есть нечто такое, что с самого начала отличает самого плохого архитектора от самой лучшей пчелы: человек прежде чем слепить ячейку из воска, уже построил ее в голове. В конце процесса труда получается результат, который в начале этого процесса существовал уже в представлении рабочего, существовал, так сказать, идеально. Человек не только изменяет формы вещества, данного природой, он воплощает также в этом веществе свою сознательную цель, которая, как закон, определяет его способ действия, и которой он должен подчинять волю... Во все продолжение труда (здесь) необходима целесообразная воля". Маркс., Капитал, т. I, стр. 127. Курсив наш).

Это справедливо в отношении всякой сознательной человеческой деятельности Но в отношении народного хозяйства в целом это приложимо только в условиях социализма.

развивающего материального мира (техника, производительные силы) и общественных отношений. Все величие исторической работы, проделанной марксизмом, заключается именно в том, что он на основе научного анализа этих двух сфер (которые только мысленно, а не в действительности можно разделять друг от друга) выдвинул перед рабочим классом научно-сформулированные задачи и указал тактические и организационные методы их осуществления. Если такое выдвижение научно-установленных целей можно назвать телеологическим, то такая „телеология" составляет сердцевину революционного марксизма.

Такая телеология вобрала в себя всю каузальную генетику, а не противостоит ей.

Если такая научная телеология стала утверждаться в рабочем движении со времени Маркса и Энгельса, когда рабочий класс только начал закладывать основы своих профессиональных и политических организаций, то насколько полнее такая научная телеология должна характеризовать строительство в период, когда пролетариат конституировал себя, как господствующий класс, утвердил свою диктатуру и овладел основными хозяйственными позициями. Если еще до социалистической революции научная телеология сумела пронизать рабочее движение, то насколько полнее это должно сказаться в послереволюционный период, когда пролетариат в невиданно широком масштабе непосредственно строит социализм.

Если капиталистическое народное хозяйство, являясь хозяйством неорганизованным, развиваясь стихийно, как целое — бессуб'ектно, а потому и не может иметь своих целей, то планомерно организованное социалистическое хозяйство, имеющее в лице пролетариата — сознательного руководителя национализированного хозяйства, — т.-е. своего суб'екта, вообще не может строиться иначе, как по типу „телеологическому". Неизбежность здесь телеологического типа развития должна быть очевидна. Вопрос может итти только о правильности и научности поставленных целей. Поэтому не ставить под сомнение возможность „телеологического" подхода нужно в наших условиях, а бороться за научную правильность самих целей. Надо элиминировать в них всякую случайность и произвольность, всякую оторванность от внешней и внутренней (класса руководителя) необходимости, подвергнуть их строжайшему научно-критическому анализу. Но делать это надо, одновременно утверждая правомерность самого научно-„телеологического" подхода.

* * *

Любопытно отметить, что известную возможность научного подхода к целям народного хозяйства (затея для капиталистического хозяйства в общем безнадежная) допускают и некоторые буржуазные экономисты теоретики; но они допускают ее только в очень

узких пределах. Так, на возможности научно-логической трактовки целевого подхода указывает Макс Вебер. Он говорит:

„Я могу каждому, кто обращается ко мне с суждением, содержащим известную оценку, сказать прежде всего следующее: мой дорогой, ты ошибаешься в том, чего ты сам собственно желаешь. Смотри: я беру твое суждение, заключающее в себе оценку, и диалектически его тебе расчленяю методами логики, чтобы свести его к последним аксиомам и показать тебе, что в нем заключаются такие возможные „последние“ суждения, типа оценок, которых ты совсем не видел, которые может быть друг с другом совсем не могут ужиться или могут ужиться лишь при помощи компромиссов и между которыми ты должен произвести выбор. Это — не эмпирическая, а логическая работа мысли. Однако, я могу пойти и дальше: если ты хочешь действовать согласно этому определенному и точно фиксированному суждению, заключающему в себе оценку, в интересах определенного долженствования, ты должен, основываясь на научном опыте, применять именно такие-то средства, с помощью которых ты можешь достигнуть твоей цели... Если эти средства тебе не подходят, ты должен произвести выбор между средствами и целью. И, наконец, я могу ему сказать: ты должен считаться с тем, что при использовании необходимых для реализации твоих целей таких-то средств, ты, как учит научный опыт, получишь еще и такие-то побочные результаты, которые не входили в твою задачу. Желательны ли тебе эти побочные результаты, да или нет? Вплоть до границы этого „да“ или „нет“ наука может руководить человеком, потому что все, что лежит по эту сторону, представляет собою вопрос, на который эмпирическая дисциплина или логика могут дать ответ, т.-е. являются чисто научными вопросами. Но само это „да“ или „нет“ вопросами науки уже не является, а вопросами совести(!) или суб'ективного вкуса(!), во всяком случае такими, ответы на которые лежат в другой сфере человеческого духа“.[1]

Если Макс Вебер прав, указывая на возможность научного характера приводимых им моментов нормативной постановки, то об'ем и границы научного обоснования он определяет в корне ложно. В отличие от марксизма он полагает, что ответ (положительный или отрицательный) на центральный вопрос о самой цели не может быть предметом научного рассмотрения, ибо самое содержание поставленной задачи ни в какой части не может быть выведено из научного познания. Насколько низко стоит он здесь в сравнении с марксизмом.

В отличие от Вебера Гольдшейд вводит и в определение самого материального содержания выдвинутых задач элементы точ-

[1] Max Weber, „Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, Bd. 132, S. 582—583; курсив наш.

ного научного обоснования. Он говорит: „Если отдельному лицу не могло бы быть доказано, почему для него более обязательна та или иная цель, то, наоборот, установление той цели, которую должно ставить себе общество, в соответствии с внутренним существом (!), является научной проблемой, поддающейся совершенно бесспорному разрешению, подобно всякому иному чисто эмпирическому вопросу. Общественный интерес, предпосылки для сохранения и повышения производительности представляют собой уже данные факты, которые нужно только раскрыть. Менее всего мы способны вести социальную политику без нормативной ее ориентировки, базирующейся на естественных науках; эта политика, если она даст себе отчет в своей истинной природе, может быть не чем иным, как экономией людей. Только в том случае, если описательная и нормативная экономическая наука расширит свои пределы и если будет признана одинаково научная правомерность как свободного от оценок анализа, так и оценивающего анализа, при строгом отграничении применения того и другого расцветет и наша практическая и наша теоретическая работа, что предохранит нас, вместе с тем, и от взаимного отчуждения науки и практики“.[1]

В такой сфере, как экономическая политика и хозяйственное планирование, как и в вопросах социальных движений вообще, нельзя избежать целевой установки. Эта целевая установка может быть включена либо нечленораздельно, некритически, случайно и неорганизованно; либо она может быть выдвинута сознательно на основе отчетливого научного подхода, как это сделал марксизм (научный социализм).

Проблески этого понимания проникают и в буржуазную науку.

„Если на ряду с описательным и каузальным изложением сущего не принимается во внимание должное — должное все-таки прокрадывается тайком через заднюю дверь, и уличные лозунги (даже будучи правым, буржуазный ученый не может не обнаружить своих буржуазных копыт. Л. Ш.) делаются конечными директивами народного хозяйства. Мы должны знать, на какие целевые предпосылки мы ориентируемся, когда оперируем понятием экономии, которое, в конце концов, является понятием типа оценки. Строить науку на непроверенных предпосылках всегда чрезвычайно опасно. Понятие народного благосостояния, которое теперь вновь стало часто применяться, есть не что иное, как общий лозунг (Schlagwort) в устах

[1] R. Goldscheid, „Die Produktivität der Volkswirtschaft“, S. 598.

Или в другом месте: „Следует строго различать рассмотрение вопроса, содержащее в себе оценку и свободное от нее; в этом я схожусь с проф. Вебером. Но нужно столь же безусловно признать, что на ряду с чисто каузально-описательной экономией имеет свое право на существование и нормативная экономия“ (ib. стр. 595).

Правильно же (монистически) сконструировать внутреннее соотношение обоих Гольдшейд, как видно из этой цитаты, не в состоянии.

„здравого смысла"— нечто весьма расплывчатое. Наука шагнула теперь достаточно далеко для того, чтобы мы уже не довольствовались такими совершенно недифференцированными идеалами. Что совершенно неотъемлемо для каждой теории и для всякой практической деятельности — это точно установленные нормы оценки. Без этого теория не сможет дать практике того, что практика по праву требует от теории. Если отсутствует точное представление задач, которые должно выполнять общественное хозяйство, то мы будем блуждать в темноте так же, как и в том случае, когда причинные зависимости хозяйственного механизма не исследованы с достаточной точностью".[1]

Если отбросить совершенно ложное понимание внутреннего соотношения „должного" и „сущего" и внеисторическую трактовку „должного", то в самом требовании научного обоснования этого „должного" есть правильное зерно.

Гольдшейд (к нему отчасти примыкает и Филиппович), однако, достаточно одинок в буржуазной экономии. И надо признать весьма показательным и характерным (и с точки зрения буржуазной политической экономии правильным), что она отрицает возможность выдвижения перед народным хозяйством научно сформулированных целей. Она не вообще отрицает возможность целевых установок (это стояло бы в кричащем противоречии с действительностью), но она отрицает их научность и общезначимость; она сводит их к произвольным субъективным оценкам, лишенным объективного и руководящего значения. Тем самым она деморализует всякую попытку серьезного целевого подхода к народному хозяйству, выполняя этим классово полезную функцию.

Лишая целевые установки всякого научного значения, она обескровливает и обесценивает их. Хотя она и прибегает для этого к сложному теоретико-познавательному и философскому маневру, но она стоит здесь твердо на капиталистической земле. На деле весь этот философский туман связан с весьма земной вещью: практической бесцельностью формулирования каких-либо задач в отношении хозяйства неорганизованного и бессубъектного, каким является капиталистическое народное хозяйство. Практическая безнадежность целевого подхода в рамках капиталистического народного хозяйства получает свое теоретическое выражение в философском и теоретико-познавательном выхолащивании всякого вообще целевого подхода. Эта операция проделывается на основе теоретического растления такого подхода и низведения его к рассыпанному множеству частных и субъективных оценок-эпизодов, не допускающих научной консолидации. Такая теоретическая компрометация целевой установки

[1] R. Goldscheid, „Die Produktivitätder Volkswirtschaft", S 595—596, курсив наш

капитализму жизненно необходима, ибо как без этого оправдать фактическое отсутствие даже самомалейшей целевой установки в монументальной громаде капиталистического народного хозяйства.

Исторически правы поэтому те буржуазные теоретики, которые сводят на-нет всякий целевой подход (хотя они и „забывают", что говорят только за капитализм). Историческую и классовую правду капитализма утверждают только они. И исторически неправы те белые вороны буржуазной экономии (вроде Гольшейда), которые пытаются в рамках капитализма утвердить научно-целевой подход к народному хозяйству. Затея эта — пустое дон-кихотство. Эти потуги не имеют никакого реального значения, если они не перерастают в протест против самого типа капиталистического хозяйства.

Если бы гольдшейдовские ростки развернулись в последовательную критику капитализма, в революционное противопоставление требований научной телеологии слепой стихийности и неорганизованного капиталистического народного хозяйства, то здоровое гольшейдовское зерно могло бы сыграть положительную теоретическую роль. Но если все это является лишь бессильными и жалкими поправочками к капитализму, то ценность их более, чем сомнительна. Во всяком случае, надо сказать, что правильнее понимают тка питалистическую действительность те, кто отрицает самую возможность научно-телеологического подхода к капиталистическому народному хозяйству.

* * *

Все это касается буржуазных экономистов Запада. Но что сказать о тех,— близких нам,— советских экономистах, которые ухитрились после социалистической революции и в условиях окрепшей советской экономики отрицать правомерность научно-„телеологического" подхода к нашему народному хозяйству?

Или может быть об этом лучше ничего не сказать.

IX. От задания к проектировкам

Прежде чем произвести наш экскурс в область телеологии и генетики, мы оборвали изложение на сводной программе требований, адресуемых народному хозяйству. Предположим, что эти требования сформулированы. После этого может начаться уже самая работа по планированию народного хозяйства. Сами эти требования намечены на данной стадии только предварительно и глазомерно. Вполне возможно, что они окажутся непосильными для народного хозяйства или, наоборот, недооценивающими его возможности. Поскольку требования эти сформулированы пока лишь предварительно и ориентировочно, тут возможен и недолет и перелет. Лишь в результате составления разработанного хозяйственного плана выяс-

нится в точности, что на деле может дать народное хозяйство в смысле осуществления заданной программы. Когда выяснятся реальные возможности народного хозяйства, самые задания неизбежно будут прокорректированы. Если они отставали от фактических возможностей народного хозяйства, они будут расширены. Если они переоценивали реальные силы народного хозяйства, они будут снижены, при чем такое изменение неизбежно повлечет за собой изменение пропорций и перегруппировку в задачах, входящих в состав сводной программы. Поэтому по завершении первого наброска перспективного хозяйственного плана самые задания должны будут претерпеть известные изменения. А это, в свою очередь, вызовет и соответственную корректировку самого перспективного плана, пока оба не придут в необходимое соответствие.

Таково рабочее соотношение между программой требований к народному хозяйству и перспективным планом. Как же, однако, пойдет самая выработка перспективного плана? Предположим, что задачи, которые перспективный план должен решить, намечены, что исходные точки для перспективного плана, как они даны в наличном хозяйственном положении, определены. Теперь должен быть намечен путь, каким строящееся хозяйство пойдет от исходного своего положения к решению поставленных задач. Именно здесь и начинается сфера социально-инженерного конструкторства,[1] которое должно составить (должно, но пока еще не составляет) сердцевину нашего хозяйственного планирования. Каким путем оно осуществляется?

Мы знаем динамику хозяйственного развития за истекшие годы; мы знаем конечные данные этого уже пройденного пути, являющиеся для перспективного плана исходными данными. Можно было бы в порядке экстраполяции и использования динамических коэфициентов нарисовать линии дальнейшего развития важнейших элементов народного хозяйства. Но в такой наметке мы рабски следовали бы за прошлым, лишь продолжали бы линию пройденного развития. Мы имели бы здесь рост народного хозяйства, но в старых соотношениях и при неизменных тенденциях в развитии структуры народного хозяйства. Ничего новаторского такой план в себе

[1] „Основные критерии, определяющие способы и размеры каждого отдельного производства, даны в характере, количестве и степени важности потребностей, которые могут быть удовлетворены только при помощи производства, в характере и количестве имеющихся в распоряжении хозяйства средств производства, в естественно предопределенных возможных комбинациях средств производства для изготовления различных продуктов и в данном уровне технического познания, т.-е. знания тех многочисленных возможностей комбинирования, которые намечают определенный путь для превращения средства производства в готовый продукт". H. Meyer, „Produktion", „Handwörterbuch der Staatwissenschaften" Bd. VI, 1925. S. 1110.

не заключал бы. О реконструкции здесь не было бы и речи. Привел ли бы такой перспективный план к решению поставленных перед народным хозяйством задач? Навряд ли. Встретились ли бы где-нибудь материальные результаты этого стихийного роста хозяйства с заданной программой? Только совершенно случайно это могло бы произойти. Элементов социалистического планирования в таком подходе не было бы никаких. В сущности, даже прогноза здесь не было бы, ибо и прогноз не может отвлечься от неизбежности структурных изменений. Поэтому такой метод означал бы, что угодно, только не метод планирования. Это был бы хвостизм, проектированный в будущее.

А если двигаться обратным путем, от поставленной задачи к ее предпосылкам, идя назад от звена к звену, к последовательным техническим условиям заданного конечного эффекта? Чтобы обеспечить обороноспособность страны, нам нужно обеспечить такое-то материально-техническое снабжение. Чтобы решить гуманистическую задачу, нам нужны такие-то условия труда и быта, такая-то конечная продукция. Для того чтобы их обеспечить, производственный аппарат должен быть построен так-то и так-то. И этот путь последовательных технических условий был бы прослежен звено за звеном в направлении к исходным данным, с которых начинается наше строительство. Что имели бы мы в этом случае? Такой технический анализ заданной программы легко мог бы привести нас к таким условно-выведенным предпосылкам, которых нет в действительности. Поэтому сам по себе и этот метод (по крайней мере, как единственный) не решает задачи перспективного планирования. Очевидно, что ни механическое продолжение в будущее линии прошлого развития, ни односторонний анализ технических предпосылок выдвинутых заданий не обеспечивают сами по себе решения задачи. Очевидно, что на основе использования обоих этих методов, где-то на полпути между первым и вторым должна развернуться творческая работа технического комбинаторства и инженерного конструкторства. В зависимости от того или другого комбинирования наличных ресурсов, от той или другой перегруппировки их, от смелых преобразований в использовании исходных материалов, заданная программа может быть осуществлена или нет. Будет ли она осуществлена или нет, зависит не только от самого задания и не только от исходных материалов, но и от удачности, а может быть и гениальности проекта, от технической квалификации людского материала, который будет программу осуществлять, от культуры его, от его энтузиазма, от напряжения и выдержки, от тщательности работы, от хозяйственности. При тех же исходных материальных ресурсах эффект может получиться совершенно различный в зависимости от правильности конструкторского замысла и от культуры миллионов, работающих над выполнением его. Поэтому, как наперед ответить на вопрос, какое задание, вообще говоря, посильно при

данных материальных ресурсах? Посильность эта есть функция не только материальных ресурсов, но и инженерной и организаторской конструкции и личного фактора миллионов участвующих в строительстве. И трудно сказать, не принадлежит ли в наших условиях перевес именно последним. А между тем, возможности этих двух факторов весьма эластичны. Поэтому ни при каком утвержденном проекте (даже самом что ни на есть оптимальном) нельзя считать исключенным, что какая-либо более удачная инженерная конструкция или более рациональная организация дела позволит полнее использовать наличные материальные и человеческие ресурсы и обеспечит более высокий эффект по линии всех трех или только некоторых из задач нашего народного хозяйства. Вопрос этот есть вопрос факта. Он решается единственно только сравнением фактически предложенных народнохозяйственных проектов, реалистически разработанных и тщательно рассчитанных. Поэтому было бы правильно, чтобы над нашими перспективными планами работало несколько социально-инженерных групп, из которых каждая была бы об'единена определенной рабочей гипотезой и конструкторским замыслом, поставленными на службу выдвинутых партией задач. Это позволило бы нам иметь в итоге несколько проектов, конкурирующих между собой. На основе наличия таких проектов плановые органы должны были бы решить, какой из них наиболее полно и надежно решает поставленные партией перед народным хозяйством задачи.

X. Производительность и целесоответствие

Мы утвердили целевой подход к нашему хозяйству и установили необходимость инженерного подхода к народнохозяйственным проектировкам. Какой отсюда вытекает вывод для нашей проблемы производительности народного хозяйства? В сущности один: в отношении нашего хозяйства проблема эта в старой ее постановке (как она ставилась на протяжении столетия) вообще отпадает.

В прежних (буржуазных) трактовках этого вопроса продуктивность народного хозяйства понималась, как продуктивность, имманентная самому хозяйству, как органическая его способность стихийно давать определенный эффект, как спонтанное выявление чего-то внутренне в нем самом заложенного, чего-то с естественно-научной необходимостью из него рождающегося. Мы имели в понятии продуктивности нечто аналогичное чуть ли не понятиям теплотворности, калорийности, т.-е. понятиям, выражающим имманентную способность вещества давать определенный эффект. Это старое понимание продуктивности народного хозяйства (и связанных с ним понятий национального дохода и национального имущества, соотношение которых близко понятию производительности народного хозяйства) оказалось бесплодным и в отношении капиталистического хозяйства. Весьма показательны в этом отношении итоги вековой дискуссии на эти темы, подведенные самими буржуазными экономистами. Я приведу только несколько наиболее ярких выводов, сделанных современными немецкими экономистами.

„Результаты дискуссии показали, что удовлетворительная реконструкция понятия производительности и достаточно отчетливая его формулировка являются еще делом будущего (после столетней-то дискуссии! Л. Ш.). Вообще сомнительно, может ли это понятие претендовать на то, чтобы дальше применяться к науке“ (O. Neurath, „Die Produktivität der Volkswirtschaft“, S. 599).

Мы имеем перед собою „понятие, которое в этом отношении является одним из наихудших, и вместо того, чтобы, как оно этого заслуживает, предать его забвению, стараются спасти его“ (Max Weber, ib., S. 583).

„Выявились результаты, удивившие неосведомленных лиц, но не слишком неожиданные для знатоков истории нашей науки: понятие, занимающее центральное положение в науке и являющееся для нее, повидимому, фундаментальным оказывается крайне невыясненным и неопределенным“ (Salz, ib., S. 592).

„Мы должны... отказаться от всякой попытки определить понятие количественной продуктивности народного хозяйства. В лучшем случае мы можем указать на некоторые симптомы, на основании которых мы затем можем вывести заключение об известной продуктивности народного хозяйства. Но найти что-либо большее, чем симптомы, никогда не удастся. В виду этого, следовало бы отказаться от всяких попыток дать количественное выражение хозяйственной продуктивности“ (K. Diehl, „Theoretishe Nationalökonomie“, Bd. II, S. 27—28).

И то же в отношении понятий и данных о национальном имуществе и доходе, соотношение которых вплотную подводит к понятию производительности народного хозяйства („способности“ национального имущества „давать“ тот или иной национальный доход).

„Ни одно понятие не заслуживает больше труда, чем та полезная работа, которую это понятие совершает, а эта польза в случае понятия национального дохода крайне незначительна“ (Schuster, „Volkseinkommen u. Volksvermögen, в „Schriften des Vereins für. Sozialpolitik“, Bd. 173, S. 14).

„Возможность использования и продуктивность исчислений национального дохода свелись к нулю“ (Schuster, „Das Einkommen“, 1926, S. 113).

„Результат, к которому я прихожу, не слишком отрадный, так как мы должны подвести тот итог... что именно там, где с национальным имуществом и национальным доходом... связаны самые интересные и для экономиста важнейшие вопросы... мы не

можем предложить необходимого понятия" (K. Diehl, „Schriften des Vereins für Sozialpolitik." Bd. 173, S. 12),

Таковы итоги в отношении капиталистического хозяйства. Еще менее старое понятие производительности может быть использовано в нашей хозяйственной системе (хотя и по другим причинам, чем в условиях капитализма). Там оно было неприложимо, ибо капиталистическому хозяйству „имманентен" только критерий рентабельности; но это критерий не народнохозяйственный, а частнохозяйственный. Установить же народнохозяйственный критерий капитализму вообще не дано. К нашему хозяйству оно неприложимо не потому, что наша хозяйственная система не допускает народнохозяйственного критерия, а потому, что тип этого народнохозяйственного критерия должен быть отличным от старого понятия имманентной производительности.

Наше хозяйство имеет свои задачи. Эти задачи в известном смысле привнесены ему извне, хотя они и определяются уровнем самого хозяйственного развития. Это либо гуманистические задачи, либо социально-политические задачи, либо военные задачи. Старому понятию имманентной продуктивности народного хозяйства в наших условиях противостоит поэтому понятие соответствия эффекта народного хозяйства поставленным перед ним задачам. Производительность здесь не имманентная, а телеологическая. Здесь речь идет о большем или меньшем целесоответствии народнохозяйственных результатов.[1]

Производительность нашего народного хозяйства должна быть выражена в каких-то качественных показателях. Эти качественные показатели не могут быть найдены внутри самого народного хозяйства. Они могут быть выведены только из задач, перед ним поставленных. Только конкретный характер этих задач (исторически меняющийся) может определить, под каким углом зрения, по каким показателям мы должны оценивать эффективность народного хозяйства. Производительность одного и того же народного хозяйства с одними и теми же материальными результатами получит совершенно различное выражение в зависимости от того, какие задачи были перед ним (научно и реалистически) выдвинуты. При одних она может оказаться высокой, при других — низкой, при одних результаты целесоответственными, при других нет, несмотря на то, что материальные результаты оба раза одинаковы.

[1] „Народнохозяйственно продуктивным... является все, что обусловливает состояние, осуществление которого мы считаем задачей народного хозяйства." (P. H. Pesch, S. J. „Produktivität der Volkswirtshafts", Archiv f. Rechts-und Wirtschaftsphilosophie, Bd. IX, S. 330). Или „общее понятие продуктивности... может быть определено только чисто формально... продуктивной является всякая деятельность, приводящая к определенной цели. И таким же формальным... должен быть масштаб" (Sals, „Die Produktivität der Volkswirtschaft", S. 593).

Если в старой трактовке продуктивности искали естественного, имманентного измерителя, внутренне соответствующего самому народному хозяйству, то в нашей системе вместе с привнесенными целями мы будем иметь и привнесенный масштаб измерения. Мы измеряем эффективность народного хозяйства его приближением к поставленной задаче. Вне привнесенных задач нужное измерение вообще невозможно,[1] ибо однозначное измерение (не материальных только результатов, а производительности) возможно лишь в смысле соответствия этого эффекта задаче.

Но в нашей трактовке есть и другое отличие. Не только то, что эффект народного хозяйства берется здесь в отношении к поставленной задаче и измеряется не имманентно; но и то, что материальный эффект хозяйства стоит в зависимости не только от стихийных процессов хозяйства, но и от привнесенной в него инженерной конструкции. Мы исходим не из спонтанного роста народного хозяйства, а из способности инженерной конструкции, охватывающей народнохозяйственное целое, поднять коэфициент полезного действия данного народного хозяйства.

Заостряя особенности складывающегося у нас типа хозяйствования, можно сказать, что вопрос о продуктивности народного хозяйства в наших условиях постепенно перерастает в вопрос о степени целесоответствия той или другой из конкурирующих народнохозяйственных проектировок. Это перерастание выражает то принципиальное различие, которое имеется между стихийно развивающимся бессуб'ектным капиталистическим хозяйством и планомерно организуемым советским народным хозяйством, поставленным на службу социалистических целей.

От имманентной оценки (и измерения) к телеологической и от оценки производительности самого народного хозяйства к оценке степени целесоответствия народнохозяйственных проектов,— таковы два основных момента, отличающих социалистическую трактовку „проблемы производительности народного хозяйства" от досоциалистической.

[1] Это и приводит некоторых экономистов, не видящих возможности целевой установки в народном хозяйстве, к отрицанию самого понятия производительности. „Говорить о производительности народного хозяйства представляется внутренне противоречивым; производство происходит в народном хозяйстве и обусловливается народным хозяйством. Но оно никогда не происходит „при помощи" народного хозяйства таким образом, чтобы можно было самое народное хозяйство считать простым орудием производства" (v. Gottl-Ottlilienfeld, „Schriften des vereins für Sozialpolitik", Bd. 132, S. 576).

В. И. Зейлингер и Б. А. Гухман

К методике построения баланса народного хозяйства СССР[1]

Основной задачей является исследование процессов накопления, происходящих в отдельных сферах народного хозяйства (в отдельных группах предприятий и хозяйств, с подразделением их по социальным секторам), на основе данных о состоянии имущественных фондов к началу года (частью которых являются капиталы производственных предприятий), далее — годичного производства, распределения и перераспределения народного дохода между основными участниками производства и всеми прочими группами хозяйств и, наконец, непроизводственного потребления во всех его формах и видах. Процесс образования доходов, их распределения и перераспределения рассматривается здесь лишь, как звено в едином, внутренне связанном процессе воспроизводства.[2]

Это исследование может быть произведено только путем законченного анализа всего экономического оборота страны, т.-е. и производственных и непроизводственных предприятий и хозяйств. Тем самым основной дефиницией подлежащего этой схемы являются предприятия и хозяйства.

Современные государственные и кооперативные предприятия представляют собой, большей частью, сложные хозяйственные организмы с разнообразными производственными и вообще хозяйственными функциями. То же относится и к основной массе предприятий Союза — к крестьянским хозяйствам. Последние сплошь да рядом сочетают в себе не только сельскохозяйственное производство, но

[1] Окончание. См. „План. Хоз.," № 5 за 1928 г.

[2] „Экономисты много толковавшие и толкующие о недостаточном внимании классиков (и Маркса) к „распределению" и „потреблению", не смогли раз'яснить ни на иоту самых основных вопросов „распределения" и „потребления", это и понятно, так как нельзя и толковать о „потреблении", не поняв процесса воспроизводства всего общественного капитала и возмещения отдельных составных частей общественного продукта. На этом примере подтвердилось еще раз, как нелепо выделять „распределение" и „потребление", как какие-то самостоятельные отделы науки, соответствующие каким-то самостоятельным процессам и явлениям хозяйственной жизни... Вопрос о „национальном доходе" и о „национальном потреблении", абсолютно неразрешимый при самостоятельной постановке этого вопроса и плодивший только схоластические рассуждения, дефиниции и классификации, — оказывается вполне разрешенным, когда проанализирован процесс производства всего общественного капитала" („Ленин," Собр. сочинений, т. IV, стр. 36—37).

и так называемые, промысла, ремесленно-кустарное производство, торговую деятельность, отпуск рабочей силы на фабрики и заводы, в строительство и т. д. Согласно известному определению В. Г. Громана, крестьянское хозяйство есть не что иное, как „совокупность владений, предприятий и занятий лиц, связанных общим или частичным бюджетом потребления".

Табл. 2 должна быть построена таким образом, чтобы обеспечить возможность детального анализа этих разнообразных производственных и хозяйственных функций в недрах сложных комбинированных предприятий. Достичь этого возможно следующим путем: в пределах групп предприятий и хозяйств выделяются отдельные технико-производственные отрасли, выражающие те „чистые" производственные и хозяйственные функции, которые сочетаются в предприятии, как целостном хозяйственном организме. Таким образом, например, в крестьянских хозяйствах должны быть выделены сельскохозяйственное производство, как таковое, промышленное производство (ремесленно-кустарные промыслы), строительство, торговля и т. д. То же относится и к сложным комбинированным государственным и кооперативным предприятиям. Эти внутренние членения по технико-производственным отраслям не должны быть обязательно проведены по всем графам хозяйственного оборота соответствующих предприятий. Достаточно, если мы сможем расчленить по соответствующим „чистым" отраслям имеющиеся у нас данные о капиталах к началу и концу года и о продукции („валовой оборот", производственное потребление и чистая продукция).

Лишь табл. 2 позволяет нам достаточно всесторонне исследовать динамику отдельных социальных секторов, процессы накопления в них и всю совокупность факторов, относящихся к сфере производства, распределения и перераспределения, которые определяют как об'ем накопления, так и всю сложную систему взаимоотношений между секторами в процессе накопления. Если в табл. 1 это расчленение данных по социальным секторам возможно лишь в некоторых разделах, каковыми являются фонды к началу и концу года, продукция и потребление, то в табл. 2 членение по социальным секторам есть такой же основной принцип группировки хозяйства, как и группировка их по отраслям труда. В этой таблице расчленение по социальным секторам проводится не в сказуемом, а в подлежащем, что, таким образом, дает возможность построить замкнутый баланс хозяйственного оборота не только по каждой отрасли труда, но и по каждому социально-экономическому сектору. Тем самым она вскрывает полностью и весь баланс взаимоотношений между социальными секторами.

Выше, мы уже дали общую классификационную схему социальных секторов. Приводим ее здесь вновь: сектора 1) обобществленный с выделением: а) государственного хозяйства (без коммунального), б) коммунального, в) кооперативного; 2) государственно

капиталистический, в том числе концессионные предприятия 3) частно-капиталистический; 4) простой товарный; 5) полупролетарский.

Из изложенного выше о сложной хозяйственной структуре отдельных предприятий и хозяйств (как в технико-производственном, так и нередко в социальном отношении) с неизбежностью вытекает, что распределение их по отраслям труда может быть произведено лишь согласно принципу преимущественного направления их хозяйственной деятельности. Точно также распределение их по социальным секторам может быть произведено лишь по принципу преобладания в них социально-экономических признаков того или другого сектора.

Исследование ведется по следующим основным разделам: 1) Народное богатство (в его материальном выражении) в пользовании отдельных хозяйств к началу года. 2) Межхозяйственные имущественные связи к началу года. Общий итог материальных фондов, находящихся в пользовании отдельных хозяйств, сложенный с положительным или отрицательным сальдо по межхозяйственным имущественным связям, определяет общий размер имущества, находящегося в распоряжении отдельных групп предприятий или хозяйств. 3) Продукция и народный доход. 4) Распределение народного дохода между непосредственными участниками производства (основные доходы). 5) Внутреннее (в пределах СССР) перераспределение народного дохода и фондов. 6) Внешнее (по расчетам с заграницей) перераспределение народного дохода и фондов. 7) Непроизводственное потребление. 8) Потери. 9) Народное богатство к концу года. 10) Межхозяйственные имущественные связи к концу года. Эти основные разделы дают все элементы, необходимые для построения балансового уравнения имущественного оборота в народном хозяйстве.

Исследование начинается с определения общих размеров к началу года народного богатства страны (в его материальном выражении) и распределения его (по признаку пользования) между отдельными группами предприятий и хозяйств. В основу распределения должен быть положен именно признак пользования, так как лишь таким образом мы получаем возможность изучить экономические зависимости между капиталообеспеченностью и имущественной обеспеченностью той или другой хозяйственной группы, с одной стороны, и об'емом ее хозяйственной деятельности — с другой. То же приходится сказать относительно связи между фактической обеспеченностью потребительскими фондами и воспроизводством рабочей силы.

В табл. 1 народное богатство распределялось в подлежащем по конкретным группам продуктов. Основные разделы соответствующей технико-производственной группировки должны быть сохранены и в сказуемом табл 2. Это вполне соответствует основной познавательной задаче табл. 2, так как процессы производства и воспроизводства в отдельных хозяйственных сферах зависят не только от общего размера материальных фондов, которыми они располагают на протяжении периода своей хозяйственной деятельности, но в значительной степени и от технико-производственной и экономической структуры этих фондов.

Тем самым обосновывается следующая группировка народного богатства (материальных фондов):

А. Производственные фонды.

1. Основные:
   а) здания, сооружения, насаждения; б) оборудование; в) скот.
2. Оборотные фонды.

Б. Потребительские фонды.

1. Основные фонды (предметы длительного пользования) в том числе жилищный фонд.
2. Прочая движимость.

В. Товарные запасы (у производителей и в каналах обращения).

1. Средства производства.
2. Средства потребления.

Г. Деньги (в монете и слитках).

За пределами этого первого раздела балансовой схемы остается земельный фонд (по условной оценке). Хотя земельный фонд и не подлежит в наших условиях купле-продаже, но это не мешает ему состоять в общем хозяйственном обороте страны и переходить от одних групп хозяйств к другим либо в порядке аренды, либо в порядке государственного перераспределения. Нечего и говорить о том, какое значение имеет исследование распределения наличного земельного фонда, в особенности между отдельными группами сельскохозяйственных предприятий (по социальным секторам), точно так же, как и процесса перераспределения земельного фонда (безусловного и условного), которое осуществилось на протяжении исследуемого периода.

Что касается основных производственных фондов, то в балансе они проводятся по их реальной современной оценке, с учетом износа к началу и к концу периода. Большое экономическое значение имеет и восстановительная оценка производственных фондов. Соответствующая величина, во всяком случае, является исходной для исчисления годового износа основных фондов.

Следующий раздел сказуемого таблицы дает характеристику межхозяйственных имущественных связей к началу года. Эти связи имеют место, главным образом, между предприятиями и хозяйствами, функционирующими на территории СССР (включая концессионные), но отчасти и между предприятиями и хозяйствами СССР с заграницей. Указанные две категории межхозяйственных связей должны быть отчетливо разграничены как с точки зрения исследования наших экономических взаимоотношений с внешним миром, так и потому, что общий итог по народному хозяйству в целом первой группы величины, при правильном статистическом

определении их, обязательно сводится к нулю. Между тем, общий итог по второй группе даже для народного хозяйства в целом никогда не дает нуля, но ту или иную величину, характеризующую степень нашей хозяйственной зависимости от мирового рынка и иностранного капитала.

Основные виды межхозяйственных связей следующие. Инвестирование капитала в условиях СССР не имеет столь большого экономического значения, как в капиталистическом хозяйстве, но все же и у нас оно представляет довольно заметную величину. В этом подразделении мы определяем положительное или отрицательное сальдо между инвестированием капиталов той или другой группой предприятий в чужие хозяйства или обратно (сальдо по акциям и паям). Особенно интересны в наших условиях связи по капитало-инвестированию между государственной промышленностью и торговлей.

Следующим подразделением является сальдо по аренде имущества (кроме земли, поскольку все процессы распределения и перераспределения земельного фонда проходят за балансом), т.-е. положительная или отрицательная величина, характеризующая разницу между фондами, сданными и полученными в аренду. Это подразделение в наших условиях представляет собой особенно большой интерес при изучении, во-первых, имущественных фондов частной и концессионной промышленности капиталистического типа, которые в значительной степени являются собственностью государства; далее, большой экономический интерес представляет аренда торговых и складочных помещений, наконец, аренда жилищ.

Третье подразделение характеризует собой положительное или отрицательное сальдо по денежному и товарному кредиту (долгосрочному и краткосрочному). В особенности, большой экономический интерес представляют в данном случае связи с органами перераспределения народного дохода, в частности, с государственной и кооперативной кредитной системой.

К этому же подразделению мы считаем возможным отнести положительное или отрицательное сальдо имущественных взаимоотношений, вытекающих из эмиссии бумажных денежных знаков. По балансу соответствующих эмиссионных учреждений (Госбанка и фиска) сумма денежных знаков, находящихся в обращении, должна значиться в этом подразделении по пассиву и, наоборот, сумма бумажных денежных знаков, находящихся в кассах отдельных предприятий и хозяйств, — в активе их баланса. Аналогичные подразделения должны быть проведены и по разделу имущественных связей с заграницей, при чем сальдо интервалютных отношений определяется как разница между иностранной валютой, находящейся в кассах хозяйственных предприятий СССР, и бумажной валютой СССР, находящейся за границей.

Суммируя общий итог материальной части имущественных фондов, находящихся в пользовании отдельных групп предприятий и

хозяйств, с общим сальдо межхозяйственных имущественных связей, мы определяем общий размер имущества, принадлежащего соответствующей группе хозяйств.

Эта величина должна быть отправной точкой дальнейшего анализа. Следующие за ней разделы сказуемого характеризуют основные статьи имущественного оборота в народном хозяйстве, определяющие размер, темпы и формы накопления и потребления.

Само собой разумеется, что основным источником как накопления, так и потребления является материальное производство страны. Поэтому исследование должно начаться с определения размеров как материальной продукции страны за год, так и производственного потребления, что является необходимым условием для исчисления чистой продукции страны (народного дохода в его реальном выражении).

Анализ начинается с определения суммы так называемого „валового оборота“ производственных отраслей. Итог „валового оборота“ как по отдельным группам предприятий, так и по народному хозяйству в целом, имеет, конечно, условное значение. Реальной величиной является итог чистой продукции, получаемый на основе дальнейших исчислений.

Специального раз'яснения требует понятие „валового оборота“ в применении к транспорту и торговле. Под „валовым оборотом“ транспорта мы понимаем общую оценку произведенных им услуг по перевозкам товаров, т.-е. как общий доход от перевозки грузов, так и условно исчисленный доход по хозяйственным перевозкам для нужд самого транспорта. Под „валовым оборотом“ торговли (в отличие от обычной терминологии) мы условно понимаем общую величину торговых накидок, взятую, как разница между суммой продажных цен товаров, реализованных на протяжении года торговыми предприятиями страны и совокупной оценкой их по себестоимости для торговых предприятий (с исключением транспортных расходов по доставке товаров на склад торговых предприятий).

Для определения чистой продукции страны необходимо из общей суммы „валового оборота“ вычесть сумму материальных издержек производства.

К числу их относится, прежде всего, износ основных фондов. Нормы износа должны учесть вероятную продолжительность службы отдельных категорий основного капитала, максимально приближаясь в этом отношении к средней действительной продолжительности службы, обусловленной всей совокупностью как технических, так и общеэкономических условий функционирования основного капитала в данной стране. Другими словами, износ должен включать не только технический износ в собственном смысле слова, но и так называемый „моральный“ износ, определенный, однако, не на основании калькуляций тех или других отдельных предприятий, а на основании об'ективных показателей, свидетельствующих о средней действительной продолжительности службы основных фондов.

Износ надлежит исчислять, исходя из восстановительной стоимости основных фондов, за вычетом стоимости их к моменту ликвидации. Мы при этом должны подчеркнуть, что получаемая таким образом величина износа в народнохозяйственном его значении может быть больше или меньше конкретно производимых в том или другом году бухгалтерских амортизационных отчислений. Само собой разумеется, что при исчислении износа принимается во внимание и нормально производимый текущий ремонт. С этой точки зрения, искусственно раздутые величины так называемого текущего ремонта, какие имели место в предшествующие годы в практике наших хозяйственных организаций, конечно, должны быть тщательно прокорректированы.

Далее, к издержкам производств следует отнести общую стоимость по ценам фактического приобретения (с доставкой) потребленного в производстве топлива, энергии, сырья, вспомогательных материалов; наконец, все прочие материальные производственные расходы, как освещение, текуший ремонт (но лишь в пределах необходимой годичной нормы) и т. д. Элементы капитального ремонта, создающие улучшения в основных производственных фондах, амортизирующиеся на протяжении не одного, а нескольких производственных циклов, не могут включаться в категорию текущего ремонта.

В результате указанных исчислений выделяется чистая продукция или народный доход, т.-е. ценность, вновь созданная в результате производственной деятельности данного года. Совокупная величина чистой продукции страны за год и представляет собой тот общий фонд, которым питается как народное хозяйство в целом, так и непроизводственная его „надстройка“, и который, вместе с тем, является общим фондом накопления страны за год во всех его видах и формах.

Точное определение этой величины является необходимой предпосылкой всех дальнейших исследований в области экономического оборота страны в целом, т.-е. процессов распределения и перераспределения народного дохода, потребления, оборота ценностей с иностранными государствами и, наконец, накопления.

В первую очередь должно быть исследовано распределение народного дохода между непосредственными участниками производства, т.-е. должна быть определена величина основных доходов в их конкретном социально-классовом расчленении. Прежде всего, это заработная плата производственных рабочих и служащих. Соответствующие величины зарплаты разносятся нами по тем строкам подлежащего, где они представляют собой ценность, поступившую в распоряжение соответствующих хозяйств. Прежде всего, это, конечно, потребительские хозяйства пролетариата, занятого в производственных отраслях труда. Однако, нередко бывает и так, что большие или меньшие суммы заработной платы попадают в распоряжение хозяйств, не вполне пролетаризировавшихся. Особенное значение в данном случае имеет крестьянское

хозяйство, которое нередко отпускает рабочую силу для найма в промышленности, в строительстве, в других сел.-хоз. предприятиях и т. д. В виду того что мы анализируем бюджет предприятий и хозяйств в целом, учитывая всю их сложную социально-экономическую структуру и все разнообразие реальных источников их дохода, определенные суммы поступлений по заработной плате неизбежно будут проходить и по тем группам предприятий и хозяйств, которые по основным определяющим их признакам должны быть отнесены к категории самостоятельных производителей, полупролетарских или даже капиталистических хозяйств.

Вычтя общую сумму заработной платы, выплаченную данной категорией предприятий и хозяйств занятым у них в производстве рабочим и служащим, мы получим некоторую величину, которую мы условно называем „доходом предприятий“ в широком смысле слова. Этот фонд является источником как личного потребления владельцев предприятий, так и внутрихозяйственного накопления.

Само собой разумеется, что эта общая величина скрывает различные социально-экономические категории дохода, на которые она поэтому и должна быть немедленно разложена.

Учитывая экономические условия СССР, мы считаем необходимым наметить следующие три основных подразделения этой общей условной величины: 1) доходы обобществленного сектора (государственных, коммунальных и кооперативных предприятий); 2) доходы капиталистического сектора и, наконец, 3) доходы простых товаропроизводителей.

Таким образом, мы не считаем возможным статистически разграничить прибыль и ренту.

Согласно сказанному выше, вполне возможны в действительности такие случаи, когда одно и то же хозяйство в разных отраслях своей производственной деятельности получает доходы, которые должны квалифицироваться как неоднородные в социально-экономическом отношении. Так, например, крестьянин-производитель в порядке осуществления сельскохозяйственного промысла может получать доходы, относимые нами к категории доходов простых товаропроизводителей. С другой стороны, имея подсобные ремесленно-кустарные заведения он может играть в них роль капиталиста-предпринимателя и получать, таким образом, доходы капиталистического типа. Этим сложным формам распределения производственных доходов целиком удовлетворяет конструкция соответствующего раздела сказуемого табл. 2, которая предусматривает возможность получения одной и той же группой хозяйств в одно и то же время доходов как капиталистического, так и некапиталистического типа, в частности, даже заработной платы.

Закончив анализ структуры основных доходов мы, естественно, обращаемся к проблемам перераспределения народного дохода и фондов. Соответствующий раздел таблицы должен

нам показать, как основные производственные доходы перераспределились на протяжении года в народном хозяйстве, так, что создали фонды накопления и потребления не только для производственных, но и для непроизводственных предприятий и хозяйств и даже для хозяйств, стоящих вообще вне системы общественного труда. Этот раздел тем самым дает нам возможность вскрыть экономические процессы, которые в общем виде можно характеризовать, как процессы питания производственными отраслями труда всей непроизводственной общественной „надстройки". Наконец, он должен определить ту роль, какую играют основные органы перераспределения (фиск, кредитная и страховая системы) в регулировании не только потребления страны в целом, но и процессов ее накопления.

Эти сложные и разнообразные процессы перераспределения народного дохода разыгрываются частью между хозяйствами, функционирующими на территории СССР, частью между ними и предприятиями и организациями, входящими в состав „капиталистического окружения". Эти две категории перераспределения народного дохода должны быть исследованы раздельно по соображениям, изложенным уже нами выше, при анализе раздела „межхозяйственных имущественных связей".

Таким образом, раздел „перераспределения народного дохода и фондов" открывается исследованием процессов внутреннего перераспределения (в пределах СССР).

Основные формы и каналы этого перераспределения следующие:

1) Расчеты с органами перераспределения. На первом месте здесь фигурируют расчеты с фиском. С одной стороны — бюджетное финансирование во всех его видах и формах, с другой стороны — налоги и сборы, отчисления от прибылей и другие виды обязательных платежей фиску. На втором месте стоят обороты по расчетам с кредитной системой (проценты, полученные и выплаченные за кредит). Наконец, большое экономическое значение имеют обороты по расчетам с органами имущественного и личного страхования и, в особенности, с органами социального страхования. Общий итог поступлений и платежей по всем указанным видам перераспределения может представить для одних хозяйств положительную, для других — отрицательную величину, что ярко отразит результаты экономической политики в области регулирования процесов накопления в отдельных социально-экономических секторах.

2) Другой формой перераспределения являются все те случаи движения материальных ценностей между хозяйствами, которые связаны с куплей-продажей непроизводственных услуг (оплата пассажирского транспорта, оплата услуг социально-культурных учреждений и т. п.). В условиях советского хозяйства, непроизводственные услуги в значительно большем об'еме предоставляются безвозмездно, чем в хозяйствах капиталистических. В большинстве случаев эти непроизводственные услуги хозяйственно обеспечиваются в порядке

бюджетного финансирования соответствующих учреждений и предприятий, или финансирования их органами социального страхования. Все же и в наших условиях не редки случаи купли-продажи непроизводственных услуг, в особенности, что касается взаимоотношений с частно-капиталистическим или простым товарным сектором. Эти расчеты представляют собой либо заработную плату непроизводственных рабочих и служащих — полученную или выплаченную, — либо выручку и оплату, связанную с реализацией непроизводственных услуг предприятиями и учреждениями (включая и выручку лиц так называемых „либеральных профессий").

Упомянутые две основных формы перераспределения народного дохода имеют особое экономическое значение. Однако, возможны и разные другие виды перераспределения народного дохода и даже фондов — арендные платежи, дивиденды, связанные с инвестированием капитала в другие хозяйства и предприятия, безвозмездное перераспределение государством фондов госпромышленности между трестами и т. д., и т. д. Все это нами об'единяется в подразделении „прочие виды перераспределения народного дохода и фондов".

Так же, как в разделе „межхозяйственных имущественнх связей", все активные и пассивные статьи народнохозяйственного баланса в итоге по всем отраслям и секторам должны взаимно сальдироваться и приводить к нулю, точно так же все величины, проходящие в народнохозяйственном балансе в разделе „внутреннего перераспределения народного дохода", представляя для одних хозяйств дебетовые статьи, в то же самое время для других хозяйств являются статьями кредитовыми, что в итоге по всему народному хозяйству приводит к нулевому сальдо, если только исчисление статистически произведено правильно.

Следующий раздел характеризует хозяйственный оборот в области перераспределения народного дохода и фондов, который совершается между советским народным хозяйством в целом или в отдельных частях, и „капиталистическим окружением". В графе поступлений тут значится общая сумма выручки от доходов, полученных за год хозяйственными организациями и гражданами СССР за границей, а в графе платежей — общая сумма доходов, полученных за год иностранными организациями и гражданами в СССР. Таким образом, если перераспределение доходов между концессионными предприятиями и прочими хозяйственными организациями на территории СССР проводится по разделу „внутреннего перераспределения", то как дивиденды этих концессионных предприятий, так и заработная плата, полученная иностранными гражданами в СССР и переведенная на протяжении года за границу, проходят по разделу „внешнего перераспределения". В этом же разделе „внешнего перераспределения" должны проходить и так называемые потребительские переводы из-за границы в СССР и обратно. Само собой разумеется, что в этом разделе мы не получаем всего нашего платежного баланса

с заграницей, так как последний связан с процессом не только так называемого безусловного перераспределения доходов и фондов, но и с процессом перераспределения условного (инвестирования иностранных капиталов в СССР, прирост иностранных кредитов).

Следующие разделы табл. 2 характеризуют основные расходные статьи народнохозяйственного баланса. Во-первых, все материальное непроизводственное потребление (оплата услуг проходит по предшествующим разделам). Материальное непроизводственное потребление мы считаем нужным разделить на две категории: 1) потребление населения, состоящее из взноса жилищного фонда, находящегося в пользовании населения, и потребления продуктов (сельскохозяйственных и промышленных); 2) непроизводственное потребление предприятий и учреждений, главным образом, социально-культурных, административных и т. д., обычно именуемое в нашей статистической практике „коллективным потреблением". Последнее также разделяется на износ основных фондов, находящихся в пользовании этих предприятий и учреждений, и потребление продуктов сельского хозяйства и промышленности.

Следующей расходной статьей являются потери, т.-е. убыль материальных ценностей под влиянием причин стихийного характера. В эту категорию нужно ввести, конечно, только те случаи убыли материальных ценностей, которые выходят за пределы нормальной калькуляции промышленных, торговых и других предприятий (так как эти случаи „потерь" учитываются в составе производственных расходов).

Наконец, балансовая схема замыкается определением общего размера народного богатства к концу года, с теми же подразделениями, какие даны при характеристике состояния его к началу года, также определением общего об'ема и состава межхозяйственных имущественных связей к концу года.

Перечисленные выше звенья имущественного оборота страны дают нам возможность построить, прежде всего, следующее основное балансовое уравнение: общий размер имущества отдельных предприятий и хозяйств к началу года плюс сумма их основных расходов плюс сальдо (положительное или отрицательное) внутреннего перераспределения их доходов с другими хозяйственными сферами плюс сальдо (положительное или отрицательное) перераспределения их доходов и фондов с заграницей минус сумма их материального непроизводственного потребления минус потери,— определяют общий размер имущества к концу года.

Вместе с тем, сопоставление имущественных фондов к концу и к началу года дает нам возможность определить и общие размеры народнохозяйственного накопления. Эта величина получается путем вычитания из общей величины, характеризующей размер имущества к концу года, соответствующей величины к началу года. Так как межхозяйственные имущественные связи внутри страны в итоге по всему народному хозяйству сводятся к нулю, то определенная выше величина народнохозяйственного накопления включает тем самым в общем итоге по народному хозяйству лишь два слагаемых: во-первых, прирост материальных фондов, находящийся в пользовании отдельных предприятий и хозяйств и имевший место на протяжении года; во-вторых, прирост сальдо (положительного или отрицательного) по межхозяйственным имущественным связям с заграницей, т.-е. по инвестированию капиталов и по иностранным кредитам (долгосрочным и краткосрочным). В то же время в отношении отдельных групп предприятий и хозяйств эта же графа определяет размеры их частнохозяйственного накопления, с учетом прироста сальдо (положительного или отрицательного) по межхозяйственным и имущественным связям как внутри страны, так и за границей.

Другой результативной величиной является определение результатов условного перераспределения фондов. Эта величина определяется путем сравнения сальдо межхозяйственных имущественных связей: а) к концу и к началу года по кредиту, б) по инвестированию капиталов и в) по аренде. В свою очередь она разбивается на прирост сальдо (положительного или отрицательного) по межхозяйственным имущественным связям: а) с заграницей и б) внутри страны. Но последняя величина опять-таки в итоге по народному хозяйству в целом сводится к нулю, и лишь в отдельных строках подлежащего дает ту или другую положительную или отрицательную величину, характеризующую рост или уменьшение их имущественной зависимости от других групп предприятий и хозяйств. Наконец, балансовая схема II дает нам возможность построить общий итог нашего платежного баланса с заграницей. Последний складывается из двух слагаемых: во-первых, сальдо (положительного или отрицательного) поступлений и платежей заграницу в порядке безусловного перераспределения доходов и, во-вторых, из движения нашего сальдо по межхозяйственным связям с заграницей (т.-е. убыль или прирост сальдо дебиторов и кредиторов, а также сальдо по инвестированию капиталов).

Существенной особенностью балансовой схемы II является то, что она балансируется не только горизонтально, сводя все приходные и расходные статьи имущественного оборота в отдельных группах предприятий и хозяйств и по всему народному хозяйству в целом, но и вертикально, характеризуя тем самым все те сложные экономические зависимости и внутренние процессы передвижения материальных ценностей из одних хозяйств в другие, которые представляют, может быть, наибольший интерес в этой схеме. Как мы уже отмечали выше, вертикально балансируются, во-первых, итоги по межхозяйственным имущественным связям внутри страны, во-вторых, поступления и платежи по заработной плате производственных рабочих и служащих, в-третьих, все формы внутреннего перераспределения народного дохода и фондов.

Табл. 1 и 2, рассматриваемые как единая связанная система балансовых таблиц, отвечают основной задаче баланса народного

хозяйства — вскрыть условия его динамического равновесия, рассматривая хозяйственный оборот страны в целом, как единство процессов производства, распределения, перераспределения, обмена, потребления и накопления. Система этих таблиц дает возможность и осветить наиболее интересующие плановую мысль зависимости различных элементов народного хозяйства СССР. Разумеется, эти таблицы не дают еще исчерпывающего анализа межхозяйственных связей, так как в силу указанных выше причин они не построены по принципу всеобщей шахматной корреспонденции. Но статистическая реализация их, несомненно, даст возможность осветить целый ряд явлений народнохозяйственного процесса, которые до сих пор еще не поддавались конкретному анализу.

Таблица 1

Оборот общественного продукта

Подлежащее (группы продуктов) [1]

А. Продукты сельскохозяйственного происхождения.

I. Продукты растениеводства.
II. „ животноводства.
III. „ лесоводства.
IV. „ рыболовства, охоты и зверобойного промысла.

Б. Продукты добывающей промышленности.

V. Добывание и первичная обработка минералов.
VI. Топливная промышленность.
VII. Добыча руд.
VIII. Соляная промышленность.
IX. Производство физических сил и водоснабжение.
X. Минеральные воды и грязи.

В. Продукты обрабатывающей промышленности, перерабатывающей сырье с.-х. происхождения.

XI. Обработка дерева.
XII. Резиновая промышленность.
XIII. Пищевкусовая „
XIV. Кожевенно-меховая промышленность.
XV. Обработка твердых материалов животного происхождения.
XVI. Очистка хлопка.
XVII. Хлопчатобумажная промышленность.
XVIII. Шерстяная.
XIX. Размотка шелка.
XX. Обработка шелка.
XXI. Льнообрабатывающая промышленность.
XXII. Обработка пеньки и прочих смешанных волокнистых веществ.
XXIII. Одежда и туалет.
XXIV. Бумажная промышленность.

[1] В подлежащем, в пределах каждой отрасли (I—XXXI) проводится следующая группировка продуктов по признаку назначения: 1) элементы основных средств производства, 2) элементы оборотных средств производства, 3) средства потребления, 4) средства обороны. Внутри каждой из перечисленных групп выделяются отдельные продукты или группы продуктов.

Г. Продукты обрабатывающей промышленности, перерабатывающей сырье промышленного происхождения.

XXV. Обработка минераллов.
XXVI. Металлургия и металлообрабатывающая промышленность.
XXVII. Машиностроение.
XXVIII. Нефтеперегонка.

Д. Продукты обрабатывающей промышленности; перерабатывающей сырье смешанного происхождения.

XXIX. Химическая промышленнность.
XXX. Издательско-полиграфическая промышленность.
XXXI. Научно-художественная промышленость.
Итого (Б—Д).

Е. Продукты строительства.

А. Элементы основных средств производства.

1. Здания (производственного назначения.)
   а) сельскохозяйственные,
   б) промышленные,
   в) транспортные,
   г) торговые.
2. Сооружения:
   а) в сельском хозяйстве,
   б) в промышленности,
   в) в траспорте,
   г) прочие.

Б. Средства потребления.

1. Здания (непроизводственного назначения):
   а) жилые, б) общественного назначения.
2. Сооружения (по городскому благостройству).

В. Средства обороны.

1. Здания.
2. Сооружения.
Итого
ВСЕГО (А—Е).

Сказуемое

А. ПРИХОД.

I. Народное богатство к началу года:

1. Запасы у производителей.
   а) государственный сектор, б) коммунальный сектор, в) кооперативный сектор.
   Итого по обобществленному сектору.
   г) государственно-капиталистический сектор, в том числе концессионные предприятия, д) частно-капиталистический сектор, е) простой товарный сектор, ж) полупролетарский сектор.
   Итого
2. Запасы в каналах обращения.
   а) Торговля (подразделение по секторам).
   б) Транспорт (подразделение по секторам).
   Итого (подразделение по секторам).
3. Фонды производственных потребителей (основные и оборотные)
   а) сельское хозяйство (подразделение по секторам),
   б) промышленность (подразделение по секторам),
   в) строительство (подразделение по секторам),
   г) транспорт (подразделение по секторам),
   д) торговля (подразделение по секторам).
   Итого (подразделение по секторам).
4. Фонды потребительских хозяйств
   а) учреждения и общественные организации, б) население.

Земледельческое	Неземледельческое
В том числе:	В том числе:
1) капиталистические хозяйства,	1) капиталистические хозяйства,
2) простые товарные „	2) простые товарные „
3) полупролетарские „	3) полупролетарские „
4) пролетарские „	4) пролетарские „
5) прочие „	5) прочие „

Итого

Итого народного богатства к началу года.

II. Производство за год.

1) государственный сектор,
2) коммунальный „
3) кооперативный „
4) государственно-капиталистический сектор, в том числе концессионные предприятия,
5) частно-капиталистический сектор,
6) простой товарный,
7) полупролетарский.

Итого

III. Импорт.

Итого поступило в народное хозяйство (I + II + III)

IV. Прирост сумм цен в процессе обращения

1) транспорт; 2) торговля; 3) акцизы и пошлины

Итого

Итого поступило в народное хозяйство (по ценам потребления).

Б. РАСХОД.

I. Потребление.

1. Производственное:
   а) в сельском хозяйстве (подразделение по секторам),
   б) в промышленности (подразделение по секторам),
   в) в строительстве (подразделение по секторам),
   г) на транспорте (подразделение по секторам),
   д) в торговле (подразделение по секторам).

Итого (подразделение по секторам)

Производственное потребление дается раздельно:
1) При производстве средств производства,
2) „ „ „ потребления.

2. Непроизводственное.
   а) учреждений и общественных организаций,
   б) населения.

Земледельческого	Неземледельческого
В том числе:	В том числе:
а) капиталистических хозяйств,	а) капиталистических хозяйств,
б) простых товарных „	б) простых товарных „
в) полупролетарских „	в) полупролетарских „
г) пролетарских „	г) пролетарских „
д) прочих.	д) прочих „

III. Итого потреблено населением.

в) Итого непроизводственного потребления.

Всего потреблено.

II. Потери.

III. Экспорт.

IV. Народное богатство к концу года (в тех же подразделениях к началу года).

В. МАТЕРИАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ ЗА ГОД

(в тех же подразделениях, как и народное богатство).

Таблица 1а

Баланс реализации

Подлежащее (то же, что и в таблице 1)

Сказуемое [1]

Приход.	
I. Запасы в каналах обращения к началу года	
1) в торговле	1
2) на транспорте	2
Итого	3
II. Реализовано производителями	4
III. Реализовано из потребительских запасов	
1) Производственными потребителями	5
2) Потребительскими хозяйствами	6
Итого	7
IV. Импорт	8
Итого поступило	9
V. Прирост суммы цен в процессе обращения	
1. Транспорт	10
2. Торговля	11
3. Акцизы и пошлины	12
Итого	13
Итого поступило по ценам приобретения	14
Расход	
I. Приобретение	
1. Приобретено производственными потребителями	
а) сельским хозяйством	15
б) промышленностью	16
в) строительством	17
г) транспортом	18
д) связью	19
е) торговлей	20
Итого	21
2. Приобретено потребительскими хозяйствами	
а) учреждениями и общественными организациями	22
б) населением	23
В том числе:	
земледельческим	24
неземледельческим	25
Итого	26
Всего приобретено	27
II. Экспорт	28
III. Запасы в каналах обращения к концу года	
1. В торговле	29
2. На транспорте.	30
Итого	31

[1] В сказуемом проводится та же группировка по социальным секторам, как и в табл. 1.

Таблица 2

Имущественный оборот предприятий и хозяйств в народнохозяйственном целом

Подлежащее (группы хозяйств)[1]	
I. Производственные предприятия	
1) сельскохозяйственные (по главным отраслям),	
2) промышленные (по главным отраслям),	
а) крупной промышленности, б) мелкой,	
3) строительные,	
4) транспортные (по главным отраслям),	
5) предприятия связи,	
6) торговые предприятия.	
Всего (1—6).	
II. Непроизводственные предприятия и хозяйства	
1) жилищные предприятия (предприятия по эксплоатации жилищ),	
2) социально-культурные учреждения и предприятия,	
а) народное просвещение и искусство, б) здравоохранение и гигиена, в) социальное обеспечение,	
3) государственный плановый регулирующий и административный аппарат,	
4) общественно-политические организации,	
5) аппарат обороны (включая ГПУ и Осоавиахим).	
III. Потребительские хозяйства.	
А. Потребительские хозяйства пролетариата	
1) наемный персонал, занятый в производстве,	
а) в сельском хозяйстве, б) промышленности в) строительстве г) на транспорте;	
2) наемный персонал, занятый в непроизводственных отраслях (по главным отраслям);	
3) безработные;	
Б. Потребительские хозяйства проч. групп населения (вне системы общественного труда)	
1) состоящих на социальном обеспечении (кроме безработных)	
2) прочие.	
IV. Органы перераспределения народного дохода	
А. Фиск. Б. Кредитная система. В. Госстрах и проч. страховые организации. Г. Цустрах.	
V. Управления государственными земельными имуществам общего пользования	
Всего I—V	

[1] Группы хозяйств классифицируются по отраслям труда по признаку преимущественного направления своей хозяйственной деятельности.

В пределах отраслей труда группы хозяйств классифицируются по следующим социальным секторам: 1) обобществленный — а) государственный, б) коммунальный, в) кооперативный; 2) государственно-капиталистический, в том числе концессионные предприятия; 3) частно-капиталистический; 4) простой товарный; 5) полупролетарский; 6) пролетарский (для потребит. хозяйств пролетариата); 7) потребительсние хозяйства вне системы общественного труда.

Наконец, в пределах каждой отрасли и сектора выделяются том числе чистые технико-производственные отрасли (производства сел.-хоз., промышленное, строительство, транспорт и торговля). По этим строкам подлежащего заполняются лишь разделы, характеризующие производственные фонды и товарные запасы предприятий (гр. 1—6 и 11—13 сказуемого), а также раздел продукции и народного дохода (гр. 28—33 сказуемого) и соответственно к концу года (гр. 72—77 и 82—84).

Сказуемое	
I. Народное богатство (в пользовании отдельных хозяйств) к началу года	
А. Производственные фонды	1
1) основные (по современной оценке, включая незавершенное строительство).	2
Здания, сооружения, насаждения.	3
Оборудование.	4
Скот.	5
2) оборотные (топливо, сырье, полуфабрикаты, материалы).	6
Б. Потребительские фонды	7
1) основные фонды (предметы длительного пользования)	8
в том числе жилищный фонд	9
2) прочая движимость.	10
В. Товарные запасы	11
1) средства производства	12
2) предметы потребления	13
Г. Деньги (в монете и слитках)	14
Всего (народное богатство, без земли — А + Б + В + Г)	15
Сверх того, земельный фонд (по условной оценке) в пользовании отдельных хозяйств.	16
II. Межхозяйственные имущественные связи к началу года	
А. Внутренние (между предприятиями на территории СССР, включая концессионные)	17
1) сальдо по инвестированию капитала (сальдо акций и паев)	18
2) „ „ аренде имущества (кроме земли)	19
3) „ „ кредиту (денежн. и товарн., включая эмиссию бумажных денег)	20
В том числе: С кредитной системой	21
По эмиссии бумажных денег	21а
Б. Внешние (с иностранными организациями, кроме действующ. на территории Союза)	22
1) сальдо по инвестированию капитала	23
2) „ „ кредиту (денежному и товарному, включая бумажную валюту)	24
Общее сальдо (А + Б)	25
Сальдо по аренде земли	26
Все имущество (гр. 15 + гр. 25)	27
III. Продукция и народный доход	
А. Валовой оборот производственных отраслей	28
Б. Производственное потребление	29
1) износ основных фондов.	30
2) прочие материальные производ. расходы (кроме зарплаты)	31
В. Чистая продукция (народный доход)	32
В том числе заработная плата производственных рабочих и служащих	33
IV. Распределение народного дохода между непосредственными участниками производства (основные доходы).	
А. Заработная плата, полученная производственными рабочими и служащими	34
Б. Доход предприятия (гр. 32—33)	35
1) доход обобществленного сектора	36
2) доход капиталистического сектора	37
3) „ простых товаропроизводителей.	38
Всего (А + Б).	39
V. Внутреннее (в пределах СССР) перераспределение народного дохода и фондов.	
А. Расчеты с органами перераспределения	
1) Поступления по расчетам	40
с фиском	41
„ кредитной системой (%%% полученные)	42
„ Госстрахом	43
„ Цустрахом	44

2) Платежи по расчетам 45
с фиксом 46
„ кредитной системой (0/00/0 выплаченные) 47
„ Госстрахом 48
„ Цустрахом 49
Общее сальдо (поступлений и платежей) 50
Б. Расчеты, связанные с оборотом непроизводственных услуг 51
1) Поступления 52
Заработная плата непроизводственных рабочих и служащих 52а
Выручка учреждений и предприятий от реализации непроизводственных услуг 53
2) Платежи 54
Заработная плата, выплаченная непроизводственным рабочим и служащим 55
Оплата непроизводственных услуг предприятий и учреждений 56
Общее сальдо (поступлений и платежей) 57
В. Прочие виды перераспределения народного дохода и фондов 58
1) поступления
2) платежи и изъятия 59
Сальдо (поступлений и платежей) 60
Общее сальдо перераспределения (А + Б + В) 61
VI. Внешнее (по расчетам с заграницей) перераспределение народного дохода и фондов
1) поступления (по доходам, полученным гражданами и организациями СССР за границей) 62
2) платежи (по доходам, полученным иностранными гражданами и организациями в СССР) 63
Сальдо (поступлений и платежей) 64
VII. Потребление (непроизводственное)
А. Потребление населения 65
1) износ жилищ 66
2) потребление продуктов. 67
Б. Непроизводственное потребление предприятий и учреждений
1) износ основных фондов 68
2) потребление прочих продуктов 69
Всего (А + Б) 70
VIII. Потери (убыль материальных ценностей под влиянием причин стихийного характера) 71
IX. Народное богатство к концу года 72—87
X. Межхозяйственные имущественные связи к концу года 88—97
Всего имущества к концу года (IX—X) 98
XI. Накопление народного богатства вцелом с учетом расчетов с заграницей 99
В том числе накопление материальных фондов 100
XII. Прирост сальдо по межхозяйственным имущественным связям 101
XIII. Платежный баланс СССР с заграницей (гр. 64 + (22—95) — (сальдо) 102

Балансовые уравнения

1) основное уравнение: гр. 27 + 39 + 61 + 64 = 70 + 71 + 98.

2) баланс народного дохода, потребления и накопления (только по итогу народного хозяйства) гр. 32 = 70 + 71 + 99.

Кроме того, вертикально балансируются и сводятся к нулю (учитывая органы перераспределения народного дохода)

1) Сальдо по внутренним межхозяйственным имущественным связям к началу и к концу года, а именно по каждой из следующих граф сказуемого: 17, 18, 19, 20, 21, 21а, и соответственно 88, 89, 90, 91, 92, 92а.

2) Сальдо всех поступлений и платежей по расчетам с фиском (гр. 41 и 46), кредитной системы (гр. 42 и 47), Госстрахом (гр. 43 и 48), Цустрахом (гр. 44 и 49) и общее сальдо расчетов с органами перераспределения (гр. 50)

3) Сальдо всех поступлений и платежей по заработной плате производственных рабочих и служащих (гр. 34 и 33), заработной плате непроизводственных рабочих и служащих (гр. 52 и 55), реализации непроизводственных услуг (53 и 56).

З. М. Брейтер

Современная экономика Монгольской республики

Новый путь революционной Монголии

Монгольская народная республика насчитывает всего три с лишним года своего существования. Она была провозглашена Монгольским народным правительством (5/VI 1924 г.) после смерти „Многими Возведенного"— теократического монарха Автономной Монголии, [1] и затем этот акт был санкционирован Первым Великим Хуралданом 26 ноября того же 1924 года.

Однако, процесс высвобождения Монголии от внешних колонизаторских пут, задерживавших развитие ее народного хозяйства, фактически начался за много лет раньше, еще до революции 1911 г., приведшей к образованию так называемой Автономной Внешней Монголии.

Попавшая в период борьбы Советской России с сибирской контрреволюцией в фокус интриг и столкновений японо-китайско-белогвардейских интересов, Монголия в конце 1919 г. лишается своей автономии, и захватывается аньфуистским (японофильским) генералом Сюй-Шу-Чженом так называемым Маленьким Сюем. В начале 1921 г. Монголия захватывается белогвардейским диктатором бароном Унгерном, который намеревается превратить ее в плацдарм для борьбы за восстановление монархий в Китае, в России и тронов на Западе.

Все эти нашествия превратили Монголию в настоящий театр военных действий, которые тяжело отозвались на хозяйстве арата (пастуха). Бесчеловечно-жестокий диктаторский режим Унгерна, измена Богдо-хана и высшей интеллигенции, которые почти добровольно отказались от автономии (1919 г.), угроза восстановления аннулированных в 1911 г. ростовщических китайских долгов,— сделали свое дело и снова пробудили чувство национального протеста, застывшее после революции 1911 г. Пример Великой Октябрьской революции и присутствие Красной армии у границ Монголии толкнули монголов на активные действия. Образовав в марте 1921 г. временное народно-революционное правительство и обратившись за помощью к Советской России, монгольские повстанцы занимают Ургу (июнь 1921 г.) и прогоняют Унгерна. Продолжая борьбу с остатками белобандитов, революционное правительство независимой Монголии занимается полной реорганизацией национально-государственной жизни и ее демократизацией: оно отменяет феодальные привилегии и полукрепостную зависимость $^1/_3$ населения от феодалов и теократов, вводит

---

[1] После революции 1911 г. глава монгольской церкви Ургинский Богдо-Геген, по верованиям монгольских ламаитов, 8-й перерожденец одного из учеников Сакиа-Муни — святого Джебцзун-Дамба-Хутухты, был коронован Великим ханом под титулом „Многими Возведенного".

демократическое самоуправление и прочие политические реформы, которые в корне революционизировали социально-классовую базу центральной и местной власти. Затем оно принимается за чисто-хозяйственные мероприятия, как-то: улучшение ветеринарного, таможенного, налогового дела и т. п. реформы, которые имеют своей целью под'ем народного хозяйства и направление его на путь свободного и независимого развития.

По своим условиям производства (как природным, так и исторически-техническим) Монголия меньше всякой любой страны может вести замкнутое хозяйство и не прибегать к международному обмену. Это об'ясняется тем, что основой монгольского хозяйства является экстенсивное, почти первобытное скотоводство, при очень слабом развитии ремесел и промыслов и карликовом земледелии. Для иллюстрации сказанного достаточно привести следующие цифры национального богатства и дохода Монголии, исчисленные И. Майским во время экспедиции Центросоюза в 1919 — 20 гг. Из общей суммы национального богатства всей страны в 250 млн. дов. руб. на скот приходится 132 млн. руб., а общая сумма ежегодного валового национального дохода, равная 74,5 млн. руб., составляется из продуктов скотоводства (42,5 млн. руб.), валового прироста скота(14 млн. руб.), извозного промысла (10 млн. руб.), продуктов звероловства и др.— 8 млн. руб.[1]

При таком положении Монголия вынуждена производить обмен своего сырья (шерсти, кожсырья, мяса и т. п.) на пищевые и промтовары личного потребления, привозимые извне. Эта зависимость от импорта в значительной мере прочищала путь китайскому торговому капиталу, который своими хищническими торговыми барышами и ростовщическими процентами на кредит разорял монгольское хозяйство и задерживал культурное развитие населения.

Поэтому неудивительно, что экономическая установка новой Монголии в вопросе о путях развития народного хозяйства была с самого начала связана с торговой политикой, особенно внешней. Понимая, что коренное изменение или улучшение способов и форм хозяйства кочевого скотоводства, развитие своей промышленности или земледелия в широких размерах является процессом очень длительным, правительство обращает главное внимание на регулирование и направление внутренней и внешней торговли по такому пути, который содействовал бы развитию монгольского хозяйства. С первых же дней своего существования Министерство финансов организует сооветствующий аппарат—Монгольский народный кооператив (декабрь 1921 г.), который по словам докладчика о Монценкопе на I Великом Хуралдане „должен был бороться с засильем иностранных капиталистов путем поднятия народного хозяйства страны, закупок хороших и дешевых товаров, путем продажи сырья в первые руки, а также путем организации собственных предприятий для обработки монгольского сырья".

Определенные указания о направлении экономической политики и торговых путей мы находим в постановлениях I Великого Хуралдана и в тексте Монгольской конституции. Так, в п. 3 первого раздела ее имеется специальное постановление об аннулировании „задолженности частных лиц и учреждений иностранным ростовщикам, образовавшейся

[1] И. Майский, „Современная Монголия", стр. 230—231, Иркутск, 1921 г.

со времени иностранного господства на основе круговой поруки" (п. 3 в). В этом же пункте устанавливается сосредоточение в руках государства единой хозяйственной политики страны и введение государственной монополии внешней торговли, которую следует „ввести постепенно, по мере возможности" (п. 3г и примечание).[1]

В резолюциях по отчету Министерства финансов (Министерства народного хозяйства еще тогда не было), в которых эта общая линия конкретизируется и уточняется, мы читаем: „Сохраняя частнохозяйственные отношения и частную инициативу, Монгольская народная республика в то же время должна стоять за развитие начал государственного капитализма (концессия, аренда, кооперация и др.)".[2]

... „Одной из важнейших отраслей хозяйственной жизни Монголии считается торговля. От умелого урегулирования внешней и внутренней торговли, от правильной организации и сбыта населением продуктов своего производства и приобретения необходимых заграничных фабрикатов, от государственного урегулирования цен на продукты и товары и постепенного ослабления роли частного торгово-ростовщического капитала, наживающего пока что на этом деле огромные прибыли,— зависят судьбы дальнейшего развития хозяйства страны и укрепления самой Монгольской республики". Как вывод из этого положения предлагается „политика всемерного развития государственной и кооперативной торговли за счет ослабления частной путем свободной конкуренции в торговле", постепенное сосредоточение в руках государственной власти всей банково-кредитной политики, развитие ее и постепенное вытеснение частно-ростовщического капитала. „В области внешней торговли необходимо всю импортно-экспортную политику постепенно сосредоточить в руках государства" и... „по линии внешней торговли во взаимоотношениях Монголии с СССР нужно добиваться осуществления тесной смычки и взаимной поддержки".[3]

В этой же резолюции Монценкоп характеризуется как одна из „важнейших организаций по пути овладения государственной власти торгово-производственной жизнью страны".

Таким образом, центром хозяйственного регулирования на ближайший период является задача овладения торговлей, а основная задача последней, в свою очередь, заключается в реализации продуктов главного богатства страны—скототоводства—таким путем, чтобы на внешнем рынке получить полный импортный эквивалент, который не только удовлетворял бы личное потребление населения, но давал бы сверх того возможность оплодотворять хозяйство страны, улучшать его, расширять и развивать. Отсюда уже вытекает конкретная программа действий по государственному регулированию торговли — создание и развитие аппарата для овладения рынком и вытеснения из него частного капитала (иностранного и национального). С этой основной задачей связана политика не только изгнания торгового посредника-иностранца и других проводников империалистского влияния, как-то: иностранной валюты, иностранного кредитора, но и задача по созданию своей национальной валюты и собственных

[1] „Протоколы I Великого Хуралдана", бюллетень полпредства СССР, № 26, стр. 241—242, Улан-Батор-Хото, 1925 г.

[2] Там же, стр. 228.

[3] Там же, стр. 233—236.

кредитных учреждений. Этими задачами также об'ясняется взятая Монголией линия на постепенное, но твердое отклонение старых и в период гражданской войны (1917—20 гг.) снова укрепившихся торговых путей в направлении Китая — и стремление направить их в сторону дружественного СССР.

Указанные три взаимно связанные задачи являются, по нашему мнению, основными моментами нового пути развития республиканской Монголии.

Показатели развития хозяйства

Проследить, как развивались важнейшие отрасли народного хозяйства Монголии за все время ее независимого существования, едва ли представляется возможным. Первые годы после революции 1921 г., несмотря на наличие регулирующего и организующего момента в хозяйственной жизни, не могут быть показательными, так как они были годами гражданской войны, политических потрясений и хозяйственной разрухи. В эти годы производилась ломка прежнего феодально-теократического и закладывались начала нового государственно-управленческого аппарата как в центре, так и на местах. Помимо того, только в последние годы начинает вводиться учет, общая и таможенная статистика, которые и в настоящее время еще не могут представить точных данных. Достаточно для характеристики состояния учета в Монголии указать на то обстоятельство, что министр финансов Дорчжи Мейрен в своем докладе Великому Хуралдану (в ноябре 1924 г.) не дает цифры выгона скота и вывоза сырья, а на официальный запрос одного из делегатов отвечает: „Сведений о количестве экспортируемого за границу скота в Минфине нет". Поэтому нам придется ограничиться цифрами за последние несколько лет, хотя и не совсем точными, но все же достаточными для установления динамики монгольского народного хозяйства за последнее трехлетие.

Общее количество скота всех видов, по исчислениям И. Майского, составляло к моменту переписи 1918 г. около 13.000.000 голов. По отдельным видам это количество распределялось следующим образом: выравнять лошадей — 1.500.000, верблюдов — 300.000, крупного рогатого скота — 1.400.000, овец и коз — 9.500.000, а всего — 12.700.000 голов.

Согласно материалам переписей 1924 — 1926 гг., мы имеем дальнейшее заметное увеличение количества скота. Общее количество скота, если исходить из цифр последней переписи августа 1926 г., будет составлять в 1927 г. около 20.000.000 голов скота всех видов, что дает 55 с лишним процентов чистого прироста против 1918 г., т.-е. в „среднем", начиная с первой переписи 1918 г., до 7% в год.

В переводе на одну душу собственно-монгольского населения (кроме китайцев и европейцев) среднее количество скота дает также увеличение. Так, в 1918 г. мы имеем 12,7 млн. голов скота всех видов на 550 тыс. (приблиз.) монголов, т.-е. по 23,1 голов на душу населения, а в 1926 г.— 19,8 млн. голов на 690 тыс. монголов, т.-е. 28,5 голов на душу. Таким образом, можно бы считать увеличение дохода на 1 душу в 19%, если пренебречь тем обстоятельством, что в общее количество скота входят разные его виды, в разных пропорциях и соотношениях за разные годы.

Более правильное представление о действительном росте скота можно получить при приведении всего скота к общей „единице скота" — к „бодо", т.-е. податной единице, равной 1 голове крупного скота, или 10 баранам, или 1/2 верблюда.

В этом случае получается следующая картина движения скота:

1918 г.	3.404.998	бодо
1924 „	3.794.200	„
1925 „	4.363.800	„ [1]
1926 „	4.987.000	„

Последние два года дают ежегодное увеличение на 15%: 1925 г. против 1924 г., а 1926 г. против 1925 г. Этот прирост, во много раз превосходящий процент прироста, установленный Майским (3,5%), в значительной мере об'ясняется исключительно благоприятными условиями зимовки 1925/26 г. и в гораздо меньшей степени мероприятиями государственного характера. Это обстоятельство не ослабляет, однако, значения такого большого увеличения скота для дальнейшего роста народного хозяйства.

За отсутствием данных о движении национального богатства страны в целом, обратимся к импортно-экспортному рынку и общему торговому обороту страны.

И. Майский, на основании исчисленного им бюджета средне-монгольской семьи, устанавливает общую потребность Автономной Монголии в импортных товарах приблизительно в 18,8 млн. дов. рублей. Свободный экспортный фонд сырья и скота, которые „страна в состоянии отдать заграницe", он определяет в 13,6 млн. дов. руб. Прибавляя к этим цифрам потребление китайского и европейского населения (более 100.000 чел.) и погашение доходами от извоза и личного труда избытка импортной стоимости над экспортной, Майский заключает: „Таким образом, общий оборот внешней торговли Автономной Монголии достигает приблизительно 48—50 млн. руб. в год". [2]

На основании исчислений, произведенных над более точными (относительно) данными доходов от таможен, [3] движение товарооборота можно представить в следующем виде:

Торговые балансы за 1923—1926 гг.
(В млн. мексдолларов) [4]

Годы	Импорт	В %% к пред. году	Экспорт	В %% к пред. году	Общий оборот	В %% к пред. году	Актив + пассив —
1923	14,2	—	19,5	—	33,7	—	+ 5,3
1924	21,9	154,2	20.3	104,1	42.2	125,2	— 1,6
1925	24,7	112,8	23,8	112,3	48,5	114,9	— 0,9
1926	23,1	93,5	24,3	102,1	47,4	97,7	+ 1,2

[1] „Хозяйство Монголии", 1926 г. № 6, ст. Д. М., стр. 1, Улан-Батор-Хото.

[2] И. Майский, „Современная Монголия", стр. 184. Очевидно, автор под „общим оборотом внешней торговли" понимает не товарооборот в узком смысле слова, а платежный баланс. З. Б.

[3] См. журн. „Хозяйство Монголии", №№ 1—7, 1926 – 1927 гг. Методология разработана в № 1 в ст. Д. М.

[4] Мексдоллар равен, примерно, 1 черв. руб. За последние годы цена его сильно падала; так, в январе 1926 г. она равнялась 0,54 амер. долл., в январе 1927 г.—0,44 амер. долл. а в январе 1928 г.—0,45 амер. долл.

Эта табличка показывает резкий под'ем импорта в первые годы освобождения монгольского хозяйства от внутренних и внешних пут, который очевидно полностью исчерпал накопления за эти годы, и в дальнейшем проявляет уже тенденцию к временной стабилизации. В то же время она определенно говорит о менее резком, но неуклонном росте экспорта, который начинает превалировать над импортом и дает в 1926 г. активный баланс в 1,2 млн. мексдолларов.

Что касается изменений внутренней структуры торгового баланса за последние годы, то их можно видеть из следующей таблички, указывающей процентное соотношение между импортом и экспортом внутри суммы общего оборота.

Структура балансов (в %% к общему обороту)

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Экспорт	57,9	48,1	49,1	51,3
Импорт	42,1	51,9	50,9	48,7
	100,0	100,0	100,0	100,0

Эти цифры показывают, что экспорт проявляет тенденцию к увеличению, а импорт соответственно к уменьшению своей доли внутри общей суммы внешнего товарооборота. 1924 и 1925 гг., несмотря на то, что в общем они давали пассив — 1924 г. на 1,6 млн. мексдолл., а 1925 г. на 0,9 млн. мексдолл., были все же выражением стихийной тенденции монгольского хозяйства к выравниванию экспорта с импортом.

Однако, одни цифры торгового баланса еще недостаточны для характеристики состоянии народного хозяйства. Для этого необходимо остановиться на анализе движения цен и на соотношении цен на экспортные и импортные товары.

Не считая возможным приводить длинные ряды индексов, [1] ограничимся сравнением средне-месячных индексов за 1925 и 1926 гг. Средний импортный индекс поднялся за 1926 г. на 11,4 (119,3 — 107,9) пунктов, в то время как экспортный за тот же период поднялся на 16,9 (144,5 — 127,6) пунктам, т.-е. в среднем за 1926 г. цены на сырье, несмотря на начавшееся с 1926 г. их падение, все же выросли больше, чем цены на ввозимые предметы личного потребления против цен 1925 г.

Указанное выгодное соотношение цен для сырьевых товаров не меняется также при очищении индекса от курсовых изменений денег за этот период. Так как товарные цены выражены в серебряных долларах, которые претерпевали резкие колебания, благодаря падению цен на серебро в рассматриваемый нами период, то требуется предварительное внесение некоторых коррективов в исчисленные индексы, для того чтоб сделать их сравнимыми.

Средне-месячный индекс серебра за 1925 г. равняется 96,6 пунктам, а в 1926 г.—111,2 пунктам. Так как индексы выведены на основании стоимости амдолларов в мексдолларах, т.-е. золота в серебре, то индекс 96,6 означает, что золото в серебре подешевело или (что то же) серебро поднялось в цене на 3,6 пункта против своей цены в момент установления базы индекса, а индекс 111,2 означает, в свою очередь, что серебро

[1] См. „Хозяйство Монголии", 1926 г., № 4—5, где в ст. И. Гаврилова приводится методология исчисления индексов Монголо-Советского Делового Клуба и приводятся сами индексы до октября 1926 г.

в 1926 г. пало в цене на 11,2 пункта. Следовательно, для очищения товарных индексов следует за 1926 г. вычесть 11,2 пункта на падение серебра и к индексам 1925 г. прибавить 3,4 пункта на поднятие серебра Таким образом получим:

Средний импортный индекс			1925 г.	111,3
„	„	„	1926 „	108,1
„	экспортный	„	1925 „	131,0
„	„	„	1926 „	139,4

т.-е. в конечном результате импортный индекс дает в 1926 г. реальное понижение против 1925 г., а экспортный дает повышение. Вследствие этого указанное выше благоприятное для хозяйства Монголии соотношение цен получает еще более яркое выражение, а приведенные выше цифры баланса наполняются реальным содержанием, говорящим о несомненном росте хозяйства.

Что касается 1927 г., то отмеченные в предыдущие годы тенденции экономики продолжали, при некоторых колебаниях, свое дальнейшее развитие. Первое полугодие могло даже вызвать слишком оптимистические представления о благоприятной кон'юнктуре, так как имевшийся в 1926 г. так называемый „пятнистый голод" на привозные товары почти не чувствовался, снабжение населения, благодаря принятым совхозорганизациями мерам, шло довольно нормально, и импортные цены вследствие этого начинали проявлять тенденцию к некоторому понижению, а сырьевые, сначала стабилизовавшись, начали понемногу подыматься. Но возобновление военных действий на востоке, в районе Сюй-Юаньской ж. д., вызвавших задержку в подвозе товаров со стороны Калган—Пекин—Тянь-Цзиня, исчерпание запасов чаев и некоторые организационные дефекты наших хозорганов в общей совокупности создали во втором полугодии перебои в снабжении рынка, что стало сказываться на росте цен привозных товаров, особенно китайских (табак-дунза, зеленый чай, китайская мануфактура).

Однако, на основании данных, приводящихся в „Известиях Улан-Батора" и кон'юнктурных бюллетенях Российско-Восточной торговой палаты и Совета с'ездов госторговли и промышленности, правда, не дающих сквозных сведений за все месяцы или же на все товары, все же можно полагать, что отрицательные явления на некоторых участках рынка, особенно с китайскими товарами, все же едва ли ослабили общий темп явно обнаружившихся благоприятных тенденций для сырьевого хозяйства Монголии. Этому содействовала также активная политика Монценкопа и Стормонга (Акц. Общ. по торговле СССР с Монголией), которая частью нейтрализовала рост импортных цен и, вместе с тем, способствовала внедрению соответствующих совтоваров и отрыву монголов от традиционных китайских товаров (далемба, табачные изделия и др.)

Все приведенные нами показатели, как-то: роста скота, абсолютного увеличения торгового баланса, изменений его структуры и внутренних соотношений его составных частей и, наконец, благоприятной кон'юнктуры цен,— совершенно достаточны, для того чтобы сделать вывод о благоприятных итогах народного хозяйства Монголии за указанный период,- о медленном, но неуклонном развитии ее производительных сил, об увеличении и под'еме благосостояния населения. Наши выводы подтвержда-

ются, между прочим, довольно заметным ростом населения за эти годы, который разбивает легенду о „стационарности“ или даже вымирании монгольского народа.

Реорганизация денежной и кредитной системы

Монгольское хозяйство издавна осуществляло смычку с мировым хозяйством через китайских и русских купцов, которые беспощадно разоряли хозяйство арата двойной его эксплоатацией — торговли и кредитования. Иностранные дореволюционные торговые фирмы можно было скорее рассматривать, как ростовщические банкирские конторы, которые выросли не из развитого денежного хозяйства, а напротив, явились плодом его отсталости и исключительной сезонности монгольской торговли. Естественные условия монгольского производства, небольшая товарность аратского хозяйства и особенно его сезонность благоприятствовали увеличению власти иностранного капитала в стране и об'единению его торговой деятельности с „кредитной“. Дело в том, что арат или охотник-зверолов получает и реализует свои продукты в весенние и летние месяцы (шерсть, скот, масло, сурок) и в октябре заканчивает их продажу, а нужду в деньгах он имеет круглый год и поэтому он вынужден обращаться к кредиту до будущего сезона стрижки шерсти или реализации сурка.

Развитие ростовщического кредита на заре торгового капитализма не есть чисто-монгольское явление, но его чисто монгольские формы отличались особенной жестокостью и эксплоатацией (стоимость кредита в 200—300%, круговая ответственность всего хошуна и вечная задолженность).

Факт нахождения торговли и кредита в руках иностранцев должен был, естественно, привести к внедрению в страну иностранных денег, что облегчалось отсутствием собственной денежной единицы.

Денежное обращение Монголии до последнего времени находилось в самом хаотическом состоянии, и только с приходом к власти революционного правительства начинают приниматься меры к регулированию денежного рынка, оздоровлению государственно-финансового хозяйства, реорганизации госбюджета, налогового дела и другие мероприятия, которые, в конечном счете, связаны с внесением порядка в денежную систему страны.

Неупорядоченность денежного обращения старой Монголии об'яснялась, с одной стороны, переходным от первобытно-натуральных к товарно-денежным формам обмена и, с другой — попеременными влияниями иноземных валют, приходивших в Монголию на смену друг друга. Одно время рядом с натуральными „деньгами“ (овца, чай кирпичный) самое большее хождение имел китайский серебряный лан (весовая единица серебра в 36,3 г). Затем начал обращаться параллельно с ним русский серебряный и кредитный рубль (1900 г.), позднее мексиканский или китайский доллар („янчан“ — 1907 г.) и, наконец, советский червонец. Одновременно с этим обращалось слитковое серебро („гамбургское“ и „ямбы“). Обращались также и банкноты некоторых китайских банков (напр., Джун-Го-Юн-Хан). Все встречные и параллельные валютные влияния наслаивались одно на другое и образовали чрезвычайно сложный узор из разных комбинаций и создали хаос, который всячески мешал развитию нормального товарообмена. При таком положении не могло быть также

и речи о какой бы то ни было правильной системе кредита, что стали сознавать в Монголии еще ко времени революции 1911 г. (концессия Москвитинову на открытие национального банка — 1911 г.). Задачу освобождения от чужеземного валютного влияния и правильной постановки кредитной и денежной системы выполнило республиканское правительство оно организовало единое кредитное учреждение совместно с дружественным Монголии СССР — эмиссионный монгольский торгово-промышленный банк, провело денежную реформу и создало свою валюту (тухрик).

Открывший свои операции 2 июня 1924 г. Монголбанк имел своей целью, согласно уставу, содействие развитию — торговли, промышленности, сельского хозяйства, внедрение в денежный оборот страны национальной денежной единицы и укрепление денежного обращения. Монголбанк действует уже 4 год, успешно развивается и заметно расширяет свои операции при помощи и поддержке советских банков (Госбанк, Дальбанк). Вот несколько цифр, характеризующих рост его кредитной деятельности к трехлетию его существования.[1]

Основной капитал при открытии в 250 тыс. руб. превратился к весне 1927 г. в 1.500 тыс. руб. Очень заметно развились его активные операции. Так, за три года банком выдано всякого рода ссуд на 26 млн. тухриков,[2] которые по данным на 1 сентября 1927 г. были погашены на сумму в 19 млн. тухр. Задолженность банку в середине сентября составляла 8 млн. тухр. т.-е. выросла в 10 раз против задолженности по балансу на 1 января 1925 г. Для выяснения роли его операций для национального хозяйства, интересно указать распределение задолженности по характеру клиентуры (в %%):

	На 1/I 1925 г.	На 1/I 1927 г.	На 1/IX 1927 г.
Монгольская группа . .	48,5	55,8	59,5
Советская „ . .	42,9	33,0	36,5
Частная „ . .	8,6	11,2	4,0
	100,0	100,0	100,0

Здесь мы видим, что кредит монгольской группы увеличивается из года в год за счет остальной клиентуры.

Развитие пассивных операций банка тоже показывает большой рост. На 1 января 1925 г. остаток текущих счетов равнялся 300 тыс., а на 20 сентября 1927 г. он составлял около 2.700 тыс., т.-е. дал увеличение в 9 раз. При этом надо принять во внимание, что к моменту показания приведенных цифр на сырьевом рынке царит наибольшее оживление, и со стороны вкладчиков чувствуется наибольший спрос на деньги, а обратный приток средств в банк начинается только по окончании заготовительной кампании.

Движение балансов Монголбанка следующее (в тухриках):

На 1/I 1925 г.	1.620.867,50
„ 1/I 1926 „	6.207.620,26
„ 1/I 1927 „	9.224.529,71
„ 1/IX 1927 „	15.276.928,83

[1] Цифры приводятся по „Известиям Улан-Батор-Хото“, № 74—76, октябрь 1927 г.

[2] Первоначальный курс тухр. = 0,88 мексдолл.; начиная с окт. 1926 г. 1 тухр. = = 1 мексдолл.

Общий оборот банка в 1925 г. составлял 179.436.117,28 тухр., а в 1926 г. он достиг цифры 388.119.490,50 тухр., т.-е. дал увеличение на 113% против 1925 г.

Суммы переводных операций банка следующие: переведено банком в другие страны — 34.000 тыс. тухр.; выплачено банком по переводам на Монголию — 27.000 тыс. тухр.

Первая сумма — это платежи Монголии и выручка от товаров, завезенных в страну из-за границы. Принятые переводы — это поступившие в Монголию средства для платежей по монгольскому сырью. Пассивное сальдо по международным расчетам Монголии вызывается ее пассивно-торговым оборотом с Китаем (больше 4 млн. тухр. в год).

Эти общие цифры достаточно ясно говорят о роли Монголбанка для внутреннего и внешнего товарооборота страны и о его содействии развитию торговли. Монголбанк достаточно мощная в местных условиях организация, чтобы быть в состоянии оказывать воздействие на усиление элементов государственного капитализма (размеры кредитования Монценкопа доходят временами до 70% общей суммы продактивов) и содействие хозяйственному сближению и сотрудничеству с СССР, который вкладывает значительные суммы в хозяйство Монголии (в 1926 г. 4 млн. руб. валюты по переводным операциям).[1]

Задачу по революционизированию форм торговли и ее кредитования Монголбанк проводил одновременно и соподчиненно с другой, чрезвычайно важной задачей по упорядочению денежного рынка и созданию национальной валюты. К проведению денежной реформы Монголбанк приступил 9 декабря 1925 г.

В специальном постановлении по поводу введения „своей денежной единицы" мы читаем: „Банковые билеты выпускаются в денежной единице — тухрик. 1 тухрик содержит 18 грамм чистого серебра" (п. II), банковые билеты должны быть обеспечены полностью, при чем не менее 25% их суммы должно быть обеспечено драгоценными металлами, а также устойчивой иностранной валютой. Банковые билеты разменяваются банком на серебро. Ссуды банка правительству ограничены эмиссионным законом 1/5 всей эмиссии и то при условии обеспечения ссуды металлом на 50%.

Вскоре после выпуска банкноты была также выпущена и серебряная монета — в 1 тухрик и в 50 мунго (0,01 тухрика).

Практика прошедших с момента начала эмиссии двух лет свидетельствует об осторожной и чрезвычайно сдержанной эмиссионной политике Монголбанка, несомненно укрепившей денежное обращение. Сопоставление балансов эмиссионного отдела с состоянием товарного рынка (сезонность, товарный голод или товарная насыщенность) и с кон'юнктурой цен, а также сравнение движения эмиссии с движением активов и пассивов не вызывают сомнения в том, что эмиссия почти всегда отвечала фактической потребности рынка в наличных деньгах и показывает, что Монголбанк чрезвычайно чувствительно реагировал на малейшие подозрительные симптомы инфляционного характера.

Национальная валюта успела за два года занять крупные позиции в монгольском денежном рынке. Общую сумму денежной массы

[1] См. „Известия ЦИК СССР", № 71 от 29/III 1927 г. Беседа с П. Никифоровым.

трудно установить вследствие новизны эмиссионного дела в стране и чужеземного происхождения всех прежних денег. По некоторым ориентировочным исчислениям, основанным на сумме общего оборота, степени распространения денежного обмена (50%), скорости обращения денег в монгольских условиях и т. п., определяют общее количество денежной массы в 10—15 млн. мексдолл. Принимая во внимание увеличение товарности и денежности за последние годы, вследствие заметного развития хозяйства, отмены оплаты налога натурой, увеличения доходности населения, мы склонны думать, что общая сумма денег приближается к большему пределу, — и доходит до 13 млн. В таком случае, национальная валюта (банкноты) составит на 1 января 1928 г. 56% всей денежной массы страны, так как, согласно балансу эмиссионного отдела, на 1/I 1928 г. выпущено банкнот на 6.757.809 тухр.[1] При учете также и серебряных тухриков участие тухрика в денежном обращении страны должно будет намного превышать указанный нами процент.

Проникновение тухрика в преобладающую часть товарооборота, изъятие огромной части обращавшихся раньше мексдолларов, высокое твердоценное обеспечение (на 1/I 1928 г. — 94,5%, оно не спускалось ниже 67%) и популярность национальной валюты в самых глухих углах Монголии приближают момент завершения денежной реформы и прекращения параллельного хождения двух валют (тухрик и янчан).

Одновременно с приближением момента превращения тухрика в единственную валюту становится возможной и реальной поставленная финансовой комиссией задача (от которой правительство при начале реформы отказалось) превращения тухрика по своей „основе в валюту золотую, так как входя самостоятельно в международный торговый оборот, Монголия должна принять и общепринятое международное средство расчета и на нем базировать свою денежную единицу".[2] Невыполнение этой задачи может ей принести, при связанности тухрика с мексдолларом и при колебаниях цен на серебро, значительные убытки при международных расчетах и неустойчивость на внутреннем рынке.

Самая трудная часть работы в области оздоровления денежной и кредитной базы проделана. За три года Монголбанк превратился в прочное кредитное учреждение, он поддержал значительными средствами кооперативную торговлю и хозяйство арата (с.-х. кредитование), привил населению кредитные навыки, укрепил денежное обращение, внедрил собственную валюту и подвел страну вплотную к завершению денежной реформы. Благодаря проделанной банком работе созданы предпосылки для дальнейшего его собственного развития и для оздоровления государственных финансов, построения твердого госбюджета и для независимого развития всего народного хозяйства в целом.

Организация и регулирование торговли

Одной из основных задач в революционной Монголии, почти с первых дней ее существования, было намечено вытеснение с рынка частного капитала. Внутренний рынок, через который проходит смычка монгольского хозяйства с мировым, привлекает к себе поэтому самое серьезное

[1] „Известия Улан-Батор-Хото", № 4 (453) от 10/I 1928 г.
[2] „Хозяйство Монголии", 1926 г., № 1, стр. 11.

внимание правительства. В общем торговля в стране развита слабо и носит на половину натурально-меновой характер (до 50%). При слабых зачатках национальной буржуазии, служащей посредницей между иностранными капиталистами (падзычина), и местным аратским населением, главную и руководящую роль торговой буржуазии и сейчас выполняют иностранцы. Для борьбы с ними и для овладения рынком правительством был организован, как выше уже указывалось, еще в первые дни своего возникновения Монгольский Центральный Кооператив, нечто в роде нашего Госторга — организация, которая фактически осуществляет монопольные права государства в области торговли.

Монценкоп, насчитывающий всего 6 лет своего существования (основан 16/XII 1921 г.), несмотря на ограниченность своих собственных оборотных капиталов, на недостаток в культурных работниках, несмотря на крайне затруднительные для торговли условия, при огромной территории и невероятно плохих условиях связи и транспорта, проделал большую работу и успел значительно развить свои операции за короткий период своего существования.

Вот несколько цифр,[1] характеризующих развитие деятельности Монценкопа и показывающих колоссальный рост его операций (в мексдолларах):

Годы	Общий оборот	Заготовлено сырья	Продано товаров
1921/22 [2]	30.000	14.000	15.700
1922/23	184.000	61.000	122.600
1923/24	1.506.000	747.000	758.600
1924/25	8.743.000	4.597.000	4.146.000
1925/26	9.972.000	4.849.000	5.133.000
1926/27	10.496.650	5.025.650	5.471.000

Для установления роли Монценкопа в общем товарообороте страны, автор цитируемых нами материалов исходит из той предпосылки, что общий торговый оборот страны, примерно, равен 40 млн. мексдолл. и выводит при этом следующие соотношения:

	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Общий оборот Монценкопа к торговому обороту страны (в %%)	0,1	0,5	3,8	21,9	24,9	26,2
Участие Монценкопа в экспорте Монголии (в %%)	0,1	0,3	3,7	22,2	24,2	25,1
Участие Монценкопа в импорте Монголии (в %%)	0,1	0,6	3,8	20,7	25,6	27,3

Эта таблица показывает, как сильно выросла роль Монценкопа в товарообороте страны, в котором он занимает в начале 1927 г. больше четверти (27,3%). Надо думать, что общий оборот страны не равнялся во все годы одному и тому же количеству, что последние годы он до-

[1] „Труды и материалы V с'езда уполномоченных Монг. Центр. Породн. Кооператива", стр. 2—3, 1927 г. Улан-Батор-Хото.

[2] Хозяйственный год Монценкопа — с 1 мая по 1 мая.

ходил, примерно, до 45 млн. мексдолл., но эти поправки почти не меняют удельного веса Монценкоопа в общем обороте.

Для того чтобы охватить своими операциями четверть оборота страны, Монценкопу необходимо было развернуть колоссальную работу, спуститься в худоны (провинции) и пробраться в степь к пастуху, чтобы выбить оттуда кочующего китайского мелкого торговца (комиссионера, более крупного купца), хорошо приспособившегося к условиям монгольской жизни и умеющего проводить товар и купить сырье непосредственно у производителя.

Стремясь ослабить влияние частного капитала на монгольском рынке, Монценкоп не ограничивается одной только простой куплей-продажей, но ведет активную регулирующую политику. Своей политикой цен он поддерживает на известном уровне сырьевые цены, препятствует повышению цен на потребительские товары и в целях устранения комиссионеров-посредников организует кочующие палатки в хошунах.

Монценкоп ведет не только торговую деятельность, но имеет также предприятия по переработке на месте продуктов монгольского хозяйства; и по выработке фабрикатов он занимается также прививанием населению более культурных способов сбора, хранения и транспортирования сырья, что имеет большое значение для повышения качества и стоимости экспорта.

Таким образом, мерами своего вмешательства в частнохозяйственный оборот через Монценкоп, а также при помощи работающих в Монголии совхозорганов, правительство постепенно изгоняет иностранный хищнический капитал из страны. С монгольского рынка начинают понемногу уходить многие частные фирмы несмотря на чрезвычайно высокий процент прибыли, который они получали от покупки сырья путем выдачи авансов (так наз. „озадачивание") и от отпуска товаров в кредит задолго до сезона сырьевых заготовок.

Между тем, освободиться от китайских торговцев мирным путем конкуренции не так легко. Некоторые китайские фирмы, работавшие столетиями в Монголии, например, знаменитая фирма Да-Шен-Ку из Куку-Хото (300 лет) или Со-Сун-Чан (200 лет) и др. вошли своими корнями в монгольское хозяйство, сумели путем сотен отделений и кочевых палаток связаться с хошунным и степным населением, создали известные традиции своими методами торговли и ассортиментом товаров, изучили до мелочей вкусы и привычки монголов.

Как отозвалась торговая политика новой Монголии на китайскую торговлю, можно судить по движению количества китайских фирм со времени активного выступления монгольских общественных и советских хозорганизаций на рынке.

Количество частных фирм [1]

	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Китайские частные фирмы	470	283	270
Английские „ „	7	10	5
Американские „ „	5	5	4
Германские „ „	1	3	1
Русские „ „	41	46	41
Всего фирм	524	347	321
В %%	100	66	61

[1] „Хозяйство Монголии", № 1 (7) 1927 г., стр. 29.

Таким образом, мы видим, что количество частных фирм все убывает из года в год, давая падение в 1926 г. на 39% против 1924 г. и освобождая место для организованной торговли. Уход китайских фирм с монгольского рынка происходит при этом несколько более усиленным темпом. Так, если принять число китайских фирм в 1924 г. за 100%, то в 1925 году они составляют 60%, а в 1926 г.—57%.

Борьба торговых путей (китайских и советских)

Уход китайских фирм с монгольского рынка об'ясняется регулирующей политикой не только со стороны Монценкопа. Ослабление китайского капитала вызывается и в равной мере сопровождается расширением деятельности на монгольском рынке совхозорганизаций, в общем мало чем отличающихся от Монценкопа по своим методам торговли и бережному отношению к интересам монгольского хозяйства. Они также стремятся приблизиться непосредственно к производителю скотоводческой продукции, поддерживают цены на сырье и снижают цены на промтовары. Заинтересованные в развитии хозяйства монгола, доставляющего сырье нашей госпромышленности, и в расширении его импортного рынка на промтовары, совхозорганизации в общем придерживаются той же торговой политики в Монголии, которую они проводят у себя, на советской родине, в отношении внутреннего с.-х. крестьянского рынка. Благодаря такой политике советский капитал принимает посильное участие в вытеснении часника с монгольского рынка и начинает занимать все больше места во внешнем товарообороте Монголии.

По данным Главного Таможенного Управления НКТ движение товарооборота Монголии и СССР с 1924 г. представляется в следующем виде (предыдущие годы, вследствие неналаженности двустороннего оборота, непоказательны):

Годы	Экспорт из Монголии в СССР (тыс. руб.)	В % к 1924/25 г.	Импорт в Монголию из СССР (тыс. руб.)	В % к 1924/25 г.	Общий товарооборот (тыс. руб.)	Изменение в % к 1924/25 г.
1924/25	3.583	100,0	2.769	100,0	6.352	100,0
1925/26	3.735	104,2	3.670	132,5	7.405	116,5
1926/27	7.533	210,8	4.633	167,3	12.186	191,8

Эта табличка показывает, что общий товарооборот Монголии с СССР вырос почти вдвое, при этом больше всего вырос монгольский экспорт (на 110,8%), но весьма заметно вырос и импорт (на 67,3%).

Что касается дальнейшего развития советско-монгольских отношений, то в текущем году, по данным ГТУ они еще более укрепились и дают дальнейший рост общего товарооборота.

Однако, без выяснения удельного веса монголо-советской торговли в общем обороте Монголии еще нельзя делать никаких выводов о действительном сдвиге на этом участке монгольского рынка. Увеличение абсолютных цифр советско-монгольской торговли, при параллельном росте оборота Монголии, может, само собой разумеется, быть совместимо, с неизменностью роли частного — иностранного капитала в Монголии.

Сопоставить цифры монгольского торгового баланса и советско-монгольского товарооборота мы лишены возможности, вследствие несовпадения сроков календарного и операционного годов, на которые эти цифры приводились выше (балансы Монголии и советско-монгольского товарооборота). Но достаточно беглого взгляда на таблицы рассматриваемых цифр, чтобы прийти к выводу о том, что темп роста нашего товарооборота с Монголией сильнее темпа роста торговых балансов (товарооборот вырос за 1924/25 — 1926/27 гг. на 92%, а балансы за 1924—26 гг. на 11%). А это означает, что наше участие во внешней торговле с каждым годом увеличивается не только абсолютно и что нам удается из года в год постепенно занимать новые участки и замещать собою вытесняемый с рынка иностранный ростовщический капитал.

Иллюстрировать это положение можно достижениями из экспорта и импорта отдельных товаров. В 1926/27 г. мы имели общее увеличение стоимости экспорта сырья (по таможенной оценке) из Монголии к нам на 102%, при этом на шерсть приходится +140%, пушнину +77%, животные +300%. Если судить не по данным таможен о прошедших через них товарах, а по материалам заготовлявших организаций, то получится еще более резкое увеличение и еще больший охват нами сырьевого рынка. Так, в летний сезон 1927 г. сворганизациями было заготовлено (отправка закончится лишь во II квартале 1927/28 операционного года) овечьей шерсти всего 6,6 тыс. тонн из 7,5 тыс. тонн общего выхода овечьей шерсти, т.-е. около 90% всего выхода ее в 1927 г. Подобное же положение имело место и с заготовками пушнины, где мы участвовали на 43%, а англо-американские фирмы (обычно 75%) понизили свое участие до 45%. Еще более резкое повышение процента получилось с заготовками скота.

Что касается нашего импорта в Монголию, то он также увеличился, хотя и не в такой степени, как экспорт. Так, завезенная нами мука поднялась в 1926/27 г. по своей стоимости против 1925/26 г. на 42%, сахар, успешно начавший вытеснять японский сахар, на 65%, табак и папиросы—на 263%, бумажные ткани—на 75% и т. д. Наша далемба, наконец, начала охотно приниматься монголами и, очевидно, имеет большие перспективы распространения и замены китайской и японской далембы; постепенно начинает вытесняться и цуемба и заменяться нашей бязью.

Все эти цифры отражают рост нашего удельного веса в общем обороте и в то же время они должны расцениваться, как признак расширения государственного сектора на монгольском рынке. По некоторым исчислениям, советский капитал в истекшем 1927 г. охватил до 25% общего оборота Монголии. В таком случае можно считать, что монголо-советским капиталом совместно охвачено до 50% общего оборота страны.

П. Никифоров (полпред СССР в Монголии) в следующих цифрах определил наше участие по внешнеторговом обороте Монголии. По его словам, оно выражалось: [1]

[1] „Известия ЦИК СССР", № 71 от 29/III 1927 г.

	В тыс. руб.	В %% к общему обороту Монголии
1924 г.	5.326	17
1925 „	9.546	19
1926 „	17.108	29

Несоответствие этих цифр с приведенными нами данными Главного Таможенного Управления об'ясняется отчасти тем, что Никифоров под „внешторговым оборотом" понимает „платежный баланс" и включает таким образом в него и валюту, ввезенную нами в Монголию в качестве погашения нашего пассивного сальдо и отчасти также расхождением сроков операционного года со сроками прохождения товаров через границу. Эти цифры, однако, достаточно определенно указывают на рост нашего удельного веса в товарообороте Монголии.

По его словам, „Монценкоп и советские организации занимают 49% всего внешторгового оборота Монголии, остальные 51% находятся в руках китайцев, англичан и американцев". Более детальное распределение капиталов по импорту и экспорту за 1926 г. видно из следующих цифр (в %%): [1]

	Импорт	Экспорт	Весь оборот
Монгольские и советские организации	41,6	55,8	48,6
Частный иностр. капитал	58,4	44,2	51,4
	100,0	100,0	100,0

По данным завоза товаров в Монголию и увеличения вывоза сырья в СССР можно полагать, что установленное процентное соотношение в 1927 г. еще более благоприятно для монголо-советского капитала, который, пожалуй, уже немногим больше частно-капиталистического сектора. Это об'ясняется как дальнейшим развитием деятельности Монценкопа, так и расширением операций советской торговли в Монголии — большим охватом сырьевого рынка (шерсть, скот, пушнина) и внедрением советских потребительских товаров, заменяющих традиционные китайские и японские товары (далемба, папиросы и табачные изделия, бязь, мука, сахар и др.).

Дальнейшему усилению наших торговых связей в самое последнее время особенно будут содействовать упорядочение организационной стороны нашей хозработы, устранение с монгольского рынка многих, подчас конкурировавших друг с другом советских организаций (акц. общ. „Шерсть", Всесоюзный текстильный синдикат, Кожсиндикат, Сибгосторг, Нефтесиндикат, Комчасть Торгпредства) и об'единение всей экспортно-импортной работы в одной организации — Акционерном обществе по торговле СССР с Монголией (Стормонг) с солидным для монгольских условий основным капиталом в 1.500.000 руб. Стормонг, открывший свои операции еще в июле истекшего года, представляет достаточно мощную в финансовом отношении и с хорошо слаженным аппаратом организацию, работающую в полном контакте с Монценкопом.

Параллельно с процессом вытеснения иностранного капитала, в котором принимают совместное оперативное участие и монгольский и советский капитал, укрепляется и смычка между деятельностью хозорганов

[1] „Хозяйство Монголии", № 1 (7), 1927 г., стр. 29.

Монголии и СССР, подводящая твердую базу под дружественные отношения обоих соседних государств. Это усиление хозяйственных связей приводит к постепенному отклонению традиционных торговых путей Монголии в сторону своей пролетарской союзницы. Вместе с этим уменьшается из года в год и роль китайского пути Урга—Калган—Пекин в торговом обороте Монголии за счет увеличения роли основного советско-монгольского пути—Урга—Кяхта—Верхне-Удинск.

Все показатели народного хозяйства Монголии свидетельствует о здоровых внутренних тенденциях его развития. Проведенные реформы денежного и кредитного дела, укрепление Монголбанка, рост государственного и общественного капиталов (монгольского и советского) показывают, что с каждым годом все меньше остается места и функций для деятельности частного торгового капитала с иноземным хищническим влиянием.

Монголия неуклонно идет по пути независимого и свободного развития. Для ускорения темпа этого развития необходимо еще большее отклонение торговых путей в сторону СССР и установление еще более тесных советско-монгольских торговых взаимоотношений, основной установкой которых является содействие скорейшему превращению Монценкопа в мощную организацию, которая будет в состоянии сама справиться с задачей овладения всей торговлей страны и не будет вследствие этого нуждаться в присутствии Стормонга на территории Монголии для усиления элементов госкапитализма.

А. Романский

Война и структурные изменения французского хозяйства

Промышленное развитие довоенной Франции характеризовалось, в основном, своим плавным темпом в отличие от скачкообразного темпа индустриализации Германии и Северной Америки. Показателен в этом отношении рост французского энергетического, главным образом, паросилового хозяйства, впервые обозначившийся в 60-х и 70-х годах, при чем наибольшее усиление пришлось на отрасли промышленности, не характерные для индустриализации страны в нашем понимании этого слова: текстильную, кожевенную и меховую промышленность. В 80-х годах происходит перемещение: на первый план в области энергетики выходит металлургическая и химическая промышленность, втягивающиеся в процесс концентрации промышленности. В 90-е и 900-е годы железная промышленность становится важнейшей частью народного хозяйства Франции.

Процесс индустриализации и концентрации вызвал ряд изменений не только в строении народного хозяйства Франции, но и в строении ее населения. Уже в 70-х годах повышается темп урбанизации французского населения. Середина 80-х годов датирует новое напряжение перераспределения населения между городом и деревней, при чем урбанизация служит лишь внешним выражением этого процесса. Внутреннее содержание его — уход крестьян в города, на фабрики и заводы. Оскудение рабочей силы в сельском хозяйстве, порожденное кризисом сельского хозяйства, в свою очередь, усиливает его еще больше.

Индустриализация Франции обострила борьбу между развитой германской промышленностью и развивающейся французской промышленностью. Германия имела уголь, но не имела железной руды. Франция обладала железной рудой, но не имела угля. В последние довоенные годы на почве этого порочного распределения основного промышленного сырья начался процесс „пересадки“ германских металлургических предприятий в французские департаменты, богатые железной рудой. В это же время, накануне войны, Франция, приступившая к энергичному переоборудованию своей промышленности путем ввоза усовершенствованного оборудования из-за границы, начала с все большей силой и настойчивостью выдвигаться на мировых рынках сбыта промышленных товаров. Приближение общего экономического кризиса, обострившее противоречие между Францией и Германией, с одной стороны, и между промышленностью и сельским хозяйством во Франции, с другой стороны, поставило на очередь вопрос о дальнейших судьбах индустриального развития Франции. Война должна была решить вопрос: быть или не быть

Франции великой промышленной державой — за счет Германии и сельского хозяйства у себя дома. Любопытно, что готовясь к кровавой схватке за „место под солнцем“ на мировом рынке сбыта и за германский кокс, Франция не могла отделаться от плена народнических иллюзий, всегда сопровождающих переломные моменты истории промышленного развития современных стран.

Замедленный по сравнению с бурным темпом промышленного развития в Германии процесс индустриализации во Франции, преломляясь через превалирующую — в ценностном отношении — роль сельского хозяйства, создал иллюзию промышленной застойности и роста аграрных элементов в народном хозяйстве Франции. И, действительно, ценностное выражение национального дохода подтверждало это мнение, отводя в 1913 г. на долю сбора пшеницы свыше 2 мрд. франк., овса — 1 мрд. франк., виноделия — 1,5 мрд. франк., на добычу угля — 676 млн. франк., меди — 340 млн. франк., на железные и стальные фабрикаты — 652 млн. франк., прочие промышленные продукты — 100 млн. франк. Сырьевая группа и, в частности, сельскохозяйственная явственно превосходят индустриальную группу продуктов. Что же касается низкого сравнительно уровня развития французской промышленности, то лучшим и наиболее красноречивым аргументом, подтверждающим правоту этого утверждения, является показание французского инженера Виктора Камбона, считавшегося перед войной лучшим знатоком французской, германской и американской промышленности:

„Если все хорошо, если все безупречно, то почему,—спрашивал он,— постройка 60 мощных паровозов для французских железных дорог была передана, (в 1908 г.) Берлину, не считая паровозов, заказанных в Америке; [1] почему мы закупаем ализарин для окраски в красный цвет штанов для наших солдат в Вильгельмсгафене; почему большинство оборудования для наших прекрасных автомобильных заводов идет из Соед. Штатов, почему 80% паровых машин (demi-fixes), употребляемых сейчас в средней промышленности (moyenne industrie) имеют германскую либо английскую марку; почему под'емные краны наших главных верфей и морских арсеналов были построены в Дюссельдорфе; почему наши физические и химические лаборатории заказывают свою оптическую аппаратуру и свои оптические приборы в Иене и Ильменау; почему ряд турбин на наших гидроэлектрических установках построен в Швейцарии; почему наш военный флот заказывает моторы Дизеля в Аугсбурге; почему мы позволили А. Е. G. завладеть всей электрической промышленностью Португалии?“ [2]

Промышленная отсталость Франции, затушевывающая значительный темп индустриализации страны, выпукло подчеркивала значительную роль сельского хозяйства в национальной экономике, придавая ей извращенный

---

[1] За время с 1906 по 1913 гг. французские железные дороги передали заграничным паровозостроительным заводам заказы на доставку 950 паровозов, кроме того, заграничным вагоностроительным заводам — заказ на доставку 9.000 вагонов.

[2] Sauvaire-Jourdan, „La vitaliste économique de la France devant et apres la guerre“. Paris, p.p. 24—26; Victor Cambon, „Notre avenir“. Paris, 1916, p. 69. В своей книге В. Камбон утверждает, повидимому в пылу обличительного полемического задора, что накануне войны Франция насчитывала только 1.000 инженеров против 50.000 инженеров, насчитывавшихся в Германии.

структурный аспект. По производству вина, овощей довоенная Франция занимала первое место, а по производству сахара, масла, сыра и т. д.— одно из первых мест. То же самое в отношении хлеба. По словам министра земледелия Памса, выступившего с речью при закрытии выставки в Бурже, в 1912 г., приблизился момент „перерождения прекрасной Франции". „Мы чувствуем,—говорил Памс,—что назревают события мирового значения... Скоро наша великая и прекрасная Франция станет первой страной, вывозящей продукты земледелия... Мы будем первой страной в мире по экспорту зерна".

В мировую войну Франция вошла с иллюзией неофизиократизма и аграрной самодостаточности: „Nous sommes une race des ruraux". [1]

Разразившаяся в 1914 г. война, отнявшая у Франции на все время военных действий наиболее промышленные районы — северные департаменты,—пред'явила колоссальные требования к уцелевшему промышленному организму, превращаясь в первоклассный фактор интенсивной индустриализации страны. Технический характер войны, потребовавший колоссального расхода металла, ярко передан германским офицером генерального штаба Х. Риттером в картине боя на Сомме в 1916 г.

„В течение целых недель, на фронте, протяжением в 40 *км*, день и ночь, подобно молниям, сверкающие ряды огней тысяч самых тяжелых орудий. День и ночь дрожал воздух от равномерного грохота выстрелов, подобно шуму тяжелых товарных поездов, идущих нескончаемым потоком по железным мостам. День и ночь бушевала орудийная гроза над истерзанной землей, превращая ее лик в однообразное изборожденное воронками поле, по которому вяло перекатывались зеленоватые ядовитые волны газов и носился град стальных и железных осколков, душивших и рвавших все живое". [2]

Степень усилий, сделанных французской промышленностью для обслуживания нужд фронта, характеризуется размером потерь, понесенных ею в связи с германской оккупацией. После сражения на Марне, германская оккупация охватила около 6% всей территории Франции, не считая территории, находившейся под огнем и ставшей недоступной для промышленной деятельности, достигавшей, в свою очередь, 8—9% всей территории страны. [3] Десять северо-восточных департаментов, испытавших германское нашествие, составляют вместе 11,5% всей территории Франции. Считается, что в среднем, в результате различных отступлений и наступлений, германская оккупация охватила шестую часть всей довоенной территории Франции, насчитывавшей 9% всего ее населения и 14% всего числа ее промышленных рабочих, оторвав от нее главнейшие каменноугольные и металлургические предприятия, стекольные, сахарные, текстильные, винокуренные и другие заводы и фабрики. [4] Оккуппированные германцами департаменты Нор и Эст давали, по некоторым подсче-

[1] Возможность подобного рода политико-экономических оберраций иллюстрируется следующим категорическим заявлением Жана Дюран: „Каждый знает, что мы вывозим по преимуществу, предметы роскоши, ввозим, главным образом, сырье и орудия производства" („L'industrie française"; Les lecons de la guerre), Paris. 1920. p. 3.

[2] Риттер, Х., „Критика мировой войны", перев. с нем. Птг. 1923 г., стр. 138.

[3] Arthur Fontaine, „L'industrie française pendant la guerre", p. 43.

[4] W. Schall, „Frankreichsvolks und Staatswirtschaftnach dem Kriege".

там, 74% всей добычи угля; 76,5% — кокса; 100% — механических конструкций; 81% — шерстяных тканей; 29% — хлопчатобумажных; 93% — льняных; 4%—бумаги; 5% — деревообделочных изделий; 25—95% химических (различных) продуктов (1.735 тонн из общей продукции их, равнявшейся 3.919.000 тонн); 76% — сахара; 59% — алкоголя; 31% — пива; 80% — зеркального стекла; 50% — бутылочного стекла; 80% — оконного стекла; 25 — 50% — керамических изделий. Степень промышленного урона, причиненного Франции германским вторжением, станет ясной, если сказать, что французская промышленность потеряла в оккупированных германцами районах 1.455.479 лош. сил из общего запаса их в 3.538.864 лош. сил (в 1913 г.), т.-е. 41% всего своего силопарового хозяйства, при чем текстильная промышленность потеряла свыше $^2/_3$ своего парового оборудования, добывающая промышленность— 60% и металлургическая промышленность — 55%. [1] Потери, понесенные французской железной промышленностью были настолько велики, что по словам Шредера, сделавшего 31 января 1915 г. в ассоциации германских железозаводчиков доклад о положении французской металлургической промышленности, Франция оказалась бессильной вести войну. [2] Французская промышленность очутилась перед комбинированной — по сложности — задачей восстановления и, одновременно, увеличения, по сравнению с довоенным временем, своей производственной мощи.

Французская промышленность справилась с поставленной ей войною задачей. К концу войны был уже построен (частично находились в постройке) ряд новых доменных печей с ежегодной производительностью в 600.000 тонн, не считая 109 мартенов, 56 конвертеров и т. д., с ежегодной производительностью в 1.760.000 тонн. Как особенность военного развития французской промышленности (главным образом, металлургической), следует отметить создание новых производственных центров в глубине страны—подальше от германской границы. В районе Альп, на базе применения гидроэнергии, потребление которой возросло во время войны на 400.000 лош. сил,— развилась электрометаллургическая и электрохимическая промышленность. Рост химической промышленности (группа взрывчатых веществ) совершался особенно стремительным темпом: август 1914 г.—100, май 1915 г.—1.400, декабрь 1915 г.—3.500, март 1916 г.— 4.400, июль 1916 г.—6.500. По французским подсчетам, она, в среднем, утроила свое производство на юге Франции, удвоила производство в центре Франции — при помощи широкого использования белого угля. [3]

Перестройка промышленности на военный лад, в специфических условиях оккупации значительной части производственного аппарата страны, усилила старый процесс перегруппировки в промышленности, сконцентрировавшей все усилия для восстановления мощи тяжелой промышленности за счет других отраслей. Наиболее ярко этот процесс перегруппировки выразился в движении рабочих рук по отраслям промышленности:

[1] A. Fontaine, „L'ind. frainç. pend. la guerre", p. 39.

[2] „La guerre" (XII серия, „Война и эконом. жизнь"), p. 210.

[3] „L'effort économique de la France pendant deux ans et demi de la guerre". Paris. 1917, p. 115.

Движение рабочих в промышленности [1]

Отрасли промышленности	Июль 1914	Август 1914	Январь 1915	Январь 1916	Январь 1917	Январь 1918
Пищевая		54	63	68	75	67
Химическая		45	66	92	106	108
Каучук, бумага, картон		39	56	69	73	79
Полиграфическая пром.		39	41	46	51	52
Текстиль (в узком смысле)		50	46	55	57	58
Шерстяная и конфекцион. пром.		37	50	63	67	70
Кожевен. и мехов.	100	34	56	67	74	80
Деревообделочная		26	40	54	75	76
Черн. металлург.		30	51	77	112	119
Цветн. металлург.		11	32	48	53	57
Добыча драг. камн.		20	37	46	51	55
Обработка драг. камн.		21	17	25	29	43
Силикатная пром.		16	30	43	48	52
Управленческий труд	—	45	52	64	75	71
Прочее	—	48	53	59	64	67
Итого в среднем	—	38	48	63	75	79

В то время как, так сказать, насквозь мирные отрасли промышленности (книгопечатание, строительная промышленность, отчасти, текстильная и силикатная промышленность) насчитывали в 1918 г. немногим более половины (обработка калия даже меньше 50%) довоенного количества занятых в них рабочих рук,— металлургическая и химическая промышленности в 1918 г. превысили довоенный уровень в этом отношении. Еще более значительный характер приобретает перегруппировка промышленности по германским данным. Судя по ним, война (в 1917 г.), притянув в металлургическую промышленность 167% занятых рабочих, по сравнению с довоенным временем, и в химическую промышленность — 120%,— оставила на долю пищевой и текстильной промышленности — 80% и на долю строительной, полиграфической и производства предметов роскоши — только 50% довоенного количества рабочих рук. [2] Не менее значительный процесс концентрации, развернувшийся с повышенной силой в французской промышленности во время войны, иллюстрируется таблицей, показывающей движение числа действующих предприятий (см. табл. на 211 стр.).

Цифры показывают: 1) общее уменьшение всех предприятий,— с тенденцией к восстановлению довоенной численности их; 2) больший темп численного роста предприятий в торговом и транспортно-складском деле по сравнению с промышленной сферой, за исключением, пожалуй, групп: а) каучука, бумаги и картона, б) кожи и меха, в) благородных металлов и г) полиграфической промышленности; 3) наибольшее падение числа предприятий в а) шерстяной и конфекционной промышленности, б) деревообделочной промышленности, в) черной и цветной металлургии, г) строительной и д) силикатной промышленности. Резкое ослабление рабочей силы, занятой в шерстяно-конфекционной, деревообделочной, строительной и силикатной промышленности (около 40% по сравнению с довоенным временем), об'ясняя происшедшую в этих отраслях промышленности концентрацию, как результат общего сжатия их об'ема производства, выпячивает наибольшую степень концентрации, достигнутой в черной металлургии, впитавшей во время войны максимальный процент рабочей силы при напряженном расширении своего об'ема производства.

[1] A. Fontaine. „L'industrie française pendant la guerre", p. 101.

[2] W. Schall, „Frankreichsvolks und Staatswirtschaft nach dem Kriege".

Количество действующих предприятий

Отрасли промышл.	До 1 авг. 1914 г. [1]	В августе 1914 г.	В июле 1915 г.	В июле 1916 г.	В июле 1917 г.	В июле 1918 г.
Пищевая пром.	4.028	2.980	3.425	3.630	3.773	3.765
Химическая пром.	1.322	793	1.053	1.155	1.204	1.244
Кауч., бум., карт. пром.	689	316	539	598	630	650
Полиграфическая пром.	1.100	549	812	923	984	1.020
Текстильная пром.	3.614	1.074	2.463	2.930	3.111	3.323
Конфекц. и шерст. пром.	7.998	4.731	6.131	7.125	7.459	7.464
Кож. и мех. пром.	2.095	1.227	1.623	1.805	1.950	1.943
Деревообделочная пром.	4.202	1.527	2.512	3.164	3.578	3.770
Черная и цветн. металлургия	6.176	2.780	4.525	5.170	5.723	5.864
Благородн. металлы	519	60	349	374	468	484
Обточка драгоц. камней	81	60	19	34	47	69
Строительная пром.	1.532	676	924	1.140	1.279	1.237
Силикатная пром.	1.063	373	646	765	854	866
Транспортное и складское дело	425	2.073	319	376	380	416
Торговля	6.621	5.029	5.312	5.920	6.404	6.435
Итого	41.475	22.448	30.652	35.109	37.844	38.556

Исторический вопрос, — быть или не быть Франции великой промышленной страной, — война разрешила в пользу Франции. Перегруппировка национального богатства в пользу тяжелой промышленности, принявшей еще более концентрированный характер, закрепила доминирующую ее роль в области политической жизни страны и в системе народного хозяйства. Война, разрушившая прежний производственный аппарат и придавшая индустриальному развитию Франции бешеный темп, явилась ценою, [2] уплаченной капиталистической организацией ее промышленноети за право своего дальнейшего развития, ценою уплаченной Францией за переход в старший класс индустриального развития. „Пересадка" металлургической, машиностроительной и химической промышленности в районы Парижа, Бордо и Лиона на юго-восток и юго-запад, создавшая ряд новых индустриальных центров, удаленных от германской границы, позволила Франции выдерживать страшные, длившиеся месяцами бои на Сомме, под Верденом и т. д. „Великолепные усилия" (magnifiques efforts) „точно чудом" вновь созданной промышленности, вновь построенных орудийных и снарядных заводов, поставлявших — в короткое время —

[1] Выборочная группа предприятий.

[2] По подсчетам Шааля, военные расходы Франции выразились чудовищной суммой в 170 мрд. франк.

миллионы гранат и тысячи пулеметов, дали победу Франции.[1] По свидетельству Х. Риттера, „сильное численное превосходство неприятеля в отношении артиллерии, снарядов, рои неприятельских аэропланов, бесспорно владычествовавших в воздухе, выступление казавшихся неуязвимыми боевых слонов нового времени — танков, все это глубочайшим образом потрясало германскую пехоту, — как ядро германской армии. Она чувствовала себя оставленной на убой другими родами войск, увидела перед своими взорами неприятельские машины, борьба с которыми была свыше ее сил".[2] Еще большие требования к французской промышленности пред'явило восстановление разрушенных департаментов.

Два показания, идущих от „противных" сторон, дают представление о размерах причиненных войной разрушений. Австрийское показание: „Во Франции бесновались германские мортиры. После отступления на укрепленную линию Зигфрида, на пути отступавшей германской армии не осталось ни одного целого дома, ни одного целого дерева, ни одного колодца. Наступавшие армии Антанты встречали бездорожную и безводную пустыню. Где раньше были деревни,— оставались только зияющие илистые воронки; где росли леса — изуродованные пни простирали в воздухе свои отравленные ядовитыми газами ветви. В таком виде французские солдаты нашли оставленные германцами поля. В таком виде нашли — после окончания войны — французские крестьяне свои родные нивы."[3]

Более конкретно французское свидетельство. От Арраса до равнин Ланса страна представляла собой сплошную пустыню. „Дикие травы, свободно растущие уже четыре года на этой земле, окрашивают до самого горизонта в один цвет, который разнообразит лишь белые кресты могил. Рытвины, заросли, гробницы без конца повторяются в этом унылом пространстве... Окопы, снаряды и мины жестоко изрыли эту равнину. На месте, где высились исчезнувшие теперь дома, зияют глубокие овраги... В этой умерщвленной стране птицы редки. Удушливые газы убили ворон и крыс".[4] И так повсюду, где прошла тяжелая колесница войны: „щетина из обломков каменных строений", кучи развалин, одичавшие поля — в Пикардии и Шампани, около Азебрука и Реймса. В статистическом выражении картина военных разрушений принимает еще более монументальный характер. По официальным подсчетам к концу войны насчитывалось 741.993 разрушенных, либо сильно поврежденных домов, до 22.900 уничтоженных, либо сильно пострадавших промышленных предприятий, до 8,2 млн. акров опустошенной земли (7% всей площади Франции), из которых 4,75 млн. пахотной земли стали совершенно непригодными для возделывания.[5] К этому следует прибавить затопленные копи севера и Па-де-Калэ, разрушенные мосты, жел.-дор. пути, шоссе, гибель скота и т. д. Грандиозный масштаб военных разрушений в департаменте Нор и Па-де-Кале[6] иллюстрируется гигантскими размерами восстанови-

[1] Victor Robert, „La bataille économique de demain", p. 239 и след.

[2] Риттер, Х., „Критика мировой войны", стр. 139.

[3] „Arbeiter Zeitung" (Wien) от 27/XII 1927 г.

[4] Питер Амп, „Больная промышленность", ГИЗ, стр. 281.

[5] Пп. Мозльтон и К. Льюис, „Финансы и экономика современной Франции", Изд. „Экон. жизнь," М. 1927 г.

[6] Военные действия на этом участке бывшего фронта приняли характер прямой промышленной борьбы, сопровождавшейся с французской стороны примерами своеобразного „индустриального" героизма, вроде добычи угля под непосредственным артиллерийским огнем. Разрушения достигли здесь разумеется, исключительных размеров.

тельных работ. Откачки воды из затопленных германцами шахт достигли 110 млн. метр. кубов, равняясь трехнедельному дебету Сены около Парижа (при мелководьи). Достаточно сказать, что только чрезвычайно засушливая погода позволила провести работы по откачке воды из затопленных шахт без опасного нарушения режима рек на севере Франции. Разрушения подземных галлерей достигли протяжения 3.000 *км*, равняясь тунелю от Парижа до Константинополя. Короче говоря, война разрушила $^3/_4$ всего угольного района на севере Франции, уменьшив производственную мощность его на 21 млн. тонн, т.-е. на 50% всех угольных запасов страны.[1]

Восстановление разрушенных департаментов создало огромный — добавочный — внутренний рынок, резервированный полностью за французской промышленностью, ревниво оберегавшей его от проникновения иностранных конкурентов. Роль этого специфического рынка, стимулировавшего процесс индустриализации Франции, станет более ясной в свете следующих цифр: восстановление разрушенной частной собственности потребовало на 30 октября 1924 г. 60 мрд. франк., шоссе и железных дорог — 13 мрд. франк.[2] Армия рабочих, занятых на восстановительных работах, в сентябре 1922 г. равнялась 307.615 чел., не считая количества рабочих, занятых в заготовке строительных материалов, в производстве мебели, в машиностроении, электротехнике и т. д. Следует отметить, кстати, что план восстановительных работ предусматривал финансирование, в первую очередь, реконструкции промышленности и затем сельского хозяйства.

Бешеный темп восстановительных работ привел к тому, что уже к 1 января 1921 г. было восстановлено 80% всех разрушенных промышленных предприятий, 60% приведенной войной в негодность пахотной земли и отстроено 38% разрушенных зданий. К 1 октября 1922 г. население разрушенных департаментов равнялось 4.059.000 чел. против 4.690 чел. в 1914 г. и 2.075.750 чел. в ноябре 1918 г. запахавших под хлеб 1.533.400 *га*. К этому же сроку в 3.238 коммунах — из 3.524 оккупированных германцами коммун — была восстановлена муниципальная организация; было вновь открыто 7.008 начальных школ из 7.298 школ, насчитывавшихся в 1914 г., с 462.953 учениками при 13.725 учащих, против 647.178 учащихся и 14.205 учащих в 1914 г. К этому же сроку была почти полностью восстановлена сеть жел. дор., приведено в порядок 1.041 *км* водных путей (из 1.157 *км*), исправлено 23.625 *км* шоссе и сделано доступным для торгового движения 31.471 *км*.[3] Грандиозный характер реконструкционных работ в департаменте Нор потребовал — к марту 1923 г.— 4.359.294.000 довоен. франк. для восстановления промышленности и 7.243.012.000 довоен. франк. для остального „непромышленного" восстановления. Характерно, что его население к марту 1923 года почти достигло довоенного уровня: 1.836.357 чел. против 1.981.780 чел. в 1914 г. К середине 1924 г. было приведено в по-

[1] „Les possibilités économiques de la France", p. 27 и след.

[2] Schall, Frankreichsvolks und Staatswirtschaft nach dem Kriege,". S. 26 и др., а по данным в „Journal des économistes" от 15/XI 1927 г. „Le budget de 1926 et la dette", восстановление в опустошенных департаментах и Эльзас-Лотарингии обошлось — на 1/I 1927 г.— в 85.800 мрд. франк.

[3] J. K. Caihll, „Report on economic condition in France to march 1923".

рядок 7,3 млн. акров—89% всей разоренной площади, начали возделываться 4,43 млн. акров—93% всей пораженной войной культурной площади земли; было отстроено 606.000 домов—81% всех пострадавших зданий; восстановлено 183.000 домов и, кроме того, построено 42.000 временных убежищ; восстановлено 20.872 (91%) всех пострадавших промышленных предприятий. Приведены в порядок до 95% испорченных шоссе. Увеличение добычи угля на копях севера и Па-де-Кале достигло 94% уровня 1913 г.; численность живого инвентаря достигла свыше 50% количества его в 1913 г. В 1925 г. добыча угля в этих двух департаментах равнялась уже 90% довоенного времени. Для характеристики стремительного темпа работ по реконструкции департаментов Нор и Па-де-Кале следует привести мнение специальной американской комиссии, обследовавшей—сейчас же после прекращения войны—разрушенный район и заявившей, что восстановление его потребует, при максимальном напряжении сил, 10 лет, считая этот срок самым минимальным.

Восстановление разрушенных войной промышленных предприятий в северных и восточных департаментах, соединенное с технической рационализацией, привело к значительному усилению производственной мощи новых фабрик и заводов по сравнению с довоенным временем. Вновь построенные, по последнему слову техники, промышленные предприятия заменили разрушенные заводы в департаментах Нор и Па-де-Кале.[1] Значительно повысилась производительная способность в текстильной, металлургической, машиностроительной, стекольной и химической промышленности, благодаря более совершенному по сравнению с мирным временем оборудованию и новейшим методам рационального производства. Применение усовершенствованных машин и инструментов: американских, английских и французских,—позволило ввести массовое стандартизированное производство.[2] Наглядным отражением возросшей производительной мощи восстановленной французской промышленности служит изменение энергетической ее мощности:

Число и мощность паровых машин в разрушенных департаментах

Годы	Число предприятий	Число раб. машин	Киловатты
1913	12.429	20.550	1.070.700
1921	7.403	11.454	1.125.922
Отношение ко всей Франции (в %%)			
1913	19,7	25,1	41,1
1921	13,1	16,1	33,6

Таблица показывает: 1) увеличение энергетической паровой энергии в разрушенных департаментах при одновременном сокращении числа предприятий, 2) падение доли их в общем паросиловом хозяйстве Франции и значительный успех концентрации и технической рационализации восстановленной французской промышленности. Послевоенное развитие французского энергетического (паросилового) хозяйства дает наглядную картину одновременного роста производительной силы и концентрации французской промышленности (без Эльзас-Лотарингии):

[1] J. K. Caihll, „Report on economic condition in France", London, 1925. P. 41.
[2] Ibidem.

	1919 г.	Уменьшение 1919 г. по отношению к 1913 г. в абс. цифр.	в %%%	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Колич. предприятий	52.100	10.800	17	56.276	55.679	55.827
Колич. пар. машин., не считая ж. д., пароходов и трамваев .	66.100	15.600	19	71.104	70.082	69.810
Общ. мощность паров. машин (в тыс. лош. сил.)	2.465.000	136.000	5	3.349.400	3.599.100	4.314.600

Таблица показывает: 1) падение числа предприятий, 2) падение числа машин и 3) безостановочный рост, применяемый в промышленности паросиловой энергии: напряжение усиленного войной процесса концентрации.

Какой же социально-экономический характер имеет развернувшийся с новой силой в послевоенной французской промышленности процесс концентрации.

На этот вопрос отвечает сравнение темпа концентрации по отраслям промышленности:

Отрасли промышл.	1919 г. Количество предприят.	1919 г. Мощность машин в тыс. киловатт.	1919 г. Увелич. или уменьш. в %%% 1913—19 гг.	1922 г. Колич. предприят.	1922 г. Мощность машин в тыс. киловат.	1923 г. Колич. предприят.	1923 г. Мощность машин в тыс. киловатт.
Произв. электричества .	804	576.000	— 14,0	775	1.222.537	646	1.677.894
Металл. пром.	3.471	437.000	+ 10,0	2.535	668.395	2.544	726.830
Рудники и каменоломни	2.993	423.000	— 15,0	2.435	540.496	2.436	684.645
Текстильн.	5.983	396.000	— 16,0	5.138	416.076	5.619	430.573
Строит. пром.	9.896	176.000	+ 10,0	9.796	201.116	10.139	197.845
Пищевая	10.735	173.000	— 5,8	8.400	150.899	8.450	160.593
Сел.-хоз.	22.019	141.000	+ 5,0	20.473	130.417	19.908	143.231
Химич. и кожев.	3.635	106.000	— 7,0	2.981	120.214	3.363	122.238
Бумажн. и полиграф. . .	821	79.000	+ 2,5	1.051	77.366	735	85.930
Госуд.	626	59.000	+ 3,4	271	35.804	251	47.318
Прочие	2.110	36.000	— 5,6	1.824	35.777	1.727	37.521
Итого . . .	63.113	2.601.000	— 5,2	55.679	3.599.147	55.827	4.314.618

В этой таблице обращает на себя внимание: 1) общий рост энергетического хозяйства по всем отраслям промышленности; 2) изломанная линия движения общего числа предприятий; 3) рост энергетической мощности при одновременном падении числа предприятий в производстве электрической энергии, в рудниках и каменоломнях и 4) замедленный по сравнению с промышленностью рост паровой энергии, применяемой в сельском хозяйстве—при падении числа самостоятельных хозяйств. Рост диспропорции между развивающейся промышленностью, переживающей ускоренным темпом процесс технической рационализации

и концентрации, и сельским хозяйством, отступающим все более на задний план перед натиском тяжелой индустрии, стал характерной чертой для народного хозяйства Франции. О чем это свидетельствует? „В бурный период капиталистического производства производительность в промышленности развивается по сравнению с земледелием быстро. В последствии производительность прогрессирует как в промышленности, так и в земледелии, хотя и неровным темпом“.[1] Однако, это еще не все. Необходимо установить, каков тип капиталистического развития французской промышленности и какие элементы ее являются ведушими? Сравнение темпов развития показывает, что после войны доминирующая роль в народном хозяйстве Франции окончательно перешла к тяжелой промышленности, ставшей ведущим колесом всей французской экономики. Об этом свидетельствует очень высокая степень производственной силы и концентрации в группе отраслей промышленности, составлявших „тяжелую“ ее часть: в производстве электрической энергии, в рудниках, каменоломнях и металлургической промышленности:

	1919 г.	1922 г.	1923 г.
Количество предприятий	7.268	5.745	5.626
Мощность паровых машин (в квт.) . . .	1.436.000	2.431.428	3.089.369
Против:			
Количества всех остальных предприятий .	55.845	49.934	50.201
Мощности всех остальных паровых машин (в квт.)	1.165.000	1.167.719	1.225.249

Группа тяжелой промышленности, имеющая при высокой степени концентрации значительный абсолютный перевес в отношении производительной силы, превратила Францию в первоклассную промышленную страну.

Показательно, в этой связи, выросшее значение машиностроительной промышленности, насчитывающей сейчас до 850.000 занятых рабочих, получающих в год в виде жалованья около 11 мрд. бум. франков[2] против свыше 1 мрд. зол. франков, иммобилизованных в производстве железа и стали, и свыше 120.000 занятых в нем рабочих.[3]

Развитие французской машиностроительной промышленности на 10—15% в 1924 г. — по сравнению с довоенным временем — приблизило к реализации послевоенную программу развертывания машиностроения.[4] Французское машиностроение вышло на мировой рынок, заставляя серьезно считаться со своей экспансией английских, германских и даже американских производителей машин.[5] Усилилось производство железнодорожных материалов, достигающее 2.000 пассажирских вагонов в год (1924 г.) против 1.200—1.500 (в 1914 г.). Увеличение выпуска товарных вагонов достигло 36 тыс. единиц (в 1924 г.), давая прирост по сравнению с довоенным временем на 20—25%. Постройка паровозов достигла нормы, превышающей на 35% уровень 1914 г.

Развитие французской электрической промышленности поставило ее впереди германской электрической промышленности.

[1] К. Маркс, „Теории приб. ценности“, т. II, ч. 2, стр. 202.
[2] „L' Usine“ от 28/I 1928.
[3] „Les possibilités économiques de a ance“. Discours de Peyrimpott.
[4] „Commerce reports“ от 1927, № 27.
[5] „Le genie civil“ от 19/IV 1926; „Ce que peut la France vivante“. Paris, 1923/24г.

В довоенное время французская химическая промышленность не могла итти ни в какое сравнение с германской. В послевоенное время, в области синтетической химии, в которой Франция была особенно слабее Германии, усиление ее наиболее явственно выявилось в области красящих веществ, примыкающих к взрывчатым материалам. Послевоенная французская химическая промышленность в состоянии покрыть 90% всей внутренней потребности, ведя, кроме того, значительную экспортную торговлю.[1]

Не меньшее усиление принесло французской текстильной промышленности присоединение Эльзас-Лотарингии с ее текстильными фабриками.

Наконец, в основных показателях, в производстве чугуна и стали усиление французской промышленности отображается следующим образом:

	1927 г.	1926 г.	1925 г.	1923 г.
Производство чугуна (в тыс.)				
С.-А. С. Ш.	36.600.000	39.101.000	36.370.000	30.653.000
Германия	12.850.000	9.489.000	10.014.000	19.000.000
Франция	9.150.000	9.281.000	8.358.000	5.126.000
Великобритания	7.350.000	2.442.000	6.262.000	10.260.000
Бельгия	3.685.050	3.345.000	2.501.000	2.445.000
Производство стали				
С.-А. С. Ш.	44.450.000	48.294.000	45.394.000	31.301.000
Германия	15.975.000	12.145.000	12.000.000	18.632.000
Великобритания	99.200.000	3.560.000	7.385.000	7.664.000
Франция	8.100.000	8.295.000	7.327.000	4.614.000
Бельгия	3.645.000	3.230.000	2.508.000	2.428.000

В производстве чугуна Франция передвинулась с третьего места на второе, опередив Англию и уступая только Сев. Америке и Германии. В производстве стали Франция осталась попрежнему на четвертом месте только благодаря общему повышению размеров ее продукции, превышающей продукцию чугуна.

Политика тяжелой промышленности стала национальной политикой Франции, начав „влиять на лицо Франции и на ее положение на мировых рынках“. „Осознав“ происшедшую перемену, французская тяжелая промышленность, „неожиданно“ стала вывозящей промышленностью.[2]

Повысилось потребление каменного угля до 1.726 *кг* на жителя против 1.470 *кг* в 1913 г. и гидроэнергии до 2,5 млн. лош. сил против 1,5 млн. лош. сил. Потребление важнейших видов сырья на душу населения показывает также большое изменение по сравнению с прежним временем, обгоняя, в некоторых отношениях, потребление промышленного сырья в Германии.

[1] „Le genie civil“ от 19/IV 1926.
[2] „C'est que la siderurgie française, elle aussi, a connu son formidable évenement. Elle est devenue brusquement exportatrice“. „Les possibilités économiques de la France“. Discours de Peyrimpott.

Потребление важнейших видов сырья на душу населения (в килограммах): [1]

	1913 г.		1924 г.		1925 г.	
	Германия	Франция	Германия	Франция	Германия	Франция
Уголь . . .	2.470,0	1.623,0	2.163,0	1.927,0	2.212,0	1.700,0
Нефть . .	17,2	13,3	3,8	36,2	7,4	35,4
Железо . . Сталь . . .	401,0	228,0	—	—	324,0	312,0
Каучук . .	0,3	0,15	0,4	0,88	0,7	0,94
Хлопок . .	7,2	6,8	4,3	7,1	5,9	8,1
Джут . . .	2,3	3,0	1,7	2,4	2,1	2,2
Шерсть . .	3,2	6,7	2,7	5,7	2,5	—
Шелк . . .	0,07	0,1	0,04	0,11	0,04	—

Стремительный рост французской промышленности, обострившей вопрос о рынках сбыта, придал жгучий характер проблеме сырья. Нации, обладающие развитой автомобильной, авиационной, текстильной промышленностью, имеющие значительный флот, могут быть — по словам Анри Озе — взяты в любой момент измором господами хлопка и королями нефти. [2] Обеспечение французской промышленности сырьем должно стать задачей французских колоний. Германия оказалась неспособной для роли „цивилизатора" своих колоний. Она их не получит обратно. Миссия Франции „цивилизовать" германские колонии. [3] Таким образом, промышленное развитие Франции предопределило напряжение ее колониальной экспансии выразившееся в среднем превратить свою колониальную империю в поставщика для промышленности метрополии сырья: хлопка, хлеба, каучука, нефти, все больше выступая, наравне с Англией, в роли мирового жандарма по отношению к колониальным народам. Порабощение колониальных стран, являвшееся традицией внешней политики империализма французских банков, получило новое и грозное для них экономическое содержание.

Стремительный темп индустриализации, стимулированный войной и восстановлением разрушенных департаментов, усилил старый процесс перегруппировки населения между городом и деревней, в сторону дальнейшего привлечения рабочих рук в промышленность. Сравнение статистических данных, относящихся к 1911 г. и к 1921 г. показывает заметный — новый — сдвиг в этом отношении:

Годы	Городск. населен. в абс. цифрах	В %%	Сельское населен. в абс. цифрах	В %%
1911		44,2	22.093.000	55,8
192	18.206.000	44,4	21.004.000	53,6

Вероятнее всего, что официальная статистика, отнюдь не отличающаяся во Франции большой точностью, преуменьшает процент городского населения, исчисляемого, кстати, Морисом Лер [4] в размере 52% всего населения Франции. Истина лежит, по всей видимости, где-то посреди этих „лимитов", приближаясь к 50% всего населения. Следует отметить, впрочем, что „относительное количество занятых в земледелии лиц не может быть определено непосредственно по числу индивидуумов,

[1] Е. Варга, „Франция и колониальный Восток". „Моск. Раб.", 1927 г., стр. 17.
[2] „La nouvelle orientation économique". Paris, 1924. p. 136.
[3] См. любопытную книжку „Notre torce tusure", Jean Dybowski. Paris. 1919.
[4] „Revue économique Interinationale". 1926., Julle, etc.

занятых непосредственно в земледелии. В капиталистических странах в сельскохозяйственном производстве участвуют косвенным образом многие, которые в неразвитых странах заняты в нем непосредственно. Разница, следовательно, кажется большей, чем на самом деле. Для цивилизации страны вообще эта разница, однако, имеет очень большое значение, даже поскольку она состоит лишь в том, что значительная часть участвующих в земледелии рабочих не занята в нем непосредственно, удалена от идиотизма сельской жизни и принадлежит к промышленному населению". [1]

В этой связи особое социально-политическое значение приобретает порождаемая индустриализацией страны рабочая миграция и в результате ее рост городов. Промышленная миграция населения вызвала быстрый рост городов. В 1911 г. насчитывалось в 90 департаментах 39 городов с населением свыше 50 тыс. чел., группирующих в себе 7.497.692 жителей, в 1921 г. — 48 городов с общим числом жителей в 8.298.500 чел. Значительно усилился в последнее время рост крупных городов, с населением свыше 100.000 чел., выросших в результате „пересадки" („transplantation") [2] промышленности. В 1921 г. количество таких городов определялось цифрой в 60 против 50 в 1921 г. [3] Особенно выделяются в этом отношении Марсель, С. Этьен, Лион, Страсбург, Бордо, Гавр, Тур, С. Назэр и другие города. [4]

Победа города над деревней, вынужденной все более и более отступать перед натиском растущей тяжелой промышленности, отнимающей у земледелия необходимые ему рабочие руки, [5] обусловила глубокий структурный кризис сельского хозяйства, вызвав взрыв народнических „протестов" против капиталистической индустриализации страны и экономической политики, диктуемой магнатами крупной индустрии. „Прошло то время, — восклицает М. Ожи-Ля-Рибе, — когда блестящие дворцы Версаля строились на крестьянской нищете. Но не придет то время, которое превратит Францию в промышленную страну, как это случилось с Англией." [6] Гипериндустриализация — роскошь, которую, не в пример Франции, могут себе позволить только те страны, которые располагают многочисленным населением. Франция, утверждает Марсель Паон, должна соразмерять развитие своей промышленности со своими человеческими ресурсами. Иначе — угроза обезлюдения деревни и „перманентный" ввоз рабочих рук из-за границы. [7] И совсем уже отзвуком довоенных настроений является запоздалое напоминание о том, что Франция, прежде всего,

[1] К. Маркс, „Теория приб. ценн.", т. II, ч. 2, стр. 152.
[2] „Report on the economic condition in France to march 1923", p. 41.
[3] „Weltwirtschaftliches Archiv", VII, 1927.
[4] Как города растут за счет деревни, иллюстрирует пример Клермон-Ферран, увеличившего свое население с 30.000 в 1876 г. по 82.577 чел. в 1921 г. и 100.000 чел. в 1924 г. Рост населения шел здесь, главным образом, за счет окружающих деревень, при чем среди оставшихся в них не мало таких, которые ежедневно, пользуясь рабочими поездами, ездят в город на работу, будучи потерянными для сельского хозяйства.
[5] По отдельным департаментам сельское население уменьшилось на 12—16%, вызвав острый кризис сельского хозяйства, принимающий на востоке Франции характер катастрофы. Крестьяне уходят не только на заводы, стремясь в город, они устремляются в мелочную и пищевую торговлю, нанимаются в прислуги и пр.
[6] „Французский крестьянин после войны". М. 1925 г., 122.
[7] „L'immigration en France"—M. Paon, p. 177.

земледельческая страна, „pays des ruraux", что богатство ее заключается, в первую очередь, в земле. Тщетным остался призыв направить главные усилия возрождающейся после войны страны „на землю и через землю", чтобы в ней не осталось ни одного клочка необработанной земли.[1] Затяжной кризис французского земледелия заставил того же народничего автора высказать мысль о том, что французские колонии должны принять более значительное и энергичное участие в снабжении метрополии недостающим ей хлебом.

Что же нового, в итоге, принесли Франции минувшие полтора десятка лет, минувшая война?—Эволюцию народного хозяйства Франции в сторону замены в значительной мере производства хлеба производством железа, ставшим, по словам Бомеллера, национальной французской промышленностью, и ускорение темпа старого процесса индустриализации страны ценою стремительного роста диспропорции и экономических противоречий между растущим городом и пустеющей деревней. Война дала могучий толчок, ускоривший темп структурных изменений французского народного хозяйства в сторону все большего обессиления сельского хозяйства, вынужденного сдавать — одну за другой — свои позиции перед мощью концентрированной тяжелой промышленности. Война, ставшая в рамках капиталистического хозяйства методом индустриализации, закрепила промышленное развитие Франции ценою военного уничтожения значительной части национального богатства и ограбления широчайших масс населения в пользу тяжелой промышленности. Военное и послевоенное перераспределение национального богатства, приблизившее к осуществлению старое предсказание Gouverneur'a Morris'a, писавшего во время Великой французской революции о том, что „нерушимый закон (частной) собственности заключается в том, что в каждой правильно организованной стране небольшое число (людей) должно в скором времени завладеть всеми, а большинство (подавляющее) должно потерять все",[2] отточило „социальный вопрос". Стремительный темп промышленной жизни, впитывающий в себя и революционизирующий новые крестьянские контингенты, придал напряженный характер рабочему движению. Логика развитого капиталистического хозяйства, продолжающего неудержимое стремление к новым захватам, к новому и все большему расширению поля эксплоатации ценою, по возможности, полной ликвидации „коллективной инициативы", воплощенной в глазах капиталистических предпринимателей в государственных предприятиях,[3] вызывает растущее сопротивление рабочего класса, придавая политической жизни страны оттенок неустойчивости, напряженности и движения, сменившего прежний ровный ритм. Индустриальная Франция, превратившаяся в важнейший фактор равновесия международного капиталистического хозяйства — в мирового жандарма — стала, диалектически, первоклассным фактором срыва капиталистической стабилизации, вызывая дальнейшее обострение международной капиталистической борьбы за рынки сбыта и за источники сырья.

[1] „Ce que peut la France vivante", p. 221.

[2] „L'histoire, de la révolution française". J. Jaurec, VII, p. 21.

[3] Образчиками подобного рода „агитационной" литературы могут служить книжки „Le bilon d'étatisme"—Ad. Delemer'a и „La richesse de l'état français"— Comte de Fels.

И. М. Гурфинкель

Забытая промышленность

(Газовое дело в СССР и современное состояние его на Западе)

Из доклада, прочитанного в ноябре 1927 г. в Совете с'ездов государственной промышленности и торговли управляющим московским газовым заводом инженером Н. Е. Ивановым,— выяснилось, что в настоящее время на всей территории СССР действует только один московский газовый завод, производительностью в 20.000.000 *куб. м* газа в год. Подушное потребление газа для Москвы — около 10 *куб. м*, а подушное потребление по всему Советскому Союзу составит около 0,15 *куб. м* в год.

Эти цифры интересно сопоставить с потреблением газа в других странах.

Таблица 1[1]

Потребление городского газа (Town Gas) в 1925 г. в разных странах

Страны	Общее потребление в куб. метрах в год	Подушное потребление в куб. метрах в год
Великобритания и Ирландия	8.400.000.000	178
Германия	3.200.000.000	51
Франция	1.485.000.000	40
Австралия	630.000.000	117
Италия	586.000.000	15
Голландия	509.000.000	74
Австрия	197.000.000	30
Швейцария	111.000.000	38
Швеция	106.000.000	18
Норвегия	47.000.000	18
Чехо-Словакия	83.000.000	6
СССР	20.000.000	0,15

В С.-А.С.Ш. потребление газа, как природного, так и из угля, значительно превысило европейские цифры.

Таблица 2

Потребление газа в С.-А. С. Ш. в 1919 году в *куб. м* (по Д. Погу)

Светильный газ	1.850.000.000
Водяной газ из угля	5.100.000.000
Нефтяной газ	750.000.000
Разный газ	1.450.000.000
Природный газ	18.000.000.000
Итого	27.150.000.000

[1] Deutsche Grossgasversorgung.

т.-е. на душу населения приходилось в 1919 г. 270 *куб. м.* Однако, уже в 1923 г. подушное потребление одного только природного газа достигло 280 *куб. м*, а светильного и водяного (не считая нефтяного) было 91 *куб. м*, что дает общее годовое потребление газа, равное около 40.000.000.000 *куб. м.*

Если в настоящее время газовой промышленности в СССР почти не существует, то, с одной стороны, это должно быть об'яснено сугубо неблагоприятными обстоятельствами, сложившимися для газовой промышленности в годы мировой и гражданской войны, а с другой — тем, что в нынешний период хозяйственного восстановления страны до газовой промышленности, очевидно, очередь еще не дошла.

Электрификация более популярна, чем газофикация, а между тем значение газовой промышленности для целого ряда областей таково, что уже давно пора обратить на нее внимание не меньшее, чем на электрическую промышленность.

Проблема нового жилищного строительства так же неразрывно связана с газоснабжением домов, как с вопросами водоснабжения, канализации и т. д.

Новые методы получения угольного газа и новые открытия в деле получения кокса из некоксующихся углей (Cobb, Lander) значительно расширяют область использования углей, которые до сего времени считались непригодными для газофикации и коксования и вызывают к жизни угольные месторождения, считавшиеся малоценными.

Достаточно отметить, что германская газовая промышленность, ставшая на путь широкого использования низкосортных углей, в этом отношении добилась больших успехов.

Таблица 3[1]

Стоимость производства газа на трех больших германских газовых заводах

	Завод 1		Завод 2		Завод 3	
	Расходы					
	Пфен.	В %%%	Пфен.	В %%%	Пфен.	В %%%
Получение газа . . .	5,5	34,3	8,2	50,5	6,8	36,1
Распределение газа .	2,1	13,1			2,5	13,3
Администрация . . .	2,0	12,5	2,0	12,4	3,4	18,1
%%% на капитал . .	3,0	18,8	3,3	20,4	2,4	12,8
Налоги	0,8	5,0	0,4	2,5	1,6	18,5
Прибыль	2,6	16,3	2,1	14,2	2,3	11,2
Продажная цена . .	16,0	—	16,0	—	19,0	—

Анализируя приведенные цифры, надо констатировать, что существеннейшим фактором стоимости газа является цена на уголь и кокс и обеспеченность сбыта кокса.

На Западе кокс газовых печей находит себе применение как топливо для центрального отопления и для домашних нужд (очагов), но с ним усиленно конкурируют брикеты и отсевной кокс коксовых печей. Эта конкуренция имеет своим последствием то, что рынок сбыта газового кокса не может особенно сильно расти и цены на этот кокс не могут быть особенно рентабельными. Между тем, при расширении газового производства неминуемо должен быть расширен рынок сбыта кокса

[1] Заимствовано из книги „Deutsche Grossgasversorgung".

(конечно, без снижения цен на последний), что не всегда возможно, а в последнее время, на Западе, даже вовсе неосуществимо. Прогресс техники (металлургии), с одной стороны, и коксования — с другой, сделал то, что выход кокса из коксовальных печей повысился, а потребность кокса для выплавки металла понизилась, вследствие чего из общего количества германских коксовальных печей 18.038—5.473 печи должны были быть остановлены (24,8%), что указывает на то, что даже сбыт кокса более дешевого и лучшего качества ныне затруднен. Эти обстоятельства долгое время тормозили рост газовой промышленности, но последние десятилетия принесли нечто новое газовому делу.

Новое в газовом деле не является в буквальном значении слова „новым". Это не потрясающее открытие или изобретение, а остроумное комбинирование (сочетание) уже давно известных методов получения газа с теми или иными свойствами углей и особенностями газопотребления.

До сего времени мы говорили только о дорогом светильном (городском) газе. Но на ряду с ним существуют и дешевые виды газа, к числу которых нужно отнести: 1) доменный газ, 2) газ коксовых печей (высокой и низкой температуры) и 3) все виды генераторного газа (безостаточная газофикация). Доменный газ — самый бедный по теплотворной способности (900—1.000 кал.) — большей частью обслуживает собственные нужды металлургического производства (каупера, котлы, воздуходувки и т. п.) и как слишком бедный газ почти не применим для целей городского газоснабжения. Простой генераторный газ также мало подходит для этой цели, в то время как водяной (2.500—2.800 кал.), смешанный (1.500—1.700 кал.) и двойной водяной газ (2.800—3.200 кал.) вполне подходят для этой цели. Сочетание совместного использования этих газов, на ряду с методами обогащения газа карбюрацией и другими способами, дало толчок к развитию современного газоснабжения городов. Что касается коксового газа, самого богатого после светильного, то он вполне применим для газоснабжения, и целый ряд местностей в Америке и в Западной Европе снабжаются этим газом.

Разные методы получения газа приводят к разным его выходам из одной тонны угля, что особенно наглядно показали опыты профессора Штрахе (Вена). Эти опыты, произведенные над одним и тем же углем (7.000 кал.), дали результаты, приведенные в нижеследующей таблице.

Таблица 4[1]

Выходы различных газов из одной тонны угля

Метод получения газа	Выход газа из 1 *т* в $м^3$	Теплотворная способность (в кал.)	
		1 куб. метр	Всего получено газа
Ретортные печи . . .	220	5.500	1.200.000
Коксовые печи . . .	300—150=150[2]	4.000	600.000
Обыкн. газогенератор .	3.000	1.500	4.500.000
Водяной „ .	1.500	2.800	4.200.000
Двойной „ .	1.560	3.200	5.000.000

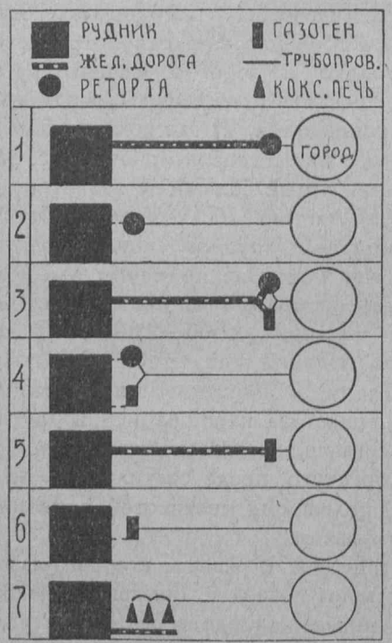
[1] Strache, „Complete Gasification", The Transactions of the First World Power Conference, v. III.

[2] Из 300 $м^3$—150 $м^3$ идет на собственные нужды.

Из этой таблицы видно, что лучше всего используется теплотворная способность угля при получении двойного газа. Следующий за ним обыкновенный генераторный газ слишком беден и посему второе место должно быть отведено водяному газу. Этот газ начинает занимать первенствующее значение как для целей промышленности, так и для целей газоснабжения городов.

Однако, надо иметь в виду, что вопрос газоснабжения (простого или комбинированного) разрешается не столько техническими методами, сколько экономическими подсчетами и для каждого данного случая имеет самостоятельное решение, зависящее от природы угля, размеров потребления, цен на уголь, фрахтов, возможности сбывать кокс и т. п.

Различные способы газоснабжения (эволюция их)

Диагр. 1

Для разных экономических условий способы решения вопросов газоснабжения различны, но, вообще говоря, этих способов не много. Ниже дан перечень главнейших из них и для наглядности приведена диаграмма схема, иллюстрирующая постепенную эволюцию способов газоснабжения.

1 способ соответствует обычному газовому заводу с печами ретортного типа.

2 способ. Районный газовый завод, расположенный у места добычи угля и передающий газ к месту его потребления (город) по длинному газопроводу — дальнее газоснабжение.

3 способ. Обычный газовый завод, расположенный в черте города и вырабатывающий светильный газ, который разбавляется водяным газом, получаемым полной газофикацией газового кокса в генераторах.

4 способ. То же сочетание ретортных газовых печей с газогенераторами на водяном газе, но сам завод расположен вне города, у места добычи угля (районный газовый завод — дальнее газоснабжение).

5 способ. Новый тип городского газового завода, на котором взамен ретортных печей поставлены газогенераторы для получения водяного газа (американская практика) или двойного газа (европейская практика).

6 способ. Районный газовый завод, работающий на генераторном газе или на сочетании генераторного газа с газом низкотемпературного или обычного коксования (дальнее газоснабжение).

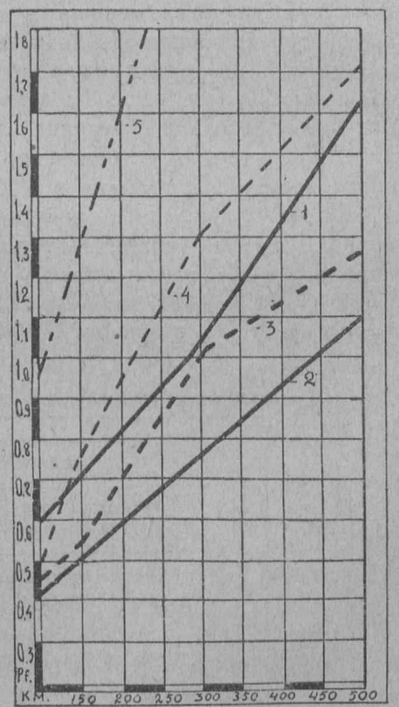
7 способ. Для целей газоснабжения используется избыточный газ коксовых печей, вырабатывающих кокс, как основной продукт, а газ как побочный.

1. Городской газовый завод обычного типа. Самый старый способ газоснабжения и наиболее распространенный — городской газовый завод с ретортными газовыми печами, в которых происходит возгонка угля без доступа воздуха и в которых на ряду с выделением из угля газа происходит образование кокса.

Главнейшими недостатками такого завода являются: 1) медленная газофикация угля в ретортах (от 10 до 30 часов) и малая производительность реторт, что влечет, при сколько-нибудь значительном потреблении газа, сооружение большого количества печей (дороговизна капитальных затрат); 2) ограниченная пропускная способность распределительной сети вследствие низкого давления в ней газа, что влечет значительные капитальные затраты на расширение сети при расширении потребления и 3) необходимость иметь обеспеченный сбыт кокса.

Сравнительная стоимость транспорта газа и угля для газодобывания

1. Трансп. 1 *куб. м* газа при 200 млн. *т*
2. „ 1 „ „ „ „ 800 „ „
3. „ 1 *кг* угля
4. „ 1,3 „ „
5. „ 2,3 „ „

Диагр. 2

Ограниченная пропускная способность сети при непрерывном росте населения больших городов служила большим препятствием развитию газового дела и с этим препятствием нужно было повести борьбу. Средством борьбы было выбрано повышение давления в сети, что стало возможным только после введения автогенной сварки стыковых соединений труб. В старых муфточных соединениях повышение давления отзывалось увеличением потерь на утечку вследствие неплотности соединений. В новых соединениях эти недостатки были устранены.

При современной технике газового дела газофикация во многих случаях может конкурировать с электрификацией, при чем высокое давление при газофикации играет ту же роль, что высокое напряжение при электрификации.

Транспорт газа. Переходя к вопросу о транспорте газа, следует отметить, что, как это видно из схемы, даже обычные газовые заводы стараются заменить транспорт угля транспортом газа к потребителю. При известных условиях это безусловно выгодно.

Расходы по транспорту газа слагаются из трех статей: 1) процентные отчисления от стоимости газопровода; 2) процентные отчисления от стоимости компрессоров и 3) эксплоатационные расходы (компрессия и наблюдение за трубами). Эти три величины тесно связаны между со-

бою. Так, если хотят добиться небольшой затраты на трубы, можно выбрать большие давления и, повысив эксплоатационные расходы, понизить отчисления, и наоборот.

Кривая стоимости газопровода резко растет с повышением диаметра трубы и давления. Очевидно, чем больше диаметр труб, тем меньше нужна компрессия при пропуске одного и того же количества газа. Максимум расхода на трубы совпадает с минимумом расхода на компрессии и наоборот. Поэтому суммарная кривая должна иметь точку перегиба, которая соответствует наивыгоднейшему случаю, т.-е. по этой точке находятся наивыгоднейшие сечения труб и давление.

Для каждого расстояния и для каждого расхода газа эти величины, разумеется, будут различны, но знать их очень интересно. Так, акц. общ. für Kohlenverwertung проделало кропотливую и очень интересную работу. Оно подсчитало необходимые диаметры и компрессии для разных случаев. Эти данные приведены нами в графическом виде на диагр. 2 (стр. 227) для двух случаев качания в год 200 млн. и 300 млн. куб. метров. Подсчитав по наивыгоднейшим размерам стоимость сооружения и эксплоатации его, не трудно было определить стоимость транспорта 1 *куб. м* газа. Оставалось еще сравнить эту стоимость с тарифом на провоз угля. Здесь для сравнения взять эквивалент 1 *куб. м* газа равный 1 *кг* угля. Сделано это на основании следующих соображений: теплотворная способность угля принята в 7.000 кал.; теплотворная способность газа — в 4.200 кал.; коэфициент полезного действия угля в домашнем обиходе принят 0,3 — 0,4; коэфициент полезного действия газа в домашнем обиходе 0,6 — 0,8; тогда имеем, что полезно используются из 1 *кг* угля $7.000 \times 0,35 = 2.450$ кал. из 1 *куб. м* газа $4.200 \times 0,6 = 2.520$ кал.; т.-е. эффект от сгорания 1 *куб. м* газа равен эффекту от сгорания.

Таблица 5[1]

Сравнительная стоимость (в пфеннигах) транспорта угля и 1 *куб. м* газа

Длина газопровода *км*	Стоимость транспорта 1 куб. метра газа					Тариф (герман.) на транспорт угля		
	Количество газа (в млн *куб. м*)							
	200	400	600	800	1250			
	Количество газа, качаемого в час					1 *кг*	2,3	2,3–1,0
	25.000	50.000	75.000	100.000	150.000	(пфенниги)		
500	1,65	1,34	1,18	1,11	1,00	1,29	2,97	1,68
400	1,36	1,09	0,99	0,94	0,85	1,22	2,80	1,58
300	1,00	0,87	0,80	0,77	0,68	1,01	2,32	1,31
200	0,85	0,71	0,64	0,6	0,57	0,71	1,64	0,93
150	0,72	0,59	0,54	0,52	0,49	0,56	1,29	0,73
100	0,58	0,51	0,47	0,44	0,41	0,41	0,95	0,54

Из табл. 5 видно, что для некоторых случаев провоз 1 *кг* угля обходится дешевле, чем транспорт 1 *куб. м* газа. Однако, для выявления экономии, получаемой при транспорте газа взамен транспорта угля, нужно

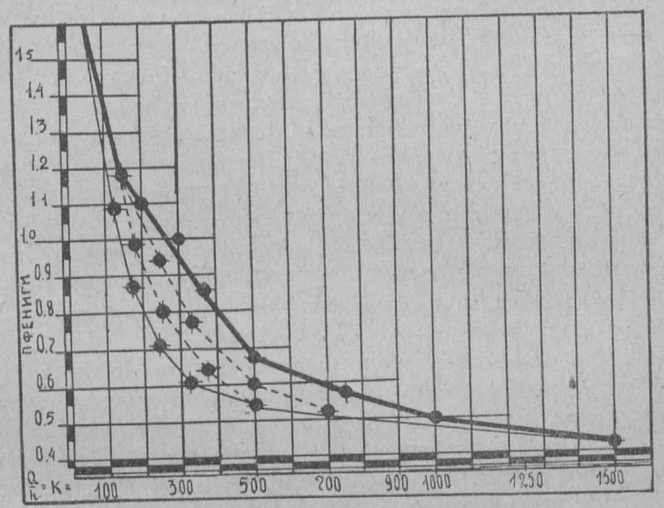
[1] Deutsche Grossgasversorgung.

принять во внимание, что для получения 1 *куб. м* газа нужно подвести 2,3 *кг* угля, а если отнять от стоимости провоза угля стоимость транспорта 1 *кг* кокса (фрахт кокса), то в сравнение нужно ввести фрахт 1,3 *кг* угля, а в этом случае транспорт 1 *куб. м* газа всегда дешевле чем 1,3 *кг* угля. Но независимо от этого, большое количество газа, заключенное в длинном газопроводе дает экономию при сооружении его, ибо длинный трубопровод является хранилищем газа. Это обстоятельство чрезвычайно удобно в том смысле, что дает возможность работать компрессорам почти с постоянной средней загрузкой (газ при незначительных расходах собирается (уплотняется) в газопроводе, а при повышенном расходе — расходуется из этого аккумулятора).

Стоимость транспорта газа как функция $\frac{Q}{H}$

(составлена по табл. 5)

Верхняя кривая — верхний предел стоимости
Нижняя „ — нижний „ „

Диагр. 3

На основании данных Kohlenverwertung мы попытались выявить кривую стоимости транспорта газа в зависимости от соотношения:

$$\frac{Q_n}{L} = K$$

где Q = часовой расход газа, а L — длина трубопровода в километрах.

Эта кривая приведена на диагр. 3.

Приведенные данные соответствуют немецким условиям.

Небезынтересно привести и абсолютные затраты, которые необходимо произвести при сооружении дальнего газоснабжения:

Таблица 6

Капитальные затраты и эксплоатационные расходы для двух газопроводов, длиною 200 *км* каждый

Диаметр трубопровода	325 *мм* (13″)	550 *мм* (22″)
Давление (начальное)	18 атм.	18 атм.
Годовое количество качаемого газа .	200.000.000 *км*	800.000.000 *км*
Средний часовой расход	25.000 *куб. м*	100.000 *куб. м*
Полная стоимость газопровода . .	7.915.000 марок	14.108.000 марок
„ „ компрессорн. станций	500.000 „	1.600.000 „
Итого капит. затрат	8.415.000 „	15.708.000 „
Эксплоатация в год	800.000 „	3.049.000 „
Отчисления, амортиз. капит. и т.п. 12%	1.000.000 „	2.000.000 „
Итого годовой расход	1.800.000 „	5.049.000 „
Стоимость транспорта 1 куб. *м* газа	0,9 пфен.	0.625 пфен.

Таким образом, в довоенных рублях газопровод протяжением от Донецких копей к Ростову должен стоить, примерно, около 5.000.000 руб., а газопровод из Подмосковного бассейна в Москву—около 8.000.000 руб.

Говоря о дальнем газоснабжении, мы все время оперируем большими расходами газа, что необходимо для экономичности функционирования. Кроме того, дешевый газ, если его дать в город, сразу станет тем, что сейчас принято называть „дефицитным товаром", особенно, сообразуясь с теперешним производством газа в СССР. Пример германских городов снабжающихся дешевым газом коксовых печей в этом отношении очень поучителен.

2. Районный газовый завод обычного ретортного типа. Создание таких заводов явилось уже шагом вперед в деле удешевления газа. Здесь все удешевление основано на централизованности производства и сокращений расходов транспорта, ибо газовый завод расположен вблизи рудников и транспорт угля заменен транспортом газа. То, что завод лежит вне города, влечет за собою неудобства, заключающиеся в более низкой цене на кокс франко—рудник, чем франко—завод—город, и в необходимости иметь постоянного крупного покупателя кокса. Таким образом, и здесь, вопросы о сбыте кокса остаются нерешенными и являются значительным препятствием к удешевлению газа. Естественно, что такие заводы могут возникнуть там, где имеются дешевые коксующиеся угли и где обеспечен сбыт кокса.

Что касается техники транспорта газа от газовых заводов к месту сбыта, то здесь можно провести полную аналогию между высоковольтными линиями электрических передач и газопроводом высокого давления. Более подробно об этом было сказано выше. В Германии имеется целый ряд таких районных газовых заводов, которые работают весьма рентабельно и некоторые из них имеют огромные распределительные сети и больший радиус снабжения. Для характеристики таких заводов достаточно упомянуть районный газовый завод акц. общ. Восточно-Саксонского дальнего газоснабжения (Das Ferngaswerk der Gasversorgung Ost Sachsen A. G. in Heidenau bei Dresden), который снабжает газом 103 городских и сельских местности, при радиусе снабжения 70 *км* и общей длине распределительной сети в 300 *км*.

Таким образом, районный газовый завод, являясь крупным газовым заводом с централизованным производством, вполне аналогичен районной электрической станции.

Главнейшие условия сооружения таких районных заводов следующие: 1) наличие постоянных потребителей, 2) по возможности ровная нагрузка, 3) наличие дешевого коксующегося угля, 4) наличие экономических условий, удешевляющих газ по сравнению с децентрализованным производством.

Таким образом, подобно тому, как вопрос о целесообразности постройки той или иной районной электрической станции подвергается всестороннему изучению с экономической и с технической стороны,— вопрос о сооружении районного газового завода должен быть подвергнут той же проверке.

В частности, на обширной территории СССР, несомненно, найдутся такие местности, где создание районного газового завода может оказаться технически возможным и экономически целесообразным.

К таким местностям может быть отнесен в первую очередь Ленинград, при условии завоза туда дешевого английского угля. Если бы превратить Ленинградский газовый завод в районную станцию, снабжающую газом довольно густонаселенную промышленную округу Ленинграда, то налицо будут почти все условия экономической выгодности такого рода преобразования, ибо районному заводу обеспечены: 1) сбыт кокса; 2) потребитель газа (население и промышленники) и 3) дешевый английский уголь.

Ткварчеловское месторождение близ Сухума, дающее спекающийся кокс (33%), и квибульское месторождение близ Кутаиса (61% кокса) могут служить базой для районных газовых станций, ибо вследствие трудности перевозки уголь на самом месторождении дешев.

Вопрос, конечно, в том, насколько эти места обеспечены потребителем. Но, по нашему мнению, дешевый газ рождает потребителя, и посему это опасение должно отпасть.

Возможно, что некоторые местности в Донецком бассейне, Кузнецком бассейне, Судженском районе, на Западном Урале и др. могут представить благоприятные условия для создания районных газопроводов.

Что касается Подмосковного бассейна, то очевидно, что здесь районный газовый завод типа обычных заводов неосуществим, вследствие того, что подмосковные угли некоксующиеся, т.-е. неспекающиеся, и посему для подмосковного угля нужно искать других способов газофикации.

Районные газовые заводы дают в некоторых случаях удачное разрешение проблемы газоснабжения, но не разрешают проблему целиком, ибо они страдают теми же недостатками, что и всякие газовые заводы (ретортного типа).

Проблема же дешевого городского газа разрешается двумя путями: 1) полной газофикацией угля с получением достаточно теплотворного газа и 2) использованием газа коксовальных печей.

В таких местностях, которые по своему географическому положению не могут сбывать кокса, этот кокс является не плюсом для газоснабжения, а минусом. Чтобы бороться с этим злом, равно как с целью возможно больше удешевить городской газ, в Америке уже давно практикуется разбавление светильного газа газогенераторным (водяным), получаемым полной газофикацией кокса (этот способ применяется также и на московском газовом заводе).

Этим методом пользовались как средством применить кокс, остающийся на газовых заводах при депрессиях коксового рынка, равно как для целей увеличения производительности газовых заводов — без значительного увеличения капитальных затрат, в результате чего получились смешанные методы газоснабжения (3 и 4).

3 способ. Увеличение производительности (расширение существующих газовых заводов обычного типа) путем газофикации кокса. Приведенные два метода газоснабжения дают решение вопроса сбыта избыточного кокса, который не находит себе помещения на рынке и который газофицируется на газовом заводе с превращением кокса, при добавлении пара, в водяной угольный газ. Водяным газом, более бедным по сравнению со светильным газом, разбавляется последний, чем сразу достигаются три выгоды:

1) Значительно увеличивается производительность завода без добавочных затрат на уголь и транспорт его.

2) Уменьшаются капитальные затраты, ибо ретортные печи частично для газофикации кокса заменяются менее дорогими газогенераторами.

3) Депрессии коксового рынка не отражаются на коммерческой стороне газового завода. Таким образом, этот метод является как бы компромиссом между старым способом газоснабжения и новым и, в большинстве случаев, применяется там, где нужно увеличить газоснабжение и где старый газовый завод еще не настолько изношен и амортизировался, чтобы совершенно уйти со сцены. Посему по этому методу практикуется увеличение производительности существующих газовых заводов.

4 способ, как мы уже указывали, относится к увеличению и расширению производительности районных газовых заводов, для которых при этом отпадают заботы о сбыте кокса.

5. Новый тип газового завода без ретортных печей. Мало по малу оказалось выгодным совершенно заменить городской светильный газ городским водяным газом, и этот способ широко стал применяться в С.-А. С. Ш.

Для того чтобы иллюстрировать какие размеры принимает современное получение водяного газа для нужд городского населения, приводим краткое описание (Power, 27/II 1927 г.) только что пущенного в ход завода Гаррисона для получения водяного газа в Нью-Джерсей.

Завод производит в год 500.000.000 *куб. м* газа, пожирая для этой цели 360.000 тонн угля (1.000 тонн угля в сутки). На этом заводе почти все рекордно. Рекорден об'ем газгольдера — 500.000 *куб. м* рекордна добыча газа на одном заводе, рекордны газогенераторы, которых всего 8 шт., при чем каждый газофицирует рекордное количество угля — 125 тонн угля в сутки. Рекордно то, что все выделяющееся при горячем дутье тепло используется в рекуперативных котлах. Каждый газогенератор снабжен рекуперативным котлом в 375 *куб. м*, давление 16 атмосфер.

Котлы питают паровые турбины, приводящие в движение эксгаусторы, газовые насосы и проч. механизмы, а отработанный пар от турбины поступает в газогенератор для образования водяного газа (при паровом дутье).

Так как самозамкнуться полностью процесс, разумеется, не может, то имеются в ходу еще 4 котла по 515 *кв. м* восполняющие нехватку пара и работающие на угольной мелочи (остатки отсева генераторного угля).

Для Америки, которая привыкла иметь дело с естественным газом в 10.000 кал. (в 1 *куб. м*), водяной газ в 2.800 калорий слишком беден, и посему этот газ сдабривают (насыщают) либо нефтью (испаряют нефть и пар ее примешивают к газу), либо маслами и смолами — побочными продуктами газофикации.

В Европе более распространено получение двойного газа — того же водяного, но с примесью газа от низко-температурного коксования угля. Карбонизационные газы выделяются в верхней части шахты того же газогенератора, в котором добывается водяной газ, и смешиваются с основным продуктом генераторного процесса — водяным газом.

Двойной газ, впервые предложенный д-м Штрахе, получил в Европе широкое распространение. Достаточно сказать, что Вена, Рим и Гельсингфорс, не говоря уже о целом ряде других меньших городах снабжаются этим газом.

Здесь мы вплотную подошли к решению вопроса о дешевом городском газе, но этот газ все еще не является самым дешевым.

Не случайно, что двойной газ применяется в Риме, Гельсингфорсе, Фиуме, Вене, Лайбахе, Удино и проч. Все эти города лежат далеко от угля и, нуждаясь в газе, вынуждены для его приготовления привозить уголь издалека.

Очевидно, что для того чтобы газ был дешев, им необходимо максимально использовать уголь и максимально снизить расходы по транспорту угля.

Эту задачу — максимально использовать уголь, т.-е. уменьшить количество потребного для газофикации угля, городской водяной газ разрешил вполне.

Количество потребного угля при полной газофикации составляет 0,7 — 1 *кг* на 1 *куб м* газа вместо 2—3 *кг* при получении светильного газа. Транспорт же удешевляется только настолько, насколько уменьшается количество подвозимого топлива.

Для тех условий, в которых находятся города Рим, Вена и Гельсингфорс, двойной газа является самым дешевым.

В аналогичных условиях будут находиться такие города СССР, как Одесса, Севастополь, Минск, Витебск, Архангельск, Нижний-Новгород, Самара, Саратов и друг., т.-е. такие города, которые лежат вне угольных районов и которые вынуждены либо ввозить уголь для получения газа, либо вовсе обходиться без газа. Но города Аахен, Лейпциг, Кельн, Бреславль, Екатеринослав, города Донбасса, Ростов н/Дону, Москва, Тифлис, Киев, Тула, Рязань, Калуга, Томск, Иркутск, Кузнецк, Красноярск и т. п. могут применять водяной газ для целей газоснабжения, сэкономив еще и на транспорте, путем введения дальнего газоснабжения, т.-е. постройкой районного газогенераторного завода у рудника газоснабжения.

6. Районный газогенераторный завод безретортного типа, газофицирующий уголь на месте его добычи и превращающий его в водяной (двойной или карбюрированный) газ. Такой завод может быть приурочен к месторождениям второсортных и некоксующихся углей, и благодаря дешевизне этих углей может снабжать чрезвычайно дешевым газом местности по большему радиусу.

Низкосортные угли с большим зольным и водяным балластом, рассыпчатые и землистые угли, равно как и угольная мелочь, могут стать, будучи превращенными в газ, первосортным топливом не только для домашних нужд, но и для целей промышленного отопления котлов и проч. приборов.

Районный газовый завод газогенераторного типа, при благоприятных экономических условиях (концентрация сбыта, дешевизна угля и умеренный радиус снабжения) становится не простым газовым заводом, а энергетической базой, главным образом, для промышленности, и в этом его особенности и преимущества.

Целый ряд местностей в СССР мог бы основать свое газоснабжение на таких заводах, при чем в первую очередь следует упомянуть Москву (подмосковные угли), Тифлис и Сухум (ткварчеловское месторождение), Киев (бурые угли екатеринопольского месторождения), Зиновьевск и Кременчуг (бурые угли бассейна р. Бежки), Тула, Рязань, Калуга и Боровичи (подмосковные угли).

Но особенно благоприятно сочетаются условия такого газоснабжения для Москвы на подмосковном угольном (водяном) газе. Наличие огромного возможного рынка сбыта газа делает вполне реальной подачу в Москву газа в количестве до 600.000.000 *куб. м* газа уже в первые годы, что при цене подмосковного угля в 4 р. 20 к.—4 р. 50 к. тонна франко — рудник даст возможность продавать в Москве газ (водяной, карбюрированный — 3.500 кал.) по цене не дороже 2—$2^1/_2$ коп. 1 *куб. м.*

При этой цене, которую можно вполне реально достигнуть,[1] газ будет дешевле всех топлив применяемых промышленностью и населением Москвы, особенно если принять во внимание, что газ продается франко — топка, а топливо франко — станция железной дороги и на него нарастают еще расходы внутризаводского транспорта, удаления золы и т. п.

Мы рассчитываем изложить главнейшие черты московского газоснабжения в другой статье, так как размеры этой статьи не позволяют нам этого сделать теперь же.

7. Газоснабжение путем использования избыточного газа коксовых печей. Следующий этап в деле удешевления газоснабжения — это метод применения коксовального газа — побочного продукта производства кокса, который не на много уступает светильному газу в теплотворной способности, но значительно меньше стоит в добыче.

На коксовых добычах мы и остановимся несколько подробнее.

Газ коксовых печей. Этот газ является побочным продуктом коксового производства и выделяется в количестве около 320 *куб. м* из 1 тонны среднего качества угля, оставляя 780 *кг* кокса. Газ довольно теплотворный, около 5.000 кал. в 1 *куб. м.* Часть добываемого газа обычно идет на отопление печей ($50^0/_0$), а остальные $50^0/_0$ служат разным целям (генераторной энергии, отоплению котлов и проч.).

В Германии в 1926 г. было переработано на кокс около 34.000.000 тонн угля, при чем было получено около 11.000.000.000 *куб. м* газа и 26.000.000 тонн кокса. Из этих 11.000.000.000 *куб. м* газа $50^0/_0$ пошло на собственное отопление печей, а $45^0/_0$ на разные нужды рудника и металлических заводов и только $5^0/_0$ было распределено по трубопроводам дальнего протяжения для целей городского газоснабжения.

Казалось бы, раз весь коксовый газ находит применение, то для дальнего газоснабжения никаких значительных остатков получено быть не может. В действительности это не совсем так.

Техника получения кокса различает четыре рода печей, в которых добывается кокс: 1) пламенные печи без улавливания побочных продуктов (Flamenöfen) — наиболее старые и несовершенные; 2) рекуперативные печи с использованием теряющегося жара под паровыми котлами и с небольшим выходом избыточного газа (Abhitzöfen) — почти полное потребление газа; 3) регенеративные печи с большим выходом избыточного газа — $10^0/_0$—$50^0/_0$ потребления газа и 4) комбинированные печи на слабом газе с $100^0/_0$ выходом избыточного газа (Verbundöfen).

[1] По поручению треста „Москвоуголь" автором этой статьи разработаны материалы и необходимые предпосылки к техническому проекту дальнего газоснабжения Москвы, выдержками из каковой работы мы, с разрешения „Москвоугля", надеемся поделиться с читателями.

В Германии имеется в настоящее время 18.038 коксовых печей, которые по отдельным конструкциям (видам) распределяются следующим образом:

Пламенные . .	$1{,}8^0/_0$	от общего числа и	$0{,}8^0/_0$	от общей производительности.
Рекуперат. . .	$34^0/_0$	„ „	$28{,}8^0/_0$	„ „
Регенерат. . .	$54{,}9^0/_0$	„ „	$57{,}0^0/_0$	„ „
Комбиниров. .	$9{,}3^0/_0$	„ „	$13{,}4^0/_0$	„ „

Вот в этом отношении и кроется весь план снабжения Германии газом коксовых печей.

Замена богатого коксового газа, идущего на отопление коксовых печей, бедным генераторным газом и постепенная замена устаревших типов печей (пламенных, рекуперативных и регенеративных) новейшими комбинированными печами — должны освободить достаточное количество газа для снабжения всей Германии. Так, уже сейчас один Рурский бассейн, вырабатывая до 9 мрд. *куб. м* газа в год, может дать свободных остатков только от комбинированных печей 2,5 мрд. *куб. м* газа в год, а если понадобится, то и до 4 мрд. *куб. м.* Между тем, вся потребность Германии выражается, примерно, в 3.200.000 *куб. м* в год.

Конечно, такой грандиозный проект, как снабжение всей Германии газом рейнско-вестфальских коксовых печей, зародился не сразу, и если теперь Германия стоит перед постепенным претворением этого плана в жизнь, то этому предшествовал опыт эксплоатации дальних газопроводов сперва в небольшом масштабе. Постепенно размеры газоснабжения росли, равно как и росли радиусы снабжения. Высокое давление в газопроводе, подобно высокому вольтажу, победило пространство и сделало возможным снабжать газом довольно отдаленные места.

Трубопроводы, дальнего протяжения зародились с 1910 г. в окрестностях Эссена, длиною около 10 *км*, постепенно ширились и росли и в настоящее время вся сеть их имеет протяжение свыше 500 *км.* Эксплоатация этих газопроводов была великолепной школой и испытанием для экономики и техники газоснабжения, и результаты ее сказались в создании грандиозного проекта снабжения всей Германии газом коксовых печей.

В процессе эксплоатации дальних газопроводов были найдены способы не только снабдить дешевым газом большее количество городского населения, но и попутно улучшить финансовое положение рудников, снабжающих углем коксовальные печи.

Улучшение финансового положения таких рудников получилось, как следствие использования для целей отопления коксовальных печей угольной мелочи, которая в Рурском бассейне достигает следующей величины:

	Угольная мелочь (в $^0/_0$):
Газовый уголь	35
Жирная спекающаяся	60
Кузнечный	65
Тощий	50

При этом, в то время как мелочь жирных углей благодаря своей спекаемости находит себе применение, мелочь кузнечных тощих углей расценивается в $2^1/_2$ раза дешевле хорошего экспортного угля (отсевной орех № 2—26,40 марок, мелочь —11,90 марок, а для тощих углей даже почти в 5 раз дешевле —44,66 марок, орех № 2— мелочь —8,90 марок, между тем как газогенераторный уголь расценивается в 16,87 марок,[1]). т. е. почти в два раза дороже дешевой тощей мелочи.

Применение для отопления коксовых печей этой дешевой мелочи (в виде газогенераторного газа) не только понизило затраты на производство кокса (за коксовый газ выручаются деньги, часть коих идет на покрытие расходов по приобретению угольной мелочи, а часть остается в виде прибыли), но дало возможность снизить стоимость хорошего угля и выйти с ним на внешний рынок.

Таким образом были получены следующие выгоды: 1) население получило дешевый газ; 2) стоимость сортового угля снижена и 3) угольная промышленность получила барыши не только от продажи газа, но и от выхода на внешний рынок.

Эти экономические и технические обстоятельства создали благоприятные предпосылки для разработки проекта дальнего газоснабжения Германии, проекта, близкого к своему осуществлению (правда, не сразу, а постепенно) и вызвавшего ожесточенное сопротивление газовых заводов, которым он угрожает.

В стране с явно выраженными противоречиями капиталистических интересов это сопротивление крайне характерно, ибо всегда найдутся круги, материально заинтересованные в том, чтобы не дать осуществиться тем истинно культурным и хозяйственным благам, которые несет этот проект.

Однако, как бы не было заманчиво снабжение городов коксовым газом, надо признать, что дальнее газоснабжение, основанное на таком газе, может быть осуществлено только в странах, находящихся в особо благоприятных для этого условиях. (Страны, в которых велико добывание кокса и которые густо заселены — Германия, Англия, Бельгия.)

Для СССР нужно признать, что дальнее газоснабжение на коксовом газе может иметь место в очень редких и особенно благоприятных случаях.

Тем не менее, газоснабжение городов Донецкого бассейна коксовым газом может получить благоприятное разрешение, следуя по пути организации коксодобывания для экспорта. Тогда продажа в городе избыточного газа сможет сыграть огромную роль в деле экспорта кокса, что видно из следующего расчета.

Из 1 тонны угля, стоимостью франко — коксовая печь — 10 руб. выходит около 0,75 тонны кокса, что дает стоимость угля на 1 тонну кокса — 13 руб. Если при этом будет получено 350 *куб. м* газа, из коих 150 пойдут на отопление, а 200 будут проданы на сторону по 5 коп. 1 *куб. м*, то за вычетом всех расходов около 1 коп. доход от продажи газа составит: $4 \times 200 = 800$ коп., что удешевит кокс на 8 руб. Если в среднем считать, что кокс стоит около 15 руб. тонна, то удешевление на 8 руб. составит более $50^0/_0$, что составит значительное достижение.

[1] Цены Рейнско-Вестф. угольного синдиката на 1/X 1926 г.

При цене в 7—9 руб. франко — Мариуполь русский кокс мог бы вытеснить все иностранные коксы на всем побережьи Средиземного моря, так как английский кокс стоит фоб Ньюкестль около 12 руб., а германский франко — Рур — от 12 до 15 руб.

Будет или не будет все осуществлено, покажет будущее.

Возможно, не за горами тот день, когда нужно будет искать экспортный товар для пополнения убыли в экспорте нефтепродуктов (под влиянием производства нефти из угля) и тогда такие товары, как кокс и ферроманган, требующий для своего приготовления много кокса, могут получить большое значение в экспорте СССР, а для того чтобы этот экспорт был безубыточным и даже прибыльным, его нужно будет сочетать с использованием коксового газа для целей снабжения городов и населенных местностей.

Но как бы и когда бы вопрос о газоснабжении коксовым газом не был поставлен из всего вышесказанного нужно заключить, что строить новые коксовые печи нужно таким путем, чтобы все $100^0/_0$ коксового газа могли быть освобождены для целей газоснабжения.

Таким образом, развитие газового дела в СССР ставится в неразрывную связь с оживлением некоторых угольных бассейнов и с увеличением добычи угля, и эти обстоятельства переводят вопросы газоснабжения из разряда вопросов местного значения в разряд общегосударственных вопросов, откладывать разрешение каковых не следует.

Ник. Шпанов

Европейско-Азиатская воздушная магистраль[1]

Неоспоримо, что наиболее короткие пути, могущие связать Западную Европу со всеми странами Дальнего Востока, лежат через нашу страну. Это положение остается в силе при всех видах транспорта. Следовательно, мы будем в дальнейшем считать установленным основное положение,— что территория СССР является единственным наивыгоднейшим мостом между Западной Европой и всем западным побережьем Тихого океана. Когда же мы подойдем к рассмотрению вопроса о возможностях воздушного сообщения, открывающихся при использовании крайних северных пределов нашей территории, то границы приведенного положения еще значительно расширятся на Восток, вплоть до западного побережья американского материка.

Прежде всего, о сухопутном сообщении. Связь всей Европы в том числе и Европейской части Союза ССР с Восточной Сибирью и Дальним Востоком осуществляется единственной железнодорожной магистралью так называемым Великим Сибирским путем. При самом беглом взгляде на карту не может не броситься в глаза необычайная слабость коммуникации, исчерпывающейся одной тонкой нитью железной дороги. Как естественное следствие такого положения мы имеем чрезвычайно слабое развитие хозяйственной жизни огромного района, лежащего к северу от Сибирской железной дороги, т.-е., исчисляя по площади, приблизительно 75% сибирской территории оказываются выключенными из общей хозяйственной жизни страны, если не в полном смысле этого слова, то во всяком случае в достаточном для того, чтобы этот богатейший край не мог использовать 99% своих производительных возможностей. Наличие в крае даже таких мощных водных путей как Обь, Енисей и Лена также не решает вопроса в силу климатических особенностей Сибири.

Схема расположения железнодорожной линии и отходящих от нее к северу больших судоходных рек должна бы на первый взгляд создавать условия вполне благоприятного общения Южной Сибири, по которой эта дорога пролегает, с северными районами и, главным образом, с побережьем Северного Ледовитого океана. Но, к сожалению, за наличие такого общения говорит только географическая схема, в действительности же, вследствие полного транспортного, а следовательно, и хозяйственного омертвения всего морского побережья, условий для сколько-нибудь развитых сношений по сибирским речным магистралям нет. Коснувшись вопроса о сношениях с сибирским побережьем Ледовитого океана, нам совершенно необходимо вкратце остановиться на возможности создания мореходства вдоль этого побережья. Этот вопрос представляется тем более существенным и интересным, что уже в течение почти

[1] В порядке обсуждения. Ред.

четырех веков человечество добивается возможности его осуществления. Так же как наша Сибирь представляет собою единственный в своем роде рациональный сухопутный мост между Европой и восточными пределами Азии, так же точно и омывающий северное побережье этой Сибири Ледовитый океан является наикратчайшим водным путем, могущим соединить европейские воды с бассейном Тихого Океана.

Стремление к исследованию южного полярного бассейна носит чисто научный характер; северный же бассейн в течение многих веков был предметом глубочайшего внимания мореплавателей по причинам политико-экономическим. Однако, в настоящее время можно считать уже вполне установленной невозможность сколько-нибудь правильного мореплавания между западной и восточной частями Северо-Восточного морского пути.

Таким образом, остаются разобщенными между собою районы побережья, тяготеющие к Оби и Енисею, с одной стороны, и к Лене—с другой; разобщенными в смысле возможности организации прямого грузового или даже пассажирского сообщения являются в значительной степени и бассейны этих рек. Наконец, что особенно существенно, представляется невозможной прямая транзитная связь Европы с Тихим океаном по кратчайшему Северо-Восточному морскому пути. Для того, чтобы морской груз мог попасть из Европы к устьям Лены, он должен совершить значительной сложности и длины плавание вокруг всего азиатского материка в Тихий океан и затем, миновав Берингов пролив, следовать вдоль побережья Сибири. Не лучше обстоит дело и с пассажирскими перевозками, которые могут быть осуществимы лишь в короткий навигационый период из тихоокеанских портов или по течению Лены. Практически можно считать совершенно отсутствующей возможность регулярного пассажирского сообщения в указанном направлении, поскольку мы рассматриваем всякую пассажирскую перевозку как требующую затраты некоторого определенного минимума времени.

К сожалению, нельзя считать вполне благополучным и существующее железнодорожное пассажирское сообщение через нашу Сибирь. Сибирская магистраль подчиняется тем же законам, каким подчиняется и всякая другая железная дорога, и для нее перевозка пассажиров никогда не может сделаться настолько рентабельной, чтобы стимулировать техническое совершенствование дороги, позволяющее надеяться на преодоление ее огромного протяжения в сроки, более или менее приемлемые для современного пассажирского движения. Если в довоенное время пассажир из Ленинграда и Москвы мог достичь Владивостока на девятые сутки, то теперь он достигает его более чем в одиннадцать суток и было бы ошибкой думать, что дорога может достичь значительных результатов в смысле ускорения движения без огромных денежных вложений.

При таком положении вещей надо считать правильным стремление разгрузить Сибирскую железнодорожную магистраль от срочного почтово-пассажирского движения, при чем единственным решением вопроса в этом отношени может быть создание воздушной магистрали.

При этом могут быть приняты два способа решения этой задачи при помощи воздушного сообщения. Первый способ — удовлетворить потребность в транзитной связи крайних пунктов, заинтересованных в сообщении между собой. При этом способе конечные пункты воздушной магистрали должны далеко выйти за пределы Союза ССР, все же промежу-

точные центры (за небольшим исключением), лежащие по линии, окажутся выключенными из сообщения. Второй способ — удовлетворение транзитного сообщения между крайними пунктами линии, но с обязательным включением в ее обслуживание и всех значительных промышленных или политических центров, лежащих на маршруте, воздушных судов.

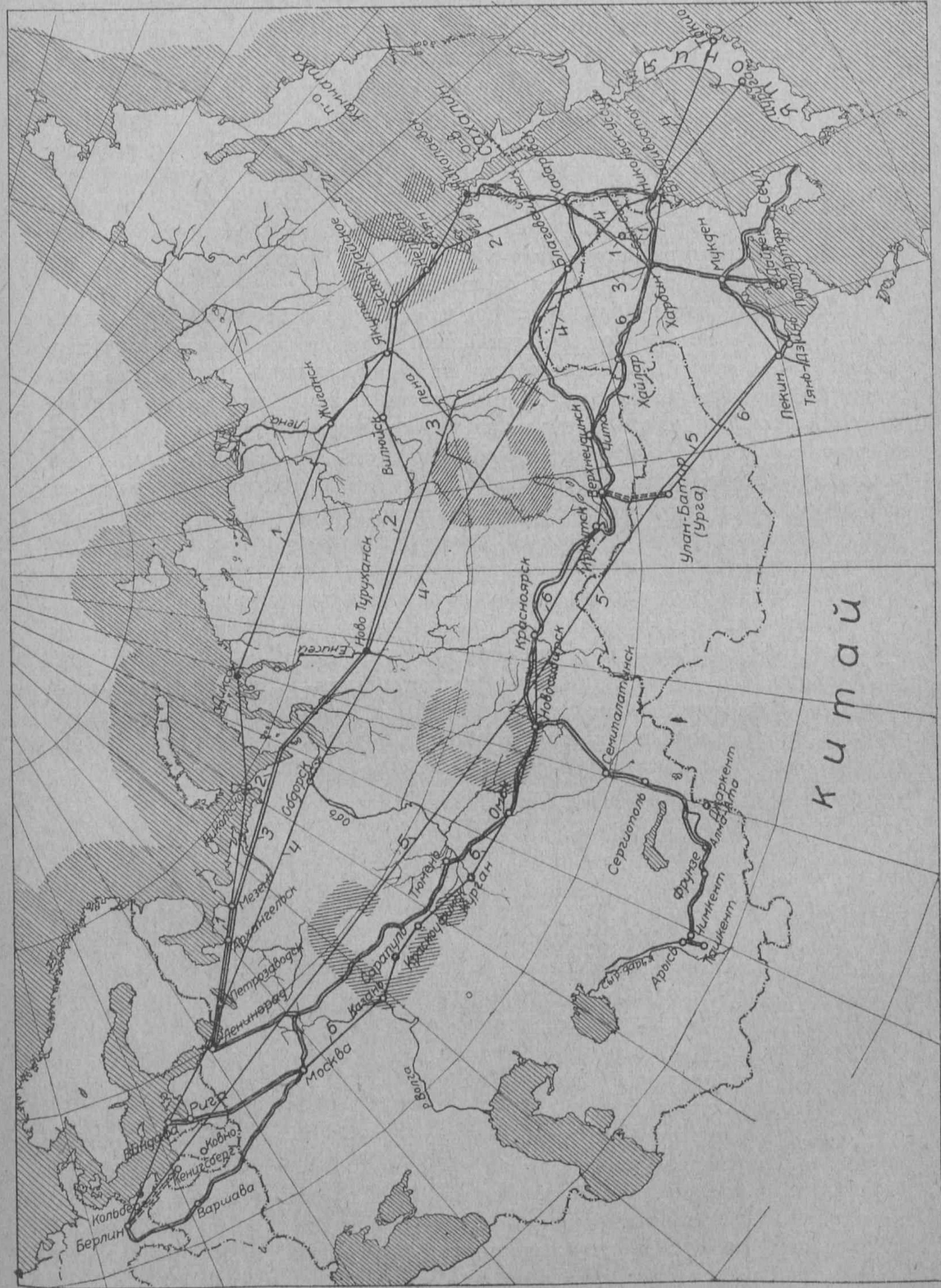
Два этих решения и являются основными предпосылками, на основании которых должно быть выбрано средство осуществления воздушного сообщения на линии.

Современная аэротехника дает два решения: дирижабли (управляемые воздушные корабли) и самолеты. Говоря о дирижаблях, мы будем иметь в виду лишь корабли большого об‘ема, обеспечивающие возможность непрерывного движения на больших расстояниях, так как только в таких условиях могут быть выявлены основные преимущества дирижабля перед самолетом, как средства сообщения на сверхдальних дистанциях. Говоря о самолетах, мы будем подразумевать современные большие транспортные машины, по преимуществу многомоторные, которые в данных условиях могут быть признаны единственно приемлемыми для пассажирских перевозок.

За последний год или два иностранная пресса усиленно занимается вопросом о возможности установления транзитного воздушного сообщения между западно-европейскими центрами и Дальним Востоком, через Союз ССР. При этом и дирижаблю и самолету уделяется достаточно много внимания, и у того и у другого находятся свои сторонники в связи с проектами организации такого рода линий, выдвинутыми крупнейшими германскими воздушными об‘единениями. Оба эти проекта представляют для нас значительный интерес, но прежде чем приступить к их рассмотрению необходимо сказать несколько слов о технической природе взятых этими проектами за основу транспортных средств.

Огромным преимуществом дирижабля, по сравнению с современным самолетом, является возможность сосредоточения в одном воздушном судне очень большой грузопод‘емности, исчисляемой несколькими десятками тонн, тогда как полезная нагрузка наиболее крупных современных самолетов исчисляется еще только единицами тонн. Это обстоятельство создает возможность забирать на борт судна такие количества горючего, которые позволяют совершать полеты очень большой продолжительности без необходимости пополнения запасов. В настоящее время можно считать вполне нормальной для большого дирижабля продолжительность пребывания в воздухе от 50 до 80 часов без ущерба для его коммерческого груза (т.-е. без необходимости понижать коммерческую нагрузку для увеличения за ее счет запасов горючего).

Вторым очень существенным преимуществом дирижабля является его статический полет в противоположность динамическому полету самолета, где самый факт пребывания в воздухе обусловливается необходимостью движения, со скоростью не ниже той, при которой данный самолет может держаться в воздухе без явной для себя опасности. Дирижабль может пребывать в воздухе в состоянии покоя, с неработающими моторными установками. При современном уровне моторной техники это является весьма существенным свойством воздушного корабля, обеспечивающим за ним несравненно большую надежность полета нежели за самолетом

Этими двумя основными качествами воздушного корабля обусловливается целый ряд его преимуществ перед самолетом и в навигационном отношении. Дирижабль имеет возможность взять на борт целый ряд оборудований, позволяющих ему совершать полет в условиях полной невидимости земной поверхности, не исключая и тумана, являющегося до настоящего времени истинным бичом авиации. Вследствие недостаточной грузоподъемности самолет лишен возможности иметь на борту многие из приборов, доступных дирижаблю, в том числе и мощную радиоустановку, необходимую не только для поддержания постоянной связи с землей при значительном удалении от земных радиостанций, но и для прямых целей навигации (путем радиопеленгации).

Наконец, у дирижабля имеется и еще одно преимущество перед самолетом — он не требует для остановки наличия больших ровных площадей земли, если в данном месте не предусмотрена его длительная стоянка. Для стоянок небольшой относительно продолжительности дирижаблю достаточно иметь причальную мачту, которая может быть установлена в условиях, совершенно неприемлемых для посадки самолетов, вплоть до вершины горы. На ряду с отсутствием необходимости для дирижабля большого числа промежуточных баз на линии, отсутствуют так же требования на большие, заранее и тщательно подготовленные площадки для приземления создает исключительно выгодные условия для дирижабля с точки зрения земного оборудования на предполагаемой воздушной линии.

Но на ряду с перечисленными преимуществами дирижабль обладает и весьма существенными недостатками. Первым и основным из них является то, что до настоящего времени приходится говорить исключительно о возможности наполнения дирижабля водородом, так как вопрос о гелии продолжает оставаться вопросом больным и не подающим надежд на скорое и благополучное разрешение. А самый факт наполнения оболочки дирижабля легко воспламеняющимся водородом не только не говорит за безопасность путешествия на воздушном корабле, но и до известной степени ставит под сомнение все расчеты, которые строятся при организации линии для сравнительно очень небольшого числа кораблей (всего два, три), хотя и надо сказать, что последние годы работы над техникой оборудования дирижаблей сводят до минимума возможные причины аварий из-за воспламенения газа. Соображение о возможности потери кораблей должно играть значительную роль при организации воздушного сообщения, так как дирижабль является чрезвычайно ценным сооружением, потеря которого не так легко и быстро возмещается. В этом отношении линия, работающая на самолетах, находится в несравненно более выгодных условиях.

Практика транспортной работы дирижаблей до настоящего времени еще весьма невелика и исчерпывается одной Германией, где восьмью кораблями Цеппелина в период до мировой войны и после нее было выполнено 1.700 пассажирских полетов, общей продолжительностью в 3.700 часов, за время которых перевезено около 40.000 пассажиров. Справедливость требует отметить, что ни один из этих 40.000 перевезенных пассажиров не пострадал.[1] При этом, конечно, нужно добавить

[1] Aeronautica; International monthly devoted to the development of aeronautics. Vol. № 8, Dec, 1927.

и то, что техника дирижаблестроения с тех пор сделала некоторые и даже значительные шаги вперед, но все же не была применена для мирных надобностей. Здесь мы совершенно не трогаем богатого опыта воздухоплавания в области военного применения, выразившегося за период мировой войны в постройке одной Германией 90 воздушных кораблей, выполнивших свыше 1.600 полетов (при этом из поступивших на службу 97 дирижаблей 90 было потеряно)[1].

В отношении практики и накопления опыта транспортная авиация идет, конечно, далеко впереди воздухоплавания, но именно поэтому несколько более подробный разбор воздухоплавательного проекта большой воздушной линии, выставляемого немцами, и представляет значительно больший интерес. Многое, что ясно в отношении линии, обслуживаемой самолетами, подлежит обсуждению и критике в линии, обслуживаемой дирижаблями.

Переходя к детальному ознакомлению с проектом транссибирского воздушного пути на дирижаблях, составленным германским воздухоплавателем капитаном Брунс, мы лишены, к сожалению, возможности вносить какие бы то ни было коррективы, основанные на соображениях, диктуемых практикой или хотя бы иными компетентными проектами так как содержание наиболее крупных и интересных из них нам неизвестно. К числу таковых относятся близкий к осуществлению проект огромной воздушной магистрали Англия—Индия и очень интересной трансатлантической линии Севилья — Буэнос-Айрес. Оба эти проекта должны быть реализованы летом текущего года — первый на английских жестких кораблях, об'емом в 100 и 140 тысяч кубических метров, а второй — на корабле Цеппелина об'емом в 105 тысяч кубических метров.

Можно, во всяком случае, с полной достоверностью сказать, что основные исходные данные, принятые капитаном Брунс при составлении своего проекта воздушной линии, вполне соответствуют современному состоянию воздухоплавательной техники и ее реальным возможностям. Так, в своих подсчетах Брунс руководится технической скоростью дирижабля в 130 *км* в час и коммерческой скоростью в 100 километров в час; скорость эта вполне реальна, и, следовательно, основанные на ней расчеты могут быть приняты, как верные. Далее, та же скорость большого дирижабля (от 30 до 36 метров в секунду) может быть признана вполне достаточной для того, чтобы дирижабль мог выдержать движение по курсу при наличии ветров значительной силы, граничащих со штормовыми, и во всяком случае достаточна для того, чтобы выйти из трудного положения в случае неожиданной встречи с неблагоприятным ветром чрезмерной силы. Наличие на борту радиопеленгаторной установки, с радиусом действия в 2—2,5 тысячи километров, обеспечивает навигационные нужды дирижабля вполне.

Таким образом, можно признать, что перелет этот не является технически неосуществимым.

Что касается радиуса действия воздушного корабля, то протяжение всей линии от Ленинграда до Владивостока при движении вдоль Сибирской железной дороги (через Вятку) и через Амурскую железную дорогу,

[1] Das Zeppelinluftschiff, seine Entwicklung, Tätigkeit und Zeistungen von Franz collmann, Kraynverlag, Berlin.

составляет 9.500 километров, т.-е. 95 часов полета. При движении вдоль Китайско-Восточной ж. д. это расстояние сокращается еще на 1000 *км*, т.-е. будет 8.500 километров, что составит для корабля 85 часов полета. Оба эти расстояния не являются непреодолимыми для дирижабля без промежуточных остановок (при условии, конечно, достаточного его об'ема, о чем речь будет ниже). Это — часть маршрута, наиболее интересующая нашу страну: Ленинград—Владивосток. Но было бы ошибкой говорить об организации подобного рода линии без ее естественного продолжения в обе стороны: на запад, по крайней мере, до Берлина, как средне-европейского узла воздушных путей, и на Восток до Токио или до Пекина. Поэтому нам представляется вполне целесообразным включить такого рода продолжение линии в круг нашего рассмотрения.

Следует заметить, что при составлении проекта любой воздушной линии представляется вполне рациональным стремиться к максимальному сокращению пути за счет прокладки его по дуге большого круга (если не поставлено других специальных условий).

Если мы от Ленинграда на Владивосток будем следовать по дуге большого круга, то, почти не уклоняясь от нее, пройдем следующим образом: от Ленинграда через Ладожское и Онежское озера на Архангельск, около которого проходим на небольшом расстоянии. Далее, чтобы избежать необходимости переходить Урал, имеющий здесь около 1.600 метров, курс несколько уклоняется к северу в направлении на остров Вайгач у Карских ворот и далее на Диксон в устье Енисея. Здесь следует оговориться, что район Диксона является одним из наименее благоприятных в отношении метеорологических условий, так как здесь господствуют ветры значительной силы на протяжении круглого года, изменяясь по направлению. От Диксона курс лежит через Жиганск прямо на Якутск, не встречая на пути каких-либо значительных возвышенностей. Следующий за Якутском этап представляется наиболее интересным, так как, уклоняясь к юго-востоку, курс лежит над плоскогорьем, поднимающимся к Становому хребту. Этот хребет необходимо перейти над ущельем, высотою в 800 *м*, расположенным в 100 *км* к югу-западу от Аяна на берегу Охотского моря. Не представляя решительно никаких затруднений для преодоления в нормальных условиях, это Аянское ущелье представляет значительные неудобства при движении ночью, в тумане или при сильном ветре, граничащем со штормом. Хотя автор проекта относится к этому пункту весьма оптимистически, но нам кажется, что на практике могут встретиться условия, при которых нельзя будет воспользоваться Аянским ущельем и придется пересекать Становой хребет на высоте большей, нежели высота ограничивающих это ущелье вершин. От Аянского ущелья курс лежит к югу на устья Амура и далее долинами рек Амур и Сунгари спускается до Харбина, проходя около Хабаровска. Далее, используя долину реки Уссури, корабль спускается к Никольск-Уссурийскому и Владивостоку.

Карта не дает истинного представления об описанном пути. Несмотря на кажущиеся его отклонения от большого круга, этот маршрут в действительности всего на 600 *км* длиннее дуги большого круга, что составляет для корабля удлинение путешествия всего на 6 часов.

Следующий вариант предусматривает некоторое расхождение с первым, начиная от Аргангельска. Не отклоняясь на север подобно первому,

этот курс пролегает несколько южнее и пересекает Урал, не обходя его. При ясной погоде здесь возможно перейти Урал на высоте не более 500 метров. В случае недостаточной ясности приходится итти на большей высоте, без большого обхода. Обходя с севера Обдорск, курс лежит на Туруханск, лежащий при впадении Нижней Тунгузки в Енисей. Далее, придерживаясь направления восток-юго-восток, курс идет на среднее течение реки Нижней Тунгузки и, следуя несколько севернее ее, минует ряд возвышенностей, высотою 500—600 *м*, и у колена Нижней Тунгузки, где она делает резкий поворот к северо-западу, переходит водораздел между рекой Нижняя Тунгузка и бассейном реки Лены. Высота этого водораздела около 400 метров. Через некоторый промежуток курс совпадает с долиной реки Вилюй, следует по ней до Вилюйска и далее до Якутска. От Якутска этот вариант совпадает с предыдущим или может отклониться от него несколько к югу по проходе над Аянским ущельем.

Третий вариант курса совпадает со вторым вплоть до колена реки Вилюй, где он уклоняется к югу в направлении на Олекминск в обход кряжей, достигающих двух с половиной тысяч метров по высоте. От Олекминска курс лежит на пересечении Станового хребта в направлении на Амурскую ж. д. (ст. Уруша). По этому варианту Становой хребет пересекается на высоте 1.000 *м* проходом, шириною около 40 *км*. Будучи на 200 *м* выше Аянского ущелья, этот перевал значительно удобнее его благодаря большей ширине и, следовательно, гораздо большей свободе, предоставляемой кораблю при проходе. От ст. Уруша путь лежит по долине Амура, откуда затем склоняется прямо на юг к Харбину. Отроги Малого Хингана, которые надо здесь пересечь, не превосходят по высоте 100 метров. Этот курс может быть несколько видоизменен: от ст. Уруша можно долиной Амура итти до Благовещенска и Малый Хинган пересечь в ущельи Синаншень. Далее от Харбина представляются в свою очередь три возможности.

Первая — путь вдоль железной дороги до Никольск-Уссурийского, обойдя возвышенности цепи Ханкванцзайлинь с севера, так как они имеют здесь высоту до 1.000 *м*.

Вторая — можно итти долиной Сунгари до Сань-Синя и далее к юго-востоку, к Губареву, что несколько севернее Владивостока.

Третья — по руслу Сунгари и Амура подниматься к Хабаровску.

Описанными тремя вариантами исчерпываются собственно наиболее выгодные направления внутренней союзной линии Ленинград — Владивосток.

Если же мы обратимся теперь к следованию по дуге большого круга от Берлина на Токио, то путь пройдет через Кольберг — Виндаву — Кронштадт, — точка в 300 *км* к югу от Архангельска, — через северную часть Урала, — через Обдорск близь устья Оби, — через точку в 200 *км* к югу от Туруханска на Енисее, — далее к точке в 150 *км* к югу от Витима на Лене и по долине Витима к месту впадения реки Шилка в Амур, — далее через Благовещенск и через озеро Зенкай к району севернее Владивостока (Губарево) и далее до Токио. Кроме того в Японию может быть предусмотрен от Владивостока и путь на Цуругу.

Большой круг от Берлина на Пекин идет через местечко Леба, южнее Риги, — через точку в 300 *км* южнее Ленинграда, — Котлас — район

слияния Иртыша с Обью,— через точку в 150 *км* к югу от Красноярска, — в 200 *км* южнее озера Байкал, — в 100 *км* севернее Урги, оставляя несколько к югу Калган, на Пекин [1].

Для удобства дальнейшего изложения мы пронумеруем все описанные варианты последовательно номерами 1, 2, 3, 4 и 5, как показано на нашей карте (см. стр. 241) [2].

Западная Европа (Германия), оценивая описанные проекты капитана Брунса, склонна наиболее высоко расценивать четвертый и пятый варианты, особенно настойчиво выдвигая на первое место последний. Мы же никак с такой оценкой согласиться не можем и принуждены расценить его как наименее для нас интересный, в котором заинтересованность нашей страны, вопреки мнению немцев, представляется нам совершенно ничтожной, несмотря на то, что эта линия, проходя в подавляющей своей части по нашей территории, проникает затем в пределы дружественной нам Монгольской республики и затем Китая. Но априорно, не разбирая это направление в деталях, можно сказать, что его хозяйственное значение для нас невелико, если не отсутствует вовсе, что же касается политической ценности, то при известном корректировании других вариантов она может быть достигнута с неменьшим успехом.

Вариант четвертый, представляющий технически кратчайший путь из Берлина в Токио, кажется нам также в весьма незначительной степени удовлетворяющим хозяйственным потребностям нашей страны в силу пролегания по совершенно глухим местностям вне соприкосновения с северными городами, наиболее нуждающимися во включении в подобного рода линию.

Настоящий вариант, который является, быть может, и наиболее правильным в техническом отношении направлением из Берлина на Токио, также не представляется нам удовлетворительным, так как пролегает по районам, которые даже при развитии линии не могут сыграть существенного значения для ее оживления и, в свою очередь, в такого рода коммуникации нуждаются, вероятно, относительно не так, как ряд пунктов и районов, которые оказываются вне всякой возможности включения в работу линии. Правда, проект Брунса и не предусматривает остановок в пути (кроме варианта с малым кораблем, предусматривающего остановку в Туруханске), но нам представляется, что при детальной хозяйственной разработке проекта, вероятно, пришлось бы некоторое минимальное число промежуточных остановок предусмотреть. Что же касается вариантов четвертого и пятого, то первый дает к этому очень небольшие возможности и пятый исключает их вовсе, даже для таких

[1] В числе проектов, выставленных Брунсом, имеется еще вариант так называемой трансарктической воздушной магистрали, имеющей целью связать Западную Европу с портами Тихого океана. Этот вариант в свою очередь предусматривает две версии. Первая состоит из основной линии Берлин—Аляска по дуге большого круга через полярный бассейн. Отсюда две вспомогательных спускаются к югу—одна до С. Франциско, другая до Токио. Вторая версия предусматривает прямую линию Берлин – С. Франциско, без обслуживания Азиатского побережья. Так как этот проект затрагивает наши интересы лишь относительно, постольку, поскольку соприкасается с крайними северными пределами нашей территории, мы его не включаем в рассмотрение, хотя в его орбиту и входят отдельные весьма интересные моменты в роде базирования на землю Врангеля и другие. Н. Ш.

[2] Все данные об изложенных вариантах взяты из проекта Брунса. Н. Ш.

основных государственных наших центров, как Москва и Ленинград. Вообще, то обстоятельство, что и все последующие варианты Брунса рассматривают в качестве исходного пункта на нашей территории Ленинград, представляется нам не говорящим в пользу возможности развития как коммерческого, так и политического значения этой линии, хотя бы сторонники проекта и ссылались на железную дорогу Москва — Ленинград, как вполне решающую вопрос подвозную линию для пассажиров, почты и грузов, следующих на Восток из советской столицы.

Теперь о вариантах, в которых автор проекта берет исходным пунктом Ленинград — 1, 2, 3. Хотя автор и здесь считает необходимым предусмотреть по техническим соображениям единственную остановку в Туруханске для 2 и 3 вариантов, но вопрос этот уже есть вопрос последующей организации — в случае надобности число остановок может быть увеличено в пределах действительной необходимости. Нам же кажется, что такого рода действительная надобность во включении в воздушную магистраль ряда пунктов, лежащих на пути следования воздушного корабля, может представиться. Второй и третий варианты именно тем и отличаются выгодно от остальных, что захватывают весьма интересные для нас районы Оби, Енисея и Лены. Можно с большой долей вероятия утверждать уже сейчас, что включение в быстроработающую транспортную линию, общесоюзного и даже заграничного характера такой области, как Якутия, могло бы иметь огромное значение для поднятия хозяйственной жизни края.

Что касается варианта первого, то он также представляется нам достаточно интересным, как могущий служить к смягчению положения полной разобщенности прибрежных районов Оби и Енисея, с одной стороны, и Лены — с другой. Само собою разумеется, что и здесь нельзя было бы ограничиться установлением одной лишь промежуточной остановки, где то в районе Диксона, как то предусмотрено проектом. Вероятно, бассейн Лены, по долине которой пролегает курс корабля, должен был бы быть включенным в магистраль., Наконец, пункт, который обходится проектом,— включение в непосредственное обслуживание линией северной части нашего Тихоокеанского приморья — Хабаровск, Благовещенск, Николаевск. При условии работы лишь внутрисоюзного участка линии Ленинград—Владивосток для указанных городов может иметь значение, конечно, лишь западная большая часть линии, но при включении в линию главных городов Китая и Японии, этот вопрос становится для них интересным с точки зрения возможности использования обоих участков линии как к западу от них, так и к востоку, так как ускорение сношений и переездов получается разительно большим по сравнению с существующими путями сообщения в обе стороны.

Здесь мы приведем примерный расчет времени, необходимого для преодоления описанного пути, воздушному кораблю, об'емом в 105 и в 130 тыс. куб. метров, на каких основывается в своем проекте Брунс и каковые он считает единственно приемлемыми для линии подобного протяжения и наличных условий движения (см. табл. на стр. 248).

Разница между кажущимся временем полета и истинным происходит вследствие разницы во времени, существующей между пунктом отлета и пунктом прибытия. Так, например, разница между Ленинградом и Харбином составляет 6 час. 21 мин.

Продолжительность путешествия

	Продолжительность пути Кажущаяся час. мин.	Истинная час. мин.	Время в полете час. мин.	Время остановок. час. мин.
Путь к востоку	Без остановки в Туруха'нске			
Ленинград—Харбин	70 02	63 36	63 36	— —
Ленинград—Никольск-Уссурийский	84 0	77 19	70 21	6 58
Ленинград—Губарево	83 11	76 16	69 18	6 58
Ленинград—Хабаровск	48 33	77 34	70 36	6 58
Путь к западу				
Хабаровск—Ленинград	69 07	76 06	70 36	5 30
Губарево—Ленинград	67 53	74 48	69 18	5 30
Никольск-Уссурийский—Ленинград	69 04	75 51	70 21	5 30
Харбин—Ленинград	57 10	63 36	63 36	— —
Путь к востоку	С остановкой в Туруханске			
Ленинград—Харбин	75 02	68 36	63 36	5 —
Ленинград—Никольск-Уссурийский	89 06	82 19	70 21	11 58
Ленинград—Губарево	89 11	81 16	69 16	11 58
Ленинград—Хабаровск	89 33	82 34	70 36	11 58
Путь к западу				
Хабаровск—Ленинград	74 07	81 06	70 36	10 30
Губарево—Ленинград	72 53	79 48	69 18	10 30
Никольск-Уссурийский—Ленинград	74 —	80 51	70 21	10 30
Харбин—Ленинград	62 10	68 36	63 36	5 —

Само собою разумеется, что при включении в обслуживание воздушным кораблем каких-либо дополнительных пунктов, против предусмотренных проектом Брунса, несколько увеличиться и длительность путешествия, но на каждую остановку не следует предусматривать более 3—4 часов как максимум, если кораблю нет надобности пополнять свои запасы горючего, балласта и т. п. Конечно, если ради возможности обслуживания пассажиров, так сказать, местного следования придется повысить полезную грузопод'емность корабля, это придется сделать за счет его запасов горючего и пр. Тогда радиус действия его соответственно уменьшится и придется уже предусмотреть на линию лишнюю остановку-базу, где корабль будет пополнять свои запасы.

Нам представляется, что без потери своего значения быстрого транзитного средства сообщения, дирижабль мог бы иметь промежуточные остановки приблизительно через каждые две тысячи километров пути. По примерной прикидке при такой частоте остановок в зону действия воздушной магистрали оказались бы включенными и местные северные города — центры промышленной жизни и торговых сношений.

Обратимся теперь к вопросу о технической части, которая по мнению немецких воздухоплавателей необходима для возможности реализации перечисленных вариантов линии. Прежде всего, можно считать установленным, что речь должна итти исключительно о жестком дирижабле, так как современное состояние зарубежного дирижаблестроения не дает никаких оснований предполагать возможность осуществления столь больших перелетов на кораблях иного типа, кроме жесткого.

Брунс пред'являет такие требования к кораблю данной линии.

Максимальная скорость	36 *м*/сек.—130 *км*/час.
Экономическая скорость	28 *м*/сек.—100 *км*/час.
Наибольшая средняя собственная скорость на всей линии	32,3*м*/сек.—116 *км*/час.
На линии Ленинград—Харбин	30,2*м*/сек.—108,5*км*/час.

При подсчете об'ема, который должен иметь воздушный корабль, приходится исходить из следующих весов, кроме веса самой конструкции корабля (корпуса и силовых установок), необходимых эксплоатационных материалов и команды (в *кг*):

Помещение для 30 пассажиров (30.350)	10.500
„ для 4 офицеров (4.300)	1.200
„ для 36 чел. команды (36.100)	3.600
„ для грузов (10% от груза)	1.500
Машины для отопления помещений	4.500
Кухня и провизия	2.500
Балласт всякого рода	5.000
30 пассажиров с ручным багажом (30.100)	3.000
Почта и грузы	15.000
Всего . . .	48.000

В результате для полета с одной остановкой в пути для пополнения запасов корабля нужен об'ем 105.000 *куб. м*, а без остановки в пути 130.000 *куб. м*.

Нужный для полета без остановки корабль в 130.000 куб. метров имеет следующие размеры:

Наибольшая длина	257 *м*
„ ширина	33 „
„ высота	37 „

При полной работе всех моторов, суммарной мощностью в 3.500 лош. сил, скорость такого корабля будет 36 метров в секунду или 130 *км* в час; а при экономическом ходе на мощности в 2.100 лош. сил—30 *м* секунду, или 108 *км* в час. Расход горючего на полной работе моторов составляет 680 *кг* в час, а на экономическом ходу—420 *кг* в час.[1]

При расчете на движение при ветрах зимой общий расход горючего должен составить 33.250 *кг*.

Общая под'емная сила корабля в 130.000 куб. метров составляет 152.000 *кг*, не считая динамической под'емной силы в 13.000 *кг*.

Мертвый вес корабля, куда входят: корпус, машины, оборудование кают и отопление, производитель балласта в виде установки для конденсации водяных паров отходящих газов,—составляет 72.000 *кг*. Таким образом, на полезную нагрузку остается 80.000 *кг*. Из этих 80.000 *кг* следует отбросить на следующую нагрузку, постоянно находящуюся на борту воздушного корабля (в *кг*):

40 чел. экипажа на 100 *кг*	4000
Запасные части	1000
Балласт	3000
Эквивалент свободной под'емной способности до 300 *м* .	4000
Всего	12000

[1] Под экономическим ходом разумеется движение на трех моторах из пяти имеющихся при работе их на полных оборотах.

Следовательно, на нагрузку, которая может быть изменяема по желанию, остается 68.000 *кг*. По расчету в эти 68.000 *кг* должны войти (в *кг*):

Горючее	33250
20% запас горючего	6650
Провиант и кухня	2500
30 пассажиров	3000
Грузы	15000
А всего	60400

Свободная нагрузка для маневренного балласта составляет 7600 *кг*.

Приведенные данные о грузоподъемности говорят за то, что линия, обслуженная подобными кораблями, выходит из пределов почтово-пассажирской линии, и представляется полная возможность говорить о переброске по линии некоторого количества наиболее ценных грузов, способных выдержать воздушные тарифы.

В экономическом расчете линии автор проекта приходит к заключению, что стоимость „проезда" на воздушном корабле не превысит в конечном результате стоимости проезда в спальном вагоне скорого поезда, а если и превысит, то во всяком случае немногим. Мы позволяем себе думать, что если речь будет итти о коммерческой рентабельности линии (а только при таковой и мыслима ее организация), то едва ли можно говорить об отсутствии разницы между пассажирскими и почтовыми тарифами, принятыми на земле, и теми, которые должны быть установлены для данной воздушной линии. Во всяком случае если бы даже и пришлось в действительности несколько превысить существующие земные тарифы, в той степени, какая оправдывается, ускорением движения и удобствами, могущими быть предоставленными пассажирам, следующим в крайние северные пункты, то это не представляется ни в какой мере опасным для существования линии, так как такое превышение не отпугнет от линии значительного числа пассажиров, следующих транзитом из Западной Европы на Дальний Восток и крайний север.

Теперь несколько слов об оборудовании, какое должно быть предусмотрено на линии. Как было уже сказано, станции-остановки не должны иметь какого-либо оборудования кроме причальных мачт, что же касается станций-баз, то здесь приходится предусмотреть целый ряд всяких сооружений и оборудований и запасов. Прежде всего, необходимо говорить о станции-базе как о возможном убежище для корабля, а в таком случае совершенно необходимо наличие эллинга. Эллинг для современного дирижабля представляет собою чрезвычайно громоздкое и драгоценное сооружение. К счастью, еще можно не говорить о сооружении поворотных эллингов, так как направление ветров, более или менее постоянное на линии, позволяет рассчитывать на возможность ввести корабль в эллинг неподвижный. Размеры эллинга таковы:

	длина (*м*)	ширина (*м*)	высота (*м*)
Корабль 105.000 $м^3$	238	30,5	34,5
Эллинг для него	270	55	38
Корабль 130.000 $м^3$	257	33	37
Эллинг для него	290	60	43

Как видно, сооружение эллингов представляет серьезную задачу вследствие крайней громоздкости всего сооружения.

Значительно проще обстоит, конечно, дело с сооружением причальных мачт, которые должны иметь следующую высоту:

Для корабля в 105.000 *м*	61,6 *м*
„ „ в 130.000 *м*	66,8 *м*

Мачта в 70 *м* представляется вполне пригодной и желательной для того и другого размера кораблей.

Что касается газовых заводов, долженствующих давать водород кораблям, то они должны быть рассчитаны на суточную производительность в 10 тыс. куб. метров газа и оборудованы газгольдерами для хранения некоторого запаса газа, необходимого кораблю для подполнения при остановке.

Не стоит здесь подробно говорить о том, какого именно рода мастерские и склады необходимы на конечных станциях и на промежуточных базах. Представление о размерах складов может дать приведенный выше расчет потребления горючего моторами дирижабля. Если это не представляется сколько-нибудь затруднительным для конечных станций, находящихся в условиях возможности постоянного пополнения своих запасов, то значительно усложняет вопрос для промежуточной станции в случае ее расположения в каком-нибудь пункте в роде Туруханска, где представляется необходимым содержать запас горючего, нужный на весь период отрезанности от земных средств транспорта, т.е. в данном случае бездействия пароходства.

Как обязательное оборудование станций предусматривается наличие радиостанций.

Вот в кратких чертах та техническая часть, которая должна быть поставлена на обслуживание дирижабельной линии через Сибирь. В переводе на денежные затраты это составляет приблизительно 12—15 млн. рублей, при учете необходимости наличия в распоряжении линии трех кораблей, для установления рейсов не реже одного раза в неделю в каждую сторону.

Основным отличием линии, обслуживаемой на самолетах, от только что разобранных вариантов дирижабельной линии должно явиться то, что число необходимых остановок должно быть несравненно больше вследствие значительно меньшего радиуса действия современного транспортного самолета. Если принять за основу современные большие германские транспортные самолеты, хотя бы типа трехмоторного Юнкерса „G 24" или „G 31", какие подразумевает в большинстве случаев германская пресса, обсуждая вопрос о трансевразии, то все же дальность их полета в условиях нормальной эксплоатации не превысит 800 *км*. В таких условиях самолет будет в состоянии взять на борт 3600 *кг* полезного груза, в состав которого могут войти—13 пассажиров общим весом 1.040 *кг*. Остальное составит горючее и экипаж, почта или багаж, вес которых может быть увеличен за счет уменьшения числа пассажиров.

В силу того, что самолетная линия должна быть оборудована на своем пути значительным числом аэродромов и запасных посадочных площадок, почти совершенно не представляется возможным говорить о практическом проведении ее в таких северных широтах, в каких представляется наиболее рациональным пустить дирижабль. Да и кроме того если даже не говорить о каких бы то ни было запасных посадочных

площадках, то все же регулярные пассажирские полеты в направлениях, предусмотренных для воздушного корабля, представляются чрезвычайно трудно реализуемыми по причине риска, связанного с полетом на протяжении многих тысяч километров над местностями, которые практически приходится считать почти ненаселенными, и во всяком случае лишенными каких бы то ни было земных средств сообщения, могущих прийти на помощь линии не только в деле постоянного снабжения баз, но и просто в случаях всегда возможных аварий.

Таким образом, к услугам самолетов останется, вероятно, следующее основное направление, уже и в настоящее время достаточно хорошо изученное благодаря неоднократно совершавшимся по нему эпизодическим полетам: Москва — Казань — Сарапуль — Свердловск — Курган — Омск — Новосибирск — Красноярск — Иркутск — Верхнеудинск. Дальше возможны три варианта движения в зависимости от основного назначения линии и политической обстановки. При направлении линии непосредственно на Пекин или другой китайский центр путь будет лежать через Ургу на юго-восток. При направлении на Токио путь может итти от Урги на Пекин — Мукден — Сеул или через Харбин — Мукден. Это же направление может быть избрано и при направлении пути на Пекин. Наконец, при желании довести линию до Владивостока, минуя китайскую территорию, путь будет лежать вдоль линии Амурской железной дороги.

Что касается продолжения линии на запад, то здесь путь также хорошо изучен и облетан за несколько лет практики Дерулюфта и имеет такое основное направление: Смоленск — Ковно — Кенигсберг — Берлин.

Продолжительность полета по этой линии на участке Москва (Ленинград)—Владивосток должна составить примерно 60—66 часов, исходя из коммерческой скорости современного транспортного самолета в 130—140 *км* в час, а принимая во внимание минимум 8—10 промежуточных посадок длительностью по $1^1/_2$—2 часа, получим продолжительность всего путешествия в 72—86 часов.[1] Современем по мере совершенствования технической части линии эта скорость может, вероятно, несколько повышаться и, вероятно, через несколько лет может быть доведена до 200 *км* в час, что сведет продолжительность всего путешествия до 54—60 часов.

Самолетная линия, проходящая по указанному выше маршруту, имеет целый ряд серьезных преимуществ перед линией, обслуживаемой дирижаблями. Основным преимуществом, которое должно интересовать нас, является то, что эта линия, как неизбежно соприкасающаяся непосредственно со значительно большим числом посадочных пунктов, может в значительно большей степени охватить местные нужды, а это не является для нас последним аргументом даже в линии столь специфически транзитного значения. Конечно, для того чтобы это было осуществимо, необходимо предусмотреть некоторую свободную нагрузку для нетранзитных грузов и пассажиров на линейных самолетах, но это уже дело организации.

Имеет эта линия, конечно, и свои недостатки, и один из основных недостатков — при той же продолжительности путешествия что и у дирижабля, значительно меньшие удобства могут быть предоставлены пассажирам в пути и даже не представляющая ничего невероятного возможность пересадок.

[1] Конечно, при условии движения по линии в течение круглых суток. Н. Ш.

Основным недостатком самолетной линии с коммерческой точки зрения является, несомненно, ее значительно меньшая рентабельность. Быть может даже не меньшая рентабельность, а в первое время эксплоатации прямая убыточность. Этот случай не только не является невероятным, но даже, наоборот, вероятнее всего, что до известного момента уплотнения движения по линии выше некоторого критического минимума, линия должна быть именно убыточной. С этим моментом нельзя не считаться.

О возможности нанесения каких-либо убытков железным дорогам говорить не приходится, так как от них отойдет сравнительно небольшое число пассажиров, исключительно почти транзитного значения, что же касается грузов, то количественно они никаким образом не могут повлиять на интересы железных дорог, даже при наибольшей загруженности как самолетной, так и дирижабельной линии. И, напротив, в части чисто грузовых перевозок железные дороги только выиграют на грузах службы снабжения линии и хозяйственного развития края.

Пусть не покажется читателю странным, что, говоря об организации двух видов сообщения по воздушной линии, мы уделили значительное место дирижабельной и очень мало самолетной. Дело в том, что при достаточной изученности самолетной службы на воздушных сообщениях и в данном случае не представляется ничего экстраординарного в техническом отношении, на чем стоило бы долго останавливаться. Разве, что значительный интерес может представлять организация ночного движения на линии столь значительного протяжения и проходящей по относительно малонаселенным районам. Но это уже вопрос, достаточно специальный, которому здесь, пожалуй, не место. Что же касается вопроса организации линии на воздушных кораблях, то как было уже сказано, практика в этом деле почти ничтожна и вопрос, по существу, представляется достаточно новым, в особенности когда речь идет о создании линии в столь северных областях, что при некоторых вариантах путь пролегает в значительной части за полярным кругом и самая линия приобретает характер работающей в совершенно необычных, полярных условиях. Поэтому на ней и необходимо было остановиться с большой подробностью.

Теперь нам остается сказать несколько слов о тех материальных затратах, которые потребовались бы для организации каждой из указанных линий. При почти одинаковом организационном периоде для окончательного оформления полной жизни линий, самолетная линия отличается тем, что ее организация может носить характер некоторой постепенности развития, что сказывается и на постепенности затраты средств, которые должны быть в нее вложены, в общем вероятно эти затраты должны были бы выразиться в цифре 10—15 млн. золотых рублей в зависимости от избранного маршрута. Вложение таких средств должно было бы обеспечить линии правильное техническое оборудование подвижным составом и земными сооружениями и правильное развитие движения с доведением его до необходимой плотности, по крайней мере в виде ежедневных отправлений самолетов в оба конца. При этом, конечно, если бы в первый год или два рабочим сезоном и было бы только

лето, то в следующие годы, как непременное условие, должно было бы быть осуществлено постоянное регулярное движение в течение круглого года.

Что касается дирижабельной линии, то организационный период ее должен был бы протекать исключительно в строительных подготовительных работах как на земле по линии, так и в виде сооружения необходимых линии воздушных кораблей, представляющих весьма фундаментальные сооружения. Следовательно, и вложение средств потребовалось бы почти единовременное и во всяком случае полное до начала работы линии. Весьма возможно, что в смысле коммерческой окупаемости эта линия должна была бы быть в более выгодных условиях, нежели линия самолетная в силу более низких фрахтов на дирижабельные перевозки нежели на перевозки самолетные. Разница во фрахтах весьма существенная.

Можем ли мы самостоятельно справиться с организацией этих воздушных линий? О линии дирижабельной можно сразу дать отрицательный ответ? Не только мы не можем технически справиться с этой задачей, но даже вложение с нашей стороны достаточных денежных средств не обеспечивало бы нашу организацию вследствие полного отсутствия у нас опыта подобной работы и полного отсутствия промышленных средств, могущих обеспечить бесперебойное существование линии. Что же касается линии самолетной, то здесь дело обстоит значительно лучше и во всяком случае далеко не так, как рисует его зарубежная специальная пресса. Нет решительно никаких оснований думать, что мы без помощи заграничной организации не могли бы справиться с задачей. Правда, наши промышленные ресурсы и здесь не обеспечивают за нами полной эмансипации,[1] но только в части подвижного состава, во всем же остальном мы можем жить совершенно самостоятельно. Мы имеем уже достаточно длительный и достаточно удачный опыт эксплоатации линий примерно того же характера, какой должна иметь Дальневосточная линия. Правда, нам едва ли было бы под силу самостоятельно организовать движение сразу на всем маршруте, и, вероятно, придется прибегнуть к постепенному разворачиванию линии по отдельным участкам этого исключительно длинного пути, но зато такое разворачивание обеспечивает за нами все положительные стороны самостоятельной работы и возможность удовлетворить всем специфическим условиям, имеющимся налицо в нашей стране. Быть может даже нам нет надобности говорить сейчас об организации сразу линии пассажирской и достаточно создавать участки почтовой магистрали, так как пассажирское транзитное движение приобретает первенствующее значение при условии создания линии полного протяжения со включением западно-европейского и китайско-японского участков.

В заключение еще два слова о том, есть ли смысл одновременно организовать линии параллельные—дирижабельную и самолетную. На наш взгляд эти две линии ни в каком случае не могут явиться конкурирующими и могут лишь дополнить друг друга, вследствие совершенно различной своей природы и различного характера своей службы. Наконец,

[1] В настоящее время — при текущем состоянии отечественной авиапромышленности. Н. Ш.

и самые районы, включаемые в зону влияния той и другой, говорят за возможность дружественного сожительства этих двух основных путей, на первый взгляд представляющихся исключающими друг друга. Если бы, действительно, такие две линии были у нас осуществлены, то вероятно очень быстро каждая из них нашла бы свой круг деятельности и не могла бы служить конкурентом другой.

Нам представляется, что в полной независимости от решения вопроса об организации дирижабельной линии и даже линии самолетной нам самим следовало бы приступить к организации основных участков самолетного сообщения по транссибирскому пути. Первый шаг в этом отношении даже сделан уже Добролетом, осуществившим линию Верхнеудинск—Урга, которая при всяких комбинациях должна войти участком в самолетную магистраль или послужить одной из главных подвозных линий. Вне зависимости от планов иностранных концернов воздушных сообщений нам следует теперь же приступить к самостоятельной организации, так как силы, средства и возможности у нас для этого есть. И чем больше мы в данном отношения создадим к тому моменту, когда для Западной Европы станет уже совершенно необходимым воспользоваться сибирским мостом для быстрой связи со странами Дальнего Востока, тем выгоднее будет наше положение. А в том, что для германского капитала является вопросом жизни возможность непосредственной связи с Китаем, сомневаться едва ли приходится, поэтому не сегодня так завтра, а он должен будет прибегнуть к нашему посредничеству в этом деле или, по крайней мере, к посредничеству нашей территории. Едва ли, при существующих условиях развития политико-экономических отношений капиталистических государств, Германия получит иную возможность влияния на китайские рынки как только через посредство европейско-азиатской воздушной магистрали. И чем раньше Германия получит возможность из собственного кармана вложить капиталы в дело совместного с нами создания такой магистрали, без необходимости прибегать к дружеской помощи доллара, тем скорее она придет к нам с предложениями, которые будут достаточно приемлемы для обеих сторон.

Н. Хрулев

Рост дальности перевозки хлебных грузов и причины его

Отчетными данными о железнодорожных перевозках за 1926/27 г. устанавливается, что в этом году средняя дальность перевезенных всех грузов возросла до 601 *км* против 496 *км* 1913 г., т.-е. увеличилась на 21,2%.

Отдельные главнейшие роды грузов дали разный прирост, из них первое место по приросту занимают хлебные грузы, дальность перевозки коих за 1926/27 г. определилась в 987 *км* против 539 *км* 1913 г., т.-е. прирост определился в 83,1%. Следовательно, железные дороги Союза в 1926/27 г. выполнили по перевозкам хлеба добавочных против 1913 г. 6,9 мрд. тонно-километров, что составило одну двенадцатую всей грузовой работы железных дорог в этом году. Иными словами, в одиннадцать месяцев 1926/27 г. железные дороги выполнили все грузовые перевозки этого года, а двенадцатый месяц весь железнодорожный механизм работал по выполнению этого добавочного против 1913 г. пробега.

Эти добавочные 6,9 мрд. тонно-километров требуют и добавочных хозперевозок коммерческого движения, определяемых НКПСом для 1926/27 г. в 19,7% от пробега коммерческих грузов, каковым грузом в действительности, является весь хлеб. Таким образом, весь перепробег коммерческого движения, связанный с повышением средней дальности перевозки хлеба, определяется в $\left(6{,}9 + \frac{6{,}9 \times 19{,}7}{100}\right) = 8{,}2$ мрд. тонно-километров.

Себестоимость этой работы в части расходов, зависящих от движения, обошлась железным дорогам в 54—55 млн. руб. (0,67 коп. с тонно-километра).[1] Сумма этого расхода, конечно, возрастет, если учесть расходы, малозависящие и независящие от движения. Для выполнения этой добавочной работы по измерителям настоящего времени требуется добавочный парк подвижного состава в 700 паровозов и 30.000 вагонов.

Столь громадный расход сил и средств транспортного механизма на выполнение работы, экономическая рациональность которой в достаточной мере не освещена, обязывает нас поставить вопрос о том, в какой мере неизбежна эта работа, где заложены причины столь бурного роста дальности перевозки хлеба, можно ли и какими путями изжить хотя бы часть этой дальности, освободив транспорт от выполнения этой добавочной работы и расходов.

Вопрос этот по своему народнохозяйственному значению заслуживает внимательного исследования. Настоящая работа не претендует на сколько-нибудь исчерпывающее исследование. Наша задача более скромная — попытаться дать характеристику тех основных условий, кои так или иначе влияли на изменение конфигурации хлебных грузопотоков, вызывая увеличение или уменьшение дальности перевозки его и наме-

[1] Исчислено Е. В. Михальцевым по отчету 1925/26 г.

тить мероприятия к снижению дальности перевозки хлеба, а следовательно, к уменьшению ежегодной непроизводительной траты сил и средств железнодорожного транспорта.

После мировой войны и в результате революции и последующих этапов строительства СССР резко изменилась та обстановка, в которой сложился в дореволюционное время товарооборот страны. Это послужило причиной коренного изменения грузопотоков на путях сообщения. Рост дальности перевозки некоторых грузов, в том числе хлеба, являлся безусловным. В общих чертах главнейшими факторами увеличения дальности перевозки хлеба могут быть названы следующие моменты изменившейся хозяйственной обстановки. Отпали порты Балтийского моря и пункты западной сухопутной границы, через которые экспортировался в довоенное время хлеб, и отпало снабжение нынешних лимитрофов. К отпавшим балтийским портам и сухопутным границам в 1913 г. подвозился хлеб с больших средних расстояний: в 1.584 *км* в порты и 1144 *км* к сухопутным границам.[1] В лимитрофы, главным образом, Польшу, хлеб подвозился со средних расстояний 876 *км*[2] (для Варшавы, Лодзи и Домброво). Отпадение этих перевозок должно было иметь своим следствием с н и ж е н и е общей средней дальности перевозки хлеба. Но им противопоставляется единый работающий на экспорт западный порт Ленинград. Подвоз хлеба к Ленинграду в 1925/26 г. совершался со средних расстояний в 1723 *км*.[3] Это увеличение произошло потому, что Ленинград более дальний экспортный пункт на западе для некоторых вывозящих районов Европейской части Союза. Но основной причиной роста дальности перевозки этого хлеба является увеличение в общем экспорте через Ленинград роли сибирского хлеба, дальность перевозки которого возросла в сравнении с 1913 г. за счет вывоза хлеба из новых районов Сибири, освоенных после 1913 г. железнодорожными линиями (главным образом, Алтайской до Бийска и Семипалатинска и Кулундинской).

Экспорт через южные моря сильно сократился. Об'ем хлебных перевозок в южные порты в 1925/26 г. составил 12,1% от всех хлебных перевозок по сети, а в 1913 г. почти 22%. Столь резкое снижение удельного веса перевозок на коротких расстояниях (283 *км*), конечно, увеличивает общий средний пробег хлеба.

Далее, следует отметить, что падение речных хлебных перевозок безусловно имело следствием увеличение дальности возки хлеба по железным дорогам. На Волге, например, наблюдается, что пристани этой реки, особенно удаленные друг от друга, обмениваются хлебом не водой, каковой обмен относительно сократился, а по железным дорогам, если таковые подходят к ним. В силу этого средний пробег хлеба по Волге в 1925 г. сократился против довоенного (1913 г.) почти вдвое (в 1925 г. 55% довоенного).[4] В то же время средние пробеги хлеба за 1913 и 1925/26 гг. к главнейшим пристаням Волги по железным дорогам возросли, как это видно из следующего сопоставления:

	1913 г. в *км*	1925/26 г.	1925/26 в %% к 1913 г.
Астрахань	682	1174	172,1
Саратов	233	422	176,8
Самара	216	1470	680,6
Казань	934	1485	159,0

[1] Сводная статистика перевозок Департ. ж. д. бывш. М. Ф., часть III.
[2] Там же.
[3] Материалы по статистике П. С. НКПС, ЦСК, вып. 70, табл. V.
[4] Ю. П р и о р о в а, Материалы статист. П. С. НКПС, ЦСК. Вып. 66.

	1913 г. в *км*	1925/26 г.	1925/26 в %% к 1913 г.
Нижний-Новгород	911	1326	145,5
Ярославль	848	1000	117,9
Рыбинск	1429	1560	109,2
Тверь	838	1522	181,6

Конечно, это увеличение дальности жел.-дор. перевозок хлеба к перечисленным пристаням нельзя об'яснить только сокращением речных хлебных перевозок, составивших (по весу) по 14 главнейшим пристаням Волги в 1926 г. 17,4% от 1913 г., но востановление речных перевозок хлеба, безусловно, будет способствовать сокращению дальности перевозки хлеба по железным дорогам.

Из числа других причин роста дальности железнодорожной возки хлеба на Волгу следует отметить следующее обстоятельство. Годы гражданской войны, голода 1921 г., недородов в течение трехлетия 1922/23—1924/25 гг. оставили неизжитые до сих пор последствия в районах Средней и Нижней Волги.

Транспортный хлебный баланс Волжского района характеризуется цифрами (в млн тонн):[1]

1913	+ 2,55
1922/23	+ 0,03
1923/24	+ 0,25
1924/25	+ 0,03
1925/26	+ 0,54

По отдельным хлебам: пшенице, овсу, ячменю в отдельные годы баланс был уже отрицательный, т.-е. Волжский район ввозил эти хлеба. Особенно неблагоприятен баланс по пшенице, как это видно из следующих цифр (в тыс. тонн):

1913	+ 942[2]
1922/23	— 31[2]
1923/24	+ 17[2]
1924/25	— 155[2]
1925/26	— 49[3]

На пополнение этих недостатков ввоз шел с Сев. Кавказа и восточных районов Союза, в том числе (главным образом) из Сибири, т.-е. с дальних расстояний. Это обстоятельство резко повлияло на дальность подвоза хлеба.

Очень большое влияние на рост дальности перевозки хлеба по железным дорогам имели хлебные перевозки в Среднюю Азию. В абсолютных цифрах поступление хлеба в Среднюю Азию возросло вдвое (177 тыс. тонн в 1913 и 337 тыс. тонн в 1925/26 г.[4] Роль Сибири в снабжении хлебом Средней Азии возросла, ибо в 1913 г. из Сибири в Ср. Азию хлеб не перевозился, если не считать одного вагона, прошедшего в этом году из Сибири туда, теперь же, в 1925/26 г., из Сибири перевезено 106,3 тыс. тонн хлеба.

Снижение роли района Ташкентской дороги в снабжении Средней Азии усугубило картину, и мы видим, что в 1925/26 г. в Среднюю Азию хлеб поступал со среднего расстояния 2.338 *км* (Коканд, Самарканд, Наманган), тогда как в 1913 г. хлеб поступал с среднего расстояния 1.224 *км*,

[1] Материалы по динамике грузооборота ЦСУ. Выпуск 3, 1927 г.
[2] Там же.
[3] Разница между ввозом и вывозом по материалам статистики НКПС, ЦСК. Выпуск 70.
[4] В 1913 г. все хлебные грузы, а в 1925/26 девять главнейших хлебов.

а так как удельный вес хлеба назначением в Среднюю Азию в общих хлебных перевозках увеличился в три с лишним раза (перевозки эти составляли от всех хлебных перевозок в 1913 г. 0,8%, а в 1925/56 г.— 2,8%), то влияние этих перевозок на рост общей дальности хлебных перевозок надо признать безусловным.

Но самая крупная роль в увеличении средней дальности перевозки хлеба принадлежит Сибири.

Если бы Челябинский перелом не был полностью отменен в конце 1913 г., то его отменила бы революция, и сибирский хлеб получил бы свободный выход на внутренний рынок и экспорт. Выход сибирского хлеба (ржи, пшеницы, овса, ячменя, муки всякой, крупы, пшена) за Тюмень и Челябинск на запад может быть охарактеризован следующими цифрами (в тыс. тонн):

1913	569,3	
1924/25	1.069,0	
1925/26	1.067,2	
1926/27	1.550	(данность предварит.)

По дальности перевозки этот хлеб можно разбить на следующие пять групп:

На расстоянии (*км*)	1913 г. тыс. тонн	1913 г. в %	1925/26 г. тыс. тонн	1925/26 г. в %
до 1.500	63,3	10,6	63,5	7,2
от 1.500 до 2.000	178,9	30,0	213,8	24,1
„ 2.000 „ 2.500	132,2	22,1	131,5	14,8
„ 2.500 „ 3.000	8,1	1,4	47,7	5,4
свыше 3.000	214,5	35,9	430,7	48,5
Итого	597,0[1]	100,0	887,2[2]	100,0

На дальность перевозки этого хлеба влияет, с одной стороны, увеличение зоны потребления этого хлеба в Европейской части Союза, а с другой — то железнодорожное строительство Сибири, которое после 1913 г. присоединило к Сибирской магистрали части хлебных районов юга Сибири линиями в 500—600 километров.

Значение этой части сибирского хлеба в перевозках таково, что как показывают подсчеты роль его в общем увеличении дальности перевозки хлеба в 1925/26 г. можно оценить в 37—38%.

В направлении на восток сибирский хлеб также, увеличил свой пробег, ибо с отпадением поступления на Дальний Восток маньчжурского хлеба, все необходимое количество такового пошло туда с Томской и Омской дороги на громадных расстояниях.

Достаточно провести цифры, характеризующие эти пробеги, и в вопросе роста дальности сибирских хлебных перевозок будет очевидна большая роль хлебных перевозок на Дальний Восток.

В 1913 и 1925/26 гг. в Никольск-Уссурийский, Хабаровск, Первую речку и Владивосток хлеб поступал со следующих расстояний (в *км*):

	1913 г.	1925/26 г.
Никольск-Уссурийск	480[3]	1.349[3]
Хабаровск	836	2 132
Первая речка	573	2.799
Владивосток	716	1.744

[1] Вместе с семенами, отрубями, выжимками и прочими хлебными грузами.
[2] Распределено по назначению около 80% отправленного хлеба.
[3] По тем же материалам сводной статистики.

Наконец, следует отметить факт включения в состав железнодорожной сети Мурманской ж. д., с ее хотя и небольшими (1% от всех перевозок по весу), но совершаемыми на громадных расстояниях хлебными перевозками. Это обстоятельство надо учесть, как фактор, увеличивавший среднюю дальность перевозки хлеба.

Для полной характеристики современной хозяйственной обстановки надо все изложенное дополнить указаниями на 1) изменения в составе хлебного грузооборота, 2) порайонную динамику посевов, сборов и заготовок, 3) изменения норм потребления отдельных главнейших хлебов и 4) изменения удельного веса районов в хлебных перевозках

Состав хлебного грузооборота на железных дорогах в своих главнейших частях изменился, благодаря изменению состава перевозок на экспорт и внутреннее потребление. Изменение состава экспортных перевозок идет следующим порядком, где все перевозки на экспорт взяты за 100.

	1924/25	1925/26	1926/27
Рожь	1,4	7,3	13,3
Пшеница	0,7	30,6	45,6

Как видно, рост удельного веса пшеницы в экспортных перевозках опередил рост ржи. Это обстоятельство, несомненно, играет крупную роль в вопросе дальности перевозки хлеба.

Аналогичное явление наблюдается и в составе хлебных перевозок на внутренний рынок. Оно об'ясняется, главным образом, изменением состава норм потребления населением продуктов питания. За четыре года (1922/23—1925/26) в отношении хлебных продуктов можно констатировать неуклонное снижение потребления ржи и увеличение потребления пшеницы. Это явление характерно для сельского и городского населения, одинаково в потребляющей и производящей полосах. Особенно бурно растет норма потребления пшеницы среди сельского населения потребляющей полосы. Сдвиги эти могут быть охарактеризованы следующими цифрами норм на душу в день фунтов. [1]

Потребляющая полоса	Сельское население Рожь	Сельское население Пшеница	Городское население Рожь	Городское население Пшеница
1922/23	1,596	0,005	1,268	0,232
1923/24	1,682	0,002	1,016	0,441
1924/25	1,617	0,016	0,806	0,509
1925/26	1,487	0,049	0,709	0,581
По всему Союзу				
1922/23	1,263	0,306	1,020	0,495
1923/24	1,412	0,338	0,813	0,682
1924/25	1,258	0,348	0,586	0,752
1925/26	1,077	0,428	0,495	0,857

Увеличение потреблений пшеницы внутри страны и рост ее доли в экспорте нашло свое отражение в составе грузооборота железных дорог. Последнее можно видеть из следующего сопоставления, где все хлебные перевозки каждого года взяты за 100%.

	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Рожь	39,4	31,1	17,6	11,6	13,1
Пшеница	6,9	15,9	22,6	27,1	32,6

Роль ржи безостановочно и быстро снижалась до 1926/27 г., а пшеницы, наоборот, еще быстрее повышается и в 1926/27 г. удельный вес пшеницы в составе грузооборота выше довоенного (1913 г. 27,8).

[1] А. Е. Лосицкий, „Перспективы потребления продовольственных продуктов в Союзе“, „План. Хоз.“, № 4 за 1927 г.

Сокращение посевных площадей по районам шло неодинаково, больше пострадали центр, запад, северо-запад и меньше Украина, северо-восток и Сибирь, а восстановление идет интенсивнее в восточных районах и, особенно, в Сибири.

Заготовки хлеба расположились соответствующим восстановлению посевных площадей образом. Если все хлебозаготовки принять за 100%, то по районам заготовки характеризуются следующими цифрами (в %):

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Украина, Крым и Сев. Кавказ	57,6	38,4	58,8	48,3
Казакстан, Урал, Сибирь.	4,3	29,6	14,2	20,1

Увеличение поступления к перевозке пшеницы идет, главным образом, в восточных районах и на Сев. Кавказе. Этот сдвиг усматривается из следующей таблицы, где все поступление пшеницы к перевозке принято за 100 (в %):

	1913 г.	1925/26 г.
Волжский район	27,2	7,2
Центр.-Черноземный	4,0	1,5
Украина	25.8	23,8
Сев. Кавказ	20,5	35,1
Восточные районы.	12,8	21,8

Благодаря росту поступления к перевозке пшеницы из отдаленных районов растет и ее средний пробег, каковой в 1913 г. составлял 417 *км*, а в последние годы увеличивался следующим образом:

	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Километров . .	680	627	893	890	1.216

Удельный вес районов по отправлению ржи, пшеницы, муки ржаной и пшеничной резко изменился таким образом, что рост дальности перевозки хлебов становится неизбежным. В то время как в 1913 г. первые места по отправлению принадлежали Украине (29,2%), Волжскому району (16,6%), Сев. Кавказу (14%) и Центрально-Земледельческому району (12,1%), а отправление остальных районов, избыточных по хлебной продукции, не превышало 3,4% всех перевозок [1] ныне размеры перевозок из этих районов, кроме Сев. Кавказа, снизились, а перевозки хлебов Сев. Кавказа, Сибирского края и Казакско-Киргизского района увеличились. Наиболее сильно пострадавший район Волги восстанавливается медленно. Роль его по сравнению с 1913 г. упала более чем вдвое. Та же неблагоприятная картина в отношении дальности перевозки хлебов выявляется, если рассмотреть удельный вес районов по перевозке отдельных главнейших хлебов.

В 1925/26 г. в сравнении с довоенным (1913 г.) в перевозках ржи удельный вес Сев. Кавказа увеличивается в 5 раз, а Сибирского края вчетверо. За Украиной остается первое место как и в 1913 г.

По пшенице в послевоенный период высоко поднялись перевозки Сев. Кавказа и Сибирского края. Отправление волжской пшеницы в сравнении с 1913 г. упало вчетверо.

По вывозу ржаной муки в 1913 г. на первом месте стояли районы Центрально-Земледельческий (24,5%), Волжский (21,7%) и Волго-Камский (10,3%). Ныне первое место по вывозу ржаной муки занимает Украина (1925/26 г.—22,6%), значение же Центрально-Земледельческого и Волжского районов упало по сравнению с 1913 г. вдвое, а Волго-Камского втрое. Безостановочно растет в этом отношении и значение Сибири.

По вывозу пшеничной муки в 1913 г. первое место принадлежало Украине (27,3%), затем следовал Волжский район (19,6%), Сев. Кавказ (11,8%). За последние годы Украина сохранила довоенное место по вывозу муки, но Волжский район утратил свое место, уступив его Сев. Кавказу.

Эту картину хлебных перевозок следует дополнить цифрами, иллюстрирующими отгрузку районов шести главнейших хлебов (ржи, пшеницы, овса, ячменя, крупы и кукурузы) в порты. Все цифры даны в %% к итогу отгрузки, принятому за 100%.

	1924/25	1925/26	1926/27
Украина	44,9	33,3	37,2
Сев Кавказ	46,3	52,1	27,9
Крым	4,4	6,9	3,1
	95,6	92,3	68,2
Центр.-Землед.	1,1	1,0	2,3
Поволжье с Башкирией .	2,0	3,0	5,6
Волго-Камский	1,1	0,2	—
	4,2	4,2	7,9
Урал	—	0,9	1,6
Сибирь	—	0,8	15,3
Казакстан	—	1,1	6,3
Прочие	0,2	0,7	0,7
	0,2	3,5	23,9

Рост роли восточных районов наблюдается и здесь.

Вот в общих главнейших чертах та обстановка, в которой дальность перевозки хлебов в 1925/26 г. возросла до 851 *км*, т.-е. превысила довоенный пробег их (539 *км*) на 57,9%, а в 1926/27 г. до 987 *км*. И если бы отчетные данные о хлебных перевозках, происходящих в этой обстановке, не говорили о некоторой доле совершенно иррациональных продвижений хлеба, то надо было бы признать, что вся дополнительная работа транспорта и расходы, связанные с этим увеличением дальности перевозки хлеба, имеют свое оправдание. Но приходится признать, что часть этих добавочных пробегов порождена обстоятельствами, изжить которые можно и нужно. Например, падение речных перевозок безусловно стимулирует возрастание дальности перевозки хлеба по железной дороге. Выше мы указывали в главнейших чертах картину снижения волжских перевозок и рост дальности железнодорожной перевозки хлеба к волжским пристаням. Можно добавить, что пристанские станции Волги в ЦПО в 1925/26 г. получили по железным дорогам с пристанских же станций всей Волги 354.600 тонн хлебных грузов. Такой же подвоз идет к пристаням Ср. Волги (9.700 тонн) и Нижн. Волги (20.300 тонн).

Падение хлебных перевозок по внутренним водным путям к вывозным пунктам может быть охарактеризовано следующими цифрами прибытия (в тыс. тонн):

	1913 г.	1926 г.
Архангельск. .	72,4	0,8
Ленинград . .	491,2	0
Николаев . . .	360,4	46,3
Херсон	876,3	136,3
Ростов	428,2	77,2

[1] Все цифры и последующие взяты из материалов по динамике грузооборота ЦСУ, вып. 3, 1927 г. Отправление дано по жел. дорогам и рекам.

Как раз отсутствуют перевозки в те порты (Ленинград и Архангельск), хлеб которых при переходе с воды на железные дороги, особенно сильно увеличивает рост дальности железнодорожной перевозки хлеба.

Причины такого падения в общем известны: нет хлебных запасов, ощущается недостаток капиталов в хлебной торговле; относительно дорога водная перевозка, что мешает переходу хлеба с железных дорог на воду.

Теперь остановимся на тарифном вопросе. В районе Волги своего хлеба мало. Поступает хлеб из других удаленных районов, для которых сплошь и рядом экономический рациональный путь — смешанный — железнодорожно-водный. Но дороговизна смешанной перевозки не позволяет развиться этим перевозкам.

Совершенно очевидно, что исключительный хлебный тариф № 6 для смешанных перевозок с его радиусом действия на ж. д. в 300 и 600 километров уже не соответствует действительному положению перевозок. Зона действия этого тарифа должна быть увеличена до практически существующих расстояний. Тогда можно будет протестовать против дальних железнодорожных перевозок в обход водного пути.

Образование солидного маневренного хлебного запаса настоятельно диктуется обстановкой хлебооборота.

Хлебные организации и транспорт ежегодно тратят громадные деньги вследствие отсутствия этого запаса. Между тем, стомиллионный капитал, вложенный в хлебный маневренный запас, не потребует ежегодно таких громадных расходов, но освободит железнодорожный транспорт от нецелесообразной работы и повлияет на усиление речных хлебных перевозок.

Главным образом, благодаря отсутствию хлебных запасов наблюдаются массовые осенние переброски хлебов из южных районов на север, а позднее идет обратный хлебный поток из Сибири на юг и на экспорт. Отчасти этой же причиной следует об'яснить ряд следующих ненормальных перевозок.

Порт Архангельск не имеет определенной зоны, тяготеющей к нему. Сибирь, Юго-Западный район, Казакстан, Урал Украина, Волга, Сев.-Кавказ, Центр.-Черноземный район, ЦПО и Сев.-Западная область, — вот районы, снабжающие хлебом порт Архангельск. Этого перечисления достаточно, чтобы признать, что хлебоотгрузки на Архангельск требуют упорядочения. Почти все те же районы отпускают хлеб и на Мурманск, который часть прибытия ухитряется отгрузить обратно в Центрально-Черноземный, Юго-Западный районы. Ленинград снабжается из всех районов производящей полосы и, кроме того, из районов дефицитных, Западного, Вятско-Ветлужского, Закавказья и ЦПО. С юга почти все порты Черного и Азовского морей, и Новороссийск в том числе, отправляют хлеб в Ленинград. Украинские порты Черного и Азовского морей сплошь и рядом обмениваются хлебом между собой. Например, 1925/26 г. Одесса получала хлеб из всех портов Украины и частью из Крыма. Подвоз к портам идет так, что по всей Украине распылены встречные к разным портам перевозки. Ростов посылает пшеницу и муку пшеничную почти во все районы Европейской части Союза и Среднюю Азию.

Есть и другие перевозки, иррациональность которых несомненна. Мы имеем в виду, например, перевозки ржи из Владивостока в Москву, пшеницы из Средней Азии в Мурманск, муки пшеничной из Закавказья в Ленинград, или из Юго-Западного района в Дальне-Восточный, муки ржаной из Владивостока в Москву, овса из Красноярска в Москву, пшена из Оренбурга в Благовещенск, Никольск-Уссурийск Первую речку и другие дальние и дальне-встречные (см. приложения 1 и 2). Против системы таких перевозок надо, разумеется, протестовать и бороться. Небольшой сравнительно размер (по весу) этих перевозок не может служить оправданием, так как они совершаются на громадных расстояниях и дают значительное количество тонно-километров. Отрицательное влияние их на дальность общей хлебной перевозки несомненно.

Отдельно следует отметить такие перевозки: районы Кулундинской и Семипалатинской линий Сибири снабжают и Дальний Восток и Европейскую часть Союза пшеном. В 1925/25 г. его с Омской дороги отправлено 16.459 тонн. Район же Ташкентской дороги, главным образом, Оренбург отправляет пшено в Сибирь вплоть до Владивостока (700 тонн).

В самой Сибири следует отметить два мощных встречных потока на участке Омск — Тулун по 60.000 тонн с лишним каждый. Дальневосточный район снабжается хлебом с Омской дороги, а Томская отправляет тот же хлеб за Урал.

Помимо этого следует отметить массовые перевозки хлебов с Украины на Волгу, Среднюю и Нижнюю, на Сев. Кавказ, а Волга и Сев. Кавказ шлют хлеб на северо-запад и запад. Обмениваются одними и теми же хлебами районы, производящие и потребляющие и при том удаленные друг от друга.

Н. Н. Виноградский говорит,[1] что „при подвозе зерна к мельницам каждый заготовитель стремится загрузить свою мельницу и своим зерном, не считаясь с условиями его перевозки. В довоенное время подвоз зерна на мельницы в производящих районах по жел. дорогам шел с расстояния, не превышающего 100—110 *км.* Теперь же (1926 г.), например, к мельницам хлебопродукта эти расстояния увеличились в Башреспублике на 50%, в Воронежской губ. на 70%, на Сев. Кавказе на 90% и на Украине почти в четыре раза.

Мельница Рыбинска снабжается зерном Сев. Кавказа, Тамбовская — из Саратовской и Самарской губ., а зерно Тамбовской губ. идет на перемол в Москву и Ленинград. Этот дефект подвоза зерна к мельницам, конечно, увеличивает дальность перевозки хлеба.

Таким образом, если мы имеем несомненное изменение в хозяйственной обстановке Союза, в результате чего ряд об'ективных факторов вызывает неизбежной рост дальности железнодорожной перевозки хлеба, то на ряду с этим обнаруживается ряд моментов бесплановости, узкого преследования интересов своего ведомства, бессмысленной конкуренции, благодаря чему ежегодно наносится ощутительный ущерб делу восстановления хозяйства страны.

Если первые факторы неизбежны, то вторые должны быть изжиты, этого требуют интересы Союза в целом и районов, в частности. Взвесить значение последствий действия вторых факторов очень затруднительно, но можно допустить, что минимум 20—25% перепробега хлеба отпадет, а вместе с этим и в первую очередь хлебные организации сохранят десятки миллионов рублей, ныне переплачиваемые ими на перепробеге; железнодорожный транспорт в свою очередь освободится от бесполезной работы и расходов, речной же транспорт увеличит свои хлебные перевозки.

[1] „Болезни хлебного рынка", „План. Хоз.", № 4 за 1927 г.

Приложение 1

Дальние перевозки и встречные для одних и тех же хлебов

Откуда	Куда	Число тонн
Районы или станции		
	Рожь	
Урал	Одесса	300
Порты Крыма	Ленинград	100
„ „	ЦПО	500
„ Украины	Ленинград	3400
„ „	ЦПО	13200
Юго-Запад	Ср. Волга	200
„	Н. Волга	300
Обский район	Центр.-Черноз.	800
„ „	Владивосток	200
Кузнецк-Алтай	Украина	100
„ „	Центр.-Черноз.	1300
Енисейск	Украина	200
„	Центр.-Черноз.	100
Владивосток	Москва	100
	Пшеница	
Ср. Азия	Мурманск	100
„ „	Юго-Запад.	100
„ „	Н.-Волга	100
Сибирь	Юго-Запад	3500
„	Одесса.	100
„	Ю. Горно-Пром.	1700
Зап.-Сибирь	Владивосток	1800
Юго-Запад	„	12000
Ю. Горно-Пром.	„	4300
Центр.-Черноз.	Ср. Азия	200
Н. Волга	„ „	2200
С. Кавказ	Сибирь	100
Закавказье	Харьков	115
	Мука пшеничная	
Юго-Запад	Закавказье	2300
„ „	Ср.-Азия	300
„ „	Дальн. Вост.	200
Ю. Горно-Пром.	Закавказье	2400
„ „ „	Казакстан	400
„ „ „	Ср. Азия	100
Центр.-Черноз.	Закавказье	6100
„ „	Ср. Азия	100
Н. Волга	„ „	1600
Закавказье	Ленинград	400
„	Западный	200
„	ЦПО	900
„	Ср. Волга	9500
	Мука ржаная	
Ср. Азия	ЦПО.	100
Владивосток	Москва.	82

Приложение 2

Взаимно-встречные перевозки

Откуда	Куда	Число тонн	
Районы или станции		Туда	Обратно
	Рожь		
Урал	Украина	300	300
„	Центр.-Черноз.	1100	300
„	Н. Волга	100	2800
Центр.-Промышл.	Юго-Запад.	100	448
„ „	Ростов н/Дон	100	10600
	Пшеница		
Ленинград	Центр.-Черноз.	300	1200
Юго-Запад	Н. Волга	100	400
„ „	Сев. Кавказ	100	2600
„ „	Ср. Азия.	1100	100
С. Кавказ	Центр.-Черноз.	76500	600
„ „	Н. Волга.	33200	4000
Н. Волга	Закавказье.	300	500
„ „	Ср. Азия.	2200	100
	Мука пшеничная		
Ленинград	Москва.	500	700
„	ЦПО.	40000	15500
Сев.-Запад	Центр.-Черноз.	100	7800
Сев.-Вост.	ЦПО	1300	7100
Урал	Центр.-Черноз.	1300	200
ЦПО	Н. Волга	100	34200
„	Ср. Азия	300	100
Юго-Запад	Н. Волга	1400	100
„ „	Центр.-Черноз.	800	500
	Мука ржаная		
Урал	Центр.-Черноз.	600	200
Вятск.-Ветлуж.	Н. Волга	1.200	400
ЦПО	„	100	18000
Юго-Запад	„	1000	200

Н. Г. Лаленков

К проблеме постройки Лисичанской районной станции [1]

Широкая электрификация Донбасса путем постройки нескольких мощных электрических станций, связанных между собой и с потребителями системой высоковольтных электропередач и подстанций, возникла впервые, как крупное капиталистическое предприятие в 1916 г. под именем акц. общ. „Углеток", и это общество успело до Октябрьской революции не только собрать акционерный капитал, но даже произвести большую подготовительную работу для строительства, как, например, изучение потребляющих энергию районов, определение нагрузок, определение себестоимости и продажной цены электроэнергии, заключение предварительных договоров с крупными потребителями, командировки специалистов за границу, составление проектов станций и т. п. Это акц. общ. „Углеток" наметило, что известно многим электротехникам, работающим на юге, постройку четырех мощных электростанций порядка 100—150 тыс. киловатт.

1. Лисичанской (возле гор. Лисичанска) на низкосортных местных углях и воде р. Северного Донца.

2. Гришинской (возле станции того же названия) на отбросах угля и воде из искусственных прудов.

3. Штеровской (возле Штеровского динамитного завода) на антрацитовых штыбах и воде из искусственных прудов.

4) Гундоровской (возле Гундоровской станицы) на отбросах угля и воде реки Дона.

ГОЭЛРО в своем плане электрификации России сохранило три первых станции: Лисичанскую, Гришинскую и Штеровскую в качестве основных районных электростанций Донбасса, отменив постройку Гундоровской электростанции (надо сказать, что и у „Углетока" Гундоровская электростанция являлась спорной вследствие своей отдаленности от потребляющих районов, во-первых, и зачаточного состояния в этом районе угледобывающей промышленности, во-вторых; кстати считаем не лишним напомнить, что в 1915—1917 гг. в Гундоровском районе производилось американцами алмазное бурение (давшее, как известно, весьма ценные, положительные результаты) и добавило целый ряд новых районных и местных станций. Осуществление плана электрификации Донбасса по ГОЭЛРО началось с постройки ныне работающей Штеровской районной электростанции. Надо сказать, что план электрификации Донбасса ГОЭЛРО и план „Углетока" в существенном мало разнились друг от друга и даже их основное расхождение — тип топлива—до сего времени осталось нерешенным, спорным, несмотря на пуск Штеровки.

Казалось бы, что при таком поразительном совпадании решений задачи электрификации Донбасса капиталистического „Углетока" и социалистического — ГОЭЛРО, — логическим продолжением Штеровского строительства должна была явиться Лисичанская районная электростанция, каковая по первоначальному плану должна была быть начата в 1925 г. и в 1927 г. уже пущена в эксплоатацию. На самом же деле, под влиянием обилия новых корректурных проектов, под давлением голосов с мест, из-за неудач при пуске новой Штеровской станции (к слову сказать, быстро изжитых) и по многим другим неведомым широкой публике причинам Лисичанская станция была снята с порядка дня. На смену Лисичанской районной электростанции хозяйственниками, расположенными по 80-километровому расстоянию от Лисичанска были выдвинуты и поддержаны Главэлектро 9 электростанций общей мощностью до 150.000 киловатт всеместного значения и, как видно ниже, без основательного оправдания своего raison d'être в смысле термическом и мощности. Этот отказ от плановой электрификации и переход на дробление таят в себе много зародышей будущих болезней как для хозорганов, создающих эти электростанции, так и в особенности для потребителей. Создающиеся станции, несомненно, будут далеки от работы на „государственные шины" и государству придется заботиться как о резервах для этих станций, так и о развитии широкой электрификации в этих районах, исходя из совершенно других источников энергии, так как практика кольцеваний (кустований) станций, говоря откровенно, дала слишком мизерные результаты, чтобы ставить их в основу дальнейшей работы и пытаться блокировкой станций средней мощности создать базу районной электрификации.

Предполагавшаяся к постройке Лисичанская районная электростанция должна была работать на низкосортных местных (лисичанских) серных углях, не выдерживающих перевозки и хранения, но по калорийности близких к курным углям и на воде реки Северного Донца, протекающей в этом районе возле места добычи углей.

Вопрос о способе сжигания, как не связанный с темой, т.-е. сжигать ли уголь под котлами в его естественном виде, пыли, коксике и т. д., мы оставляем в стороне. Следовательно, вопросы топлива и воды разрешались чрезвычайно благоприятно, подчеркиваем чрезвычайно благоприятно потому, что уголь, добываемый в нагорной части, с небольшими затратами транспортируется вниз к реке Северному Донцу, месту расположения электростанции. Вопрос о воде совершенно бесспорен и если кроме дебета реки Северного Донца принять во внимание огромные водоемы озера по левому берегу реки Северного Донца на протяжении 25—35 *км* от ст. Володино до села Боровского — воды достаточно на мощность станции порядка 200 — 300 тыс. киловатт.

О выборе места для электростанции и уточнении его пока говорить не приходится, но во всяком случае от луки возле дер. Серебрянка до села Боровского места благоприятны для станции и дело ее строителей остановиться на определенном участке в зависимости от грунта, транспорта угля, наличия строительного камня и т. п.

Если мы развернем карту Лисичанского и примыкающих к нему районов и радиусом в 80 километров опишем окружность из Лисичанска, как из центра, мы увидим, что в это кольцо попадает целиком Константиновско-Славянский и Артемовский районы и часть Кадиевского района. Радиус в 80 километров принят нами как предельный для экономической электропередачи мощности порядка 20 — 30 тыс. ктв., напряжением 114 квт., так как при большем расстоянии потери в электропередачах превышают расходы по транспорту топлива и вопрос при узко экономическом подходе решается в пользу постройки местных станций на привозном угле.

[1] В порядке обсуждения. Ред.

Потребляемая в этой окружности по 160 *км*, мощность выражается, грубо считая, в конце пятилетия (средняя годовая мощность в квт.):

Красное знамя	2.000	Кадиевский завод	15.000
Завод „Пролетарий“	2.000	Соляной район	2.000
Донсода	10.000	Часовоярский	1.000
Славянские заводы	6.000	Артемовский	2.000
Краматорский	10.000	Алчевский	5.000
Дружковка	2.000	Прочие потребит.	5.000
Константиновский	10.000		
		Итого	72.000

Для удовлетворения нужд в вышеприведенных количествах электроэнергий имеются два пути: удовлетворение потребителей от собственных станций и от мощных районных (путь комбинированной связи нескольких предприятий в одну электростанцию наименее рационален по причинам административно-хозяйственным). Пущенная в эксплоатацию в прошлом году Штеровская электростанция подошла своими электропередачами к Алмазно-Марьевскому кольцу и уже вливает в него свою энергию, но ее незначительная мощность, затем запоздалый пуск и продолжающиеся „детские болезни“ (неизбежные при новом и большом деле) вызывают лишь нарекания со стороны хозорганов, заинтересованных в ее энергии. Главэлектро, урезав мощность Штеровской станции (20 тыс. квт. вместо 30 тыс. квт.), не развернуло дальнейшего строительства крупных районных станций в Донбассе и тем самым задержало Гришинское и Лисичанское строительство. Между тем, напор жизни и капитального промышленного строительства заставил Главэлектро сдать все свои позиции и разрешить к постройке целую серию средних и крупных электростанций в районе 80-километрового радиуса от Лисичанска, при чем большинство этих электростанций не имеет здоровой базы, а нагрузка их, равно и мощность, отдают „фантазиями“, не говоря уже о малой целесообразности топливного и водяного хозяйств большинства этих станций.

Создав Лисичанскую районную станцию порядка 100—120 тыс. квт. и увеличив до этой же мощности Штеровскую электростанцию Донбасс имел бы „костяк“ электрификации, приспособленный для экономичной работы и позволяющий более гибко и эластично развертывать промышленность, не говоря уже о том, что на таких „фабриках электроэнергии“ как районные станции порядка 120 тыс. квт. можно было бы отпускать квтч. по наиболее дешевой цене, применив весь существующий опыт Европы и Америки. Но, к сожалению, этого не случилось: хозорганы пред'явив счет Главэлектро в виде пятилеток, скорбных листов недужных своих станций и кочегарок, всяких ресурсов топлива, подлежащих использованию в виде отбросов и тепла, прорвали фронт электрификации и раздробили электростроительство на целый ряд электростанций, анализ мощности и целесообразность работы коих попробуем дать ниже.

Всего разрешено или намечено к постройке 9 электростанций: 2 Кадиевских (Донугля и Коксобензола), Краматорская, Бахсольтреста, Константиновская новая Югостали и Химугля), Донсода, 2 Славянских (Химугля и городская) и Дружковская, при чем все они могут быть охарактеризованы так (см. табл. на след. стр.)

Из всех 9 электростанций лишь 2 кадиевских станции имеют твердое экономическое обоснование для постройки на полную мощность, но с большой оговоркой отсутствие воды вообще в этом районе может сказаться отрицательно на работе станций. Этот недостаток воды в Кадиевке Донуголь предполагает компенсировать постройкой нового специального водопровода из р. Сев. Донца, находившейся от Кадиевки в 35—40 *км* — об экономичности такого решения говорить не при-

Название станции	Мощность в квт.	Топливо	Вода	Расст. от Лисич. в км по прям. линии	Примечание
Кадиевская Донугля.	12.000	Коксов. газ. и кокс. отбросы	Недост. воды	45	Недостаток воды
Кадиевская Коксобензола	2.000	Местн. уголь	„ „	45	Отдача пара на производство
Краматорская	25.000	Привозн. „	Р. Кр. Торец	81	Недостаток воды
Бахсольтреста	2.000	Нефть	Недост. воды	50	„ „
Константиновская	20.000	Привозн. уголь	Р. Кр. Торец	79	„ „
Донсода	40.000	Лисич. „	Сев. Донец	3	Отд. пара на произв.
Славянская Химугля	20.000	Привозн. „	Р. Кр. Торец	80	Недостаток воды
Славянская городская	3 000	„ „	„ „	80	„ „
Дружковская	1.500	„ „	„ „	80	„ „
Итого	125.500	—	—	—	—

ходится. Что касается прочих станций, приведем детально по каждой из них основы и перспективы их развития.

Краматорская станция: Краматорский завод (комбинат) по своему перспективному плану должен развиваться по линии крупного машиностроения, с сохранением металлургической части лишь в том виде, в каком она существует в настоящее время, т.-е. с средней годовой выплавкой до 500 тонн чугуна в сутки на двух доменных печах. Завод, работающий на привозном угле и руде не может рассчитывать на развитие выплавки чугуна, что переходит к усиливающимся старым и новым заводам Югостали.

При использовании доменного газа на удовлетворение собственных технологических процессов завода (мартен, подогревательные печи и т. п.) лишь 25—28% всего доменного газа могут быть использованы для получения электрической энергии и это даст возможность выработать следующее количество энергии $\frac{500 \cdot 3800 \cdot 0{,}28}{4{,}3} = 120000$ квтч. в сутки, т.-е. средняя мощность станции может быть $\frac{120000}{24} = 5000$ квт. Вот, собственно говоря, и все, что может быть положено в основу сооружения этой станции. А остальные 20 тыс. квт. (есть слухи о постройке станции даже порядка 50 тыс. квт...), очевидно, должны базироваться на привозном угле.

Что касается воды для питания котлов и охлаждения конденсата турбин, то здесь положение катастрофично. Река Кр. Торец имеет воду жесткостью до 60—70° немецких и в летнее время почти пересыхает. Если принять во внимание также потребность завода в охлаждающей воде для доменных печей, придется заботиться о большом искусственном и дорогом водном хозяйстве.

Можно ли в таких случаях говорить о необходимости постройки районной станции мощностью порядка 50 тыс. квт? Конечно, нет.

Дизельная станция Бахсольтреста—электростанция мощностью в 2 тыс. квт. была построена и пущена в ход в 1926/27 г. и единственным оправданием ее постройки и существования было отсутствие энергии в соляном районе вообще. С постройкой же Лисичанской

районной или мощной станции на Донсоде эта станция утратит всякий смысл, кроме дорогого холодного резерва.

Константиновская (вновь проектируемая совместно Химуглем и Югосталью) промышленная станция, мощностью в 20 тыс. квт., предполагается исключительно на привозном топливе, без использования каких-либо местных отбросов или отдачи пара на производство, кроме остатков доменного газа, достаточного для мощности 1000—1500 киловатт. Вода имеется лишь в р. Кривом Торце жесткая, до 60—70° немецких, в очень ограниченном количестве, и для покрытия расхода воды придется озаботиться постройкой дорогих искусственных водохранилищ. В общем, станция не имеет никаких экономических выгод и общие перспективы ее хуже Краматорской станции.

Донсода. По пятилетнему плану в конце 1931/32 г. потребность в производственном паре составит у завода до 80 тонн в час. Применяя котлы давления в 35 атм. и предусматривая отбор — противодавление в 2—2,5 атм., можно считать, что на каждую тонну пара, пропущенную через турбину с перепадом в 35 — 2,5 атм. и температурой перегрева в 375°С, будем иметь на валу генератора 70 — 80 квт. полезной мощности. Следовательно, мощность электростанции, имеющая под собой бесспорную экономическую базу, выражается в сумме 70 × 80 = 5.600 квт. Вся прочая потребная заводу мощность, выражающаяся суммою в 10.000—5.600=4.400 квт. должна быть покрыта конденсаторной частью турбины. Цифра 10.000 — это средняя мощность, потребная об'единению („Донсода", „Пролетарий" и „Красное Знамя") Химугля Лисичанского района к концу пятилетия. Мощность станции в 40 тыс. квт. не имеет твердого обоснования и строится она под самовнушением, что станция будет играть роль районной. Это чистейшее заблуждение и для завода и для государства. Необходимо поставить точку над „i" и вопрос решить в двух независимых плоскостях: 1) завод Донсода строит в настоящее время электростанцию мощностью, определяемой максимальной потребностью производственного пара и 2) остальная потребность завода „Донсода" в энергии, не покрываемая станцией производственного пара, равно как и потребность заводов „Пролетарий", „Красное Знамя", рудников и т. д. покрывается районной Лисичанской электростанцией, связанной с заводом „Донсода" лишь электропередачей, но отнюдь не территорией и не административно-хозяйственной частью. Водный вопрос на заводе „Донсода" вполне благополучен.

Славянская электростанция заводов Химуголь — аналогична станции „Донсода", но в связи с меньшей потребностью как производственного пара, так и электроэнергии вообще, мощность электростанции составляет около 2 тыс. квт. Это и есть та мощность, под которую может быть подведен достаточный экономический фундамент. Вопрос же о постройке более мощной станции порядка 10—15 тыс. квт. решается также отрицательно, как и на заводе „Донсода", тем более, что водный вопрос в Славянске неблагополучен.

Славянская городская электростанция, как всякая городская электростанция, необходима, но вопрос о постройке ее совершенно отпадает, если имеется возможность получения энергии от какой-либо районной или заводской станции.

Как видно из вышеприведенных данных некоторые экономические обоснования имеются у двух станций: Кадиевских и лишь на 20% эти обоснования имеются у Краматорской, Донсоды и Славянской Химугля; прочие же станции с точки зрения государственной электрификации экономически совершенно невыгодны. Таким образом, из общей мощности проектируемых, строящихся и работающих станций, призванных

к жизни взамен Лисичанской районной станции в 125,5 тыс. квт., лишь мощность в 26 тыс. квт., а именно 5 тыс. квт. — Краматорская электрическая станция, 14 тыс. квт. — Кадиевские, 5,6 тыс. квт. — Донсода и 2 тыс. квт. — Славянская Химугля, т.-е. 21% можно считать экономически правильной и выгодной. Остальные же 98,9 тыс. квт., или 79% не имеют твердой экономической почвы и совершенно не выдерживают сравнения с Лисичанской районной электростанцией.

Независимо от всего прочего, призванные к жизни перечисленные выше электростанции не явятся поддержкой Штеровке, а о поддержке Штеровки необходимо озаботиться теперь же.

При постройке Лисичанской электростанции конфигурация сети в 115 квт. получается чрезвычайно выгодной (см. рис.), при чем Константиновско-Славянский район можно питать по треугольнику Л—С—К, отбойная же линия Л—К$_1$ соединит Штеровку с Лисичанском.

Итак, необходимо теперь же, в самом срочном порядке пересмотреть начатое строительство (и проектирование) станций Краматорской, Константиновской, Кадиевской, Славянской и Донсода, приняв во внимание все указанные нами неувязки, и сравнить все выгоды как в настоящее время, так и в будущем, от решения вопроса в пользу Лисичанской районной станции. Если СССР нуждается в американском темпе и размахе в промышленности — этим темпом и размахом будет Лисичанская электроцентраль на Северном Донце, а не 6 рахитичных станций в безводной Кадиевке и на Кривом Торце. Опасения о ненадежности электропередач — это ведь пустые слова, немцы не побоялись питать промышленность Берлинского района от электростанций в Руммельсбурге и Чорневицах, и статистика последних лет говорит, что лишь 0,3% всех случаев выключения тока в Берлине падала на долю районных станций и электропередач.

Если не поздно, лучше теперь же прекратить дальнейшее строительство этих станций, сознав допущенные увлечения и промахи, чем с упорством, достойным лучшего применения, усугублять их. Такое распыление средств, какое наблюдается в Донбассе при постройке электростанций под лозунгом своеобразной электрогомеопатии — „всякий сам себе

электрохозяин" — невероятно нездорово для промышленности, и вместо электрификации районов мы будем иметь дорогоэлектрифицированные участки промышленности, без возможности использования электропередач для нужд, промышленных и культурных, мелких и средних потребителей. Если нам не повезло со Штеровкой, если постигли неудачи на электропередачах в Донбассе, — учтем это, изучим ошибки, но не будем держаться принципов, что всякий должен иметь свою собственную станцию, хотя бы даже на дорогом привозном топливе.

Небезынтересно отметить, что в самом начале рассмотрения вопроса об электростанции для Харькова, Лисичанский вариант фигурировал одновременно с Изюмским и Чугуевским (Эсхаром) и вопрос был решен в пользу последнего, теперь же при рассмотрении вопроса станций Краматорской, Константиновской и др., несмотря на троекратную близость последних к Лисичанску — вариант Лисичанской централи не фигурирует. Хочу добавить от себя, что если бы постройка Лисичанской станции была начата своевременно, т.-е. в 1925 г. — не только станции Краматорская, Константиновская, Славянская не имели бы права на существование мощностью выше заданной производственной выгодой (остатками газа и потреблением производственного пара), но даже сам злополучный Эсхар, обошедшийся в своей только проектной части в несколько миллионов рублей был бы решен (при наличии Лисичанской райцентрали) 2 высоковольтными линиями Лисичанск — Изюм — Змиев — Харьков и надо еще добавить, что этот путь Лисичанск — Изюм — Змиев — Харьков имеет особое значение, так как: 1) Изюм — крупный потребитель энергии и впоследствии может стать базой новой районной станции на местных углях и 2) Змиев — место постройки будущего Харьковского водопровода на р. Сев. Донец, и электропередачи к нему не избежать.

М. А. Колобов

Культура риса в системе полеводства Приморья и корейская иммиграция

1. Рост и рентабельность культуры риса

Дальний Восток (ДВкрай), как сельскохозяйственный район, имеет ограниченные возможности. В довоенное время и теперь ДВосток имеет по хлебо-фуражному балансу дефицит. Хлеб ввозился и ввозится ежегодно в размере 85—115 тыс. тонн из Маньчжурии и Западной Сибири. Это явление (недостаток зерновых культур) находит свое об'яснение в естественно-исторических условиях края. Географическое положение значительной части территории последнего с климатическими условиями исключают возможность широкого развития земледелия. Забайкальская и, отчасти, Амурская губернии представляют гористую местность с континентальным сухим климатом. При кратком вегетационном периоде, недостаточном для созревания хлебов, с неравномерным распределением осадков в течение года, хорошие урожаи здесь — редкое явление. В Забайкалии при недостатке осадков в зимние месяцы (бесснежные зимы) исключается, к тому же, возможность озимых посевов.

Сельское хозяйство на Дальнем Востоке характеризуется кризисным состоянием зерновых культур. Отмечается сокращение таких культур, как овес и пшеница, с частичной заменой последней рожью. На предстоящее десятилетие посевная площадь отдельных культур в крае характеризуется следующими данными (в тыс. гектаров): [1]

Годы	Продовольств.	Кормовые	Техническ.	Прочие	Всего
1926	662,1	227,0	60,5	70,8	1.020,7
1931	994,1	370,9	166,7	156,1	1.681,8
1936	1.488,2	578,0	385,2	318,8	2.770,2
1931 в % к 1926	150,0	163,3	265,0	220,1	164,7
1936 в % „ 1926	224,7	254,5	635,3	449,5	271,3

По группе зерновых хлебов важнейшие изменения произойдут в сокращении доли посевной площади под озимой и яровой рожью. Площадь под ними в 1936 году составит 16,1 % вместо 22,9 % в 1926 г. Абсолютно площадь под ними, однако, увеличится в 2 раза. Площадь пшеницы увеличивается к 1936 году в 2,6 раза, преимущественно в Амурском округе (429,3 тыс. *га*, или 36 % всей посевной площади округа). В остальных округах площадь пшеницы снижается.

Самый большой рост посевной площади приходится на рис. Рост этой культуры за ряд лет можно видеть из следующих данных.

В 1923 г. посевная площадь риса была — 4.530 *га*, в 1924 г. — 8.681,1 *га*, в 1926 г.—10.022,2 *га*, при чем на 1936 г. ее предполагается довести до 104.331,3 *га*.

---

[1] „Капитальное строительство ДВКрая", изд. ДВ Краевой Плановой Комиссии. Хабаровск, 1927 г.

Рис сеется в 3 округах: Владивостокском — 93% всей его площади, Хабаровском — 5,5% и Амурском — 1,5%. Во Владивостокском округе рис сеется повсеместно (за исключением горных районов). Наибольшее развитие он получил в районах: Супфунском, Гродековском, Ханкайском и Посьетском. В Хабаровском округе рис сеется в районах: Иманском, Ленинском, Хабаровском и Бирском. В Амурском округе — только в Бифнанском районе.

Если площадь под культуру риса в 1926 году составляла 1% от посева по всему краю, то к концу десятилетия она должна составить 3,8% всего посева. По отношению же к площади посева одного только Приморья культура риса в 1936 году займет 20,6% всего посева.

Рост технических культур по краю за десятилетие является также очень значительным. Так, площадь под бобами по всему краю возрастет в 6,6 раза и будет равна 178,2 тыс. *га*, или 6,5% всего посева вместо 26,9 тыс. *га*, или 2,7% в 1926 году. Аналогичный рост площадей отмечается под кукурузой, просовыми и масличными: льном, коноплей, подсолнухом.

Мы являемся, таким образом, очевидцами очень бурного роста такой трудоемкой культуры как рис, а также очень значительного роста технических культур. Рентабельность этих последних и риса обусловливается возможностью сбыта их на соседние внешние рынки: японский и китайский. С.-х. производство Дальнего Востока (Приморья по преимуществу) в своих трудоемких культурах, таким образом, равняется на запросы внешних рынков. Центральное место среди этих культур занимает, без сомнения, рис.

Насколько значительны доходы от риса по сравнению с доходами от других культур, можно видеть из следующих данных по валовому сбору хлебов за 1925 год в Приморье (по тем же данным):

Культуры	Посев в *га*	Сбор с *га* (в тоннах)	Средн. цена в рубл. за тонну	Стоимость валов. сбора (в тыс. руб.)
Рис	8.637,7	1,94	129,9	2.167
Пшеница	33.657,7	0.64	136,6	2.965
Овес	53.011,1	0,55	71,9	2.105
Гречиха	21.120,0	0,60	75,6	956
Бобы	18.190,0	1,05	77,4	1.484
Рожь озимая	54.443,3	0,96	102,4	5.383
„ яровая	9.945,5	0,60	102,4	612
Лен—семя	15.014,4	0,33	84,7	422

Из приведенных данных мы видим, насколько рентабельной является культура риса в Приморьи. Если площадь риса по отношению к пшенице составляет 25,5%, то по стоимости валового сбора рис равняется 72,4% той же пшеницы. Нельзя при этом не отметить следующих строк „десятилетки" по поводу приведенных данных: „Следует оговориться, что урожайность риса в 2,14 тонны с гектара преуменьшена, по крайней мере, в полтора раза". В 1926 году по данным Крайземуправления площадь рисовых посевов увеличилась в полтора раза, при повышении площади пшеницы всего лишь на 10%. Это говорит за то, что рис в Приморьи является высокорентабельной культурой, занимающей центральное место в системе полеводства.

Там же (в „Десятилетке") определяется себестоимость урожая с одного гектара рисового посева с учетом всех элементов расхода (семена, обработка земли, сельхозналог, ремонт ирригационных сооружений, амортизация инвентаря, процент на капитал). Расход на гектар земли определяется в 138 рублей. Принимая среднюю урожайность в 3,3 тонны с гектара и считая, что одна семья обеспечит рабочей силой не менее 1,5 гектаров, авторы „Десятилетки" находят, что при цене риса-сырца на месте 1 р. 80 к. семья должна получить за зерно валовой выручки 540 р., или чистого дохода 330 р. К этой сумме необходимо еще добавить стоимость рисовой соломы в 50 р. с гектара. Таким образом, чистый доход с гектара риса выразится в 380 р.

2. Сельское хозяйство и перспективы культуры риса в Приморьи

Насколько значительна по размерам площадь Приморья, пригодная для с.-х. культуры?

При общей площади Приморья (бывшие Приморская и Приамурская губ.) в 55,5 млн. гектаров, годная для использования под культуру площадь исчисляется в 27,7 млн. гектаров, при фактической площади пашни в 402,2 тыс. гектаров, или 1,45% годного пространства, при чем 81,2% пашни приходится на теперешнюю Приморскую губернию. Из этих данных ясно, что под с.-х. культуру в Приморьи использована ничтожная часть площади. Для колонизации края открываются чрезвычайно широкие возможности.

Правда, указанная земельная площадь в большей своей части требует предварительной обработки и мелиоративных работ — корчевания и осушки. Но если мы возьмем площадь земли, находящуюся в пользовании крестьян Приморья (надельная земля), равную 1,6 млн. гектаров, то оказывается, что под посевом у них находится из этой площади всего лишь 269 тыс. гектаров, или 16%. Иначе говоря, 84% из земельного фонда, находящегося в крестьянском владении, по данным за 1923 г. оказываются не использованными.[1] К настоящему времени площадь эта несколько уменьшилась, в виду колонизации Приморья, но, во всяком случае, размеры неиспользованной площади должны быть признаны весьма значительными и к настоящему времени.

Сельское хозяйство в Приморьи развито слабо. Это можно видеть из того, что по переписи 1917 года на одно хозяйство в нем приходилось в среднем посевной площади 5,48 гектара, или на одну душу населения 0,9 гектара площади посева. „При таком развитии сельского хозяйства, понятно, что получающихся продуктов как земледелия, так и скотоводства, нехватает не только для всех 600 тыс. населения Приморья, но даже и для тех 342 тыс., которые живут в деревнях".

Останавливаясь на низком уровне техники в сельском хозяйстве, авторы „Приморья" высказываются за необходимость распространения среди крестьян методов обработки земли, применяемых китайцами и корейцами. В статье „Сельское хозяйство" (из „Приморья") мы находим по этому вопросу следующие строки: „Выработанные веками приемы грядковой культуры, с успехом применяемые здесь китайцами и корейцами, не прививаются пока среди русского населения. Между тем, только эти приемы действительно соответствуют местным природным условиям и обеспечивают успех земледелия, указывая на их трудоемкость в то время как междурядная обработка с успехом может совершаться новейшими орудиями пропашной культуры с полной заменой ручного труда машинами".

Нельзя сказать, чтобы русское крестьянское население Приморья совершенно не восприняло от корейцев системы обработки земли, как

[1] „Приморье, его природа и хозяйство". Владивосток, 1923 г.

это утверждает „Приморье“. К положительной стороне корейского хозяйства необходимо отнести его все же известное влияние на с.-х. культуру старожильческого населения, т.-е. крестьян и казаков, не говоря уже о расширении обработанной площади за счет корейского труда, с увеличением с.-х. продукции в крае. „Многие русские,—находим мы в XI томе трудов Амурской экспедиции, — особенно в селениях, расположенных между корейскими поселками, переняли посев разных просовых и бобовых растений (культуры риса тогда не было. М. К.) и даже приучаются к выполке несколько раз в лето пашни, особенно пшеничных полей“.

Крестьяне и казаки, однако, не глубоко восприняли пока корейскую обработку земли. А между тем, корейцы даже при более высокой оплате обработанной десятины земли по сравнению с нашими крестьянами, получают гораздо больше дохода с той же десятины по сравнению с последними. Стоимость обработки 1,1 гектара ячменя и ярицы теми и другими можно видеть из следующих данных того же источника (в 1908 году).

	Русские Село Ивановка	Корейцы Село Козакевичево	
Вспахать	7 р. 50 к.	5 р.	2 раза
Посеять		4 „ — —	
Вполоть	3 „ — „	7 „ 50 к.	2—3 раза
Скосить и связать	6 „ — „	4 „ 50 „	
Свезти с поля	2 „ — „	2 „ — „	
Обмолотить и извеять	5 „ — „	5 „ 50 „	
Итого	23 р. 50 к.	28 р. 50 к.	

Обработка гектара земли корейским населением, как это видно из приведенных данных, дороже по сравнению с обработкой русских на 21,3%. Что касается дохода с гектара, то, по данным Переселенческого района Приморской области за тот же 1908 г., чистый доход корейского населения исключительно земледельческого типа села Козакевичево достигает 6 р. 86 к., а в пригородных районах, где продаются овощи—9 р. 50 к.; в то же самое время средний доход русского земледельческого населения в с. Ивановке с гектара пашни не превышает 3 р. 17 к., иначе говоря, чистая доходность, получаемая от корейского сельского хозяйства с гектара, превышает доход русского населения более чем в два раза.

В издании Дальне-Восточного районного переселенческого управления „К проекту орошения и колонизации Ханкайской низменности“ (Хабаровск, 1927 г.) предполагается оборудование 30.000 хозяйств на указанной низменности — 26.000 хозяйств для орошаемой зоны и 3.400 для зоны с предпосевным поливом, по определенным недельным нормам. По проекту площадь той и другой зоны займет 250.000 гектаров, с четырехпольным севооборотом (в орошаемой зоне) с двухгодичным посевом риса, последующим посевом бобовых и яровых. Валовая продукция земледелия мелиорируемого района выразится в 260.267,7 тонн, при чем на рис падает 156.000 тонн, или 60% от всей продукции. Валовая продукция по всем районам Ханки выразится в 424.580,1 тонн, или кругло в 26.250.000 пудов. За удовлетворением нужд местного населения для экспорта останется не менее 246 тыс. тонн риса обрушенного, масла, жмыхов и т. д. Авторы означенной работы замечают: „Товарные хозяйства выбросят на рынок избыток промышленных товаров не менее чем на 60—70 млн. руб. каждый год, или свыше 50 тонн золота, т.-е. в несколько раз больше, чем выбрасывала вся золотопромышленность Дальнего Востока в довоенное время“.

Общая расходная смета на ирригацию и осушение Ханкайской низменности определяется в 32 млн. руб. Сумма эта быстро покроется, так как с окончанием ирригации низменность будет давать чистую прибыль.

Таким образом, корейцы-иммигранты принесли в Приморье культуру риса, которой в ближайшие годы суждено сыграть весьма значительную роль в экономике не только Д. Востока, но и Союза. Избытки риса найдут легкий выход на внешние рынки — Японию, Китай, [1] а также в Советский Союз, где ощущается недостаток этого продукта, производимого в Туркестане и на Кавказе. [2]

III. Корейская иммиграция в Приморье

Культура риса принесена в Приморье корейцами, где последние стали появляться с 1863 г. Сначала появились корейцы-одиночки, нанимаясь в батраки к русским крестьянам и казакам на лето.

Затем корейцы получали в аренду часть распаханной земли у владельцев последней, занимаясь в то же время промыслами (рубка леса), и выстраивая фанзы с тем, чтобы летом можно было перевезти с родины семьи. Часто корейцы, продвигаясь в тайгу, занимали казенные земли, оседая на них путем захвата. Позднее они становились арендаторами казенных земель. В 90-х годах минувшего столетия, когда корейцы стали приниматься в русское подданство, их зачисляли в списки крестьян, с отводом земельных наделов. Размеры наделов были приняты в 16,5 *га* на семью.

Рост корейского населения в Дальне-Восточном крае характеризуется следующими данными: в 1902 г. их насчитывалось 32.298 душ, в 1907 г. — 46 430 душ, в 1910 — 51.454 души, в 1915 — 43.886 душ, в 1923 — 106.609 душ, в 1926 г. — 170.000 душ, т.-е. за 24 года численность корейского населения (иммиграция) возросла на 431,2%. При этом, по отношению ко всему населению Д. Востока корейское население составляет 9,5%, а по отношению к Приморью около 50%. По словам авторов „Десятилетки“ учтено далеко не все корейское население края, так что указанная цифра в 170.000 корейцев для 1926 года является, поэтому, преуменьшенной против действительного их числа.

Столь исключительное по своей интенсивности движение корейского населения в Приморье за последние годы носит, без сомнения, стихийный характер и заслуживает исключительного внимания.

---

[1] В Японию ввозится около 1/3 всего производства риса Кореи; взамен вывозится из Японии просо, которым пытается корейская беднота как дешевым продуктом („The Japan Year Book“ за 1927 г.) В Китае рис производится (в среднем) в размере 400.000.000 пикулей. Этого количества риса недостаточно для населения, и ежегодно рис импортируется из Индо-Китая, Сиама и из Кореи. Размеры ввоза определяются урожаем китайского риса („The China Year Book“ за 1927 г.).

[2] Ввоз риса с внешних рынков (по азиатской и европейской границам) в СССР в 1924/25 г. на общую сумму составил 26.901 тонн полуобделанного и 59.260 тонн обделанного продукта. Импорт риса значительно сократился (почти на 50%), в результате чего в этом году на рынке, как известно, ощущался недостаток этого продукта.

При расширении посевной площади под культуру риса на Дальнем Востоке Союз ССР легко мог бы удовлетворять свой внутренний спрос ввозом риса из Приморья морским путем — Владивосток — Одесса. В виду более низкого уровня морских фрахтов по сравнению с жел.-дор. тарифом, он мог бы продаваться на рынках Союза не дороже привозного. Необходимость в импорте заграничного риса сама собой отпала бы.

Сравнительная близость Дальне-Восточного края (Приморье) от Кореи, значительное сходство в климатических условиях южной Кореи и Приморья, огромная разница в политической обстановке (Корея — задавленная японскими империалистами страна), и, наконец, кажущееся приволье для заселения пустующих районов, чего нет в аграрно-перенаселенной Корее, — все это, вместе взятое, вызвало тягу среди корейского крестьянства в наше Приморье.

Оседание корейских крестьян-эмигрантов в крае является, само собой понятно, положительным явлением. В противоположность китайцам, корейцы вселяются на новые места семьями, а не в одиночку, как это отмечается в отношении китайцев. В то время как последние (торговцы, ремесленники, рабочие), скопив известную сумму денег, уезжают вновь на родину, корейцы прочно оседают на своих местах, ассимилируясь с коренным русским населением и вообще при своем мирном, уживчивом характере и исключительном трудолюбии не держатся изолированно от русского крестьянского населения; последнее в достаточной степени подтверждается тем, что из всех корейцев, проживающих в крае, до 40% приняло советское подданство.

Одной из основных причин, стимулирующих корейскую иммиграцию в ДВкрай, является возможность для корейского населения приложить в новом для них крае те знания и труд, которые находили для себя применение на местах их выхода. Этим основным, движущим стержнем корейской иммиграции является рисосеяние. На новой земле (Приморье) для корейца-землероба представляется возможность сеять рис, как и у себя на родине, не только для целей питания, но и для продажи.

IV. „Грядковая культура" и недостатки в обработке риса

В области рисосеяния корейцами сделано в Приморьи многое. Они являются пионерами культуры риса в крае. До корейцев культурой риса русское население не занималось.

Методы обработки земли корейцы позаимствовали у китайцев. Это — вековая „грядковая культура", заключающаяся в том, что после подготовки пашни, по ее поверхности проводятся глубокие пареллельные, борозды, с образованием грядок. Вдоль гребня грядок засевается зерно которое и утаптывается ногами. Как только хлеб немного поднимется, по бороздам проходит соха для уничтожения выросшей в них сорной травы; вместе с этим происходит окучивание хлебных растений. Соха проходит по бороздам два раза в лето. При уничтожении сорной травы хлебные колосья получают возможность увеличить долю питательных веществ для себя; в бороздки же стекает дождевая вода, которая является как бы резервуаром для питания хлебных растений, расположенных на вершине грядок. Кроме того, грядки и все поле легко осушиваются ветрами. Естественно-исторические условия на Дальнем Востоке и, в частности, в Приморьи, говорят в пользу „грядковой культуры". При обилии дождей вода не скапливается на поверхности поля, если последнее вспахано на ровном месте, а остается в грядках, и поле быстро осушается, как об этом говорилось выше. При гористой же местности потоки воды стекают по грядкам, идущим сверху вниз, не делая выбоин и не вымывая посева. Это способствует как увеличению количества хлеба с десятины, так и повышению его качества.

Первый опыт рисосеяния в Приморьи был произведен корейцами вблизи Никольско-Уссурийска в 1917 году. Опыт дал хорошие результаты. С этого времени рисосеяние стало быстро распространяться, [1]

[1] Через два года после этого культура риса началась в полосе Вост.-Кит. ж. д.

принимая все более и более широкие размеры, особенно за последние годы, что можно видеть из приведенных уже выше данных. Культура риса производится почти исключительно корейцами. Посевы риса русскими крестьянами — явление редкое. Чаще всего это делается на половинных началах с корейским населением (не редко на артельных началах). Корейцы же арендуют землю под рис у русского населения, платя за нераспаханные земли от 3 до 10 руб. за гектар, а по истечении 5 — 6 лет — 20 — 30 и более рублей. Иногда владелец земли снабжает арендатора семенами, рабочим скотом, инвентарем и даже берет на свое содержание рабочих до урожая, с правом получения не менее половины последнего. Часто цена на землю повышается произвольно владельцем в 3 — 4 раза, доходя до 400 руб. в год за гектар (это случалось после производства оросительных работ).

Сначала посев риса производился привозимыми заграничными семенами — японскими с Хоккайдо, а также китайскими и корейскими. В скором времени семенным материалом стал рис местного происхождения. Иногда употребляется для посева южно-маньчжурский рис.

Рис, как произрастающий в воде, требует соответствующей, слабо проникаемой почвы. Сюда относятся глинистые и суглинистые почвы, а также наносные почвы близ рек и ручьев. Указанные почвенные условия благоприятствуют рисосеянию, так как задерживают воду от проникновения в глубокие грунты вместе с питательными веществами. Песчаная подпочва (супесь), а также торфяные почвы являются поэтому мало пригодными для культуры риса. Этим требованиям Приморье (особенно Южно-Уссурийский район) отвечает в достаточной степени.

Недостатки в культуре риса сводятся к следующему. При культуре риса не производится удобрения, что понижает урожай, отражаясь на размерах его и качестве продукта (в Японии на удобрение тратится свыше 10 руб. на гектар). Размеры же урожая, в зависимости от затраты труда, следующие: средний урожай считается в 3,3 тонны с *га* неочищенного риса, или 2—2,3 чистого. В редких случаях сбор, при хорошей обработке земли и тщательном уходе, дает 6 — 7 тонн с гектара неочищенного рис. Очистка риса производится примитивным способом (корейская мельница), благодаря чему при очистке теряется 30 — 40% веса и, кроме того, вид риса получается низкосортный; имеются рисоочистительные заводы, но они очень редки. Очистка же риса при экспорте имеет первостепенное значение. [1]

Поливка риса также производится примитивным путем: паровых двигателей пока имеется немного, а поля, в большинстве случаев, орошаются слабо при недостатке поливной воды, что, разумеется, сказывается на урожае риса и его качестве.

Необходимо также отметить, что корейцы, введя в севооборот культуру риса в Приморьи, еще в недостаточной степени учитывают наличие естественно-исторических условий края. Это не может обеспечить им устойчивости сбора риса в соответствии с производимой затратой труда. Рельеф местности в Приморьи и, в частности, в местах рисовых посевов отличается гористостью. Горы, в свою очередь, изобилуют множеством речек и ручьев. Если к этому прибавить обилие осадков от дождей, часто продолжительных, то станет понятной та грозная стихия, с которой корейцу приходится иметь дело как вообще в хозяйстве, так, в частности, в культуре риса.

[1] На постройку новых 7 рисоочистительных заводов по плану будет затрачено около 2 миллионов рублей за пять лет. В текущем году предполагается переработать риса-сырца свыше миллиона пудов, а к концу пятилетки все заводы будут давать ежегодно около 750 тыс. тонн готового риса.

От продолжительных дождей мелкие речки и ручейки быстро выходят из берегов и стремительным течением уничтожают на своем пути как искусственные преграды со слабой сопротивляемостью (мосты, земляные валы и проч.), так иногда и повреждают посевы. Известные всем бедствия в Приморьи весной 1927 года от наводнения, нанесшие крестьянскому хозяйству убыток в десятки миллионов рублей, лучше всего могут характеризировать климатические условия Приморья. Если такого масштаба бедствия бывают редко, то меньшие по размерам имеют место часто и с ними надо бороться.

Корейцы, к сожалению, недостаточно гарантируют себя от угрозы стихии. Так, плотины на реке, откуда берется вода для орошения полей под рисом, устраиваются ими из хворостинных фашин, которые засыпаются землей, при чем часто на случай половодья не устраиваются водоспуски. Само собой понятно, что при половодьи плотина сносится и поля заливаются водой.

Этот вопрос заслуживает самого серьезного внимания. На помощь рисовым хозяйствам должны прийти наши технические силы, чтобы обеспечить успех борьбы с наводнениями.

V. Климатические условия Приморья и перспективы корейской иммиграции

Способствуют ли климатические условия Приморьи культуре риса?

В Туркестане и на Кавказе, где разводится рис, а также в Италии и Америке, сумма тепла за 5 месяцев (май — сентябрь) определяется не менее 3.000° (Токио 3.311,7°). Для Никольск-Уссурийского края сумма тепла меньшая. „Приморье“ сообщает следующие данные (средние) за несколько лет для Никольск-Уссурийского края. Спасск —2.627,9°, Каменьрыбалов —2.542,1°, Черниговка —2.716,4°, Никольск-Уссурийск —2.454,8°, Новокиевск —2.529°, Владивосток —2.476,8°.

Мы видим, что сумма тепла в Приморьи, необходимая для вызревания риса, меньше чем это обычно требуется. А между тем, рис в Приморьи вызревает, даже в районе Хабаровска, как показал опыт.

Возникает вопрос: в каком направлении продвигается волна корейской иммиграции и где оседает основная масса крестьянского населения СССР? До сего времени главная масса корейского населения оседала в Приморской полосе. В этом же направлении движение корейцев будет продолжаться и в ближайшее время, если оно будет предоставлено самому себе, без регулирующего воздействия со стороны, как это наблюдалось в большинстве случаев до последнего времени. Наши переселенцы из районов аграрного перенаселения в своей массе будут направляться сюда же. Это и естественно. В Приморской полосе жизненный уровень засельщиков всегда будет более высоким по сравнению с районами, отдаленными вглубь от моря. Более мягкий климат, богатство растительного мира (лес, прекрасные травы, плодородная почва), а также животного мира (рыба и другие морские животные, пушной зверь),— все это, взятое вместе, с удобствами путей сообщения, обеспечивающих сбыт продуктов на рынок, создавало тягу переселенцев в довоенное время, с сохранением этой тяги и в настоящее время.

Необходимо в полной мере учитывать указанное положение, т.-е. неизбежность наиболее быстрого темпа движения переселенцев в Приморский район по сравнению с районами, более или менее удаленными от морской полосы. Это находит свое подтверждение и в тех процессах народнохозяйственной жизни Приморья, очевидцами которых мы являемся. Достаточно указать на с.-х. перепись 1923 г., которая отмечает происходящие в местной экономике сдвиги, подтверждающие высказанное выше положение. Сравнивая данные переписи 1923 г. с аналогичными данными 1917 г., мы видим, что посевная площадь в Приморьи в 1923 г. сократилась на 9,42% за счет уездов Н.-Уссурийского и Спасского; в уездах же Владивостокском и Хабаровском посевная площадь, наоборот, увеличилась. Так в то время как площадь посева в Никольск-Уссурийском уезде в 1923 г. выражалась по отношению к 1917 г. в 81,05% и в Спасском уезде в 92,52%, во Владивостокском уезде она равнялась 123,73% и в Хабаровском — 106,21%.

Аналогичное явление отмечается в темпе роста количества хозяйств и населения в указанных районах. Это можно видеть из следующих данных:

Уезды	Хозяйства		Население	
	1923 г. в %% к 1917 г.		1923 г. в %% к 1917 г.	
Никольск-Уссурийский	140,68		122,22	
Спасский	115,88		106,98	
Владивостокский	164,23	(Посьет. район 238,0)	142,89	(Посьет. район 198,9)
Хабаровский	143,33		126,53	
Николаевский на Амуре	200,79		182,66	

Таким образом, исторически - создавшиеся условия колонизации Д. Востока, происходящей в виде продвигающихся сюда двух потоков человеческой массы — из районов аграрного перенаселения Союза ССР и из Кореи, — поставили Приморье в центре этих потоков. Здесь по преимуществу стремятся осесть переселенцы и иммигранты с двух указанных сторон.

Это явление, заслуживающее внимания, должно быть признано положительным. Надвигающаяся борьба империалистических держав в бассейне Тихого океана, с экспансией международного капитала с Запада на Восток (по преимуществу, в Китай, как огромнейшей емкости потребительский рынок, источник сырьевых ресурсов и дешевой рабочей силы), требует от Советского Союза экономического закрепления Д. Востока вообще и Приморья, непосредственно примыкающего к Тихоокеанскому побережью, в частности; Д. Востоку, как и Приморью, необходимо выйти из состояния потребляющего района с переходом в район производящий, чтобы освободиться от экономической зависимости соседних иностранных рынков. В частности, должен быть изжит хлебный дефицит в крае. Это может быть достигнуто путем проведения ряда практических мероприятий, связанных с его заселением и развитием его производительных сил.

Культура риса в Приморьи с этой стороны должна сыграть исключительную роль не только для районов произрастания этой культуры, но как мы видели, и для Союза ССР.

На культуру риса, как трудоемкую, необходимо обратить особое внимание. Должны быть созданы коллективные хозяйства (артели) из корейцев и русских крестьян, с оказанием им кредита на ирригацию и машинизацию, которая заменит кустарный труд корейца, с предоставлением артелям больших площадей под рис на условиях долгосрочной аренды. Тогда культура риса получит промышленный характер.

Независимо от этого крестьянским хозяйствам должна быть оказана помощь по борьбе с наводнениями (новые методы борьбы, кредит), по очистке риса, что улучшит его качество и повысит ценность. К этому следует присоединить устройство опытно-показательных полей и выращивание акклиматизированных скороспелых сортов риса.

К мероприятиям по развитию культуры риса необходимо также отнести расширение существующей сети селекционных станций в районах

рисосеяния, а также систематическое изучение климатических и почвенно-ботанических условий в крае вообще и в Приморьи в частности. Необходимо, наконец, широко использовать энергетические возможности Приморья в виде имеющихся бассейнов рек и других водоемов (озера).

Что касается стихийного наплыва корейских иммигрантов в Приморье, то с ним необходимо вести борьбу, так как оно может сорвать планомерность колонизации Приморья не только корейской, но и русской. Не следует забывать того, что основная масса как корейских иммигрантов, так и переселенцев из Европейской части Союза, стремится осесть, в виду указанных выше факторов, по преимуществу в Приморьи (корейцы исключительно оседают). Заготовка колонизационного фонда под новые переселенческие районы при таком положении дела (стихийный наплыв иммигрантов), естественно, не может поспевать за ростом новых засельщиков. Беспорядочное же (не плановое) оседание корейцев, особенно в обжитой зоне, с арендой земли у старожилов может повлечь за собой нежелательные явления в виде спекуляции на земле, безработицы и т. д.

Как на одно из рационализирующих мероприятий по корейской иммиграции мы могли бы указать на необходимость широкой информации корейцев о колонизационных возможностих в Приморьи и др. районах Дальнего Востока в распространенных корейских газетах. Идя далее по этому пути, следовало бы, как нам кажется, создать в Корее специальный орган по планированию корейской иммиграции. В его задачу входило бы широкое осведомление корейского населения во вопросам, связанным с иммиграцией в Приморье.

Необходимо проведение определенного плана по заселению Приморья, с охватом более отдаленных его районов, которые, как показал опыт, легче могут буть освоены корейскими землеробами, чем нашими переселенцами,— также задачи, стоящие, в порядке дня.

П. Плеханов

О расслоении туркменского аула[1]

Имеющиеся печатные материалы (бюджетные описания в сборниках ЦСУ и контрольные цифры Госплана ТССР) дают характеристику социальных группировок дехканства по основному признаку — площади посевов, с добавлением данных по чистой доходности и обеспеченности рабочим скотом.

По исчислениям Госплана ТССР, земледельческие хозяйства Туркмении по посевным группам и валовой доходности распределяются (для 1926/27 г.) примерно, таким образом:

Таблица 1

Группировка хозяйств по посеву и доходности

Группы по посеву	Число хозяйств		Площадь на 1 хоз. (*га*)	Валовая доходность одного хоз. (руб.)
	Абс.	В %%%		
Без посева . . .	3.500	2,3	—	до 50
До 0,5 *га*	17.821	11,8	0,4	„ 77
„ 1,0 *га*	31.532	20,9	0,8	„ 170
„ 2,0 *га*	33.380	22,2	1,6	„ 340
„ 3,0 *га*	36.480	24,2	2,4	„ 494
Свыше 3,0 *га*	27.791	18,6	4,2	„ 958
Итого . . .	150.504	100,0	—	416

После проведения земельно-водной реформы на территории половины республики (округа Ашхабадский и Мервский) посевные группы, естественно, должны подвергнуться значительному изменению, с уменьшением числа безземельных и малоземельных, получивших прирезки за счет группы, с наделами свыше 3 *га*, а также из госземфонда и из земель, конфискованных у нетрудовых элементов.

Кроме этих основных изменений в группировке, следует иметь в виду, что при широко развитой аренде, недостатке у маломощных слоев дехканства скота и инвентаря, — фактическое распределение посевной площади по отдельным группам будет несколько иным.

Особенно приходится учитывать то обстоятельство, что при земводреформе средства производства (скот и инвентарь) не были перераспределены и потому в руках зажиточного дехканства оказалось излишнее (после урезки наделов) количество живого и мертвого инвентаря; естественно, это преимущество используется теперь зажиточными с наибольшей для себя пользой. Весьма возможно, что вновь наделенные землею и водою переуступали часть ее за право пользования рабскотом и инвентарем; отсюда всякого вида издольщины.

Точно так же в Туркмении, как и в других частях Советского Союза, наблюдаются случаи найма работника с лошадью и плугом (туземным) за деньги или из доли; последний способ расплаты более применим.

[1] В порядке обсуждения. Ред.

Все это заставляет признавать за средствами производства (скот, инвентарь, запасы) роль ведущего звена в дехканском хозяйстве. Пользуясь методологией, установленной тт. Крицманом и Гайстером (Коммунистическая академия), мы, на основании опубликованных бюджетов, попытались произвести группировку дехканских хозяйств по стоимости средств производства. К последним относим скот, инвентарь и запасы.

Стоимость построек сельскохозяйственного значения нами не принималась во внимание по местным особенностям, так как амбаров в ТССР не строят; примитивный сельскохозяйственный инвентарь не требует хранения в особых помещениях, а скот содержится под открытым небом и в исключительных случаях—под навесом внутри двора; при чем рассмотрение бюджетных описаний показывает, что наличие большого поголовья отнюдь не вызывает необходимости в постройке хлевов или особых загонов.

Для проработки мы воспользовались бюджетами ЦСУ (сборники 7, 8 и 9), при чем нами были взяты только земледельческие хозяйства, так как число показаний скотоводческих хозяйств столь незначительно, что пытаться произвести обобщение рискованно. Разбивка на группы такова:

Таблица 2

Категория хозяйств	Стоим. средств произв.	По Гайстеру
I. Мельчайшие . . .	до 200 руб.	200 руб.
II. Мелкие	от 201 до 450 руб.	200— 500 руб.
III. Средние	„ 451 „ 700 „	500— 800 „
IV. Вышесредние . .	„ 701 „ 1000 „	800—1.400 „
V. Крупные	свыше 1000 „	свыше 1.400 „

Для четырех групп нами взяты несколько меньшие размеры капиталов, потому что вообще туркменская деревня значительно беднее „средней“ российской как по скоту, так и по инвентарю.

Приведем ниже размер капиталов по группам из расчета на 1 хозяйство.

Таблица 3

Группы хозяйств	Средства производства			
	Скот	Инвентарь	Запасы	Всего
I. Мельчайшие (руб.) .	75	14	49	138
В %%	54,4	10,1	35,5	100
II. Мелкие (руб.) . . .	196	24	96	316
В %%	62,0	7,6	30,4	100
III. Средние (руб.) . .	355	53	150	558
В %%	63,7	9,5	26,9	100
IV. Вышесредние (руб.)	532	77	215	824
В %%	64,6	9,3	26,1	100
V. Крупные (руб.) . .	1.907	78	202	2.197
В %%	87,2	3,6	9,2	100

Из таблицы мы, прежде всего, видим значительный скачок в размере стоимости средств производства от IV к V группе (от 824 руб. до 2.197 руб.); последняя группа является вполне зажиточной как по капиталам, так и по доходности, а в отношении ведения хозяйства они не могут обходиться своей рабочей силой, как это будет показано дальше.

Для всех групп главнейшей статьей вложенных в хозяйство капиталов является скот, при чем, чем выше группа, тем более увеличивается относительное значение этой статьи — с 54,4% в группе мельчайших хозяйств удельный вес скота поднимается до 87,2% в последней группе.

Соответственно уменьшаются в процентном отношении запасы, возрастая в абсолютной величине от мельчайшей группы к крупной. Так, в первой группе запасы составляют 49 руб. (35,5% всего капитала), а в последней — 202 руб. (только 9,2% всего капитала). Поскольку в запасах часть средств относится к стоимости продовольственных продуктов, то значение запасов как средства производства уменьшается. Во всех

группах стоимость инвентаря весьма невелика: у бедняков она составляет всего 14 руб. на хозяйство, у зажиточных — 78 руб., но и последняя сумма незначительна; она показывает, что в среднем далеко не каждое хозяйство имеет арбу, точно так же и европейский инвентарь в 98 из 100 хозяйств отсутствует.

Рассмотрим теперь положение отдельных групп.

Мельчайшие хозяйства. Первая группа по обеспеченности посевами и рабскотом имеет такие показатели:

Таблица 4

	Число хозяйств (в %%)					На 1 хозяйство
С посевом *(га)*	0—1	1—2	2—3	3—5	св. 5	—
В %%	63,4	20.0	16,6	—	—	1,06 *га*
С колич. голов на хозяйство	без рабскота	с 1 гол.	с 2 гол.	с 3 гол.	св. 3 гол.	—
В %%	43,4	50,0	6,6	—	—	0,63 гол.

Таким образом, мельчайшие хозяйства оказываются самыми отсталыми и по посеву, и по рабочему скоту.

Бесскотные 43,4% хозяйств вынуждены или отказаться от обработки своих наделов, или нанимать скот (за отработку или из доли урожая) на тяжелых для себя условиях. Добавляя сюда и отсутствие пахотного инвентаря, которого маломощные хозяйства имеют по 1 на 6—10 хозяйств, мы получаем достаточно ясную картину зависимости мельчайшей группы от других. Даже и те 50% хозяйств, которые имеют по одной голове рабочего скота, вынуждены прибегать к „супряге“, так как туземный плуг-соха (омач) требует парной запряжки (пара волов или верблюд с лошадью). Вместе с тем, недостаток кормов делает содержание скота крайне обременительным, и надел в 1,06 *га* не дает возможности выделить достаточный клин под кормовую площадь.

Доходность мельчайшего хозяйства, в соответствии с малым наделом и небольшим количеством продуктивного скота, естественно невелика.

Ниже приводим в табл. 5 приходо-расходный бюджет хозяйства.

Таблица 5

Доходы и расходы мельчайшего хозяйства

Доходы хозяйства	От землед. и животноводства	От сдачи земли и воды	От сдачи рабскота	От промысл., сбора топлива, фуража	От продажи своей рабсилы	От разных поступлений	Всего дохода
Абс. (руб.)	255	14	2	68	29	22	390
В %%	65,5	3,6	0,4	17,4	7,5	5,6	100
Расходы хозяйства	**Налоги**	**Аренда земли и воды**	**Наем рабскота**	**Покупка сел.-хоз. инвентаря**	**Оплата наемной рабсилы**	**Личное потребление**	**Всего расхода**
Абс. (руб.)	8	23	9	6	10	359	415
В %%	1,9	5,6	2,1	1,5	2,4	86,5	100

Основной статьей дохода являются поступления от занятий земледелием и животноводством; всего они дают 255 руб. (65,5 % всего дохода), тогда как на личное потребление хозяйство издерживает 359 руб.; таким образом, глава семьи должен искать дополнительных заработков. Он и находит их — в промыслах, дающих до 17,4%, и в продаже своей рабочей силы — 7,5 %. Имеются даже доходы от сдачи надела и скота — в общем 4%. Однако, эта приходная статья значительно меньше соответственной части расходной сметы (выручает хозяйство 16 руб., а само выплачивает 32 руб.).

Приведем также, как распределяются по отдельным назначениям расходы хозяйства:

Таблица 6

Расходы на личные потребности мельчайшего хозяйства

	Растительн. пища	Животная пища	Приправы и напитки	Итого на пищу	Одежда, обувь	Предметы домашн. обихода	Жилище, отопление, освещение	Прочие расходы	Всего
На хозяйство (руб.)	146	65	41	252	53	5	32	17	359
В %%	40,4	17,8	11,8	70,0	14,8	1,4	8,9	4,9	100
На едока (руб.) .	41	18	12	71	15	1,5	9	5	101,5

В расходном бюджете пища занимает немногим меньше $^3/_4$ всего расхода (70,1 %), при чем большая половина из нее приходится на растительную, а из последней — до 15 % — тратится на покупной рис; цены на последний подвергаются большим колебаниям, что крайне неблагоприятно отражается на дехканском бюджете, особенно у бедняков.

Общий размер потребления крайне низок, составляя всего 71 руб. в год на едока, т.-е. только 19,5 коп. в день. Также ничтожны затраты на одежду и обувь (15 руб. на едока); почти ничего не тратится на предметы домашнего обихода, что указывает на чрезвычайную убогость обстановки; невелики расходы и на жилище, всего по 32 руб. на хозяйство; на топливо, очевидно, тратится больше, так как зимой в кибитке почти беспрерывно поддерживается огонь, но здесь не учитывается топливо, собираемое членами семьи (колючка).

Мелкие хозяйства. Положение хозяйств следующей группы, со стоимостью средств производства от 201 до 450 руб., — немного лучше. Такое хозяйство имеет скота на 196 руб. (62,0 % всего капитала), инвентаря — на 24 руб. (7,6 %) и запасов на 96 руб. (30,4 %); значение скота возрастает, а запасов уменьшается по сравнению с первой группой.

В отношении обеспеченности рабскотом и площадью посевов бюджетные описания дают такую картину:

Таблица 7

	Число хозяйств (в %%)					На 1 хоз.
С посевом (*га*) . . .	0—1	1—2	2—3	3—5	Св. 5	
В %%	39,5	18,6	25,6	14,0	2,3	1,80 *га*
С кол. голов на хоз. .	Без раб. скота	с 1 гол.	с 2 гол.	с 3 гол.	св. 3 гол.	
В %% .	2,3	46,6	46,6	4,5	—	1,76 гол.

Мы видим, что в этой группе мелких посевщиков уже не большинство, как мы наблюдали у мельчайших хозяйств; здесь их только немного более $^1/_3$ части; свыше $^1/_4$ хозяйств (25,6 %) имеют наделы от 2 до 3 *га*; до 14 % — от 3 до 5 *га* и даже есть хозяйства с наделами более 5 *га* (2,3 %).

Без рабскота только 2,3 %, и так как ниже мы найдем в этой группе мелких хозяйств случаи сдачи земли и воды, то естественно предположение, что именно бесскотные хозяйства и вынуждены отказаться от использования своих участков.

Более половины хозяйств (51,1 %) обеспечены тяговой силой, имея по 2 и 3 головы на двор. Однолошадных менее половины; эти хозяйства должны прибегать к супряге или найму скота. Лучшая посевность и большая, чем у первой группе, обеспеченность скотом дают этим хозяйствам лучшую доходность и несколько иное распределение дохода по статьям, как это мы покажем в следующей таблице:

Таблица 8

Доходы и расходы мелкого хозяйства

Доходы хозяйства	От землед. и животноводства	От сдачи земли и воды	От сдачи раб. скота	От промысл. сбора, топлива, фуража	От продажи своей рабсилы	От разных поступлений	Всего дохода
Абс. (руб.)	356	4	3	93	22	23	501
В %%	71,1	0,8	0,6	18,5	4,4	4,6	100
Расходы хозяйства	**Налоги**	**Аренда земли и воды**	**Наем рабскота**	**Покупка сельскохозяйств. инвентаря**	**Оплата наемной рабсилы**	**Личное потребление**	**Всего расхода**
Абс. (руб.)	10	17	1	9	15	456	508
В %%	2,0	3,4	0,2	1,9	2,9	89,6	100

Здесь также находим, что от основных занятий — земледелия и животноводства — хозяйство не получает столько, сколько требуется на личное потребление; приходится заниматься промыслами, дающими 18,5 % дохода, и отпускать рабсилу на сторону, но последняя уже дает относительно меньше дохода, чем в беднейших хозяйствах первой группы: там поступления от продажи рабсилы составляют 7,5%, здесь — уже только 4,4%. Но в общем земледелие и животноводство дают на 5,6% больше, чем в первой группе, а в дополнение к этому снижаются в расходной части затраты на аренду (с 5,0% до 3,4%) и наем скота (с 2,1% — в первой группе до 0,2% — в рассматриваемой).

Соответственно приходу, увеличиваются и траты на личное потребление, которое мы и приводим ниже.

Таблица 9

Расходы мелкого хозяйства на личное потребление

	Растительн. пища	Животная пища	Приправы и напитки	Итого на пищу	Одежда, обувь	Предметы дом. обих.	Жилище, отопление, освещение	Прочие расходы	Всего
На хоз. (руб.)	186	88	44	318	69	10	38	21	456
На едока (руб.)	50	24	12	86	19	2	10	6	123
В %%	40,7	19,5	9,8	70,1	15,4	1,6	8,1	4,8	100

Как и в мельчайшем хозяйстве, здесь мы видим, что на пищу уходит 70,1% от всего расхода дехканского двора, но в абсолютных числах питание чуть-чуть лучше: на 1 едока в день приходится 23,5 коп., т.-е. на 4 коп. больше того, что тратится в мельчайшем хозяйстве. Конечно, и эта сумма еще слишком мала, чтобы можно было говорить о нормальном питании, очевидно, надо считаться с фактом хронического недоедания.

Отметим еще отпуск (продажу) своей рабочей силы и наем последней для нужд своего хозяйства: в мелком хозяйстве превышение отпуска над наймом составляет 6 дней в году (в мельчайших хозяйствах —17 дней), начиная же со следующей группы, мы уже встречаемся с фактом превышения найма над отпуском.

Средние хозяйства. У этой группы как абсолютно, так и относительно увеличивается значение животноводства, да и посевная площадь значительно больше, чем у двух предшествующих групп.

В нижеследующей табл. 10 приводим основные показатели по группе средних хозяйств.

Таблица 10

Посевная площадь в *га*	0—1	1—2	2—3	3—5	Св. 5	Всего	В средн. на 1 хоз.
Число хозяйств в %%	16,7	11,1	16,6	33,4	22,2	100	2,80 *га*

Обеспеч. рабскотом на 1 хоз.	Без раб. скота	С 1 гол.	С 2 гол.	С 3 гол.	Более 3 гол.	Всего	В средн. на 1 хоз.
Число хозяйств в %%	—	11,1	44,5	33,3	11,1	100	2,55 гол.

Стоимость средств производства	Скот	Инвентарь	Запасы	Всего
На 1 хозяйство (руб.)	355	53	150	558
В %%	63,7	9,5	26,9	100

Принадлежащие к этой группе хозяйства могут называться „средними“ не только по стоимости средств производства, но и по земельному обеспечению они близки к средней норме, принимаемой для хлопководческих районов ТССР: при 2,8 *га* на хозяйство и при достаточном клине интенсивных культур последнее может иметь доход в размерах, позволяющих обеспечить прожиточный минимум.

Самое распределение хозяйств по посевным группам показывает (см. табл. 1), что с минимальными наделами имеется 27,8%, все остальные имеют больше, чем в среднем по республике (2 *га*).

Достаточно благополучно и с рабочим скотом: без него нет ни одного хозяйства, немного (11,1%) хозяйств и с 1 головою; все остальные вполне обеспечены тяговой силой, имея две и более голов рабскота на двор, а в среднем — по 2,55 головы.

Обеспечение рабскотом в таком размере, по сравнению с обрабатываемой площадью (2,8 *га*), мы можем назвать даже расточительным, так как на одну голову в таком случае приходится всего 1 *га* с небольшим посева, т.-е. налицо — явная недогрузка тяговой силы. Дехканин должен искать применения для этой излишней силы, и если в бюджетах

недостаточно отражена доходность от сдачи скота, то это, очевидно, потому, что использование скота могло итти по линии „издольщины“ и вообще натуральной оплаты за пользование скотом; несомненно имелись случаи сокрытия доходности и пр. Доходность среднего хозяйства (см. табл. 11) от земледелия и животноводства уже меньше отстает от расходов на личное потребление (которое значительно выше), чем в предыдущих группах.

Таблица 11

Доходы и расходы среднего хозяйства

Доходы	От земледелия и животноводства	От сдачи земли и воды	От сдачи рабскота	От промыс. сбора топлива, фуража	От продажи рабсилы	От разных поступлений	Всего дохода
Абс. (руб.) . .	530	8	1	69	47	4	659
В %%	73,8	1,2	1,0	10,4	7,1	6,5	100

Расходы	Налоги	Аренда земли и воды	Наем рабскота	Затраты на инвентарь	Оплата наемной рабсилы	Личное потребление	Всего расхода
Абс. (руб.) . .	12	8	1	10	18	608	657
В %% . . .	1,7	1,3	0,1	1,5	2,5	92,3	100

Роль дохода от продажи рабсилы в этой группе значительна, но источник этого дохода здесь несколько иной, это — служба, что в дальнейшем может повести уже к отрыву от своего хозяйства, так как со службой несовместима постоянная, систематическая работа на своем участке.

В расходной части возрастает доля затрат на личное потребление — до 92,3%; что касается расхода на наем земли и воды, то эта статья полностью балансируется с приходом. Обращает внимание незначительность затрат на инвентарь, всего 1,5% от расходной сметы, что еще раз подтверждает низкую технику нашего хозяйства. Что касается трат на личное потребление, то здесь с общим ростом доходности, естественно, возрастают и траты на пищу, одежду, жилище, но все эти увеличения очень скромны: так, на пищу расход повышается до 92 руб. на едока в год (25,1 коп. в день), на одежду — до 21 руб. и т. д. Всего на едока расход доходит до 137 руб. в год.

Потребности расходов на личное потребление видны из таблицы „А“ на стр. 294.

Вышесредние хозяйства. Об'единяемые в эту группу хозяйства, вместе со следующей группой крупных хозяйств, составляют незначительное меньшинство в числе всех хозяйств республики. Они целиком укладываются в те 18,6% многопосевных, показанных в нашей табл. 1, где хозяйства сгруппированы по посевному признаку.

Вышесредние хозяйства имеют такие показатели:

Таблица 12

Посевн. площ. (*га*)	0—1	1—2	2—3	3—5	Св. 5	Всего	В средн. на 1 хоз.
Число хоз. в %%	—	12,5	12,5	25,0	50,0	100	3,96 гол.

Обесп. рабскот. на 1 хоз.	Без рабск.	С 1 гол.	С 2 гол.	С 3 гол.	Св. 3 гол.	Всего	В средн. на 1 хоз.
Число хоз. в %%	—	—	25,0	37,5	37,5	100	3,25 гол.

Стоимость средн. произв.	Скот	Инвентарь	Запасы	Всего
На 1 хоз. руб	532	77	215	824
В %%	64,6	9,3—26,1	26,1	100

В этой группе преобладают средние и многопосевные хозяйства, составляющие $^3/_4$ всех хозяйств группы, при полной обеспеченности рабскотом, здесь нет не только бесскотных, но и с одной головой; таким образом, ни одно хозяйство не нуждается в найме рабочего скота; наоборот — его здесь несомненный излишек.

Большая, сравнительно, площадь надела (по 3,96 *га* поливной земли) при лучшем обеспечении скотом делает такие хозяйства вполне устойчивыми. Валовая доходность на хозяйство — 877 руб. (см. табл. „*А*“).

Доходы и расходы хозяйств по группам *Таблица А*

Группировка хозяйств по средствам производства

Доходы	От земледелия и животноводства	От сдачи земли и воды	От сдачи рабскота	От промыслов, сбора топлива, фуража	От продажи своей рабсилы	От разных поступлений	Всего дохода
I. Мельчайшие							
Абс. (руб.)	255	14	2	68	29	22	390
В %%	65,5	3,6	0,4	17,4	7,5	5,6	100
II. Мелкие							
Абс. (руб.)	356	4	3	93	22	23	501
В %%	71,1	0,8	0,5	18,5	4,4	4,6	100
III. Средние							
Абс. (руб.)	530	8	1	69	47	4	659
В %%	73,8	1,2	1,0	10,4	7,1	6,5	100
IV. Вышесредние							
Абс. (руб.)	720	„	„	96	4	57	877
В %%	82,2	„	„	10,9	0,4	6,5	100
V. Крупные							
Абс. (руб.)	1.170	9	„	108	1	16	1.304
В %%	89,6	0,7	„	8,4	0,1	1,2	100

Расходы	Налоги	Аренда земли и воды	Наем рабскота	Затраты на инвентарь	Оплата наемной рабсилы	Личное потребление	Всего расхода
I. Мельчайшие							
Абс. (руб.)	8	23	9	6	10	359	415
В %%	1,9	5,6	2,1	1,5	2,4	86,5	100
II. Мелкие							
Абс. (руб.)	10	17	1	9	15	456	508
В %%	2,0	3,4	0,2	1,9	2,9	89,6	100
III. Средние:							
Абс. (руб.)	12	8	1	10	18	608	657
В %%	1,7	1,3	0,1	1,5	2,7	92,3	100
IV. Вышесредние							
Абс. (руб.)	29	4	1	26	53	842	955
В %%	3,0	0,4	0,1	2,7	5,5	88,3	100
V. Крупные							
Абс. (руб.)	22	„	„	13	162	1.013	1.210
В %%	2,1	„	„	1,0	15,9	81,0	100

Из этой таблицы видно, что земледелие и скотоводство дают 82,2% всех поступлений; главным дополнением к этому доходу являются заработки от промыслов, добычи топлива и фуража; продажа своей рабочей силы составляет всего 0,4% от общего дохода, и потому этой статьей дохода можно вовсе пренебречь.

В расходной части бюджета (та же таблица) обращает внимание повышение затрат на наем рабочей силы; на нее тратится 5,5% всей расходной сметы; по отношению к предыдущей средней группе хозяйств затраты на наемную рабсилу увеличиваются в абсолютных цифрах в три раза, что ясно показывает на невозможность для вышесредних хозяйств обходиться силами своей семьи; эти хозяйства отчасти имеют уже предпринимательский характер или являются переходными к таким хозяйствам.

По личному потреблению расход на едока в рассматриваемых хозяйствах в полтора раза выше, чем в мельчайших хозяйствах, при чем, как и в последних, большая часть расхода падает на пищу (67,1%), но в составе последней находим значительные изменения: снижаются затраты на растительную и повышаются таковые на животную, при уменьшении расхода на приправы, напитки.

Крупные хозяйства. Из таблицы „*Б*“ (см. на стр. 296) видно, что в среднем посевная площадь на 1 хозяйство этой группы достигает 4,65 *га*, т.-е. в 2,5 раза больше, чем приходилось бы на одно хозяйство при разделе всей поливной земли на все земледельческие хозяйства и в 4,5 раза более земельного надела у мельчайших хозяйств.

В отношении обеспеченности рабскотом крупные хозяйства имеют не менее 3 голов на хозяйство, а громадное большинство (77,8%) — даже более, чем по 5 голов (см. ту же таблицу). В среднем, на двор прихо-

Таблица Б

Показатели обеспеченности рабскотом и площадью посева по всем группам

(Число хозяйств в %%)

Группы по средствам производства	По площади посева (га)						В среднем на 1 хозяйство (га)
	0—1	1—2	2—3	3—5	Св. 5	%%	
I. Мельчайшие .	63,4	20,0	16,6	—	—	100	1,06
II. Мелкие . . .	39,5	18,6	25,6	14,0	2,3	100	1,80
III. Средние . . .	16,7	11,1	16,6	33,4	22,2	100	2,80
IV. Вышесредние .	—	12,5	12,5	25,0	50,0	100	3,96
V. Крупные . . .	11,1	—	22,2	11,1	55,6	100	4,65
	Без рабскота	С 1 гол.	С 2 гол.	С 3 гол.	Более чем с 3 гол.	%%	В среднем на 1 хоз. голов
I. Мельчайшие .	43,4	50,0	6,6	—	—	100	0,63
II. Мелкие . . .	2,3	46,6	46,6	4,5	—	100	1,76
III. Средние . . .	—	11,1	44,5	33,3	11,1	100	2,55
IV. Вышесредние .	—	—	25,0	37,5	37,5	100	3,25
V. Крупные . . .	—	—	—	22,2	77,8	100	4,00

дится по 4 головы; при наделе в 4,65 *га* такое наличие скота указывает на очень слабую нагрузку его — немного более 1 *га* (1,16 *га*) на голову, т.-е. в 3,5 раза менее нормальной в условиях Туркменистана.

Нельзя допустить, что крупные хозяйства настолько нерасчетливы, что так плохо используют свой скот; очевидно, они находят ему применение частично — путем сдачи, не фиксируемой, однако, в порядке издольщины, а отчасти — на транспорт. Косвенное подтверждение такому предположению мы находим в размере доходности от животноводства: последнее в крупных хозяйствах дает до 45% от общей суммы, получаемой от земледелия и животноводства.

Общая валовая доходность крупного хозяйства достигает 1.304 руб., в том числе от земледелия и животноводства 1.170 руб. (89,6%). Таким образом, доход от основного занятия крупного хозяйства вполне покрывает расходы на его личное потребление (см. таблицу „*А*"), составляющее 1.013 рублей.

Следует, между прочим, отметить, что расход на оплату налогов, примерно, у всех групп одинаков, колеблясь в пределах всего от 1,7% до 3,0%, а в абсолютных цифрах — от 8 до 29 руб. на хозяйство. Такая равномерность налогового обложения, при громадной разнице в величине доходов, ясно указывает, с одной стороны, на недоучет об'ектов обложения, а с другой — на неточное определение доходности отдельных отраслей хозяйства.

В расходном бюджете крупного хозяйства обращает внимание большая доля в расходе на наемный труд — по 162 руб. в год, или 15,9% бюджета. Такие хозяйства можно считать предпринимательскими; если и не все, то, примерно, половина их усиленно эксплоатирует чужой труд, основывая на этом свое благосостояние.

В отношении расходов на личное потребление (см. таблицу „В") крупное хозяйство тратит почти в три раза более мельчайшего хозяйства, но принимая во внимание большее количество едоков в семье крупного хозяйства (5,72 против 3,57,— см. таблицу „Г"), расход на едока составляет 176 руб. или на 75% больше у мельчайшего хозяйства.

Таблица В

Расходы на личное потребление по всем группам из расчета на 1 хозяйство

Группы хозяйств		Растительная пища	Животная пища	Приправы, напитки	Итого на пищу	Одежда, обувь	Предметы домашнего обихода	Жилище, отопление, освещение	Прочие расходы	Всего
I Мельчайш.	На хоз. Руб. .	146	65	41	252	53	5	32	17	359
	На едока Руб.	41	18	12	71	15	1,5	9	5	101,5
	В %%	40,4	17,8	11,8	70,0	14,8	1,4	8,9	4,9	100
II Мелкие	На хоз. Руб. .	186	88	44	318	69	10	38	21	456
	На едока Руб.	50	24	12	86	19	2	10	6	123
	В %%	40,7	19,5	9,8	70,1	15,4	1,6	8,1	4,8	100
III Средние	На хоз. Руб. .	245	116	47	408	93	14	50	43	608
	На едока Руб.	55	26	11	92	21	3	11	10	137
	В %%	40,2	19,0	8,0	67,2	15,3	2,2	8,0	7,3	100
IV Вышесредн.	На хоз. Руб. .	350	163	61	574	113	25	59	71	842
	На едока Руб.	58	31	12	101	21	5	11	13	151
	В %%	38,6	20,5	8,0	67,1	13,9	3,3	7,3	8,6	100
V Крупные	На хоз. Руб. .	285	298	72	655	157	29	89	83	1.013
	На едока Руб.	50	52	13	115	27	5	15	14	176
	В %%	28,4	29,7	7,4	65,5	15,3	2,8	8,5	7,9	100

Таблица Г

Затрата труда, отпуск и наем рабсилы по группам хозяйств

Группы по стоимости средств производства	Число едоков	Запасы труда в 10-час. рабднях взр. мужчины	То же из расчета на 1 *га* посева	Отпуск рабсилы (дней)	Наем рабсилы (дней)	Превышение + отпуска над наймом — и обратно
I. Мельчайшие . .	3,57	400	397	25	8	+ 17
II. Мелкие . . .	3,75	420	234	19	13	+ 6
III. Средние . . .	4,50	510	182	—	16	— 16
IV. Вышесредние .	5,25	580	146	3	46	— 43
V. Крупные . . .	5,72	640	137	1	141	— 140

Питание членов семьи крупного хозяйства лучше, чем во всех остальных группах, как по стоимости питания, так и по большему участию животных продуктов в составе пищи — здесь на животные продукты питания тратится больше, чем на растительные (52 руб. и 50 руб.). Что касается остальных расходных частей, то и по ним, конечно, наблюдается превышение расходов по сравнению с другими группами, но это увеличение незначительно, и в абсолютных величинах расходы не велики: так, на одежду и обувь на едока тратится по 27 руб. в год, на предметы домашнего обихода — по 5 руб., на жилище, отопление и освещение — по 15 руб.

Очень неблагоприятное впечатление производит ничтожный расход даже и крупного хозяйства на инвентарь — тратится всего 13 руб. в год, и это при посеве 4,65 *га* и наличии скота на 1.917 руб., т.-е. около 20 голов на хозяйство. Эта цифра показательна. Она указывает на чисто экстенсивный способ ведения хозяйства (по средствам производства) при громадной затрате мускульной силы.

В отношении использования мускульной силы очень показательны данные таблицы „Г". Оказывается, запасы рабочей силы возрастают от мельчайших групп к крупным, в соответствии с увеличением состава семьи. Метод исчисления запаса принят по данным Туркменского Госплана (224 рабочих дня в году на 10 часов). Что касается величины запаса рабсилы на 1 *га* посева, то крупные хозяйства обеспечены значительно хуже — они имеют запасы по 137 рабдней на 1 *га*, а мельчайшие — по 397 рабдней.

Это вычисление показывает на громадный избыток рабсилы у мельчайших хозяйств и возможность для последних отчуждать ее на сторону, а также употреблять больше времени на обработку своего участка; следовательно, для них имеется возможность занять больший процент площади под хлопок, огороды и другие трудоинтенсивные культуры.

Из той же таблицы „Г" видно, что отпуск рабсилы отмечается в сколько-нибудь значительных размерах лишь в мельчайших и мелких хозяйствах, в которых отпуск своей рабочей силы превышает наем; в остальных же группах хозяйств — наоборот — наем силы превышает ее отпуск, и для последней группы наем достигает 22% всего запаса труда в данной группе. Эти цифры и об'ясняют нам значительность затрат крупного хозяйства на наемный труд и подтверждают эксплоататорский уклон данной группы.

Имея в виду, что описанные нами бюджеты заложены в наиболее характерных хозяйствах Туркмении, выбранных по гнездовому методу, и что они по земельному обеспечению (в среднем на одно) приближаются к среднему типу хозяйств,— мы предполагаем, что характеристика по новым групповым признакам довольно верно отражает экономическое состояние дехканских хозяйств.

Более полные данные и точное освещение экономики хозяйств станет возможным лишь после сельскохозяйственной переписи.

А. Г. Герценштейн. Теория капиталистического рынка под редакцией и с предисловием А. Мендельсона. Изд. Комм. Академии. М. 1928 г.

Достоинством рецензируемой книги является, прежде всего, что автор не занимается в ней подробным изложением многочисленных контраверз по теории рынка, а умело систематизирует последние на основе трактуемых им основных проблем этой теории.

Удачным построением глав автору удалось выпятить узловые пункты почти всех основных направлений теории рынка и оттенить правильность пути, намеченного Марксом для разрешения сложнейшего комплекса проблем этой теории.

Первая глава рецензируемой книги посвящена постановке проблемы рынка. В ней автор дает, в общем, правильное определение понятия рынка, конституируя его с точки зрения „функциональной роли рынка в процессе воспроизводства". Установив различие между докапиталистическим рынком и капиталистическим, автор переходит к формулировке основных проблем теории рынка, сводящихся, по его мнению, к проблеме об'ема рынка, его емкости и установлению зависимости между общественным производством и общественным потреблением при капитализме.

Как ошибочное в этой главе, следует отметить утверждение автора, что в методе подхода к проблеме воспроизводства Маркс „лишь следовал Кенэ" (стр. 18). Как известно, сам Маркс был весьма далек от недооценки значения Кенэ в постановке и разрешении этой проблемы. „Бесчисленные индувидуальные акты обращения, — пишет Маркс во II томе, — с самого начала об единяются им (Кенэ. И. С.) в характерное общественно-массовое движение, в обращение между крупными функционально-определенными экономическими классами общества". [1] Этим Маркс отмечает основное достоинство схем своего предшественника, именно, то что в них впервые отразилась точка зрения общественного кругооборота веществ. Собственные же схемы Маркса характеризуются, однако, еще другими чертами, каковы наличие в них впервые научно-обоснованной всесторонне (ценностной и вещественно-технической) взаимозависимости отдельных отраслей, а также социальной определенности, которою пронизаны все составные элементы схем в их значимости для капиталистического строя.

Указанные черты схем являются бесспорно результатом преодоления Марксом физиократических предрассудков, отразившихся в схемах Кенэ. Мы уже не говорим о том, что деление капиталистического производства на производство средств производства и средств потребления, деление огромной важности для разрешения всей проблемы, всецело принадлежит Марксу. Вот почему вышеуказанное утверждение является, по крайней мере, мало обоснованным.

Во второй главе автор хотя и громоздко, но, в общем, правильно, трактует проблему простого воспроизводства. На фоне развернутых автором в этой главе отличий проблемы реализации при накоплении

[1] „Капитал", т. II, стр. 256.

капитала от той же проблемы при простом воспроизводстве, ему удается в следующей главе довольно выпукло указать об'ективные моменты, обусловившие возникновение школы скептиков, настойчиво, в течение столетия доказывавших на разные лады невозможность реализации совокупной прибавочной стоимости в условиях чистого капитализма. Заслуживает внимания попытка выделить из многочисленной плеяды писателей-скептиков (Сисмонди, Мальтус, Кирхман, Воронцов, Ник-Он) Розу Люксембург „теоретическая концепция которой,— по мнению автора,— совершенно свободна от той выпуклой мелкобуржуазной складки, которая столь характерна как для Сисмонди, так и для идейных представителей русского народничества" (стр. 55). Указав, что Роза „прекрасно воспользовалась всеми теми решающими замечаниями, которые сделал Маркс по адресу Сисмонди и др." (55), что в полном согласии с Марксом она правильно различает материальный и ценностный состав совокупного продукта, вследствие чего процесс реализации не сводится ею к простому обмену продукта на доход, наконец, что Роза отвергла как неверный, основной аргумент сисмондистской школы о необходимости для бесперебойного хода воспроизводства, строгого соответствия между размерами производства и личного потребления,—автор на дал, как нам кажется, удовлетворительного об'яснения, [1] почему при наличии всех этих предпосылок, Роза Люксембург „выступает самой ортодоксальной и самой последовательной из всех скептиков накопления капитала" (стр. 60).

Спорным является также утверждение автора, что теоретики сисмондистской школы, исключая Р. Люксембург, отрицают скорее не возможность накопления вообще, а возможность присущего капитализму усиленного темпа накопления. Если не базироваться на второстепенных моментах, а брать основные рассуждения Сисмонди и др., то в них оспаривается как-раз общая возможность накопления без помощи внешних рынков. Во всяком случае, это утверждение является лейтмотивом в изобилующих противоречиями писаниях авторов указанного направления.

В четвертой главе рассматривается проблема реализаций при расширенном воспроизводстве. Правильно развивая основную мысль марксовой теории реализации, что капиталистическое производство само создает себе рынок, автор критикует вульгарное понимание этого тезиса классиками, которые аргументировали им идею о невозможности общего перепроизводства и утверждали о тождестве в капиталистическом обществе спроса и предложения производителей и потребителей, и т. д. Общим недостатком этой главы является стремление в ней автора ограничиться лишь трактуемой темой, избегая затронуть вытекающие из его рассуждений вопросы, относящихся к проблеме кризисов, поскольку последние являются имманентной формой движения расширенного воспроизводства. Вследствие этого, многие из развиваемых автором положений носят на себе печать незаконченности. Впрочем, здесь проявляется больше методологическая трудность расчленения проблемы рынка и кризисов, чем вина автора.

Следует всячески приветствовать попытку автора, в последней части разбираемой главы, ввести в анализ проблемы накопления „наиболее крупные конкретизирующие факторы" (92), каковы кредитно-денежный механизм и торговый аппарат. Однако, большим промахом с его стороны является отвлечение при этом от пертурбирующих феноменов,

[1] Мы касаемся здесь об'яснения логических корней концепций Р. Люксембург, а не психологических, которые охарактеризованы вслед за Бухариным довольно правильно и автором.

порождаемых указанными факторами, т.-е. отвлечение как-раз от того, что представляет основную ценность введения этих факторов в анализ. При этом автор допускает некоторые неверные формулировки, вроде такой, например, что деньги „служат подсобным техническим орудием (подчеркнуто автором. И. С.) в регулярном процессе возмещения вещественных частей общественного продукта и расширения его об'ема" (94).

В отношении роли кредита, как фактора перераспределения капиталов, а также в вопросе о связи накопления ссудного и производительного капиталов, автор ограничился лишь заслуживающей внимания формулировкой относящихся сюда отдельных проблем и слишком общими указаниями по их разрешению.

Центральным местом всей книги является глава „накопление и потребление", где автор на основе детального выяснения роли потребления в процессе кругооборота общественного капитала подвергает критике известную концепцию Тугана о возможности для капиталистического производства полной эмансипации от удовлетворения общественных потребностей.

А. Г. Герценштейн не ограничивается здесь систематикой многочисленной критики Тугана, которую он (за исключением критики со стороны тов. Бухарина) правильно характеризует как неубедительную, а пытается стать на самостоятельный путь.

Прежде всего, отметим довольно удачное аргументирование автором основной мысли, выдвинутой Бухариным против Тугана, что развитие техники должно неминуемо вести к расширению производства во втором подразделении, и не может ограничиться одним лишь первым, как это полагает Туган. Автор иллюстрирует эту мысль на факте обмена между первым и вторым подразделением, в условиях, когда накопление капитала имеет место лишь в первом подразделении через превращение всей капитализируемой прибавочной стоимости в постоянный капитал, следовательно, при полной стабильности второго. Поскольку в первом подразделении имеет место рост производительности труда, как результат технических совершенствований, это должно выразиться в воплощении каждой единицы ценности воспроизведенного продукта, в большем количестве средств производства. Поэтому при обмене C_{II} на V_I второе подразделение должно получить в натуральном выражении большое количество средств производства, воплощенных в V_I, что обусловит необходимость расширения в нем производства.

Это утверждение правильно, по нашему мнению, прм том условии, если отвлечься от возможности перенесения капиталистами второго подразделения части своих капиталов в первое, что допускает Туган. [1] В этом последнем случае эффективность увеличившейся производительности труда в первом подразделении может не иметь своим последствием расширение производства второго, ибо капиталисты этого подразделения, продавая за деньги свою продукцию рабочим первого подразделения, затрачивают на воспроизводство своего постоянного капитала, понизившегося в цене, не всю вырученную сумму, а лишь такую часть ее, которая необходима для восстановления постоянного капитала в прежних натуральных размерах, перенося оставшийся неиспользованный капитал для накопления в первое подразделение.

Но если даже считать правомерным это отвлечение от возможности перенесения капиталов из второго в первое подразделение, и тогда выдвинутый автором аргумент опровергает лишь одно звено концепции

[1] Туган, „Промышленные кризисы", стр. 210, 3-е изд.

Тугана, сводящееся к утверждению, что относительное уменьшение доли дохода в общественном продукте, равнозначно уменьшению производства массы средств потребления. Однако, этим не опровергнуто еще утверждение Тугана, что „капиталистическое хозяйство не подвергается опасности даже при огромном абсолютном сокращении народного потребления“ [1] и основанный на этом утверждении вывод, что капиталистическое производство мыслимо даже, как исключительное производство угля, железа и машин ради производства угля, железа и машин.

Сам автор не оспаривает допущенной Туганом возможности расширенного воспроизводства „при сокращении размеров переменного капитала за счет соответствующего увеличения размеров постоянного капитала“ (стр. 117). Он критикует лишь утверждение Тугана, что при этом методе накопления будет иметь место уменьшение массы средств потребления. „Чем быстрее,— смело формулирует он на стр. 134,— происходит темп падения доли национального дохода, тем быстрее совершается прирост суммы предметов индивидуального потребления“.

Нам представляется эта критика неубедительной, так как, во-первых, Туган мог бы отвести ее указанием, что быстрый прирост, при этом методе накопления стредств потребления, явился бы следствием нарушения основного условия, выставляемого им для возможности реализации, именно, сохранения пропорциональности между отраслями производства. Во-вторых, допущение возможности капиталистического расширенного воспроизводства на основе абсолютно падающей величины переменного капитала, как устойчивой тенденции, погрешно потому, что этим допущением предопределяется уже возможность полного вытеснения рабочих из производства, что равнозначно возможности устранения второго подразделения, так как в подобном случае ни одна частица годового продукта первого подразделения, при пропорциональном распределении производства, не должна для своего воспроизведения быть обмененной на доход.

Поскольку автор не оспаривает самую возможность капиталистического расширенного воспроизводства на основе абсолютно уменьшающейся из года в год величины переменного капитала, постольку он вынужден базировать критику тугановского вывода из этого метода накопления о возможности полной эмансипации капиталистического производства от удовлетворения общественных потребностей, лишь на общем утверждении, что машины производятся в конечном счете для производства средств потребления, с одной стороны, и на эмпирических данных, свидетельствующих о прогрессивно возрастающем росте производства средств потребления—с другой.

Этим аргументом, однако, концепция Тугана не опровергается, ибо последний сам далек от мысли принять современную капиталистическую действитнльность за прообраз своего гипотетического капитализма, где производятся из года в год исключительно уголь, железо и машины. [2]

Туган теоретически конструирует для капитализма возможность, чтобы все производство и весь процесс реализации в нем совершались лишь в рамках первого подразделения. Это, по его мнению, возможно потому, что, во-первых, капиталистическое производство, как антагонистическое, не имеет своей целью удовлетворение потребностей общества, и, во-вторых, потому, что само капиталистическое производство создает себе рынок вне зависимости от вещественного предназначения продукта.

[1] Туган, цит. книга, стр. 212.

[2] Так, Туган пишет: „Само собой разумеется, что я называю истиной не совершенно произвольное и отнюдь не соответствующее действительности предположение будто бы замещение ручного труда машинами ведет к абсолютному сокращению числа рабочих“ (стр. 212 см. также стр. 211 и 215).

Именно эта его теоретическая конструкция не опровергается, по нашему мнению, эмпирическими фактами, так же как недостаточна для ее опровержения критика, аппелирующая к логике совокупного производственного процесса, исходящая из утверждения, что машины производятся в конечном счете для производства средств потребления.

Логическая критика Тугана должна быть дополнена, по нашему мнению, методологической критикой его; что до сих пор не сделано, несмотря на то, что исходные пункты теории рынка Тугана совершенно противоположны методологическим основам марксистской теории. Многочисленная критика Тугана потому не задевала как бы сути его концепции, так как, имея своим исходным пунктом положение, что капиталистическое производство должно и не может не быть по своим об'ективным результатам общественным производством, она оспаривала лишь выводы Тугана о возможности реализации совокупного продукта при каком-угодно состоянии общественного потребления, вплоть до полного его исчезновения. Туган же этот вывод делает, исходя из противоположного понимания природы капиталистического общества.

Не имея возможности обосновать здесь подробно связь между тугановским пониманием природы капиталистического общества и его теорией рынка, ограничимся лишь перечислением методологических моментов, непосредственно обусловивших „парадоксальный“ вышеуказанный вывод Тугана. Таковы, на наш взгляд: 1) отрицание Туганом, что целью капиталистического производства является получение прибыли; 2) утверждение на этом основании, что капиталистическое производство возможно и тогда, когда из сферы производства устранен единственный источник получения прибыли—живая рабочая сила, как это имеет место в гипотетическом его примере, где производятся исключительно машины, уголь и железо; 3) вульгарное отождествление им производительных сил в форме капитала с материально техническим аггрегатам, для которых сочетание с живой рабочей силой является случайным моментом, обусловленным лишь недоразвитостью техники; 4) плоская характеристика им основного противоречия капитализма между производством и потреблением как противоречия этического порядка, выражающегося в том, что производство может благополучно развиваться в сторону, противоположную потребностям общества, не обретающего, следовательно, экономической формы своего выражения в состоянии производства. На основе кастрированного таким образом от differentias pecifica капиталистического производства покоится теория реализации Тугана, квинт-эссенция которой сводится к попытке подпереть сэйевскую пошлость „об обмене продукта на продукт“ марксовыми схемами воспроизводства, трактуемыми при этом исключительно в аспекте технической пропорциональности между отдельными отраслями и лишенными присущих им социально-общественных черт.

Выявив методологические основы теорий рынка Тугана, марксистская критика может квалифицировать его изображение возможности капиталистической реализации, при полном устранении переменного капитала, имеющем такое же отношение к капиталистическому рынку, как иллюстрации Бем-Баверка с пустынником и заблудившимся путешественником к капиталистическому производству!

В самом деле, о какой капиталистической реализации может итти речь, когда отрицается основная цель функционирования агентов капитализма — получение прибыли и когда выключается из сферы производства единственный источник ее достижения — живая рабочая сила?

Бегло изложенные моменты методологической критики в качестве дополнения к правильным положениям логической критики, развиваемой

Герценштейном, развенчали бы раз навсегда, по нашему мнению, теорию рынка Тугана, как вытекающую якобы из схем II тома, на что так настойчиво указывает Р. Люксембург.

За недостатком места мы лишены возможности подвергнуть разбору последнюю главу рецензируемой книги „Капитализм и внешний рынок", где автор пытается, по нашему мнению, не совсем удачно, обосновать принцип балансового равновесия при анализе значимости внешнего рынка для капитализма.

Подводя итоги вышеизложенному, необходимо заключить, что книга в целом, несмотря на отмеченные дефекты, заслуживает внимания и могла бы быть вполне рекомендована студентам, углубленно прорабатывающим проблему рынка, в виде пособия, если бы автор во многих местах излишне не обременил свое живое изложение весьма сложными формулировками, к тому же громоздко построенными, что может отпугнуть от нее этот контингент читателей.

И. Софронович

Генеральный план хозяйства Урала на период 1927—41 гг. и перспективы первого пятилетия. (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Изд. Уралплана. Свердловск. 1927 г.

Изданный Уралпланом „Генеральный план хозяйства Урала" представляет собой внушительный том с текстом свыше 700 страниц и с 68 приложенными к нему таблицами, иллюстрирующими статику и динамику уральского хозяйства.

Наиболее существенную часть генерального плана составляет раздел о промышленности. В этом разделе особенно выделяется будущее лицо нового Урала, очертания которого уже определенно обозначились и в настоящее время. Рецензируемая работа старается внедрить в „инвентарь планового сознания" основную мысль об Урале не только как о важнейшем индустриальном районе, но и как об интереснейшем комбинате, где отдельные стороны экономики тесно увязываются в один прочный производственно-хозяйственный узел. Являясь индустриальным форпостом Союза ССР по отношению к восточной Азиатской части, Урал по своему географическому положению легче других районов может снабжать сибирские части средствами производства и содействовать, таким образом, их индустриализации. Большое организующее влияние по своему географическому положению Уральская область оказывает на примыкающие к ней с востока сельскохозяйственные территории.

Одной из центральных задач Урала является организация возможно более широкого использования его естественных минеральных богатств. Годовое использование железнорудных запасов, определяемое по отношению к 1926/27 г. в 0,18%, повысится к 1940/41 г. до 0,81%. По азбесту к концу периода генплана оно составит 1,42%, по магнезиту — 2,0%, по каменному углю — 0,8%. Генеральный план показывает, какие огромные природные резервы для дальнейшего роста останутся у горной промышленности Урала еще и в конце пятнадцатилетнего периода.

В отношении черной металлургии и металлообработки, генеральный план совершенно правильно и совершенно отчетливо ведет две основных линии развития: линию древесно-угольной плавки чугуна и минеральной плавки. Давно пора сознать, что Урал должен дать настоящую цену своему древесно-угольному чугуну и что перегонять высококачественный уральский чугун в рельсы и в сортовой металл — это значит совершать хозяйственное преступление. Генеральный план хорошо развертывает „шведское направление" уральского металлургического хозяйства. Нарисованная им картина развертывания производства машиностроения и металлообработки значительно укрепляет за Уралом принадлежащие ему по праву место и роль Урала, как „советской Швеции". В генеральном плане уделено достаточное внимание также и линии минеральной плавки чугуна. Магнитогорский завод правильно взят в генеральном плане не сам по себе, а как часть того большого проекта, который представляет собой Урало-Кузнецкий комбинат, построенный на базе соединения уральских железных руд и минерального топлива Западной Сибири. Урало-Кузнецкий комбинат правильно трактуется не как узко-замкнутая проблема, а как „часть того огромного хозяйственного процесса, которому исторически суждено сделаться первым этапом перемещения крупных промышленных центров с запада на восток".

Из общего количества чугуна, намечаемого к выплавке в 1940/41 г., Урал предполагает выплавить древесно-угольного — около 1,2 млн. тонн и минерального — около 1,7 млн. тонн. Общая сумма выплавки — 2,8 млн. тонн не находится в большом расхождении с наметкой центра. По предварительным предположениям Комиссии генплана СССР всего по Союзу намечается выплавить около 2,5 млн. тонн. Некоторым недостатком работы Урала в части черной металлургии следует признать отсутствие подсчетов емкости металлического рынка, по географическим условиям тяготеющего к Уралу. В плане, который будет сверстан Госпланом СССР, должна быть намечена демаркационная линия, разделяющая сферы районного влияния по металлу, с одной стороны — Урала и юга, а с другой стороны — Урала и Сибири.

Развертывание медной промышленности Урала разработано генеральным планом двумя вариантами: 1) если в течение ближайших пяти лет будут выявлены новые колчеданные месторождения, то в последующие пятилетия на них можно создать новые медеплавильные заводы и использовать накопленный на Урале опыт; 2) если же в течение ближайших пяти лет таковые месторождения не будут выявлены, то придется использовать американский опыт массовой переработки бедных медных руд путем превращения их в высокопроцентные концентраты. В отношении количества выплавленной меди в третье пятилетие нет разницы между I и II вариантами. Как тот, так и другой, предусматривал выплавку в 50 тыс. тонн. Необходимость выдвинуть в генеральном плане два варианта диктуется отсутствием геолого-разведочных работ на Урале.

Генеральный план, на основе анализа лесного фонда Уралобласти, могущего выделить для нужд промышленности громадную площадь леса, правильно предопределяет исключительное значение лесов Уралобласти в промышленной структуре края и большой вес их в народнохозяйственной жизни Союза. Одной из весьма ценных идей генерального плана Урала является идея комбинирования лесопильного производства с бумажным, при котором и возможно только всестороннее нормальное использование лесных площадей и успешная борьба с хищнической лесоэксплоатацией.

Урал обладает исключительными запасами сырья для питания крупной химической промышленности; производство минеральных кислот, щелочей и солей, производство удобрительных туков, производство лесохимических продуктов имеют на Урале мощную сырьевую базу.

Производство основного продукта химической промышленности — серной кислоты — основано на потреблении колчедана: Урал может и должен производить у себя серную кислоту без затраты сырья, используя для этой цели отходящие сернистые газы своих медеплавильных заводов. Это дает возможность выработки серной кислоты на Урале значительно дешевле, чем в других районах; это, в свою очередь, создает на Урале условия, весьма благоприятные для развития производств, потребляющих

серную кислоту, а также для вывоза кислоты во внеуральские районы. Второй основной продукт химической промышленности — сода — также имеет на Урале весьма благоприятную сырьевую базу в виде неисчерпаемых запасов в Верхне-Камском округе натурального соляного раствора и известняка.

Разведки недавнего времени показали, что Соликамские месторождения калийных солей относятся к крупным месторождениям мирового значения.

В общих предпосылках к генеральному плану, утвержденных Президиумом Госплана Союза, Урал характеризовался по своим сырьевым ресурсам, как наиболее подходящий район для устройства здесь крупного полихимического завода. Следует констатировать, что предпосылки Госплана и генеральный план Уралплана находятся в полном соответствии в смысле определения роли и значения химической промышленности на Урале.

В генплане интересен раздел о труде.

Промышленный пролетариат Урала насчитывает в своих рядах около 160 тыс. человек. Основной контингент этих рабочих (70—80%) состоит из коренного уральского населения.

На основании своих построений о темпе развертывания отдельных отраслей уральского хозяйства, генеральный план определяет потребность в рабочей силе крупной и средней промышленности, транспорта, электроустановок в 365 тыс. человек; помимо того, потребность в сезонной рабочей силе для лесозаготовок, торфяных и строительных работ определяется цифрой в 345 тыс. Соответственно потребность в дополнительной силе выражается для категории постоянных рабочих — 185 тыс. и для категории сезонных — 178 тыс. В течение 15 лет всего необходимо будет подготовить квалифицированной рабочей силы около 77 тыс. чел.

Среди других промышленных районов Урал отличается низкой технической базой и в связи с этим сравнительно низким уровнем производительности труда. По старым заводам производительность труда возрастает по наметке генерального плана на 183% по сравнению с 1926/27 г. В абсолютных цифрах она составит в 1940/41 г. 2.400 довоенных рублей на 1 рабочего в год, а по новым заводам — 9.204 руб. Если в настоящее время Урал является районом низкой производительности труда и отсталой техники, то, вместе с тем, он является районом относительно пониженной стоимости рабочей силы. Номинальный заработок уральского рабочего к 1940/41 г. возрастает на 192% по сравнению с 1926/27 г. Принимая во внимание намеченное снижение цен к 1940/41 г. на промышленные и сельские товары, генеральный план определяет в 2,5 раза повышение благосостояния рабочего класса против существующего. О степени правильности такой проектировки можно будет судить только после изучения всех районных планов.

Основной капитал уральской трестированной промышленности на 1 октября 1926 г. оценивается в 221 млн. руб. Из него на долю черной металлопромышленности приходится более половины (58%). Соответственно темпу развертывания отдельных отраслей промышленности затраты на капитальное вложение определяются по всей трестированной промышленности на весь период генплана (15 лет) суммой в 1.959 млн. руб. Потребность уральской промышленности в государственном финансировании в порядке бюджета и кредита определяется суммой в 1.074 млн. руб.

Разработанный Уралпланом топливный баланс показывает, что преобладающим видом топлива в его составе все еще являются дрова, которые занимают 88% топливного баланса. Благодаря этому весь баланс носит крайне неподвижный характер, доводя свои остатки до 45%, т.-е. почти

до половины всего состава. Весь баланс 1925/26 г. сведен в сумме 15.742 тыс. тонн условного 7.000 калорийного топлива, к 1940/41 г. он достигает 27.696 тех же единиц, т.-е. увеличивается на 76%.

Местное топливо растет в особенности в части минерального топлива (увеличение на 400%). Темп развития местного минерального топлива вполне соответствует тем предпосылкам, которые в качестве директив были даны Госпланом Союза. В очень большой степени растет также роль и привозного топлива (увеличение на 273%). Урал ближе всех других индустриальных районов находится к величайшему энергетическому центру Союза — Кузбассу. Именно на долю Урала, как это с определенностью видно из „генерального плана“, выпадает разрешение задачи развертывания производительных сил Кузбасса.

Нельзя сказать, чтобы Уралплан в своей работе надлежащим образом осветил проблему водных сил. В графе „энергетические ресурсы“ имеется лишь краткое малосодержательное указание, что запасы водной энергии Урала не установлены точно, колебания данных от 250 до 1.000 лош. сил. Вопрос о том, сколько можно взять из этой мощности при помощи плотин, оставлен открытым. В плане проводится сводная таблица энергетических запасов Урала, указывающая, что 86% всех запасов энергии приходится на ветер, 5,7% — на торф, 3,6% — на древесину, 1,7% — на ископаемые угли, 1.8% — на воду и 1,2% — на солому. Цифры учета энергии ветра в аспекте генерального плана не представляют никакого практического интереса, было бы целесообразнее вместо этих малоинтересных данных подробнее остановиться на учете водных ресурсов; тем более, что положение с этим учетом не так уже плачевно, как думает автор главы об энергетических ресурсах.

Генеральный план электрификации Урала не только указывает пути получения дешевой энергии для дальнейшего развития хозяйства Урала, но также и пути рационализации его силового оборудования. По данным 1927 г. на Урале установлено 2.088 двигателей, общей мощностью в 270 тыс. лош. сил. Половина мощности этих двигателей занята выработкой электрической энергии. Генеральный план электрификации, детально учитывая перспективы развития уральской промышленности, рост сельского хозяйства и его индустриализацию, развитие транспорта, рост населения и рост коммунального хозяйства определяет потребность электрической энергии для 1941 г. в 2.980 млн. квтч. Это составит на одного жителя в год 350 квтч. против 32,5 квтч. в 1926 г.

Генеральный план предусматривает развитие следующих районных станций: Губахинской, Челябинской, Егоршинской. Это те же самые станции, которые предусматривались еще и планом ГОЭЛРО в 1920 году. Последующие 7 лет не только не изменили намечавшейся тогда схемы строительства, но, наоборот, еще более подтвердили ее правильность и необходимость.

Подобно тому как уральское хозяйство в целом представляет собой сложное сочетание промышленности, сельского и лесного хозяйства, так и сельское хозяйство Урала представляет собой сложное сочетание различных типов хозяйства. Большая ценность раздела сельского хозяйства генплана Урала заключается в том, что весь этот раздел насыщен географическим содержанием и открывает перспективы специализации сельскохозяйственного производства отдельных частей территории.

Некоторым недостатком плана следует признать отсутствие наметки перспектив пушного и рыболовного хозяйства. Тобольский север, занимающий обширную часть территории Уральской области и представляющий собой весьма большое своеобразие в структуре своего хозяйства, не нашел еще себе достаточного места и признания в построениях гене-

рального плана. Прошло уже почти пять лет, как район этот включен в орбиту Урала, пора уже вплотную подойти к организации там хозяйства. Можно было ожидать большего внимания к этому району со стороны Урала в его генеральном плане.

Следует отметить также в разделе сельского хозяйства генплана отсутствие разработки вопроса о сельскохозяйственной электрификации. Нужно сказать, что даже в работе Уралплана, относящейся к 1925 году и посвященной пересмотру плана электрификации, этому вопросу было уделено большое внимание.

Генеральный план уральского хозяйства впервые в плановых построениях Урала подошел вплотную к транспортной проблеме Уральской области и, что весьма существенно, на ряду с железнодорожным транспортом он уделяет значительное внимание и водному транспорту и вообще безрельсовым путям.

Железнодорожное строительство на Урале в истории его развития диктовалось преимущественно укреплением связи с Сибирью, но не интересами уральской промышленности, отсюда преобладающее значение на Урале железных дорог широтного направления.

В основе плана железнодорожного строительства лежит правильная идея создания соединений меридионального направления, т.-е. именно такого направления, которое соответствовало бы основным стержням экономико-географической природы Урала. Это соединение к западу от Уральского хребта разрешается основной магистралью Оренбург — Уфа — Пермь — Печора, а к востоку от хребта — проведением ряда линий, которые дадут соединение от Пелыма до Челябинска и дальше на юг. Затраты по горнозаводским линиям в общей сложности длиной в 617 *км* при варианте постройки второго пути составляют 75 млн. руб., а при варианте перевода на электрическую энергию — 56,8 млн. руб. Эти предварительные подсчеты говорят за рациональность перехода горнозаводской линии к электрификации, дающей возможность увеличить пропускную способность в 1,3—3 раза.

Вопросам водного транспорта генплан Урала придает особое значение, так как в силу слабого развития других видов транспорта на Урале и особой структуры местного его хозяйства речные пути Урала долго еще будут использоваться для обслуживания местных связей и для создания выхода местных продуктов на отдельные рынки по дешевым путям. Наиболее существенными задачами и мероприятиями в этой области генплан выдвигает восстановление крайне запущенного водного хозяйства области, магистрализацию таких крупных водных артерий как Кама, Обь, Иртыш с Тоболом.

Вопросы промышленности, энергетики, сельского хозяйства и транспорта являются наиболее существенными частями генплана Урала. Остальная часть книги занимает сравнительно подчиненное место. Это—вопросы торговли, жилищного строительства, коммунального хозяйства, социально-культурных мероприятий и бюджета. Соотношение частей следует признать соответствующими удельному весу отдельных отраслей уральского хозяйства. По вопросу общей архитектоники всей работы следует отметить недостаточное развитие ее синтетической части. Чрезвычайно интересная сама по себе и весьма содержательная тема „Общие предпосылки генерального плана", почему-то вылилась в III главу и попала между трудовыми и энергетическими ресурсами, между тем как по содержанию своему она должна бы предшествовать изложению отдельных частей, так как основной мотив этой главы — руководящие идеи генерального плана. Нет главы, освещающей такую чрезвычайно важную проблему, как социально-классовые отношения.

Проработка генерального плана хозяйства Урала является сама по себе такой обширной задачей, что, разумеется, не могла быть выполнена иначе, как с привлечением широкого ряда лиц — отдельных специалистов. Тем тяжелее и ответственнее работа редакционной коллегии. Ее большое влияние и руководящая рука видны на всем протяжении книги, однако, видна также и некоторая мозаичность построения всей книги. Вся работа в целом значительно бы выиграла, если бы отдельные части ее больше сжать, а синтетические части значительно развернуть и усилить. Это обстоятельство не должно, разумеется, быть поставлено в вину Уралплану, так как центр весьма торопил с окончанием работы и компановка книги в связи с поставленными сроками представляла собою чрезвычайно трудную задачу.

Отдельные недостатки не прекрывают колоссальной ценности работы и ее значения для задач планирования.

П. Степанов

Контрольные цифры пятилетнего плана сибирской промышленности на 1927/28—1931/32 гг., стр. 93+74 стр. табл.

Сводный производственно-финансовый план сибгоспромышленности на 1927/28 г., стр. 52,+таблицы и диагр. на 171 стр.

Издания Сибкрайсовнархоза, Новосибирск, 1928 г.

Указанные издания теснейшим образом друг с другом связаны: „Сводный производственно-финансовый план сибгоспромышленности на 1927/28 г." представляет первый годовой отрезок „Контрольных цифр пятилетнего плана сибирской промышленности на 1927/28—1931/32 гг.". Основные показатели промфинплана совпадают с соответствующими показателями первого года пятилетки. Таким образом, в этих двух планах Сибири дается связанное целое, где отсутствуют имевшие место в прежних планах разрывы. Необходимо при этом отметить, что Сибирь одним из первых районов приступила к разработке перспективных планов и что рецензируемые контрольные цифры по пятилетнему перспективному плану промышленности являются уже шестой сибирской сводной работой в области планирования. Представляется поэтому в высокой степени интересным проследить не только то, что рисуется для Сибири в хозяйственном отношении, но и вопрос о том, каковые имеются достижения в самой технике планирования.

Рассматривая перспективы сибирской промышленности сравнительно с проектировкой по Союзу в целом (проектировка ВСНХ Союза), мы видим, что по главнейшим показателям как снижение заводской себестоимости, снижение отпускных цен, рост средне-месячной зарплаты, наблюдается полное совпадение в построениях. В эти проблемы сибирская работа вносит недопустимо мало оригинального. В других показателях, также основных, наоборот, имеются значительные расхождения. Валовая продукция, например, по заводской себестоимости 1926/27 г. за пять лет запроектирована по Союзу на +108 %, а по Сибири на +220,8 %; количество постоянных рабочих — по Союзу на +26,9 %, а по Сибири на +47,6 %. Равным образом расходятся коэфициенты и по динамике основного капитала: по Союзу последний растет на +74,5 %, а по Сибири +146,4. На основе одних этих коэфициентов нельзя, однако, судить о степени достоверности предположений, так как известно, что рубль нарастания к рублю дает 100 % прироста и тот же рубль к 100 рублям только 1 %. Это соображение в отношении Сибири приходится принять тем более, что удельный вес промышленности там весьма низкий.

Для первого пятилетия Сибирь намечает политику более форсированного развития производства предметов широкого потребления.

Удельный вес этой части производства с 47,1% поднимется к концу пятилетия до 50.5%. Обратную картину мы имеем по Союзу в целом, где рост продукции предметов широкого потребления несколько отстает (+80,8% за пятилетие) от роста продукции орудий и средств производства (+96,0%). [1] Такой характер перспектив сибирской промышленности, по об'яснениям авторов пятилетки, обусловлен тем, что в этом пятилетии еще не могут сказаться результаты капитального строительства тяжелых отраслей промышленности. И только во II пятилетии, когда будет пущен в ход Тельбесский металлургический комбинат с его заводами сельскохозяйственного машиностроения, группа орудий и средств производства получит превалирующее значение.

Дальнейшее капиталообразование в сибирской промышленности проектируется в двух направлениях: а) по линии расширения и реконструкции существующего капитала и б) по линии новых производств и нового крупного строительства. Расширение и реконструкция местной промышленности (краевой и окружной) охватит исключительно легкую промышленность. Потребные суммы для этой цели на все пятилетие определяются в 28.853 млн. руб. На реконструкцию и расширение союзной промышленности (республиканской в Сибири нет) потребуется 65.891 млн. руб. Вся эта сумма целиком намечается в каменноугольную промышленность, распределяясь примерно равными долями на 1) открытие новых районов, 2) переоборудование и реконструкцию работающих районов, 3) жилстроительство и 4) прочее строительство. Следует отметить, что как в части местной промышленности, так и в части союзной перспективы финансирования подробно титулированы, распределяясь по отраслям и предприятиям. Больше того, каждый титул финансирования сопровожден соответствующей иллюстрацией в смысле технических и производственных эффектов. В этом отношении план развития сибирской промышленности, как и вообще всякого района, выгодно отличается своей материально-технической обоснованностью. Ценностная оболочка для районов не тяготеет в такой степени, как для планов по Союзу в целом.

Говоря о проектировках Сибкрайсовнархоза, всегда следует иметь в виду его работу в области исследования естественных богатств края. Дело в том, что значительная часть проектируемых им нового производства и нового крупного строительства базируется как-раз именно на результатах его исследовательской работы.

В проектируемом пятилетии намечается усиление сибирской промышленности следующими отраслями: 1) Тельбесский металлургический комбинат, 2) цинковый завод, 3) комбинат основной химической промышленности в Кузбассе, 4) содовый завод в Славгородском округе, 5) писчебумажный комбинат и 6) сахаро-песочный завод. Все эти отрасли, несомненно, по соображениям финансового свойства, намечаются по линии союзной промышленности. Тельбесский комбинат в основном должен включить организацию угольных и железных рудников, выжига кокса и постройку металлургического завода. По осуществлению этого комбината в настоящее время ведутся проектировочные и первоначальные подготовительные работы. Конечный производственный результат, на который делается проектируемая установка — это 0,7 млн. тонн в год. Соответствующий результат завода по сельскохозяйственному машиностроению, который должен быть пущен одновременно с металлургическими заводами, составят: молотилок 8.000 шт., сеялок 20.000 и уборочных машин 25.000. В условиях необ'ятных и удобных для сельского хозяйства пространств Сибири и большей по сравнению с привозимыми из Одессы и Зиновьевска дешевизной этих машин, экономические перспективы сельскохозяйственного машиностроения можно бы считать благоприятными. Лесохимическая промышленность Сибири в настоящее время представлена всего только одним заводом, при чем пред'являемый к этому заводу спрос удовлетворяется: по уксусному порошку на 30%, скипидару на 6%, уксусной кислоте на 1,6%, спирту за[illegible]% и канифоли на 0,1%. В условиях колоссальных лесных богатств Сибири и того факта, что у населения имеются достаточные навыки в этой области труда (война разрушила эту отрасль хозяйства, только-что начавшую развиваться), следовательно, удобный момент в смысле снабжения производства квалифицированной рабочей силой, представляется также целесообразным начать это дело.

[1] И. А. Калинников, „Перспективы промышленности на 1927/28—1931/32 гг. „План. Хоз.“, № 12, 1927 г.

То же самое приходится сказать и по поводу проектировки писчебумажного комбината.

В издании промфинплана, а равным образом, и в контрольных цифрах пятилетнего плана, Сибкрайсовнархоз приводит результаты своей исследовательской работы в области изучения растения бадана, содержащего в своем составе до 20—30% дубильных веществ. Имея в виду, что Союзу ежегодно приходится ввозить из-за границы на огромные суммы дубителей для кожевенной промышленности, легко понять, какое крупное значение приобретает в наших условиях бадан, а следовательно, и организация его использования. Контрольной пятилеткой Сибири для использования бадана намечается постройка экстрактового завода в Минусинском округе, промфинпланом же на текущий год — пока только соответствующие ассигнования на расширение изучения этого растения. Аналогичным же образом ставится вопрос о содовом производстве. Изыскания Сибкрай СНХ в Петуховских и Михайловских озерах привели к выводу, что в этих озерах имеется действительных запасов соды до 7 млн. тонн, возможные же запасы превышают указанную цифру вдвое. Запасы этой соды таковы, что ежегодно можно добывать до 702 тыс. тонн сырца, а после переработки — 260 тыс. тонн кальцината, т.-е. размер, вполне покрывающий всю потребность Союза в этом продукте. Результаты изыскательских работ должны будут найти отражение и при окончательной верстке пятилетнего плана в центре.

Нет возможности в краткой рецензии остановиться на всех проблемах, какие ставит Сибкрай СНХ на предстоящее пятилетие. Важно отметить, что часть из них имеет не только местное, но и общесоюзное значение.

Общее финансовое выражение проектируемого строительства сводится к следующему. Вложения по союзной промышленности намечены в сумме 167.924 тыс. руб. Их покрытия запроектированы на 87 с лишним процентов за счет госбюджета, 9,6% за счет собственных средств и остающиеся незначительные суммы за счет остальных источников. Вложения по местной промышленности намечены в сумме 67.060 тыс. руб. с покрытием за счет местного бюджета в 25,1%, госбюджета РСФСР — 29,2%, собственных средств — 22,8% и остальных источников — 22,9%. Нет возможности пока сказать определенно, в какой мере требования капитальных вложений по сибирской промышленности получат удовлетворение в общих финансовых ресурсах Союза. Но уже из этих данных одно ясно, что положение государственного бюджета значительно более напряженное, чем положение местного бюджета. В самом деле, местная промышленность финансируется местным бюджетом за пятилетие общей суммой в 16.868 тыс. руб. и в то же время сам бюджет получил от

местной промышленности 15.164 млн. руб. Другое дело с госбюджетом: госбюджет получает только 6.016 тыс. руб., а сам передает промышленности (союзной и местной) 166.062 тыс. руб.

Обращает на себя внимание несколько широкий размах в запроектировках отдельных элементов промышленной пятилетки. Возьмем к примеру жилстроительство. Пятилетка по Сибири, наоборот, намечает увеличение душевой нормы жилплощади на 40 %, а эта норма далеко выходит за пределы предварительных черновых наметок по Союзу. То же самое можно сказать и о росте зарплаты. Сибирская пятилетка в общем ориентируется на тот же рост зарплаты, что и по Союзу в целом. Однако, если учесть сравнительную дешевизну жизни в сибирских условиях, следует признать, что с учетом и этого фактора проектируемый ее рост реально будет более высокий.

Сибкрайсовнархоз четко нарисовал возможности своего района — его естественные ресурсы и методы рационального использования этих ресурсов.

А. Неусыпин

Журнал „Металл", № 11—12 за 1927 г. Металлопромышленность СССР за 10 лет и ее ближайшие перспективы, стр. 557 + +27 диагр.

Рецензируемый нами номер журнала „Металл" представляет исключительный интерес.

По словам редакции, книга является „первой попыткой дать систематический обзор и анализ тех процессов, которые происходили в металлопромышленности на протяжении истекшего десятилетия и обусловили все ее достижения". Следуя за периодами, пройденными нашим хозяйством, книга „охватывает ряд важнейших моментов в истории металлопромышленности: ее состояние за время мировой войны, кризис в годы военного коммунизма, процесс восстановления за 5 лет новой экономической политики и переход к коренной реконструкции технической базы металлопромышленности"... При таких задачах не приходится удивляться об'ему книги и той программе, по которой она построена. Здесь — вслед за сводными вступлением — мы имеем такую главу, как „Металлопромышленность и народное хозяйство", освещающую важнейшие экономические проблемы о значении металлопромышленности в системе народного хозяйства и ее значении в системе промышленного хозяйства, проблемы связанности и взаимной зависимости металлопромышленности с транспортом и сельским хозяйством. Следующая глава посвящена важнейшим вопросам организации металлопромышленности и, в частности, организации нового строительства и роли планового начала в металлопромышленности. В дальнейшем дается подробный очерк производства по отдельным отраслям металлопромышленности, черной металлургии, цветной металлургии, общему машиностроению, сельскохозяйственному машиностроению, судостроению, автостроению и метизам. Глава о новом строительстве служит дополнением к указанному очерку. Проблеме рационализации и стандартизации посвящен самостоятельный очерк, логически примыкающий к главе об организации металлопромышленности. Детальному анализу подвергнуты вопросы труда, себестоимости и финансов в металлопромышленности. Особый очерк дан по мало исследованному вопросу о мелкой и кустарной, а также частной и концессионной металопромышленности. Полное внимание уделено проблеме сбыта металлоизделий и в отношении организационых форм, и в части кон'юнктуры и цен и их регулирования. Наконец, интереснейший раздел об импорте металлоизделий и металлов СССР разработан с исключительной подробностью и освещает целый ряд наиболее актуальных вопросов нашего металлоимпорта и его дальнейшего направления.

Сводная картина динамики металлопромышленности приводится в предисловии к книге, написанной В. И. Межлауком. „Результатом работы металлопромышленности на протяжении истекшего десятилетия в области производства явилось увеличение продукции с 728 млн. дов. руб. в 1912 г. до 772,4 млн. дов. руб. в 1926/27 г. Особо быстрый темп развития при этом наблюдался в важнейшей отрасли металлопромышленности — машиностроении, достигшем в 1926/27 г. 142,8 % от 1912 г. Наиболее узким местом в металлопромышленности, несмотря на направление по этой линии большей части капитальных работ, продолжает оставаться черная металлургия, в 1926/27 г. не достигшая еще уровня 1912 года. На ряду с общим недостаточным развитием черной металлургии особенно резко выступает отставание в области выпуска качественных металлов". Тем не менее, автор отмечает успехи в ряде новых производств (паровозы, вагоны, авто-авио-турбо-станкостроение и пр.) и особенно подчеркивает, что производство станков, как одного из основных средств производства, в 1926/27 г. вдвое превысило об'ем довоенной продукции; при этом тов. Межлаук указывает, что в переоборудовании и реконструкции заводов большую роль играет иностранное оборудование, влитое в металлопромышленность за 10 лет в сумме около 70 млн. руб.

Больные вопросы снабжения сельского хозяйства продукцией металлопромышлености — машинами и инструментами, — исследованные с особой подробностью, выявляют (на основании анализа динамики роста отдельных элементов основного капитала в сельском хозяйстве) энергичный прирост доли мертвого инвентаря. Этот последний в значительной мере состоит из продукции металлопромышленности и характеризует возрастающую машинизацию и переход на более высокий технический уровень нашего сельского хозяйства и возрастающую роль металлопромышленности в экономике сельского хозяйства.

Чрезвычайный интерес представляет глава, посвященная общему машиностроению. Начиная с 1924/25 г., в связи с восстановлением и расширением основного капитала промышленности, „обнаруживается усиленный спрос на машины, и перед металлопромышленностью встает проблема развития собственного машиностроения". Против общего выпуска продукции машиностроения, оцениваемой для 1912 г. в 144 млн. дов. руб., 1922/23 г. дал 42 млн. дов. руб.; следующий год — 57 млн. дов. руб. и 1924/25 г. дошел до 83 млн. руб. (57,8 % от 1912 г.) При этом производство транспортных средств было очень далеко от довоенного уровня, что же касается отдельных видов промышленных машин, то, напр., по котлам уже в 1924/25 г. был достигнут довоенный уровень, по турбинам он был вдвое превышен, по станкам — также был превзойден, по текстильному оборудованию имеем удвоение выпуска.

В 1925/26 г. продукция нашего машиностроения составила 83 % довоенной, а в 1926/27 г. превысила ее не менее, чем на одну треть. „За последние годы металлопромышленности удалось достигнуть значительных результатов по развитию основных групп машиностроения, и удельный вес последнего, составлявший в общем выпуске металлопромышленности в 1912 г. 25,7 %, увеличивается в 1924/25 г. до 32,5 %, в 1926/27 г. до 41 %, а по плану пятилетки должен достигнуть в 1931/32 г. — 48,3 %". Эти цифры, весьма рельефно отражающие индустриализационный уклон в развитии нашей металлопромышленности, могут быть дополнены указанием на то, что в период восстановления металлопромышленности продукция машиностроения дошла только до 58 % довоен-

ной, в следующий период развертывания она за два года удвоилась и в перспективном плане вырастает до 307% от выпуска 1912 г.

Начиная с 1924/25 г., происходит серьезный сдвиг в сторону повышения удельного веса главнейших видов машин в общей массе продукции, что расширяет возможности покрытия нарастающего спроса в значительной части внутренним производством не только по общему об'ему, но и по качественному составу продукции.

Расширяя производство, строя новые заводы и восстанавливая старые, металлопромышленность с 254 заводов, работавших в 1922/23 г., повысила их число к 1927/28 г. до 364. Сумма капитальных вложений в металлопромышленность за пять лет восстановительного периода достигла 509 млн. руб., при чем к I/X 1927 г. в составе ее имущества оказывалось лишь около 18—20% нового имущества, служащего основой производственных процессов на новой технической базе. Эта степень обновления в машиностроении ниже других отраслей металлопромышленности, между тем, именно здесь вложения и затраты оказываются наиболее эффективными и с точки зрения непосредственного увеличения выпуска на рынок средств производства и в отношении их влияния на сокращение импорта. Между тем, в главе „Капитальные работы и новые заводы" подчеркивается следующее: „Эффективность вложений в реконструкцию машиностроительных заводов не поддается определению как вследствие направления затрат в большинстве случаев в новые производства, так и потому, что при быстром повышении мощности и изменении конструкций изготовляемых машин не удается установить сравнимого измерителя". Отсутствие оценки эффективности должно быть отнесено к недостаткам книги, а вышеприведенная цитата содержит экономически неверную установку, ибо тот измеритель, о котором говорят авторы, мог бы быть найден, например, в сопоставлении с импортом и видимой емкостью нашего рынка на данные категории машин. Проблема эффективности вложений и, в частности, проблема использования импортного оборудования, при всей условности определяющих ее показателей, имеет такое большое значение, что должна была найти специальное отражение в книге.

В очерке, касающемся импорта, отмечается, что общий прирост металлоимпорта за шесть лет — с 1921/22 по 1926/27 гг. составляет 120%, при чем наиболее энергичное расширение ввоза прошло по промышленным машинам, где импорт увеличился почти в 8 раз. Такое интенсивное нарастание импорта не дает покрытия даже видимой потребности страны в оборудовании при всех условиях роста внутреннего производства машин.

Беглый обзор содержания рецензируемого труда в достаточной мере доказывает, какой ценный вклад в нашу промышленно-экономическую литературу представляет данная книга.

Вполне избавиться от недостатков авторы все же не смогли и, напр., совсем обошли молчанием вопросы мировой металлической и, в частности, машиностроительной промышленности, которые, конечно, должны были найти себе соответствующее отражение в книге или путем введения глав в отдельные очерки или даже путем включения в книгу отдельного обстоятельного очерка, дающего фон для более наглядного восприятия и оценки развития нашей металлопромышленности. Последнее, между прочим, было бы очень облегчено сводными данными и таблицами по всей металлопромышленности СССР в целом за обзорный период; к сожалению, таких таблиц и материалов тоже нет в книге.

Л. М. Хейфец

Совхоз. Ежемесячный журнал крупного государственного сельского хозяйства. Изд. „Новая Деревня", 1927 г. № 1, 2; 1928 г. № 1 (3).

В той системе мероприятий, которые нам предстоит осуществить в связи с курсом на кооперативно-социалистическое переустройство деревни, совхозы получают ответственное задание — быть прообразом крупного технически совершенного, рационально-организованного социалистического хозяйства, наглядно показывая мелкособственнической деревне условия и преимущества крупного производства, являясь, вместе с тем, очагом агрикультурной помощи крестьянству.

Недаром мы имеем директиву XV партийного с'езда сохранить и укрепить существующую сеть совхозов.

Поэтому появление специального органа, освещающего вопросы строительства совхозов, можно только приветствовать. Тем более, что до сих пор в печати о совхозах кой-где лишь появлялось слово. После периода „хлебных фабрик" военного коммунизма о них мало вспоминали.

Содержание трех вышедших номеров, большей частью, посвящено выяснению общих задач совхозов и итогам их работы.

Из статей общего характера обращают на себя внимание статьи: Галевиуса (№ 1 и 2), Лациса (№ 1), Милютина (№ 3) и Анцеловича (№ 3).

Сжатую сводку результатов работы трестированных совхозов дает статья Ф. К. Галевиуса, „Крупное государственное сельское хозяйство к десятой годовщине Октября" (№ 1). Несмотря на крайне неблагоприятные условия развития „совхозы сделали такие сдвиги в своей работе и в области своей экономики, о каких мелкое крестьянское хозяйство может только мечтать",—пишет Галевиус. В подтверждение этого тезиса он приводит данные о динамике земельного фонда, структуры средств производства, об освоении пашни, посевной площади и организации производства. Посевная площадь крестьянского хозяйства последние три года выросла на 9,5%, а в совхозах на 33,7%, урожай в совхозах по всем культурам выше крестьянского хозяйства, основные массы совхозовских посевов — сортовые. Валовая продукция совхозов за последние 4 года возросла на 366%, а крестьянская всего на 36%. На 1 рубль основного „капитала" совхозов валовой продукции в 1927 г. приходится 297 руб., а в крестьянских хозяйствах 119 руб.

Мало в статье Галевиуса говорится о достижениях в области агрикультурного воздействия на крестьянское хозяйство. Этот вопрос освещен в интересной статье проф. Мануйлова (№ 2). Проф. Мануйлов приводит данные обследования 1.219 крестьянских хозяйств в районе деятельности 36 совхозов, произведенного НК РКИ в 1926 г. Обследованные хозяйства имеют пашни не свыше 6 *га* на хозяйство и от 60 до 100% являются безлошадными и однолошадными, т.-е. представляют именно те группы крестьянства, среди которых должны работать совхозы. Обследование показало, что организация производства и эффективность хозяйств, имеющих систематическую связь с совхозом, выше чем у неимеющих ее. Например, урожайность зерновых хлебов выше на 1,2—1,4 центнера с гектара посевной площади. Автор, однако, оговаривает, что небольшой круг обследования, а также то, что данные представлены только за один год, „не дают достаточно материала для распространения выводов на крестьянские хозяйства". Задача действительного учета этой стороны работы совхозов еще только поставлена, но не решена. Очевидно, вследствие этого обстоятельства в журнале этой проблеме отведено весьма мало места; даже в описаниях работы отдельных совхозов (в №№ 2 и 3) даны лишь отрывочные замечания.

Центральной проблемой в работе совхозов является проблема организации труда в совхозах. В рецензируемых №№ журнала этому вопросу уделено много внимания. В интересных статьях Зайцева (№ 2) и Папшева (№ 1) на ряде ярких цифр показывается нерациональная организация труда, происходящая от отсутствия в совхозах постоянных кадров пролетариата, преобладания временных рабочих, производительность труда которых низка.

Задача перехода на постоянную рабочую силу вполне разрешима,—пишет Папшев,—это может быть достигнуто путем равномерного распределения работы в течение операционного года. При этом возможно будет поднять и заработную плату рабочих, улучшить жилищные условия, чем еще более стимулировать повышение производительности труда.

Одновременно должно быть качественно улучшено руководство совхозами. Для этого необходима подготовка и переподготовка работников совхозов. На этом вопросе останавливается в своей статье Берзин (№ 1). Насколько сложна эта задача, видно хотя бы по одному тому, что сейчас мы имеем 40,9% заведующих совхозами без с.-х. образования и 23,6% с низшим образованием, т.-е. почти две трети заведующих совхозами неквалифицированы или малоквалифицированы.

Рационализация производства даст возможность решить проблему снижения себестоимости продукции совхозов, что является необходимым условием успеха совхозного строительства.

Прав тов. Кедер, говорящий в посвященной этому статье (№ 3), что „отношение крестьян к совхозам, к мероприятиям и усовершенствованиям, проводимым в совхозах, восприятие и введение преимуществ крупного социалистического сельского хозяйства в единоличном крестьянском хозяйстве, союз рабочего класса с крестьянством через совхозы,—все это упирается в вопрос о себестоимости выпускаемой совхозами продукции".

Мы далеко не исчерпали содержание вышедших номеров журнала. В них есть ряд интересных статей, заметок по специальным вопросам, а также производственных характеристик отдельных совхозов.

Недостаток журнала, вполне естественный для первых номеров, это малое участие местных работников совхозов. Но видно, что редакция принимает меры к их привлечению. Дальнейшие номера покажут, насколько удастся редакции достигнуть своей цели, „чтобы путем печатного слова в своем органе работники совхозов могли концентрировать мысли, хозяйственные достижения и опыт в области строительства совхозов".

Ал. Попов

Советское строительство. Ежемесячный политико-экономический журнал БССР, №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; июнь — декабрь 1927 года. Изд. Госплана БССР, г. Минск.

„Советское строительство" уже давно зарекомендовало себя как серьезный областной журнал.

Основное достоинство журнала заключается в том, что он держится строго в рамках хозяйства Белоруссии, прорабатывая систематически и глубоко местный экономический материал. Структура журнала определяется целиком структурой хозяйства БССР. Белоруссия — республика аграрная — и неудивительно поэтому, что в журнале больше всего места занимают статьи по сельскому хозяйству (Попелышко, Макарова, Симховича и др.). Кроме того, Белоруссия — страна лесов, и „Советское строительство" систематически и всесторонне освещает проблемы лесного хозяйства (статьи Морозевича, Ткачева и др.).

Слабое развитие промышленности и низкая доходность крестьянского хозяйства создают в Белоруссии большие излишки рабочей силы. Проблемы аграрного перенаселения и безработицы стоят здесь особенно остро. Рецензируемый журнал отражает интенсивную работу над разрешением этих больных вопросов.

Специальный отдел „За рубежом" держит читателя в курсе хозяйственного развития Польши, Эстонии, Литвы, т.-е. тех государств, которые близко примыкают к Белоруссии и являются отчасти ее конкурентами, отчасти ее покупателями.

Отдел „По округам" дает более детальную, диференцированную картину развития хозяйства Белоруссии по областям.

Удельный вес промышленности в хозяйстве Белоруссии невелик; кроме того, промышленность здесь мелкая, местного значения, и больших перспектив перед собой не имеет. Тем не менее, ряд отраслей (стекольная, кожевенная, спичечная) имеют здесь весьма благоприятные условия для развития. „Советское строительство" поэтому уделяет достаточно внимания перспективам и условиям развития этих отраслей.

Нужно, однако, сказать, что развитие как отраслей, находящихся здесь в благоприятных условиях, так и других, развертывание которых намечается в текущих и перспективных планах, не связывается в журнале с развитием промышленности во всем Союзе. Остается невыясненным, насколько темп, намечаемый для Белоруссии, действительно оправдан хозяйственною целесообразностью и соображениями разделения труда между отдельными частями Союза. Чувствуется стремление индустриализироваться, электрифицироваться во что бы то ни стало. Вряд ли, например, уместным является для аграрной и лесной Белоруссии неограниченный ничем лозунг тов. Карклина, который, по существу, повторяется и другими авторами: „все возможные средства и все силы — на усиленное капитальное промышленное строительство" (книга 11—12, Карклина, стр. 9). Этот сам по себе верный лозунг дает не совсем правильную ориентировку, поскольку журнал не уделяет достаточного внимания вопросам экономической географии для выяснения специфических хозяйственных задач и возможностей Белоруссии под углом зрения более детально изученного хозяйства Союза и в этом отношении на ряду с отделом, посвященным хозяйству стран — конкурентов и контрагентов Белоруссии вне Союза, можно было бы дать место некоторым статьям о внутренних советских областях и республиках, с которыми Белоруссии приходится сталкиваться в своем развитии.

В журнале наблюдаются недостатки и другого рода. Они сводятся в основном к одному — слабому качеству некоторых статей. Ведомственный характер одних, расплывчатость и поверхностность других и слишком специальный уклон третьих. Впечатление ведомственных докладов остается, например, от статей Шолоховича („Политика и практика зарплаты профсоюзов Белоруссии"), Рубина („Рабочая кооперация в 1925/26 г."), Гармизе („Госорганы и частный капитал"), Петровского („Работы мелиоративных товариществ Белоруссии в 1926 г."), Любецкой („Финансовые результаты рационализации аппарата в госбюджетных учреждениях") и ряд других. Переполнение цифрами и канцелярский язык являются характерными для всех этих статей. Многие из них содержат ценный материал, но этот материал все же остается не больше чем сырьем, требующим или теоретического освещения или литературной обработки.

На ряду с этими, менее удачными статьями мы с удовлетворением можем отметить ряд других статей, более оригинальных и имеющих научную ценность, как статья Макарова („К вопросу о балансе труда

в крестьянском хозяйстве БССР"), Попелышко („Денежный баланс крестьянского хозяйства") и др.

„Советское строительство" все же остается одним из лучших наших журналов. Журнал имеет свое „белорусское" лицо, которое он получил не от „природы", а выработал в результате постоянных и упорных усилий его руководителей. Большая дистанция отделяет, например, 11—12 номера 1927 года от 1 номера 1926 года, заполненного самым разнородным материалом, вплоть до совершенно не гармонирующей со всем остальным содержанием журнала статьи Вольфсона „Диалектика природы".

Журналу, однако, не надо ослаблять своих усилий по улучшению качества печатаемого материала. Кроме того „белоруссизация" журнала не должна выражаться в игнорировании общесоюзных задач.

Г. Бамдас

Наше хозяйство. Сборники, издаваемые Семипалатинской губернской плановой комиссией при ближайшем участии Губстатотдела. Сборн. 1—2, январь — февраль. 1928, стр. 182.

Рецензируемый сборник открывается статьей К.—„Краткий исторический очерк Семипалатинского края". Автор очерка, а заодно с ним и редакция, повидимому, имели в виду дать историческое введение к пониманию основных черт экономики края. Автор приводит ряд интересных фактов из истории заселения Семипалатинского края (начало заселения края русскими относится еще к XVII в.); он достаточно обстоятельно прослеживает политику царизма по отношению к казакам-киргизам, дает характеристику правовых норм, строя и быта казаков (и киргизов и русских), затем останавливается на переселенческом вопросе (этот вопрос, между прочим, освещен с большой подробностью) и завершает очерк небольшой главкой, посвященной истории городов Семипалатинского края. Однако, несмотря на такой широкий исторический охват, мы надлежащего представления о том, как складывалось хозяйство этой громадной области (до войны ее площадь определялась цифрой, примерно, в 50 млн. гектаров) не получаем.

Несколько запоздалой следует признать статью инж. Тихеева — „Экономическое значение Туркестано-Сибирской железной дороги". Основываясь на оценке экономических ресурсов Туркестана и перспективах грузооборота будущей Туркестано-Сибирской жел. дороги, автор делает общеизвестный вывод о том, что эта линия „с точки зрения народного хозяйства Союза чрезвычайно удачно разрешает целый комплекс хозяйственных экономических задач" (51). При этом инж. Тихеев совершенно правильно подчеркивает, что значение вновь сооружаемых ж.-д. линий должно определяться не столько перспективами перевозки грузов, сколько перспективами создания грузов, а в этом смысле сооружение данной дороги обещает очень многое. Приходится пожалеть, что автор статьи ограничился довольно общими (хотя и достаточно подробными) фактически уже известными подсчетами и почти обошел вопрос о значении Туркест.-Сибирской ж.-д. линии для самой Семипалатинской губернии. С точки зрения местных интересов, освещению которых и призван служить журнал, это, несомненно, понижает актуальность статьи.

Интересна по своему конкретному содержанию статья А. Самохвалова — „Мелиоративная кооперация в Семипалатинской губернии". Для Семипалатинской губернии, с полузасушливым климатом, мелиорация в форме искусственного орошения имеет исключительное значение. Однако, расположение водных источников ограничивает мелиоративные возможности в этой губернии: искусственное орошение применимо только в южной ее половине. Положение кооперативной мелиорации в губернии автор характеризует как тяжелое. Во-первых, нехватает технических сил; во-вторых, большое влияние на организацию этого дела оказывает непреодолимость расстояний: так, расстояние от Семипалатинска до организованных товариществ колеблется от 60 до 500 километров. Но все это, по мнению автора, ничто по сравнению с главной причиной — отсутствием необходимых денежных средств. Однако, даже в этих условиях достигнуты определенные положительные результаты: к 1 января 1928 г. закончены работы по устройству орошения в 29% всех товариществ губернии, а в 1928 г., в зависимости от реализации скромных заявок губернии, предполагается закончить работы еще в 10% товариществ. Насколько значительны результаты работ можно судить по нескольким убедительным цифрам, приводимым автором: средний урожай мелиорированного гектара определяется в 1,3 — 1,7 тонны, а немелиорированного — в сухие погоды 0 — 0,2 тонны, а в влажные — 0,7 — 0,8 тонны.

Ряд интересных данных приводит М. Г. в статье „Торговая сеть Семипалатинской губернии". Сопоставляя удельный вес основных категорий (разрядов) торговых предприятий в период 1923/24 — 1926/27 гг., автор устанавливает следующее: по 1 и 2 разрядам почти все 100% принадлежат частному сектору; по 3 разряду хотя и усиливается роль кооперации, но частный сектор все же продолжает доминировать (58,2%; по 4 разряду частный сектор сократился (34,1 до 24 0%), сократился и государственный сектор, но зато возрос кооперативный (с 22,2% в 1923/24 г. до 37,3% в 1926/27 г.). Наконец, по 5 разряду (оптовая торговля) возросли государственный и кооперативный секторы (последний почти вдвое), а доля частного резко снизилась — с 32,5% до 7,4%. Таким образом, торговая динамика последних лет в Семипалатинской губернии скидывается под знаком усиления кооперации за счет сокращения и государственного и частного секторов, при чем последний наиболее интенсивно вытесняется из оптовых и полуоптовых оборотов.

Следует, между прочим, отметить некоторую относительность приведенных автором данных, так как свою статью он базирует исключительно на данных патентного учета. Абсолютных же данных он не приводит. Но этот недочет не изменяет общей тенденции, о которой сказано было выше.

Приведенные статьи не исчерпывают содержания рецензируемого сборника. Отдельные очерки посвящены вопросам кредита, бюджета и сберегательного дела (в последнем, автором которого является М. Золотов, приведена достаточно разработанная социальная диференциация вкладчиков); кроме того, в сборнике напечатаны статья Е. Якубовского о городской кустарной промышленности в Семипалатинске и кон'юнктурный обзор за первый квартал 1927/28 г.

Журнал „Наше Хозяйство" нуждается в некоторой перестройке, для того чтобы сделаться органом, освещающим хозяйство губернии. Эта перестройка должна быть произведена в первую очередь за счет статей, слабо связанных с общим характером журнала и одновременно за счет сокращения размеров печатаемых статей. Таким путем сократится и об'ем журнала, что будет вполне соответствовать удельному весу экономики Семипалатинской губернии. Важно также обратить внимание и на стиль статей. Некоторые статьи из числа напечатанных в рецензируемой книге по характеру изложения напоминают подчас официальные докладные записки (например, статья И. Шункова о бюджете губернии на 1927/28 г.), к тому же перегруженные цифровым материалом.

И. Бельский

Новые книги

В. И. Ленин. О б и н д у с т р и а л и з а ц и и СССР. ГИЗ, 1928, стр. 205, цена 80 коп.

Задача настоящей книжки сводится к тому, чтобы осветить перед читателем партийную и советскую линию хозяйственного строительства СССР на основе учения Ленина о социалистическом строительстве в капиталистическом окружении, при сохранении союза рабочего класса с крестьянством.

С. Г. Струмилин. О ч е р к и с о в е т с к о й э к о н о м и к и. ГИЗ, 1928, стр. 498, цена 5 рублей.

Работа С. Г. Струмилина разбивается на две части. Первая — Р е с у р с ы — включает главы: народное богатство России, земельные и лесные богатства России, жилищный фонд, промышленные фонды СССР, промышленность СССР в 1923—26 гг., транспорт и ресурсы нашего транспорта, торговля и система кредита. Вторая часть — П е р с п е к т и в ы — целиком посвящена проблемам перспективного планирования на ближайшее пятилетие (первый и второй варианты).

Отдельные разделы этой работы уже появлялись в печати. Теперь автор их пересмотрел, исправил и дополнил новейшими данными.

Проф. З. С. Каценеленбаум. И н д у с т р и а л и з а ц и я х о з я й с т в а и з а д а ч и к р е д и т а в СССР. ГИЗ, 1928, стр. 88, цена 70 коп.

Настоящая работа воспроизводит доклад автора на ту же тему, дополненный в отдельных частях рядом замечаний и статистическими данными. Проблема индустриализации и роль кредита в процессах последней рассматривается автором в аспекте не только СССР, но и западно-европейских стран, а также и довоенной России.

А. М. Гинзбург. Э к о н о м и я п р о м ы ш л е н н о с т и, ч. II. Процесс производства и его элементы. 2-е просмотренное и дополненное издание. ГИЗ, 1928, стр. 487, цена 3 р. 50 к.

Настоящая книга представляет литературную обработку лекций, читанных автором в Институте Народного Хозяйства им. Плеханова. Второе издание дополнено автором новым фактическим и иллюстративным материалом, в частности, им были использованы некоторые материалы, собранные им во время поездки в Америку.

А. Леонтьев и Е. Хмельницкая. С о в е т с к а я э к о н о м и к а. Изд. „Московский Рабочий", 1928, стр. 127, ц. 65 к.

Книжка А. Леонтьева и Е. Хмельницкой является опытом пособия для самостоятельного изучения теоретических проблем переходного хозяйства. Авторы дают в ней систематизацию основных направлений теоретического анализа советской экономики и намечают наиболее существенные вехи для этой работы (планы, тезисы, литература).

Сергей Базыкин. О ч е р к и п о э к о н о м и к е с е л ь с к о г о х о з я й с т в а. Аграрное развитие. ГИЗ, 1928, стр. 135, ц. 1 р. 25 к.

Настоящая работа представляет опыт теоретического обоснования процессов воспроизводства в области сельского хозяйства как в условиях капитализма, так и в современной хозяйственной обстановке предметов.

П. Плешков. Н а е м н ы й т р у д в к р е с т ь я н с к о м х о з я й с т в е СССР. Под ред. и с предисловием Я. А. Яковлева. ГИЗ, 1928, стр. 114, ц. 1 р. 10 к.

Работа П. Плешкова суммирует результаты исследования наемного труда в крестьянском хозяйстве, произведенного НК РКИ СССР и его местными органами по поручению ЦК ВКП (б). В ней на ряду с определением размеров и районов найма сельскохозяйственных рабочих даны социально-экономические характеристики нанимателей и батрачества и общей организованности сельскохозяйственных рабочих; отдельно в книге выявлены существующие в настоящее время в СССР условия найма (зарплата, рабочее время и т. д.).

Проф. А. Н. Челинцев Р у с с к о е с е л ь с к о е х о з я й с т в о п е р е д р е в о л ю ц и е й. Изд. „Новый агроном". М., 1928, стр. 239, ц. 2 р. 25 к.

Книга А. Н. Челинцева в основе посвящена характеристике пространственных различий сельского хозяйства в СССР и причинному об'яснению их. Автор ограничил рассматриваемый им период дореволюционной эпохой, имея в виду революционному и послереволюционному периодам посвятить вторую часть этой работы.

Ф. Дингельштедт. А г р а р н ы й в о п р о с в И н д и и. Изд. „Прибой", 1928, стр. 140, ц. 1 р. 50 к.

Автор настоящей книги дает очерк развития аграрных отношений и крестьянского движения, сложившихся в современной Индии. Очерку предпосылается общая характеристика экономического развития страны и, в особенности, сельского хозяйства.

Электрохозяйство СССР к началу 1927/28 года. С б о р н и к с т а т е й. ГИЗ. Главэлектро ВСНХ СС Р. М. 1928, стр. 379, ц. 2 руб. 50 коп.

Настоящий сборник включает ряд статей, дающих основные сведения о состоянии электрохозяйства СССР к началу 1928 г. В числе статей приведены отдельные очерки характеризующие как электростроительство в Союзе к 1928 г., так и развитие электрификации по районам, на транспорте, в городах и т. д.

Влияние налогов на народное хозяйство СССР. Часть I. Акцизы. Фин. Издательство НКФ СССР. М., 1928, стр. 356, цена 3р. 75 к.

Книга является сборником статей ряда авторов, посвященных основным вопросам акцизной политики в практическом ее применении к основным об'ектам акцизного обложения (спирт, пиво, соль, табак и др.).

Проф. Н. Д. Силин. К р е д и т н а я п о л и т и к а Э м и с с и о н н о г о б а н к а и у с т о й ч и в а я в а л ю т а. Фин. Изд., 1928, стр. 288, ц. 4 р.

Настоящая книга является вторым изданием напечатанного в 1913 году исследования автора по вопросу об отношениях между Центральным эмиссионным банком и государством, наиболее отчетливо выраженных в деятельности Австро-Венгерского банка в Вене, ликвидировавшегося в 1923 г. Новое издание автором переработано и дополнено новыми материалами.

Проф. Э. Э. Понтович. Ф и н а н с о в ы й к о н т р о л ь. Фин. Издательство, Ленинградское отделение. Ленинград, 1928, стр. 107, ц. 1 р. 20 к.

Останавливаясь в первой главе на определении понятия и значения финансового контроля вообще, автор в следующих главах дает характеристику организации финансового контроля в государствах Зап. Европы и в старой России, затем и в СССР. Отдельная глава посвящена вопросу о контроле местных финансов.

О. А. Ерманский. Т е о р и я и п р а к т и к а р а ц и о н а л и з а ц и и. Том первый, ГИЗ, 1928, стр. XIII + 427 + иллюстративные приложения.

Настоящая работа, по заявлению автора, идет на смену предыдущей его работы — „Научная организация труда и система Тэйлора", вышедшей в 4 изданиях. Первый том, охватывает методологию проблемы рационализации, примененную к ряду практических задач отдельного промышленного предприятия.

Б. Майсель. М и р о в а я т о р г о в л я и н а ш е у ч а с т и е в н е й, ГИЗ, 1928, стр. 153, цена 60 к.

Автор в кратком изложении характеризует мировую торговлю до войны и в настоящее время, попутно освещая условия, в которых происходит борьба за рынки, за сырье и экономическое преобладание, а также торговые взаимоотношения СССР с главнейшими капиталистическими странами.

А. Тивель. В о п р о с ы м и р о в о г о х о з я й с т в а и м и р о в о й п о л и т и к и. ГИЗ, 1928, стр. 177, цена 60 коп.

Работа А. Тивеля в основе своей посвящена выявлению тенденций развития послевоенного мирового хозяйства и в связи с этим современного международного политического положения. Отдельное место в работе отведено Советскому Союзу и анализу тенденций в отношениях капиталистического мира к СССР.

М. И. Барнгольц. М и р о в о е х о з я й с т в о в ц и ф р а х и д и а г р а м м а х. Под ред. В. П. Милютина, 3 серии. Изд. Коммуниверситета им. Я. М. Свердлова. 1928 г., цена всех 3 серий 3 р. 35 к.

Настоящее задание представляет соединение наглядного и статистического (с об'яснительным текстом) отображения основных показателей мирового хозяйства по главнейшим странам (в том числе и СССР) на отдельных карточках. 1 серия (10 карточек) характеризует удельный вес важнейших государств в мировом хозяйстве; 2 серия (19 карточек) посвящена мировому, сельскому и лесному хозяйству, а 3 — мировой промышленности.

М. Г. Галкович. С о е д. Ш т а т ы и Д а л ь н е в о с т о ч н а я п р о б л е м а. ГИЗ. 1928, стр. 208, ц. 1 р. 90 к.

Работа М. Г. Галковича посвящена американской политике на Дальнем Востоке и, в первую очередь, в Китае, развернувшейся на фоне ожесточенного соперничества с другими империалистическими странами (Япония, Англия и др.). На ряду с этим автор подробно останавливается на выяснении экономических и политических интересов каждой из крупных держав в Китае.

С. Файнберг и П. Хорович. В ы в о з а м е р и к а н с к о г о к а п и т а л а з а г р а н и ц у. Изд. „Московский Рабочий", 1928 г., стр. 69, ц. 40 к.

Брошюра представляет собой краткий справочник по вопросу вложения американского капитала как в отдельных частях С.-А.С.Ш., так и за границей (в европейскую промышленность, в народное хозяйство Африки, Азии, Австралии и Ново-Зеландии).

М. Батуев. М и р о в ы е и с т о ч н и к и с ы р ь я. ГИЗ. 1928. Стр. 148. Ц. 1 р. 25 к.

Цель настоящей работы — осветить сырьевую проблему современного мирового капитализма и дать анализ ее на основе изучения главнейших рынков сырья (уголь, нефть, железо, цветные металлы, текстильное сырье, каучук и лес). Завершается работа главой, посвященной анализу продовольственной проблемы мирового капитализма. Книга снабжена графиками и таблицами.

И. Файнгар. М и р о в о е х о з я й с т в о п о с л е в о й н ы и е г о п р о т и в о р е ч и я. ГИЗ, 1928. Стр. 93. Ц. 50 коп.

Брошюра И. Файнгара посвящена популярному изложению происшедших в послевоенном мировом капиталистическом хозяйстве изменений и выявлению основных противоречий. Брошюра затрагивает исключительно экономическую сторону противоречий современного капитализма.

П. Степанов. Уральская область, с приложением очерка: Башкирская АССР. Изд. „Плановое Хозяйство". М. 1928. Стр. 116 + 1 геогр. карта Ц. 1 р. 35 к.

К. Миротворцев. Ленско-Байкальский район. Изд. то же. Стр. 100 + 1 геогр. карта. Ц. 1 р. 60 коп.

Обе книжки являются выпусками экономико-географических очерков СССР, при чем как первая, так и вторая работы, давая всестороннюю характеристику своих районов, снабженную многочисленными иллюстрациями, построены на основе учета районного направления экономической географии госплановского районирования.

Местные книги

Местное хозяйство Азербайджанской Сов. Соц. Республики (1924/25—1926/27). Изд. Госплана АССР. Баку. 1928. Стр. 146. Цена 1 р. 50 к.

Цель настоящей работы—дать обзор развития местного хозяйства Азербайджанской ССР за указанное трехлетие. Начало этого обзора взято с 1924/25 г. по той причине, что до апрельской революции 1920 г. в Азербайджане фактически не было никаких четко выявленных организаций местного хозяйства, что нашло свое отражение в деле использования отчетных материалов.

Нижне-Волжская область. Сборник статей. Изд. Саратовского Губисполкома. 1928. Стр. 85 + 3 карты.

Настоящий сборник представляет ряд самостоятельных очерков, посвященных характеристике хозяйства организуемой ныне Нижне-Волжской области. Открываясь очерком „Основные принципы районирования в применении к Нижнему Поволожью" сборник включает отдельные главы, дающие оценку области в сельскохозяйственном отношении, в промышленном, транспортном и т. д. На ряду с этим в сборнике дана характеристика административных границ и системы намечаемых округов.

М. Л. Кострикин

Топливный баланс деревни

Опыт разработки

Наша экономическая литература скупо освещает вопросы топлива в крестьянском хозяйстве. Какие виды топлива потребляет крестьянство, какое количество его сжигается ежегодно, в какую сумму обходится топливо, каковы ценностные соотношения между разными видами топлива и каковы намечающиеся тенденции в этой важнейшей области народного хозяйства,— вот примерный ряд вопросов, требующий ясного разрешения в интересах планового хозяйства. В трудах различных авторов частично вопросы эти ставятся, но лишь попутно, при разрешении других специальных задач исследования. Вследствие этого получающиеся частичные выводы страдают неполнотой и неясностью. Здесь можно указать на целый ряд работ, в которых говорится о количественной стороне, например, дров, потребляемых сельским населением. При этом получаются некоторые средние душевые нормы дров. Но остается совершенно не ясным, в какой части эти исчисленные дровяные нормы покрывают собой всю годовую потребность крестьянина в топливе. Создается впечатление, как будто авторы и не подозревают даже, что на ряду с дровами (швырком), на ряду с разными древесными отходами, о которых тоже не все авторы говорят, существует масса всяких суррогатов топлива, являющихся побочными продуктами земледельческого производства и играющими весьма заметную роль в топливном балансе. Таковы работы: В. И. Майера[1] — „Распределение лесов Европ. России по районам и областям, установленным Госпланом," неизвестных авторов[2] — „Лесное хозяйство и перспективы его развития", Е. М. Тарасова[3] — „Лесные богатства СССР", П. Н. Быкова[3] — „Современное состояние лесного хозяйства", наконец, „Баланс народного хозяйства за 1923/24 г." (ЦСУ, Москва, 1926 г.).

Для возможности сравнения получающихся у различных авторов выводов приходится подвергать эти последние некоторой предварительной обработке, так как распространяются они не на одинаковые территории. В. И. Майер дает порайонные душевые нормы дров для всей Европейской части Союза, приводя население районов, согласно переписи 1920 года, и беря недостающие сведения о населении некоторых районов по материалам 1916 г.

Авторы же книги „Лесное хозяйство и перспективы его развития", давая свои нормы дров по тем же районам, за исключением территории Украины, но с прибавлением Сибири и Дальнего Востока, принимают население этих районов по данным НКВД на 1 января 1924 года. Исключая из подсчетов В. И. Майера районы Украины, а из подсчетов

---

[1] „Труды Госплана", кн. II, Москва, 1923 г.
[2] Изд. НКЗем, М. 1924 г.
[3] Издательство „План. Хоз.", Москва, 1925 г.

авторов„ Лесного хозяйства“ — районы Сибири и Дальнего Востока, делаем выводы довольно сравнимыми. При этом душевая средняя норма дров у В. И. Майера получается 1,235 *куб. м* обыкновенной несплошной кладки, а у ученых работников НКЗема — 0,882 *куб. м*, т.-е. норма Майера на 40% выше. [1]

Затем в обоих этих источниках говорится о том, что крестьяне для отопления употребляют и другие виды древесного топлива, — сучья, вершинник, хворост и т. д., при чем В. И. Майер оценивает эти добавки таким же, как и норма дров, дровяным эквивалентом, т.-е. 1,235 *куб. м*, а авторы кн. „Лесное хозяйство и перспективы его развития“ — в 20% указываемой ими нормы, т.-е. $0{,}882 \times 0{,}2 = 0{,}1764$ *куб. м*. Таким образом, норма древесного топлива по Майеру для крестьянского населения на территории всей Европейской России (без Украины) получается равной в дровяном эквиваленте 2,470 *куб. м* не сплошной кладки и по исчислениям ученых НКЗема 1,0585 *куб. м*. Выходит, что норма Майера на целых 133,4% выше.

Ни о каком другом топливе В. И Майер далее не упоминает, тогда как авторы книги „Лесное хозяйство“..., называя полученные ими нормы голодными, добавляют, что в малолесистых районах крестьяне употребляют на топливо разные суррогаты, как-то: солому, кизяк, а в некоторых районах торф, не пытаясь дать количественное определение этих суррогатов, но утверждая, что в общей сложности их топливная потребность удовлетворяется почти полностью.

Другие два исследователя, Е. М. Тарасов и П. Н. Быков, при исследовании вопроса о потреблении дров сельским населением говорят о крестьянстве в общесоюзном масштабе. Первый для 1913 г. при населении в 118,6 млн. душ крестьян на теперешней территории Союза получил среднюю душевую норму в 2,457 *куб. м*; второй, применив порайонные нормы Тарасова для населения 1923/24 года, [2] получил среднюю душевую норму в 2,532 *куб. м*, каковая, по его мнению, слагается на 90% из дров — 2,279 *куб. м* и на 10% — из разных древесных отходов — 0,253 *куб. м*.

Основываясь на данных „Баланса народного хозяйства за 1923/24 г.“ ЦСУ, можно определить среднюю душевую норму дров, исходя из населения за этот год в 113.848,5 тыс. душ, в 2,714 *куб. м* обыкновенной кладки.

Выписываем все эти данные для наглядности в виде таблички (см. табл. на след. стр.)

В этой таблице данные строчек 2 и 3 по территории вполне сравнимы между собой так же, как данные строчек 5 и 6 сравнимы между собой. Строчки 1 и 4 приведены как имеющие свой самостоятельный интерес, будучи взяты из указанных источников.

Ничего нет удивительного, что при таких разноречивых данных даже по одному только виду топлива, по швырковым дровам, Топливная секция Госплана СССР до сих пор не включает в свои контрольные и перспективные балансы крестьянского расхода топлива. Но приведенные цифры не только разноречивы, они страдают неопределенностью, ибо на них нельзя смотреть и как на меру полной топливной потребности, так как ни в одном из этих источников не учтены все виды потребляемого деревней топлива.

[1] Мы произвели подсчеты и при предположениях другого рода: а) для взвешивания норм брали население районов по Майеру в сбоих случаях, — средняя норма Майера выходила на 40,87% больше нормы авторов „Лесного хозяйства“, б) население брали, согласно авторам „Лесного Хозяйства“, — норма Майера выходила больше на 40,72%.

[2] Сведения о населении П. Н. Быковым взяты по ЦСУ на 15/V 1923 г. с надбавкой 1,6%, что давало для 1923/24 г. 113,97 млн. душ.

Таблица 1

Сравнительные нормы душевого потребления древесного топлива по различным источникам

(В куб. метрах дровяного эквивалента)

Источник сведений		Нормы древесного топлива в виде		
		дров (швырок)	разных древесных отходов	Итого
1		2	3	4
Майер, В. И.	По 12 госплановским районам Евр. части Союза (вместе с Кавказом) для 1922/23 г.	1,13	1,13	2,26
„ „	Та же территория без Украины для того же года	1,24	1,23	2,47
Авторы кн. изд. НКЗема	Та же территория без Украины для 1923/24 г. . .	0,88	0,18	1,06
„ „	По всей территории Союза, но без Украины и Средне-Азиат. респ. для того же года	0,93	0,19	1,12
Тарасов, Е. М.	По всему СССР для 1913 г. .	2,46	—	2,46
„Баланс нар. хоз.“ ЦСУ	По всему Союзу для 1923/24 г.	2,71	—	2,71

В противоположность сведениям, приведенным нами в последней табличке и содержащим подсчеты дров и вообще древесного топлива у разных авторов, выпишем полученную нами норму топливной потребности и ее состав по видам топлива в переводе на дровяной эквивалент не сплошной кладки.

Таблица 2

Состав душевой нормы топлива по СССР в 1924/25 г.

Виды топлива	По весу в натуре (*кг*)		В дров. экв. (*куб. м*)	
	Абсолютно	%%	Абсолютно	%%
1	2	3	4	5
Дрова	474,58	52,90	1,1263	56,24
Хворост	175,25	19,53	0,3780	18,86
Кизяк	137,02	15,27	0,2588	12,92
Солома	56,94	6,35	0,1228	6,13
Навоз	16.80	1,87	0,0316	1,58
Торф	10.63	1,18	0,0253	1,26
Каменный уголь	2,72	0,30	0,0106	0,53
Камыш	0,86	0,10	0,0019	0,09
Будилье	0,51	0,06	0,0011	0,05
Прочее (не дифер.)	21,84	2,43	0,0461	2,30
Итого . .	897,15	100	2,0025	100,00

Этими данными устанавливается тот факт, что на древесное топливо (дрова и хворост) идет, примерно, 75% всей нормы, что все остальные суррогаты вместе не превышают 25% и что средняя крестьянская

душевая потребность в топливе равна 2 *куб. м* (0,206 куб. саж.) дров в год.

Необходимо здесь сопоставить полную душевую потребность в топливе жителя деревни с таковой же жителя города, в свое время подсчитанной тов. Струмилиным на основании анкеты ОСОТОПа и равной 2,33 *куб. м* дровяного эквивалента. Норма эта превышает норму сельского жителя на 16,29%, качественный же состав ее значительно выше, о чем красноречиво будет говорить следующая таблица.

Таблица 3

Виды топлива	Городская норма 1916 года		Сельская норма 1924/25 г.		Городская норма выше (+) или ниже (—) сельск. абс. (в *куб. м*)
	абсол. (в *куб. м*)	% %	абсол. (в *куб. м*)	% %	
1	2	3	4	5	6
Дрова (швырок)	1,82	78,26	1,13	56,24	0,70
Каменный уголь	0,39	16,80	0,01	0,53	0,38
Нефть	0,05	2,35	—	—	0,05
Прочее	0,06	2,59	0,86	43,23	— 0,80
	2,33	100,00	2,00	100,00	0,33

Не говоря уже о том, что топливная норма на 16% выше в городе, из таблицы видим, что дровяная норма на 38,2% в городе выше, нефть на деревню совсем не идет, каменный уголь на городскую душу приходится почти в 37 раз больше, зато деревня берет реванш на „прочем“ (суррогатах), которых она потребляет в 14,4 раза больше из расчета на душу.

Конечно, это средняя норма для сельского населения всего СССР; в повседневной же работе плановых органов главный интерес сосредоточивается на отдельных районах и республиках, чем мы займемся в дальнейшем изложении. Но и средняя по СССР может иметь не маловажное значение, так как от нее мы легко переходим к определению потребности всей страны в том или другом виде топлива. Так, если в работах Е. М. Тарасова потребность в дровах Союза была определена цифрой порядка 30 млн. куб. саж. для сельского населения, если по „Балансу народного хозяйства“ ЦСУ таковая близко подходила к цифре в 32 млн. куб. саж., то наша работа определяет эту потребность в дровах в 13,7 млн. куб. саж.

Также приблизительно обстоит дело с соломой. В журнале „Электрификация“ (№ 11 за 1927 год), в статье „Энергетика советского сельского хозяйства к десятилетию Октября“, автор ее А. Кажинский говорит, что в довоенное время расход соломы в качестве топлива составлял не менее 25 млн. тонн в год. Наши исчисления дают всего лишь 6.891 тыс. тонн. для 1924/25 г., при чем вместе с соломой здесь сосчитаны и камыш в количестве 102 тыс. и будилье — 60 тыс. тонн, так что одна солома составляет 6.729 тыс. тонн, — почти в 4 раза ниже цифры А. Кажинского. Надо думать, что потребление соломы крестьянами на топливо исчислено тов. Кажинским с такой же степенью точности, как и сбор соломы по Союзу: этот сбор определяется им, примерно, в 771 млн.

тонн, тогда как по данным ЦСУ, обработанным в Госплане СССР, весь сбор ее в рекордный по урожаю 1913 год не превышал 149 млн. тонн вместе с колосом и мякиной. В советское же время соответственные цифры с 1924 г. по 1927 г. будут: 78, 112, 119 и 116 млн. тонн.

Но если в вопросе об определении потребных количеств дров и соломы прежние наметки дают преувеличения, в 2,3 — 3,7 раз превышающие наши подсчеты, то в вопросе о количестве расходуемого в качестве топлива в крестьянском хозяйстве торфа дело обстоит несколько иначе. Сведения о добыче крестьянского кустарного торфа регистрируются на местах земельными органами, которым принадлежит право контроля за выработкой торфа и установлением соответствия действительной выработки его с теми цифрами, которые даются в отчетах кустарями. Контроль этот осуществляется в интересах фиска. В 1924/25 г. добыча была обложена попудным сбором, а в следующие затем годы хотя добыча торфа сделалась и бесплатной для крестьян (постановление ЭКОСО от 25/III 1925 г.), но только в меру удовлетворения собственных нужд в торфе, а не на продажу. А между тем, всем известно, что не малая доля крестьянского торфа идет на отопление городов и местной промышленности. Указанные обстоятельства создают предпосылки для систематического недоучета торфа, добытого кустарным способом. Благодаря любезности заведующего торфяным отделом Наркомзема мы можем теперь произвести сравнение данных о добыче, полученных путем прямого учета земорганами, с нашими, полученными статистически на основании бюджетного материала.

Таблица 4

Сопоставление данных о потреблении и добыче торфа крестьянами в 1924/25 г.

(В тыс. тонн)

Районы	Потребление по бюджетам	Добыча по НКЗему
1	2	3
Северо-Западн.	2,7	20,2
Западный	0,2	72,5
Центр.-Промышл.	369,3	98,4
Центр.-Черноземн.	463,2	261,5
Средне-Волжский	103,4	45,2
Уральская область	2,3	0,0
Итого . . .	941,2	497,8
Нижне-Волжский	4,6	не зарегистрировано
Казакско-Киргизск.	143,8	
Полесье	74,1	
Крым	3,9	
Белорусская ССР	34,7	
Итого . . .	261,0	—
Всего . . .	1.202,1	497,8

Данные регистрации органов НКЗема мы свели по госплановским районам, дабы не представлять излишне громоздкие таблицы.

Таблица эта интересна во многих отношениях.

Во-первых, по целым шести районам можно сравнивать наши статистические результаты с результатами прямого учета, наркомземовскими. Не удивительно, конечно, если добыча выше потребления (Сев.-Западный и Западный районы). Более удивительно, когда добыча исчисляется какими-нибудь жалкими $^0/_0{}^0/_0$ от потребления и когда по совокупности этот процент равен для 6 районов всего лишь 52,3%.

Во-вторых, по пяти районам прямой учет земорганов дал отсутствие добычи, тогда как метод бюджетного обследования крестьянских хозяйств вскрывает и по ним потребление. Лишь в случае Вятско-Ветлужского района, где земорганы фиксировали добычу около 0,8 тыс. тонн, потребление торфа крестьянами не попало в бюджетные обследования.

По двум первым районам регистрация земорганами крестьянской добычи торфа во много раз превышает его потребление самими крестьянами. Здесь, повидимому, крестьянство добывает торф, главным образом, на продажу, само же, вследствие высокой лесистости районов, предпочитает пользоваться дровами.

Наконец, по всем 12 районам (вместе с Вятско-Ветлужским) добыча, по сведениям НКЗема, составляет всего лишь 41,47% от потребления, исчисленного нами. Выходит, что по части торфа имеется в наличии значительный, раза в 2—3, недоучет потребления в сравнении с нашим.

Впрочем, работники НКЗема и сами признают, что их сведения можно считать скорее преуменьшенными.

Материал исследования

В основу нашего обследования положены крестьянские бюджеты ЦСУ за 1924/25 г. Является, прежде всего, вопрос о полноте материалов, в какой мере эти бюджеты могут служить для решения ряда поставленных нами задач, достаточны ли они для этих целей? По этому поводу мы можем сказать, что за указанный 1924/25 г. в нашем распоряжении было свыше 9.100 бюджетов крестьянских дворов с обследованным в них населением в 54.262 души. В отношении же обследованной ими территории достаточно будет заметить, что бюджеты получены по 40 губерниям, 40 округам, 11 автономным республикам и 8 автономным областям.

Известным пробелом в изученных материалах является отсутствие данных по Средне-Азиатским республикам. Этот пробел мы попытались заполнить данными дехканских бюджетов по 7 уездам Узбекской ССР за предыдущий 1923/24 г., распространив полученные нормы на все население Таджикистана и ТуркмССР и рассматривая полученные нормы, как неизменные и для 1924/25 г.

Таким образом, использованный нами бюджетный материал освещает крестьянское топливопотребление 106 территориальных единиц губернского или окружного масштаба. Если же представить при этом, что обследования ЦСУ носили гнездовый характер и что на каждой территориальной единице таких гнезд могло быть не менее, скажем, 10, то можно быть вполне убежденным, что этими бюджетами охватываются все оттенки бытовых укладов, имеющиеся в наличии по Союзу и влияющие на топливопотребление, а также и все разнообразие естественно-географической среды с особыми, в каждом случае, климатом, лесистостью, степенью доступности или защищенности от ветров, близостью к открытым водным поверхностям и т. п. обстоятельствами, имеющими также известное влияние на потребление топлива населением.

Конечно, желательно было бы охватить исследованием более высокий процент населения, но мы должны заявить, что и в приведенном масштабе материал бюджетов о потреблении топлива используется лишь впервые и более полного материала нет в природе. Здесь уместно сделать одно сопоставление.

В статье „Лесные богатства и доходы России в 1913 г.“ Е. М. Тарасов,[1] решая вопрос о норме довоенного потребления дров сельским населением всего СССР, вынужден был опираться на данные лишь по пяти территориальным единицам, — по четырем единицам уездного и одной — губернского масштаба.

Возвращаясь к табл. 5 нельзя при этом не отметить бросающегося в глаза факта, что людность обследованных хозяйств везде выше средней населенности крестьянского двора вообще. Это обстоятельство могло иметь некоторое влияние при вычислении душевых норм топлива, однако, мы решили пренебречь этим фактором: с одной стороны, правда, что более населенные хозяйства, как возможно более зажиточные, должны потреблять большие нормы топлива; с другой — большая скученность многолюдных дворов предполагает и более экономное расходование топлива. Для простоты мы приняли эти одинаково возможные тенденции взаимно компенсирующимися.

Необходимо коснуться весьма важного вопроса о качественном состоянии сырых материалов ЦСУ. Эти материалы являются одним из главных источников познания нашей экономики, и потому мы с удовлетворением отмечаем, что в вопросах топлива материалы 1924/25 г. выгодно отличаются от материалов двух предыдущих 1922/23 и 1923/24 гг.

В материалах 1922/23 г. даны сведения только о дровах, при чем мерою дров служил преимущественно „воз“. Все остальные виды топлива об'единены названием „прочее“ и указано только, на какую сумму это „прочее“ было сожжено. Материалы 1923/24 г. содержат сведения о дровах и хворосте (тоже в возах), таким образом, хворост выделен из группы „прочего“ топлива. Все же категория „прочее топливо“ продолжает оставаться нерасчлененной, но в бюджетах 1923/24 г., в отличие от предыдущего 1922/23 г., это прочее дано не только в денежной оценке, но и в пудах.

Таблица 5

Общая характеристика полноты обследования крестьянского топливопотребления

Республики Союза ССР	Обследовано				Средн. людность 1 двора	
	Территор. единиц	Количество хозяйств	Число душ	На 1 млн. населения душ	По бюджет.	По массовым данным
1	2	3	4	5	6	7
РСФСР	78	7.481	45.145	557,5	6,04	5,24
УССР (с Крым.)	17	786	3.805	155,4	4,85	4,18
БССР	1	332	2.160	612,7	6,51	5,47
ЗСФСР	3	505	3.152	738,2	6,24	4,96
Итого за 1924/25 г.	99	9.104	54.262	479,1	5,96	4,96
УзбССР за 1923/24 г. . . .	7	149	668	137,2	4,48	4,71
По всему СССР	106	9.253	54.930	465,0	5,94	4,95

[1] Издат. „План. Хоз.“, Госплан СССР, Москва, 1925 г.

В 1924/25 г. сведения о топливе получены ЦСУ в наиболее дифференцированном виде. Имеются сведения: о дровах, хворосте, соломе, торфе, угле, навозе, кизяке; изредка упоминается и „прочее“. В отдельных случаях имеются: камыш, будилье, сосновые шишки, жерди, щепа от стройки, пни. Дифференцированность топлива является большим положительным качеством сведений 1924/25 г. Но разнообразие мер, в которых топливо дается, при остутствии точных указаний, как от одних мер перейти к другим, является огромным минусом этих сведений и крайне затрудняет возможность разработки их. Так, дрова даются в погонных саженях, без указания длины полена, и в возах, без указания веса. Впрочем, часть сведений о дровах дана и в весовой величине. На основании анализа данных М. Турского („Таблицы для таксации леса“, Москва, 1910 г. изд. 7-е), мы сочли возможным всюду принимать 1 пог. сажень равной 0,25 куб. сажени, т.-е. длину полена швырка в 12 вершков, за исключением одной Ленинградской губ., где средняя длина швырка нами принята в 8,5 вершков, т.-е. 1 пог. сажень приравнивается 0,1771 куб. саж. Воз дров мы принимали за 0,125 куб. сажени, а вес 1 куб. саж. — в 250 пуд.

Хворост хотя и дается в нескольких случаях в пудах, но преимущественно в возах. Согласно ряду экспертных оценок, мы везде принимали воз хвороста равным 15 пудам. Данные о кизяке имеются и в возах, и в пудах, и в штуках. На основании анализа цен, мы сочли возможным 1 штуку кизяка приравнивать в среднем к 0,1 пуда. Вот, в сущности, главные затруднения, которые встретились нам при разработке бюджетов 1924/25 г. О некоторых других затруднениях мы укажем в своем месте. Необходимо еще упомянуть о Закавказьи. Хотя по Закавказью за интересующий нас год сведения имеются, но качественное состояние материала стоит не выше данных 1922/23 г.; топливо разделяется на дрова и „прочее“, при чем последнее большей частью лишь в общей денежной оценке и только изредка в весовых единицах.

Методы составления таблиц

Число видов топлива сокращено путем об'единения ряда сродных наименований: в дрова вошли пни и щепа от стройки; с хворостом сочитаны жерди и сосновые шишки; с соломой — камыш и будилье, навоз идет вместе с кизяком; торф идет самостоятельно; древесный уголь не вошел в учет, как учтенный уже в дровах; включен в учет уголь только в районах разработки каменного угля, где, судя по ценам, сюда вошел, главным образом, именно каменный уголь.

Все таблицы представлены в разрезе госплановских районов, при чем крестьянское население по территориям принималось по данным кн. ЦСУ — „Народное хозяйство СССР в цифрах“ (изд. 1925 г.).

Средние душевые нормы различных видов топлива для каждого района, включающего целый ряд губерний или округов, получались путем взвешивания средних душевых губернских или окружных норм на население этих территориальных единиц. Так же получались средние для отдельных республик и, наконец, всего СССР.

Для перевода натуральных видов топлива в условное 7.000 калорийное, весовое выражение их умножалось на следующие калориметрические коэфициенты; а) вес дров на — 0,44, б) вес хвороста и соломы — 0,40, в) вес торфа — 0,45, г) вес навоза и кизяка — 0.35, д) каменного угля: для Тульской губ. — 0,46, Сев. Кавказа — 0,90, Кузнецкого окр. — 1,00, Приморской губ. — 0,70, Канского окр. и Киргизской степи — 0,40, е) 1 куб. сажень дров приравнивалась 110 пудам условного топлива; ж) вес „прочего“ топлива умножался на некоторый средний коэфициент, для получения которого учитывались многие обстоятельства — наличие различных видов топлива, степень лесистости и т. п. Вследствие этого для различных мест эти коэфициенты получились разные — для Самарской губ. — 0,369; для республики Немцев Поволжья — 0,360; для Грузии — 0,396; для Армении и Азербайджана — 0,383; Узб. и Турк. ССР — 0,389;

Для получения средних душевых расходов на топливо в денежной оценке поступали совершенно так же, как для получения средних душевых норм топлива в натуре.

Все таблицы первоначально были вычислены в старых русских мерах веса и об'ема (пуды и куб. сажени) и затем переведены в метрические, принимая 1 куб. сажень равной 9,71 куб. метров, 1 тонну равной 61,05 пудов и 1 пуд равным 16,38 *кг.*

Душевые нормы потребления топлива

Можно наперед сказать, что эти нормы должны быть, вообще говоря, очень устойчивыми. Потребление топлива обусловливается, с одной стороны, техникой приготовления пищи, с другой — созданием нормальных температурных условий жилищ. Поэтому и устойчивость душевых норм должна выявляться в меру консерватизма указанных бытовых и климатических явлений. В высшей степени было бы интересным подвергнуть такому же тщательному и методическому изучению калориметрический топливный паек, приходящийся в год на 1 душу, какому изучению подвергаются ежегодно нормы питания человека и домашнего скота. Качественный состав топливных калорий и их абсолютная величина могли бы в такой же степени быть показателями нашего роста, в какой, скажем, строение бюджета нашего трудящегося говорит о прочности завоеваний октябрьских позиций.

Говоря об устойчивости, точнее говоря, калориметрической устойчивости топливных норм, мы разумеем всю страну, в согласии же с нашей темой — все крестьянское население СССР. В отдельных же местах нашего необ'ятного отечества, в зависимости от более теплого или холодного отопительного сезона 1924/25 г., потребление топлива могло и несколько колебаться в сравнении с предыдущими и последующими годами.

Табл. 6 дает представление о порайонных размерах топливных норм, исчисленных в натуре по всем потреблявшимся видам топлива.

При том углубленном изучении экономики каждого района, на которое обязывает нас плановое хозяйство, аналогичные таблицы должны быть составлены для каждого района в самом широком развернутом виде.

Вместе с районной картой плотности населения и обозначенными на ней массивами леса, торфа, минерального топлива эти таблицы будут представлять все данные для планового решения вопросов топливного хозяйства. Взятые за ряд лет, они могут выявить картину увеличивающегося благосостояния масс и качественного изменения этого благосостояния на основе планового воздействия. Текущий 1927/28 г. для крестьянского хозяйства может во многих отношениях явиться переломным, критическим. Решительный курс на коллективизацию, продолжающаяся политика индустриализации страны могут внести и в дело топливопотребления крестьянского хозяйства новые своеобразные моменты, которые необходимо во-время заметить и планово учесть. Приведенная таблица, как и следующие за ней, представляет все же как бы некоторую абстракцию, где полученные выводы по необходимости смазываются понятием средних величин. Однако, для получения этих средних, представленных в каких-нибудь 22 строках, нам пришлось вычислить 106 строк, которые, в свою очередь, тоже являются „средними“, абстракциями от еще боль-

Таблица 6

Душевые нормы потребления топлива в натуре за год

(Дрова — в *куб м* и *кг*, проч. виды топлива — в *кг*)

Районы	Дрова		Хворост	Солома	Торф	Кизяк и навоз	Каменн. уголь	Прочие	Всего в *кг*
	в куб. метр.	в *кг*							
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. РСФСР									
Сев.-Зап. район	2,158	910	229	—	0,7	—	—	—	1.140
Сев.-Восточн. „	3,523	1.486	19	—	—	—	—	—	1.505
Западный „	1,052	444	343	3	0,05	0,5	—	—	790
Центр.-Пром. „	1,286	542	271	11	25	83	4	—	936
Центр.-Черн. „	0,221	93	94	59	48	265	—	—	559
Вятско-Ветл. „	2,155	909	173	10	—	—	—	—	1.092
Средне-Волж. „	0,954	402	165	54	11	106	—	4	742
Нижне-Волж. „	0,218	92	81	16	1	393	—	3	586
Урал с Башкирией	2,666	1.124	157	14	0,3	129	—	—	1.424
Сев.-Кавк. край	0,375	158	15	270	—	404	24	—	871
Казакско-Кирг. р.	0.587	248	164	19	28	566	1	19	1.045
Сибирь	2,762	1.165	184	15	—	255	12	—	1.631
Дальн. Восток	2,732	1.152	60	132	—	53	3	—	1.400
Средн. по РСФСР	1,360	574	168	46	14	191	4	2,0	999
Б. УССР									
Полесье	1,714	723	493	20	21	—	—	—	1.257
Лесостепь	0,405	171	286	148	—	41	—	—	646
Степь	0,188	79	76	153	—	282	—	—	590
Крым	0,517	218	104	100	12	20	—	—	454
Средн. по УССР	0,522	220	246	131	3	112	—	—	712
В. БССР	1,012	427	314	—	10	—	—	—	751
Г. ЗСФСР									
Грузия	1,720	725	—	—	—	—	—	85	810
Армения	0,211	89	—	—	—	—	—	282	371
Азербайджан	1,487	627	—	—	—	—	—	69	696
Средн. по ЗСФСР	1,363	575	—	—	—	—	—	115	690
Д. Узбек. и Туркм. ССР	0,122	50	—	—	—	—	—	397	447
Средн. по СССР	1,125	475	175	58	10,2	541	3	22	897

шего количества данных. Высшей абстракцией является итоговая строка— среднее (потребление) по СССР.

Итоговая графа (10) таблицы дает представление об абсолютном весовом значении душевой топливной нормы за целый год. Трудно что-либо сказать относительно радиуса перевозок топлива без специального обследования,— для каждого изученного пункта он, конечно, особый и во многих случаях этим радиусом предопределяется потребление того или другого вида топлива, так как транспортировка топлива является важным ценообразующим фактором. Если предположить, однако, в масштабе СССР, что средние радиусы перевозок будут: для дров 15 *км*, хвороста и каменного угля 10 *км*, торфа 5 *км*, соломы 1 *км*, кизяка и навоза 0,1 *км*, для прочего 2 *км*,— в среднем для всего топлива 10,11 *км*, что составит кругло 9 тонно-*км* работы по перевозке одной душевой нормы топлива. На целую семью работа по перевозке составит около 45,3 тонно-*км*.

При среднем радиусе в 10 *км* крестьянская лошадь за рабочий день более 6 тонно-*км* не сработает, а потому для перевозки душевой нормы топлива понадобится $9:6=1{,}5$ коне-дней, а для всей семьи, в среднем из 4,95 душ,— $1{,}5\times4{,}95=7{,}5$ коне-дней.

От душевых норм в натуре переходим к исчислению общих количеств потребленного за год топлива в натуре же. Следующая таблица содержит эти сведения по тем же видам топлива.

Таблица 6 и 7 дают уже довольно ясное представление о той роли, которую в общем топливном балансе крестьянского населения играют, на ряду с дровами, всякие другие, обычно не учитываемые виды топлива. Особенно интересно отметить значение минерального топлива (торф и каменный уголь) в этом балансе: по сравнению с другими видами топлива еще крайне ничтожно.

Будет ли в ближайшем будущем прогрессировать минерализация крестьянского топливного хозяйства? Нам кажется, что да. Само собой разумеется, что для крестьянства оно (топхозяйство) навсегда будет базироваться на местных топливных ресурсах и только в исключительных случаях на дальнепривозном. Но в ряду местных топлив значатся не только древесное топливо, не только побочные продукты земледельческого труда в виде соломы, будилья, кострицы конопли и льна или подсолнечной шелухи и лузги, но и торфяные залежи сугубо местного значения, а также и ископаемые угли. С развитием добычи угля в Подмосковном бассейне, с выявлением большей четкости в лесоохранительной политике, с увеличением радиуса перевозок, понижающих конкурентноспособность дров, местное население скорее будет переходить к потреблению минеральных видов топлива, чем это делалось до сих пор. Другой вопрос, насколько экономично будет сжигание минерального топлива в крестьянских топках.

Подсчет общего потребления каменного угля за год в крестьянском хозяйстве, давший цифру, не превышающую 330 тыс. тонн в натуре, для нас кажется неожиданно малым, но, к сожалению, нам не удалось сопоставить ее с цифрами из других источников, как это сделано в отношении торфа.

Еще нагляднее роль каждого из видов топлива выявляется после перевода натуры в условное топливо, каковым в практике Госплана, как и в теплотехнической литературе, принимается 7.000 калорийное топливо. Однако, применяясь к большому удельному весу дров в топливопотреблении и к более простым для представления об'емным мерам, мы сделали итоговые графы (10) в табл. 8 в переводе на дровяной эквивалент.

Таблица 7

Общее потребление топлива в натуре за год

(Дрова — в тыс. *куб. м*, проч. виды топлива — в тыс. тонн)

Районы	Дрова		Хворост	Солома	Торф	Кизяк и навоз	Каменн. уголь	Прочее	Всего в тыс. тонн
	в тыс. куб. метр.	в тыс. тонн							
1	1	3	4	5	6	7	8	9	10
А. РСФСР									
Сев.-Запад. район	9.240	3.897	979	—	3	—	—	—	4.879
Сев.-Восточ. „	7.622	3.214	42	—	—	—	—	—	3.256
Западный „	4.498	1.897	1.467	11	0,2	2,4	—	—	3.378
Центр.-Пром. „	18.989	8.008	4.007	160	369	1.225	53	—	13.822
Центр.-Черноз. р.	2.140	902	911	571	463	2.558	—	—	5.406
Вятско-Ветлужск. р.	7.074	2.983	568	32	—	—	—	—	3.584
Средне-Волжск. р.	8.738	3.685	1.511	492	103	976	—	39	6.806
Нижне-Волжск. р.	956	403	356	68	4,6	1.719	—	14	2.565
Урал с Башкир.	19.649	8.287	1.154	106	2,3	953	—	—	10.501
Сев.-Кавказ. район	2.582	1.089	103	1.859	—	2.780	164	—	5.995
Казакско-Кирг. „	3.231	1.363	905	105	143,8	3.114	7	104	5.742
Сибирь	22.114	9.326	1.471	123	—	2.041	95	—	13.056
Дальний Восток	3.345	1.411	90	162	—	65	4	—	1.732
Итого по РСФСР	110.178	46.465	13.564	3.689	1.089	15.433	323	157	80.720
Б. УССР									
Полесье	5.915	2.495	1.702	70	74	—	—	—	4.341
Лесостепь	5.241	2.210	3.702	1.910	—	536	—	—	8.358
Степь	1.464	618	592	1.189	—	2.195	—	—	4.594
Крым	167	71	34	32	4	6	—	—	147
Итого по УССР	12.787	5.394	6.030	3.201	78	2.737	—	—	17.440
В. БССР	3.567	1.504	1.108	—	35	—	—	—	2.647
Г. ЗСФСР									
Грузия	3.406	1.436	—	—	—	—	—	167	1.603
Армения	163	69	—	—	—	—	—	218	287
Азербайджан	2.251	949	—	—	—	—	—	104	1.053
Итого по ЗСФСР	5.820	2.454	—	—	—	—	—	489	2.943
Д. Узбек.и Туркм. ССР	595	246	—	—	—	—	—	1.933	2.179
Итого по СССР	132.948	56.063	20.702	6.891	1.202	18.170	323	2.580	105.930

Таблица 8

Душевые нормы потребления топлива за год в переводе в условное

(В килограммах)

Республики и районы	Дрова	Хворост	Солома	Торф	Кизяк и навоз	Каменн. уголь	Прочее	Итого	То же в дров. экв. (в *куб. м*)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. РСФСР									
Сев.-Зап. район	400	91	—	0,3	—	—	—	491	2,652
Сев.-Вост. „	654	8	—	—	—	—	—	662	3,565
Западный „	195	137	1	0,02	0,2	—	—	333	1,797
Центр.-Пром. р.	238	108	4	11	29	1,6	—	392	2,119
Центр.-Черноземн.	41	38	24	22	93	—	—	218	1,167
Вятско-Ветлужск.	400	69	4	—	—	—	—	473	2,549
Средне-Волжский.	177	66	21	5	37	—	1,6	308	1,663
Нижне-Волжский	41	33	6	5	138	—	1,1	224	1,201
Урал. с Башкирией	495	63	6	0,2	45	—	—	609	3,279
Сев. Кавказский	70	6	108	—	141	21	—	346	1,865
Казакско-Кирг.	109	66	8	12	198	0,5	7	400	2,159
Сибирь	512	73	6	—	89	7	—	687	3,707
Дальн. Восток	507	24	53	—	18	2	—	604	3,258
Средн. по РСФСР	252	67	18	5	67	3	0,8	413	2,227
Б. УССР									
Полесье	318	197	8	10	—	—	—	533	2,871
Лесостепь	75	114	59	—	14	—	—	262	1,418
Степь	35	30	61	—	99	—	—	225	1,214
Крым	96	42	40	5	7	—	—	190	1,024
Средн. по УССР	97	98	52	1,4	39	—	—	288	1,553
В. БССР	188	126	—	4	—	—	—	318	1,713
Г. ЗСФСР									
Грузия	319	—	—	—	—	—	34	353	1,900
Армения	39	—	—	—	—	—	108	147	0,791
Азербайджан	276	—	—	—	—	—	26	302	1,627
Средн. по ЗСФСР	253	—	—	—	—	—	46	299	1,611
Д. Узбек и Туркм. ССР	23	—	—	—	—	—	154	177	0,954
Среднее по СССР	209	70	23	4,6	54	2	8	371	2,003

Таблица душевых норм в переводе на условное топливо (8) удобна в том смысле, что все виды топлива даны в одинаковых и сравнимых между собою единицах. Она позволяет для каждого района определить удельные веса каждого из видов топлива в ‰ от общего потребления, чего естественно нельзя было сделать на основании таблиц 6 и 7. Кроме того, в таком виде она толкает мысль на отыскивание коррелирующих факторов. В самом деле, отчего зависит величина душевого топливного пайка, вычисленная как у нас, в весовых и об'емных единицах условного топлива или, как это легко можно сделать, в потенциально заложенных в топливе тепловых калориях. Здесь, конечно, играют роль многие факторы. Невольно наша мысль должна остановиться на температурных константах данного географического места, так как связь продолжительности так называемого отопительного сезона с расходованием топлива для создания привычной температуры жилищ сама собой очевидна. Столь же, может быть, важным является расход топлива на приготовление пищи, при чем причина последнего расхода длится круглый год. Затем большая или меньшая обеспеченность топливом, его доступность, в конечном счете его стоимость также влияют на расход топлива. Оценка каждого из указанных факторов возможна только с помощью постановки особых наблюдений и ближайшим образом не входит непосредственно в нашу задачу. Но мы считаем не безынтересным показать корреляционную связь некоторых из указанных факторов, вычислив коэфициент корреляции по методу Пирсона, в первую очередь связь душевых норм с температурой отопительного сезона, с ценами на топливо и лесистостью. С этой целью мы обработали данные Главной геофизической обсерватории о средне-месячных температурах по 115 метеорологическим станциям за 1924/25 г. Средне-месячные температуры понадобились нам для установления продолжительности отопительного сезона в каждом из районов, при чем мы условно исходили из таких положений: при средней месячной в 7° Ц. отопления не происходит; при температуре ниже 7° начинается отопление и в жилье крестьянина температура доводится до 18° Ц. Вот эти то добавочные градусы тепла до 18° мы и подсчитали для соответственных районов за все время отопительного сезона в каждом из них и суммы этих добавочных градусов сопоставляем с душевым расходом топлива в год. Мы не будем приводить длинных таблиц, которые пришлось строить для вычисления коэфициента корреляции; для уяснения метода ограничимся лишь сравнительно краткой табличкой в тексте и примерным выводом коэфициентов (см. табл. на след. стр.).

В приведенной таблице имеются кое-где пробелы в данных. Так, благодаря отсутствию метеорологических данных по Сибири, Дальнему Востоку, Закавказской федерации и Средне-Азиатским республикам, в графе „Т“ отсутствуют данные по 6 районам.

Коэфициент корреляции для столбцов „К“ и „Т“ получился у нас равным 0,5499, или кругло 0,55, показывающий степень обусловленности расхода топлива температурным показателем отопительного сезона.

Коэфициент корреляции для „К“ и „С“ будучи отрицательным, по абсолютной величине еще выше — 0,7412. Расход топлива зависит и от цен на топливо: чем дороже топливо, тем меньше его потребляет сельское население.

Коэфициент для „К“ и „Л“ равен 0,7322; это значит, что размеры потребления топлива в сильной степени зависят и от лесистости.

Конечно, последовательность величин „Т“ „С“ и „Л“ не так уже идеально следует за величиной „К“, но все же известный параллелизм сразу чувствуется на глаз. Могущество переплетения всевозможных факторов, от которых зависит в каждом случае величина топливного пайка, вполне

Таблица 9

Таблица чисел для нахождения коэфициентов корреляции

Районы	Коррелирующие факторы				Величины для взвешивания		
	К	Т	С	Л	А	Н	М
	Нормы топлива (в кг)	Температ. показат. (в гр. Ц.)	Цены 1 тонны топлива (в руб.)	Лесистость (на 100 дум в гектарах)	Сельского населения (в тыс.)	Число метеорол. станций	Отопит. сезон (в мес).
Сибирь	687	—	7,63	3.302	8.009,1	—	—
Сев.-Восточн.	662	158	5,07	3.513	2.163,6	21	7,7
Урал и Башреспублика	609	150	8,55	643	7.369,2	3	7
Дальний Восток	604	—	8,79	7.401	1.224,4	—	—
Полесье	533	93	5,74	38	3.451,7	2	5
Северо-Зап.	491	132	7,94	382	4.282,6	12	6,62
Вятско-Ветлуж.	473	154	6,53	244	3.283,6	3	7
Казак.-Киргиз.	400	127	20,33	76	5.502,8	1	6
Центр.-Пром.	392	137	12,09	106	14.768,5	12	6,60
Грузия	353	—	14,04	129	1.981,0	—	—
Сев.-Кавказ.	346	78	17,28	44	6.888,5	7	4,31
Западный	333	113	7,94	72	4.279,0	3	6
Белорус. ССР	318	108	5,07	103	3.525,5	3	6
Средне.-Волж.	308	147	12,58	54	9.158,3	8	7
Азербайджан	302	—	21,67	84	1.514,0	—	—
Лесостепь	262	91	17,83	14	12.943,7	8	5,12
Степь	225	89	24,24	6	7.769,8	8	5
Нижне-Волж.	224	137	19,05	35	4.374,1	7	6,31
Центр.-Черноземн.	218	120	19,23	15	9.673,3	5	6,56
Крым	190	73	35,47	75	323,8	4	5
Узбек. и Турк. ССР	177	—	25,34	13	4.868,2	—	—
Армения	147	—	19,17	44	775,0	—	—
	371	—	12,52	338	118.129,7	—	—

об'ясняет наблюдающиеся отступления. Эти отступления еще заметнее, когда исчисления делаются по развернутой форме, где сопоставление производится с территориями губернского или окружного масштаба. В таких случаях и сами исчисленные коэфициенты получались у нас меньше. Так, при исчислении по развернутой форме для 48 территориальных единиц коэфициент корреляции между „К“ и „Т“ получался равным 0,5185; между „К“ и „С“—0,60; между „К“ и „Л“—0,71. Наоборот, группируя величины так, чтобы вес их, примерно, был одного порядка, достигаем явной зависимости между коррелирующими факторами, как это видно из следующей группировки (см. табл. 11, стр. 343).

Таблица 10

Общее годовое потребление топлива в переводе в условное

(В тыс. тонн)

Республики и районы	Дрова	Хворост	Солома	Торф	Кизяк и навоз	Каменный уголь	Прочее	Итого	То же в древ. эквив. (в тыс. куб. метров)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. РСФСР									
Сев.-Зап. район . .	1.715	391	—	1,2	—	—	—	2.107	11.346
Сев.-Вост. „ . .	1.414	17	—	—	—	—	—	1.431	7.713
Западный „ . .	835	587	5	0,1	0,8	—	—	1.428	7.690
Центр.-Промышлен. район	3.523	1.603	64	166	429	24	—	5.809	31.308
Центр.-Черноземный район	397	364	228	208	895	—	—	2.092	11.284
Вятско-Ветлужский район	1.313	227	13	—	—	—	—	1.553	8.369
Средне-Волжский район	1.621	605	197	47	342	—	14	2.826	15.225
Нижне-Волжский район	178	142	27	21	602	—	5	975	5.250
Урал с Башкир. . .	3.646	461	43	1	333	—	—	4.484	24.167
Северо-Кавказский район	479	41	744	—	973	147	—	2.384	12.850
Казакско-Киргизский район	600	362	42	70	1.090	3	42	2.209	11.899
Сибирь	4.103	588	49	—	715	55	—	5.510	29.687
Дальний Восток . .	621	36	65	—	23	2,5	—	747	4.029
Итого по РСФСР.	20.445	5.424	1.477	514	5.403	232	61	33.556	180.817
Б. УССР									
Полесье	1.097	681	28	33	—	—	—	1.839	9.913
Лесостепь	973	1.480	763	—	189	—	—	3.405	18.347
Степь	272	237	476	—	768	—	—	1.753	9.444
Крым	31	14	13	1,8	2,2	—	—	62	331
Итого по УССР	2.373	2.412	1.280	35	959	—	—	7.059	38.035
В. БССР . . .	662	443	—	16	—	—	—	1.121	6.041
Г. ЗСФСР									
Грузия	632	—	—	—	—	—	73	705	3.800
Армения	30	—	—	—	—	—	84	114	614
Азербайджан . . .	418	—	—	—	—	—	40	458	2.465
Итого по ЗСФСР.	1.080	—	—	—	—	—	197	1.277	6.879
Д. Узбекская и Туркменская ССР . . .	110	—	—	—	—	—	751	861	4.643
Итого по СССР .	24.670	8.279	2.757	565	6.362	232	1.009	43.874	236.415

Таблица 11

Таблица чисел при группировке районов

Группы районов	Коррелир. факторы				Величины для взвешивания		
	К	Т	С	Л	А	Н	М
Урал с Башкирией	609	161	8,46	643	7.369,2	3	7,00
Сев.-Вост., Сев.-Зап. и Вят.-Вотск.	523	142	6,62	1.030	9.729,8	36	6,83
Центрально-Промышленный . . .	392	134	11,94	109	14.768,5	12	6,60
Западный, Полесье и БССР . . .	390	107	6,21	72	11.256,2	8	5,69
Каз.-Кирг. и Нижне-Волжский . .	322	136	19,71	37	9.876,9	8	6,14
Сев.-Кавказ., Степь и Крым . . .	280	84	20,24	24	14.982,1	19	4,68
Лесостепь	262	94	17,65	14	12.943,7	8	5,12
Центр.-Черн. и Средн.-Волжск. .	261	139	15,26	34	18.831,6	13	6,77
	356	128	12,72	188	99.758,0	107	6,06

В эту последнюю табличку не вошло шесть районов, по которым нет метеорологических данных. Здесь более заметна последовательность и взаимная увязанность величин „К“, „Т“, „С“ и „Л“, которая может быть характеризована величиной коэфициента корреляции. И, действительно, делая вычисления, найдем: между „К“ и „Т“ вместо 0,55—0,67; между „К“ и „С“ вместо — 0,74 получается — 0,77; между „К“ и „Л“ вместо 0,73—0,84. К сожалению, в свое время мы не могли достать сведений о средне-суточных температурах и вынуждены были оперировать со средне-месячными, а это несомненно более грубый подход. Но даже в таком виде, при таком подходе нам удалось доказать, что стихийный процесс крестьянского топливопотребления могуче обусловлен в своей величине такими факторами, как „Т“ — наши условные показатели температуры, „С“ — цены одной тонны условного 7.000 калор. топлива, „Л“ — лесных и кустарниковых площадей в гектарах на 100 душ крестьянского населения и „М“ — продолжительность отопительного сезона в месяцах.

От душевых норм в переводе на условное 7.000 калор. (см. табл. 8) переходим к исчислению общих количеств потребленного за год топлива в тех же условных выражениях.

Табл. 10 (на 342 стр.) дает представление, между прочим, о том, как изменятся все цифры балансов по топливу, когда в эти балансы будет включаться все топливо, необходимое во всех секторах народного хозяйства СССР. Если условно допустить стабильность душевых норм города и деревни, то нижеследующая табличка даст представление об общем расходе топлива за ряд лет (см. табл. 12 на след. стр.)

Графа 8 таблички содержит цифры планируемого сектора народного хозяйства. Вероятно, не так трудно будет охватить планом потребление городского населения (графа 4), и тогда для полного планирования всем топливом Союза оставался бы крестьянский сектор, не превышающий в текущем 1927/28 году 40% всего расхода топлива.

При том же предположении стабильности норм для всего населения и неизменности удельного веса дров в этих нормах интересно представить предположительный расход дров по годам во всем народном хозяйстве Союза (см. табл. 13).

Таблица 12

Общий расход топлива во всем народном хозяйстве СССР

(В млн. тонн условного топлива)

Годы	Отоцит. потребн. населения						Промышл. техн. потреб.		Итого
	Сельское		Городское		Всего				
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1924/25	43,8	51	10,0	12	53,1	63	32,2	37	86,0
1925/26	44,1	44	10,6	11	54,7	55	44,5	45	99,2
1926/27	44,7	42	11,1	10	55,8	52	50,4	48	106,2
1927/28	45,5	40	11,5	10	57,0	50	56,1	50	113,1

Таблица 13

Примерный расход дров (швырок) в народном хозяйстве СССР

(В млн. *куб. м* не сплошной кладки)

Годы	Население						Промышл. техн. группы		Итого
	Сельское		Городское		Всего				
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1924/25	133	61	42	20	175	81	42	19	217
1925/26	134	59	45	20	179	79	49	21	228
1926/27	136	59	47	20	183	79	49	21	232
1927/28	138	58	49	20	187	78	52	22	239

Если табличка общего расхода топлива (12) говорит о неуклонном росте в удельном потреблении топлива промышленно-технической группой потребителей, то это является яркой иллюстрацией совершающегося процесса индустриализации. С другой стороны, табличка примерного расхода дров (13) говорит о значительной стабильности этого расходования городским населением (20%) и некоторого увеличения промтехнической группой за счет крестьянского сектора.

Весьма интересно заострить внимание на потреблении хвороста, под которым приходится разуметь различные древесные отходы, малоценные и обычно неучитываемые в лесной промышленности, — сучья, вершинник, ветви и т. п. В самом начале нашего исследования мы упоминали, что, например, В. И. Майер значение этих отходов в крестьянском топливном балансе приравнивает к дровам. Авторы книги „Лесное хозяйство и перспективы его развития" значение этих отходов понижают до 20% от дров, а тов. П. Н. Быков,[1] подкрепляя себя авторитетом

[1] П. Н. Быков, „Современное состояние лесного хозяйства". Изд. „План. Хоз.", Москва, 1925 год.

Селибера, даже до 10% от дров. Заранее можно сказать, что каково бы ни было действительное отношение древесных отходов к деловой древесине, практически эти отходы, как менее удобные виды топлива, как более громоздкие и трудно перевозимые, будут нацело потребляться крестьянством тех районов, где обеспеченность лесом не высока, где топливо находится вообще в минимуме. При равных же условиях обеспеченности лесом древесные отходы будут нацело пожигаться в хозяйстве там, где ведется более рационально лесное хозяйство, заинтересованное в наилучшей очистке лесов. Наоборот, там, где и обеспеченность лесом высока и лесное хозяйство в примитивном состоянии, крестьянство несомненно будет пренебрегать хворостом и вообще отходами леса, будет жечь в своем хозяйстве преимущественно дрова, как более удобные и транспортабельные, и отношение потребляемых древесных отходов к дровам несомненно будет ничтожно. В целях выявления этих отношений мы можем условно разбить все районы на три, примерно, категории: малообеспеченные лесом (до 50 *га*), со средней обеспеченностью (свыше 50 до 100 *га*) и высокообеспеченные (свыше 100 *га* на 100 душ крестьянского населения). Посмотрим, каково удельное значение древесного топлива (в % от нормы) внутри каждой из указанных категорий районов и каково отношение хвороста к дровам, при чем последнее мы исчислили двояким образом — по калориметрическому эффекту и по натуральному весу. Исчисленные нами и приводимые здесь ниже четыре добавочные таблички послужат прекрасной иллюстрацией к сказанному.

Таблица 14

Потребление древесного топлива в малообеспеченных лесом районах

Районы первой категории	Лесная площ. на 100 душ сел. населен. (в *га*)	Сельское население в млн. душ	Удельное значение древесного топлива в % калориметр. нормы			Графа 5 в % от гр. 4	% хвороста от дров по натур. весу
			Дрова	Хворост	Итого		
1	2	3	4	5	6	7	8
Лесостепь	14	12,9	28,6	43,5	72,1	152,0	167,3
Центр.-Черноземн.	15	9,7	18,8	17,4	36,2	92.7	101,1
Степь	6	7,8	15,6	13,3	28,9	85,7	96,2
Нижне-Волжский	35	4,4	18,3	14,7	33,0	80,5	88,0
Казакско-Киргизск.	42	5,5	27,2	16,5	43,7	60,5	66,1
Северо-Кавказск.	44	6,9	20,2	1,7	22,0	8,6	9,5
Итого	22	47,2	22,6	20,5	43,1	90,6	99,8

В первых трех районах, мы должны ожидать наиболее рационально ведущееся лесное хозяйство, так как значение хвороста или примерно равно значению дров, или даже более чем в 1,5 раза выше. Леса Казакско-Киргизского района, судя по табличке, тоже используются

рационально в смысле снабжения топливом, но в общем значение их другое — удерживать наступление песков пустынь на культурные пространства, расположенные западнее. Таково же, повидимому, отчасти значение лесов и Нижне-Волжского, а также Северо-Кавказского районов,— при гораздо большей обеспеченности лесом (гр. 2) потребление древесного топлива (гр. 6) вообще ничтожно. В среднем, для всей первой категории районов топливное значение древесных отходов равно значению дров.

Таблица 15

Потребление древесного топлива в районах со средней обеспеченностью лесом

Районы второй категории	Лесн. площадь на 100 душ сел. насел. (в га)	Сельское население в млн. душ	Удельное значение древесного топлива в % калорим. нормы			Гр. 5 в % от гр. 4	% хвороста от дров по натуральному весу
			Дрова	Хворост	Итого		
1	2	3	4	5	6	7	8
Западный	72	4,3	58,5	41,1	99,6	70,3	77,3
БССР	103	3,5	59,1	39,6	98,7	67,0	73,5
Полесье	38	3,5	59,7	37,0	96,7	61,9	68,7
Центр.-Пром.	106	14,8	60,8	27,6	88,4	45,4	50,0
Крым	75	0,3	50,5	22,1	77,6	43,8	47,7
Средне-Волжский . . .	54	9,2	57,5	21.5	79,0	37,3	41,0
Итого . . .	83	35,5	59,4	30,0	89,4	50,6	55,7

Полесский район Украины мог бы быть включен по обеспеченности лесом в первую категорию; здесь мы нарушили принцип классификации из того соображения, что душевая норма Полесья отличается высоким потреблением древесного топлива (96,7%) вообще и дров в частности (59.7%). В итоге, вторая категория районов также сравнительно хорошо использует на топливо древесные отходы, значение которых в среднем не ниже 50% от значения дров по калориметрическому эффекту и около 56% от натурального веса дров. Можно думать, что лесное хозяйство в этих районах ведется довольно рационально.

В последних районах древесное топливо составляет почти 92% от всего топливопотребления, достигая по некоторым всех 100%. Но значение в топливе древесных отходов спускается до ничтожных величин и в общем роль этих отходов тем менее, чем большая обеспеченность лесом. Следует отметить, что ни о каком рациональном использовании леса не приходится говорить про такие районы, как Сибирь, Дальний Восток или Сев. Восток Европейской части Союза.

Отсутствие диференцированных сведений по топливу в крестьянских бюджетах за изученный 1924/25 год по Закавказской федерации республик и в бюджетах дехкан Средне-Азиатских республик лишило нас возможности включить в анализ свыше чем 9,1 млн. душ сельского населения, но мы уверены, что точные данные о потреблении древесного топлива в этих республиках не пошли бы в разрез с изложенными соображениями, а только бы подкрепили их (см. табл. 16 и 17 на след. странице).

Таблица 16

Потребление древесного топлива в высокообеспеченных лесом районах

Районы третьей категории	Лесн. площадь на 100 душ сел. насел. (в га)	Сельское население в млн. душ	Удельное значение древесного топлива в % калорим. нормы			Гр. 5 в % от гр. 4	% хвороста от дров по натуральному весу
			Дрова	Хворост	Итого		
1	2	3	3	5	6	7	8
Северо-Западный . . .	382	4,3	81,4	18,5	99,9	22,8	25,2
Вятско-Ветлужский . . .	244	3,3	84,6	14,6	99,2	17,3	19,0
Сибирь	3.302	8,0	74,5	10,6	85,2	14,3	15,8
Урал с Башкир.	643	7,4	81,3	10,3	91,6	12,7	14,0
Дальне-Восточн.	7.401	1,2	83,9	4,0	87,9	4,7	5,2
Сев.-Вост.	3.513	2,2	98,8	1,2	100,0	1,2	1,3
Итого . . .	1.352	26,3	80,9	10,9	91,8	13,4	14,8

Таблица 17

Потребление древесного топлива в зависимости от степени обеспеченности лесом

Категории различной обеспеченности лесом	Лесн. площадь на 100 душ сел. насел. (в га)	Сельское население (в млн. душ)	Удельное значение древесного топлива в % калорим. нормы			Гр. 5 в % от гр. 4	% хвороста от дров по натуральному весу
			Дрова	Хворост	Итого		
1	2	3	4	5	6	7	8
I до 50 га	22	47,2	22,6	20,5	43,1	90,6	99,8
II свыше 50 и до 100 га.	83	35,5	59,4	30.0	89,4	50,6	55,7
III свыше 100 га	1.352	26,3	80,9	10,9	91,8	13,4	14,8
Итого . . .	363	109,0	56,3	19,8	76,1	35,3	38,8

Денежная оценка топлива

Состояние бюджетных материалов дает полную возможность сделать исчисления денежной стоимости душевой нормы топлива и показать также, как полная стоимость топливной нормы слагается из стоимостей каждого из потребляемых видов топлива по районам и республикам Союза. Не нужно при этом только забывать, что полученные таким образом как бы душевые денежные затраты за целый год не являются затратами в собственном смысле этого слова, а только оценкой топлива по средним ценам обследуемого бюджетами гнезда или района.

Сколько в действительности израсходовало крестьянство денежных средств на топливо, мы по состоянию изученного нами материала сказать не можем. Поэтому предлагаемая здесь таблица содержит сведения только по оценке топливных норм.

Таблица 18

Денежная оценка душевых норм топлива за год по всем видам топлива и по районам (в рублях)

Районы	Потреблено топлива на сумму								Средняя цена 1 тонны обезл. топл. в натуре
	Дров	Хвороста	Соломы	Торфа	Кизяка и навоза	Каменного угля	Прочего	Всего	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. РСФСР									
Казак.-Киргизский . . .	0,95	0,97	0,08	0,16	5,89	0,01	0,08	8,14	7,79
Центр.-Черноземный . .	0,83	0,57	1,03	0,59	1,15	—	—	4,17	7,46
Нижне-Волжский . . .	0,63	0,39	0,16	0,01	3,04	—	0,02	4,25	7,14
Северо-Кавказский . . .	0,53	0,06	1,69	—	3,23	0,48	—	5,99	6,88
Средне-Волжский . . .	1,89	0,70	0,45	0,07	0,74	—	0,03	3,88	5,23
Центр.-Промышл.	3,27	1,04	0,18	0,15	0,09	0,02	—	4,75	5,07
Дальний Восток	4,03	0,50	0,72	—	0,06	0,01	—	5,32	3,80
Урал и Башкирия . . .	4,30	0,47	0,06	0,00	0,36	—	—	5,19	3,64
Северо-Западный	3,41	0,48	—	0,01	—	—	—	3,90	3,42
Западный	1,96	0,65	0,03	0,00	0,00	—	—	2,65	3,35
Сибирский край	3,81	0,32	0,05	—	1,03	0,02	—	5,23	3,21
Вятско-Ветлуж.	2,65	0,38	0,05	—	—	—	—	3,08	2,82
Северо-Восточн.	3,27	0,07	—	—	—	—	—	3,34	2,22
В среднем по РСФСР. .	2,36	0,59	0,39	0,12	1,21	0,05	0,01	4,73	4,73
Б. УССР									
Крым	3,37	1,92	0,77	0,01	0,67	—	—	6,74	14,85
Степь	0,93	0,48	1,65	—	2,40	—	—	5,46	9,25
Лесостепь	1,40	1,26	1,77	—	0,25	—	—	4,68	7,25
Полесье	1,59	1,08	0,18	0,20	—	—	—	3,05	2,43
В среднем по УССР . .	1,31	1,00	1,49	0,03	0,90	—	—	4,73	6,64
В. БССР	1,08	0,49	—	0,04	—	—	—	1,61	2,14
Г. ЗСФСР									
Азербайджан	5,68	—	—	—	—	—	0,86	6,54	9,40
Армения	0,67	—	—	—	—	—	2,15	2,82	7,60
Грузия	4,55	—	—	—	—	—	0,41	4,96	6,12
В среднем по ЗСФСР .	4,25	—	—	—	—	—	0,89	5,14	7,45
Д. Узб. и Турк. СССР . .	0,85	—	—	—	—	—	3,64	4,49	10,04
В среднем по СССР . .	2,11	0,63	0,58	0,09	1,02	0,03	0,19	4,64	5,17

Таблица по оценке норм составлена таким образом, что районы каждой из союзных республик идут в порядке уменьшения (гр. 10) средней цены одной тонны обезличенного топлива в натуре.

Графа 9 таблицы содержит оценку душевых норм топлива за год и по этой графе видно, что самая высокая оценка для 1924/25 года существовала в Закавказской федерации (5 р. 14 к.), для РСФСР и УССР оценка норм оказалась одинаковой (4 р. 73 к.), затем идет оценка в Средне-Азиатских республиках (4 р. 49 к.) и, наконец, самая дешевая норма (1 р. 61 к.) в БССР при средней стоимости нормы для всего Союза в 4 р. 64 к.

В том же порядке расположения районов даем мы следующую таблицу, содержащую полную оценку потребленного в крестьянском хозяйстве всего топлива за год (см. табл. 19 на след. стр.).

Таблица 19 дает представление об оценке топлива, сжигаемого крестьянством за год в своем хозяйстве. Мы уже упоминали, что ЦСУ в своем „Балансе“ дает учет потребления лишь одних дров, при чем в 2,33 раза дает более преувеличенную цифру общего потребления дров, чем это получается на основании разработки бюджетов. В том же „Балансе“ ЦСУ дается и полная стоимость их, а именно около 439,5 млн. руб., если вычесть стоимость потребленных дров в мелкой промышленности и в учреждениях, состоящих на государственном и местном бюджетах. Отсюда средняя оценка дров для всего СССР получается равной 13 р. 81 к. за 1 куб. саж. или 1 р. 42 к. за 1 куб. метр для 1923/24 г. Как видим из последней таблицы, в нашем случае (гр. 2) стоимость дров получилась в 249,15 млн. руб. и даже вместе с хворостом она едва превышает 323 млн. руб. Значит, средняя цена дров за год повысилась свыше чем на 32% и достигла в 1924/25 году, согласно крестьянским бюджетам, 18 р. 26 к. за 1 куб. саж. или 1 р. 88 к. за 1 куб. метр. Вся же стоимость топлива, удовлетворяющего топливную нужду крестьянства, по своей оценке вышла почти на 25% выше приведенной цифры из „Баланса“ ЦСУ, достигая 548 млн. руб.

В самом начале нашего исследования мы дали коротенькую таблицу (2), рисующую вещественный состав душевой нормы топлива по Союзу. Эту табличку необходимо дополнить теперь данными о ценностном строении топливной нормы, составив их как в абсолютных, так и в процентных величинах. Таблица 20 (на стр. 351) содержит в себе эти данные.

Виды топлива в табл. 20 расположены в порядке убывающего веса, с каким каждый из них по своей оценке входит слагающим в полную стоимость душевой нормы. Графа 2 этой таблицы показывает, что из всей стоимости годовой топливной нормы в 4 р. 64 коп. (будем округлять, отбрасывая доли копейки). 2 р. 11 коп. идет на одни дрова, почти 1 рубль на кизяк и т. д., и т. п. и совсем ничтожные копейки или доли копейки на такие, как каменный уголь, навоз камыш и будилье.

Располагая виды топлива в порядке понижения цен, получим следующую табличку, которой придадим форму двух параллельных колонок.

Ряд I показывает, что в натуральном виде самым дорогим топливом, входящим составной частью в душевую норму, является каменный уголь, затем солома и т. д.; самыми дешевыми — дрова, хворост, навоз. Ряд II показывает, что наиболее дорогими по цене в крестьянском топливе являются калории из соломы, кизяка и т. д., а самыми дешевыми — из дров и навоза. Эти выводы могут показаться довольно неожиданными и требуют некоторых пояснений.

Дело в том, что районы распространения различных видов топлива весьма не одинаковы, а потому и сами средние цены на них, в сущности,

Таблица 19

Общая оценка всех видов топлива, потребленных за год в крестьянском хозяйстве
(В тыс. руб.)

Районы	Потреблено на сумму							
	Дров	Хвороста	Соломы	Торфа	Кизяка и нав.	Каменного угля	Прочего	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. РСФСР								
Казакско-Кирг.	5.221	5.320	467	864	32.417	45	452	44.785
Центр.-Черноземн.	7.984	5.522	9.980	5.730	11.104	—	—	40.320
Нижне-Волжск.	2.734	1.713	715	28	13.283	—	83	18.557
Сев. Кавказ.	3.670	429	11.618	—	22.220	3.298	—	41.234
Средне-Волжский	17.305	6.449	4.083	656	6.760	—	249	35.501
Центр.-Пром.	48.306	15.299	2.612	2.238	1.332	274	—	70.062
Дальний Восток.	4.931	610	879	—	73	13	—	6.507
Урал с Башкир.	31.657	3.530	455	8	2.671	—	—	38.321
Северо-Западн.	14.590	2.063	—	23	—	—	—	16.676
Западный	8.405	2.795	121	1	14	—	—	11.336
Сибирь	30.540	2.570	435	—	8.252	163	—	41.960
Вятско-Ветл.	8.688	1.249	173	—	—	—	—	10.110
Северо-Восточн.	7.068	157	—	—	—	—	—	7.224
Итого по РСФСР	191.098	47.706	31.539	9.548	98.124	3.793	784	382.591
Б. УССР								
Крым	1.091	621	250	4	216	—	—	2.182
Степь	7.223	3.741	12.790	—	18.648	—	—	42.402
Лесостепь	18.172	16.344	22.892	—	3.289	—	—	60.697
Полесье	5.483	3.732	628	677	—	—	—	10.520
Итого по УССР	31.968	24.438	36.561	681	22.153	—	—	115.802
В. БССР	3.803	1.715	—	145	—	—	—	5.662
Г. ЗСФСР								
Азербайджан	8.599	—	—	—	—	—	1.302	9.901
Армения	522	—	—	—	—	—	1.666	2.188
Грузия	9.016	—	—	—	—	—	812	9.828
Итого по ЗСФСР	18.137	—	—	—	—	—	3.781	21.917
Д. Узбек. и Турм. ССР	4.144	—	—	—	—	—	17.728	21.871
Всего по СССР	249.150	73.858	68.100	10.373	120.277	3.793	22.292	547.844

Таблица 20

Строение стоимости душевой нормы топлива по всему СССР

Виды топлива	Стоимость в руб. и коп.	
	Абс.	В %%
1	2	3
Дрова	2 р. 10,91 к.	45,44
Кизяк	99,63	21,47
Хворост	62,52	13,47
Солома	57,22	12,33
Проч. (не дифер.)	18,87	4,07
Торф	8,78	1,89
Каменный уголь	3,21	0 69
Навоз	2,19	0,47
Камыш	0,41	0,09
Будилье	0,37	0,08
Всего	4 р. 64,11 к.	100

Таблица 21

Средние цены крестьянского топлива по СССР
(В рублях)

Виды топлива	За тонну натурального топлива	Виды топлива	За тонну условн. (7000 калор.)
I		II	
Каменный уголь	11,84	Солома	25,12
Солома	10,05	Прочее (не дифер.)	22,07
Прочее (не дифер.)	8,73	Кизяк	20,75
Торф	8,42	Хворост	20,75
Кизяк	7,27	Торф	18,72
Будилье	7,13	Будилье	18,50
Камыш	4,80	Каменный уголь	16,30
Дрова	4,44	Камыш	11,71
Хворост	3,57	Дрова	10,09
Навоз	1,30	Навоз	3,74
В среднем	5,17	В среднем	12,52

не сравнимы. Полная законность сравнения цен могла бы быть произведена в пределах самых узких территориальных единиц, для чего нам пришлось бы в своем анализе бюджетного материала спуститься до отдельных бюджетов крестьянского двора или до небольшой совокупности этих бюджетов, полученных из одного гнезда; тогда как нам в нашей работе приходилось оперировать с совокупностями бюджетов по меньшей мере губернского или окружного масштаба. Последняя же 21 таблица имеет дело даже со всем СССР. Недостаток места не дает нам возможности остановиться на анализе цен более подробно, а потому на этом мы и закончим опыт нашего исследования.